Александр Кушнир

МАЙК НАУМЕНКО

Бегство из зоопарка

18+

ВЫРГОРОД

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Михаил «Майк» Науменко (1955–1991) — поэт, переводчик, музыкант и одна из наиболее безусловных икон «русского рока». То ли человек, то ли былинный герой. Именно поэтому его литературная биография вынуждена сочетать в себе черты исторического романа и «Одиссеи». Такова книга Александра Кушнира «Майк Науменко. Бегство из зоопарка», в которой воспоминания очевидцев событий переплетаются с неоспоримыми документами, а личные впечатления соседствуют с аналитическими выкладками. Издание завершает триптих книг автора, посвященный «жизни запрещенных людей», героями предыдущих двух томов которого были Сергей «Капитан» Курёхин и Илья Кормильцев.

- Александр Кушнир
  - ○
  - ○ Объяснительная записка
  - ○ Часть I
    - ■
    - ■ Странные объекты между светом и звуком
    - ■ Школа жизни
    - ■ Зубы Родиона
    - ■ Пески Петербурга
    - ■ Поиски стиля
    - ■ Между Вудстоком И Смольным
    - ■ Дети цветов
    - ■ Правила хорошего фона
  - ○ Часть II
    - ■
    - ■ Вкус магнитного хлеба
    - ■ Новые горизонты свободы
    - ■ Москва и москвичи
    - ■ Любовь к электричеству
    - ■ Сравнивая мифологии
    - ■ DANDY IN THE UNDERWORLD
    - ■ Неведомые наслаждения
    - ■ Молодая шпана
  - ○ Часть III
    - ■
    - ■ НОВЫЕ РОМАНТИКИ
    - ■ СКАЗКА СКАЗОК
    - ■ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ГОРОДА N

- МАТЕМАТИКА ИНКОВ
- ОДИНОКИЕ ГЕРОИ
- ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД
- ШТУРМ КАЗАНИ
- АКУСТИКА: ПРОЩАНИЕ С АНДЕГРАУНДОМ

○ Часть IV

-
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО: ТАНЦЫ НА ГРАНИ ВЕСНЫ
- КРАСОТА В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ
- ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
- ИНСТРУКЦИЯ ПО ЖИЗНИ С ПОРАЖЕНИЕМ
- ЧЕРНАЯ ПОЛОСА
- СЛАБЫЙ ТИГР
- СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА
- ЧАСТЬ МИРА, КОТОРОГО НЕТ

○ СТРАННЫЕ ДНИ

Александр Кушнир
Майк Науменко. Бегство из зоопарка

Памяти Бориса Мазина

Фото: Дима Конрадт

Днем у тебя есть всё —
Всё, ради чего стоит жить:
Дело, друзья, иногда даже деньги
И вино, и с кем его пить,

Ведь ты — звезда рок-н-ролла
(По крайней мере, так говорят)
И мальчики в грязном и душном кафе
Счастливы встретить твой взгляд
И пожать твою руку.

Но ночью…
Ночью ты опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
Что сможешь ты отдать за то, чтоб заснуть?
Что сможешь ты отдать, чтоб себя обмануть?
Эй, звезда рок-н-ролла!

Но новый день принесет покой
И вечером будет игра.
Новый день, все те же старые лица —
Как вся эта игра стара!

Но ты — звезда рок-н-ролла,
И вот ты включил аппарат…
И ты снова поешь все тот же старый блюз —
Ты играешь, ты счастлив, ты рад.

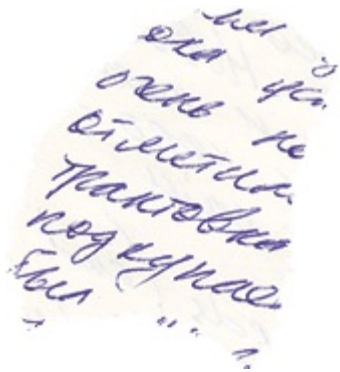
Но ночью… Ночью ты опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
И ты не помнишь, как звать ту, что спит рядом.
Не помнишь — и ладно, да и помнить не надо —
Ты — звезда рок-н-ролла!

Но кто тебя слышит? Десяток людей.
Кто тебя знает? Никто.
Им плевать на то, что ты им отдаешь —
Им важней успеть забрать пальто
Когда ты кончишь петь.

И ночью ты будешь опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
Попробуй заснуть, но никак не спится.
Эй, звезда рок-н-ролла!
И если завтра проснешься — попробуй влюбиться,
Как звезда рок-н-ролла!

Майк Науменко

Объяснительная записка (Вместо предисловия)



Сначала все было просто и понятно. Как только я завершил работу над книгой «Кормильцев. Космос как воспоминание», у меня появилась возможность зарыться в свою коллекцию пластинок шестидесятых годов. И уже осенью 2017 года я по уши погрузился в написание книги «Поколение Вудстока: герои, маргиналы, аутсайдеры». Название было немного фейковым, поскольку настоящая идея крылась в подзаголовке: «100 маргинальных альбомов золотой эпохи рока».

Всему виной, конечно, любопытство. Мне было дико интересно копаться в виниловых завалах, общаться с пластиночными дилерами и коллекционерами со всей страны. Речь шла о той безбашенной эпохе, когда музыканты тоннами жрали амфетамин и не слишком рефлексировали на предмет собственного творчества. Находившиеся на пике формы Моррисон, Джоплин и Хендрикс вовсю «жгли» на концертах, а «Ангелы Ада» еще не убили дух шестидесятых на рок-фестивале в Альтамонте.

За полгода мною была отобрана сотня редчайших пластинок кислотного фолка, шикарной психоделии, гаражной музыки и раннего панка. Параллельно я написал несколько эссе про незамутненных певиц вроде Карен Далтон или безумную группу The Holy Modal Rounders. Я конструировал необычную книгу и видел многообещающий свет в конце тоннеля — ни критика, ни комплименты не имели в тот момент никакого значения. В лесу под Киевом были подготовлены новые главы о барде-наркомане Тиме Бакли, гениальной самоучке-стоматологе Линде Перхакс и недооцененном рок-составе Liverpool Scene.

Тексты писались быстро, легко и от руки — в тетрадку с

неровными полями. Казалось, что торопиться некуда, и ничто не предвещало каких-либо катаклизмов и метаморфоз. В досуговом режиме мы с друзьями сходили на фильм Кирилла Серебренникова «Лето», который понравился своей теплотой по отношению ко времени и его героям. А вскоре гастрольные тропы занесли меня в заповедную Гжель, где на выставке местного художника и рок-активиста Юры Гаранина я увидел несколько экспонатов, взорвавших мне мозг.

Дело в том, что в середине восьмидесятых Гаранин организовывал квартирники Гребенщикова, Макаревича и Науменко, лишая гжельскую молодежь затянувшейся невинности. Следствием этих экспериментов оказались подаренные культуртрегеру картины с наивной живописью Гребенщикова, магнитоальбомы «Зоопарка» и знаменитые черные очки вокалиста — их Наташа Науменко передала Юре в день похорон Майка.

Венцом коллекции оказалось письмо лидера «Зоопарка» Андрею Макаревичу, которое было отдано Гаранину с указанием «передать лично в руки» идеологу «Машины времени». Но…. не случилось. Честно говоря, я слегка ошалел от таких нежданных богатств. Особенно мне приглянулась изготовленная Юрой фарфоровая статуэтка Майка, играющего на гитаре. Я пытался, но не смог удержаться от соблазна и попросил художника сделать мне копию. Без суеты, когда будет время.

Обложка магнитоальбома «LV», 1982

Вскоре на знаменитой киевской барахолке мне попался виниловый диск «LV». Сольный альбом Майка был в идеальном состоянии, но стоил, сука, нереально дорого. Похоже, хозяева понимали, что охотник до подобных красот когда-нибудь найдется. Как назло, на соседней полке красовался «концертник» психоделической группы Pearls Before Swine — еще одних героев будущей книги про «поколение Вудстока».

Сказать, что альбом команды Тома Раппа представлял собой «значительную ценность» — значит, не сказать ничего. Как назло, денег в тот момент хватало только на один из дисков, о чем я и сообщил продавцу — впрочем, без особой надежды.

Но тут случилось «чудо № 1». Ушлый торгаш с пропитым лицом улыбнулся и значимо сообщил, что «вырос на моих книгах». И готов отдать диск Науменко в обмен на биографию Сергея Курёхина «Безумная механика русского рока», которую в Киеве раздобыть невозможно.

Вечером того же дня, цинично конфисковав собственную книгу у родственников, я стал счастливым обладателем обеих

пластинок. Дело было — это важно — 26 августа 2018 года, накануне годовщины смерти Майка Науменко. На следующий день я вернулся в Москву, где друзья поинтересовались, не собираюсь ли я делать в соцсетях какой-нибудь пост про Майка. О приобретенном в Киеве альбоме «LV» они знать не могли, поэтому совпадение выглядело просто мистическим.

Слева направо: Кирилов, Гаранин и Майк, 1986
Фото из архива Юрия Гаранина

«А почему именно Майк?», — недоуменно спросил я. «Ну как же? — удивленные моей дремучестью, ответили боевые товарищи. — Сегодня же день его памяти!»

С некоторым опозданием я опубликовал в интернете концертное видео «Пригородного блюза», сыгранного Науменко вместе с Гребенщиковым на юбилейном фестивале Ленинградского рок-клуба. Вдруг я понял, что это выступление происходило в марте 1991 года, за пять месяцев до смерти музыканта. Глубокой ночью, держа в руках пахнущую сыростью и неизвестной жизнью пластинку «LV», я задумался: а видел ли сам Майк этот альбом?

Виниловый диск был издан в 1991 году фирмой «ЭРИО» — одним из первых независимых лейблов, посягнувших на монополию фирмы «Мелодия». «ЭРИО» создавали мои старые приятели: бизнесмен и музыкант Василий Лавров, художник Кирилл Кувырдин, журналистка Оля Немцова. Затем жизнь

разбросала их по всему свету: я Лавров затерялся где-то под Парижем, Немцова уехала из Москвы, а Кувырдин живет в Сан-Франциско, но легко вычисляется в интернете. В ответ на мой вопрос о дате выпуска пластинки Кирилл, сославшись на амнезию, перебросил меня на Немцову.

Блестящий журналист и один из промоутеров фестиваля «Рок-акустика'90», Оля Немцова уже давно обитает в Питере под фамилией Мартисова. Я написал ей письмо с вопросом, помнит ли она дату выпуска диска и держал ли Майк его в руках? В конце приписав, что мне это надо не «корысти ради», а исключительно для понимания «непреходящих ценностей» современной культуры.

Оля оперативно ответила, что альбом «LV» был выпущен при жизни Науменко.

«Я подписывала с Майком договор, — вспоминала она. — Он меня еще борщом кормил.… Смешно — когда первый раз встречались — спросил: „Как я вас узнаю?“ Я ответила, что я-то его узнаю точно. Встречались на „сквозняке“ — станции метро „Маяковская“. Он был ласков, скромен и очень удивлен тому, что нашлась фонограмма… А нашлась-то она случайно, где-то в архивах у звукорежиссера Леши Вишни».

Не без волнения прочитав эти короткие мемуары, я ощутил, насколько туманна для меня история «Зоопарка» и его предводителя. Не говоря уже о том, что подаренный Сашей Липницким документальный фильм о Науменко я даже не удосужился посмотреть. Бля, и что же мне с этим богатством теперь делать, если в самом разгаре работа над другой книгой?

Затем по ночам мне начал сниться Майк. Всевозможные сцены из жизни и стоп-кадры, по которым я его помню. Это было уже не смешно.

Как феерично он выступал на «советском Вудстоке» в Подольске осенью 1987 года. Степень его алкогольного помутнения была незаметна, а сам концерт в «Зеленом театре» напоминал выход в открытый космос — без скафандров, но с электрогитарами. Неудивительно, что все карманные деньги я спустил тогда на фотки «Зоопарка», продававшиеся за кулисами. А примерно через год вырезал из молодежного журнала «Парус» концертный снимок Майка, который затем долго возил по разным странам — как один из экспонатов выставки подпольной рок-прессы 80-х годов.

Или другой сон. О том, как Науменко в ноябре 1988 года появляется в гримерке буквально за несколько минут до выхода на сцену переполненных Лужников — в рамках концерта памяти Саши Башлачёва. Помню, что лидера «Зоопарка» пошатывало, и

он не без труда держался за дверь. Затем, глядя на притихших музыкантов, медленно произнес: «Мастерство артиста заключается не в том, чтобы не забывать слова. А в том, чтобы не опаздывать на собственный концерт… и не наблюдать выступление своей группы из зала».

Сны стали повторяться, жить так оказалось невозможно, и я придумал новый способ, как изгнать духов. На следующий день перешел в атаку — отключил телефон и обложился книжками про Майка. Просто так, из любопытства. Повторное чтение мемуаров дало неожиданные результаты. Если избегать резких оценок, скажу, что московские критики были не всегда в теме и часто барахтались на мелководье, постоянно жалуясь, что «в головах у свидетелей остались только самые отрывочные воспоминания». Ох, забудем скорее…

Питерские авторы создавали глубокие и эмоционально безупречные тексты. Все строчки о Майке читались органично и крайне драйвово. Наш герой словно мчался на коне — from here to eternity. Эти воспоминания, написанные земляками Науменко, выглядели пронзительными и искренними. Но в них совершенно отсутствовал географический объем, и порой они казались наглухо местечковыми.

Все выглядело так, словно и не было у Майка ни сенсационного дебюта в Москве, ни подпольной акустики в Свердловске, ни сюрреалистического турне по Дальнему Востоку. Не говоря уже о ментовском «винте» в Киеве или о трагическом последнем концерте в Белоруссии. Как будто все тридцать шесть лет своей жизни музыкант Науменко просидел безвылазно в Питере на жопе ровно. Никуда не ездил, нигде не играл и ни с кем за пределами Ленинграда не общался.

Я смутно догадывался, что это, наверное, не идеологическая позиция. Скорее всего, причины в бытовой лени и герметичном образе жизни, как будто за пределами Санкт-Петербурга никакой цивилизации не существует. Наверное, я бы все это делал по-другому….

Затем произошло «чудо № 2». Откуда-то из сумрака джаз-клуба Алексея Козлова материализовался Юра Гаранин с фарфоровой статуэткой Майка в руках, от которой невозможно было отвести взгляд. В некоторой панике от такого стечения обстоятельств я еще раз попытался отвлечь судьбу и спрятал фигурку — глубоко в ящик антикварного шкафа. Но небеса оказались настойчивее.

Через несколько дней я встретился с андеграундным продюсером Олегом Ковригой, который за четверть века выпустил множество альбомов Науменко. Он принес мне несколько редких

дисков «Зоопарка», а заодно рассказал о подпольном сейшне Майка и Цоя, который организовывал у себя дома в Москве зимой 1985 года. Затем мы позвонили боевому товарищу Олега по музыкальному издательству «Отделение «ВЫХОД» — коллекционеру архивных записей и аудиореставратору Евгению Гапееву. Женька сразу начал сетовать на то, что ему до сих пор не удается найти множество незаписанных Майком композиций, которые исполнялись на концертах: «Час Быка», «120 минут», «Блюз Вооруженных сил стран Варшавского договора», «Специальные дамы» и что-то еще.

Б Г + Майк: «Пригородный блюз»
Фото: Алексей Кузнецов

«К примеру, гитарист Наиль Кадыров помнит несколько

куплетов из песни со словами „здесь нас никто не любит, а только обижает“, — рассказывал Гапеев. — Некоторое время барабанщик „Зоопарка“ Валера Кирилов ходил в футболке с такой надписью. Они исполняли этот рок-н-ролл в каких-то сибирских или уральских городах, но записей я так и не нашел».

Белых пятен становилось все больше. Они меня явно затягивали, и я никак не мог себе признаться, что книгу про Вудсток придется отложить. Стало очевидным, что моими мыслями целиком и полностью завладел Михаил Васильевич Науменко со своими «Старыми ранами». Отпираться и обманывать самого себя больше не имело никакого смысла. Я достал из антикварного шкафа фарфоровую статуэтку Майка — и поставил ее на рабочий стол.

Статуэтка Майка. Автор: Юрий Гаранин

Магнитофонная коллекция Майка

Часть I
Период неоформленной мифологии (1972–1979)

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Странные объекты между светом и звуком

«Про рок-н-ролл не буду говорить, Юнцы занялись сдуру этим делом — Недюжинным, коварным, жадным, смелым, Но про героев лучше позабыть»

Майк Науменко, «Письмо другу о музыке»

Мартовским вечером 1975 года в Ленинграде было по-зимнему морозно. Но внутри клуба книголюбов «Эврика», затерянного среди университетских общежитий у станции метро «Парк Победы», плыло жаркое «лето любви». Как-то здесь выступил с подпольным концертом Владимир Высоцкий, а теперь, в рамках лекции «Пути развития современной музыки», культуролог Владимир Фейертаг вывел на сцену молодых артистов и певцов «городского фольклора».

У входа в театральный зал, где обычно репетировала пресная художественная самодеятельность, кучковалась стайка «посвященных» меломанов. Среди них находился 19-летний студент инженерно-строительного института Миша Науменко. Он жил рядом на Варшавской улице, пришел одним из первых и занял место ближе к сцене. Свет погас, и мероприятие началось.

«Как вы, наверное, знаете, рок-музыка возникла не в Калуге», — откашлявшись, начал лекцию Фейертаг. Проиллюстрировать эту мысль был призван молодой фолк-ансамбль «Акварели», выступавший неполным составом. На гитаре играл Юрий Берендюков, на скрипке — Николай Марков.

В центре сцены с громоздкой виолончелью сидел сын авиаконструктора и внук известного океанолога — Сева Гаккель. Сосредоточенно глядя в одну точку, он исполнял фолк-композиции из боевого репертуара Нила Янга и Пола Саймона. Отраженный от стен и низкого потолка звук приобретал настолько выразительный характер, что зрители забывали о путях развития современной музыки — атональный шквал в исполнении длинноволосого Гаккеля обращал мероприятие из просветительского в психоделическое.

Следующим выступал юный Саша Ляпин из группы «Ну, погоди!». В платочке, повязанном вокруг шеи, он постоянно выпячивал челюсть, странно шевелил губами и лихо заполнял стоном электрогитары окружающее пространство. Возбужденный

Фейертаг метался по залу и восклицал: «Смотрите, смотрите! Это наш ленинградский Джими Хендрикс!»

Затем на сцену вышло студенческое трио под названием «Аквариум». По слухам, они исполняли акустику в духе Вудстока, что звучало тогда в СССР как лютый авангард. Первым появился симпатичный басист по прозвищу Фан и сразу демонстративно повернулся к залу спиной. За ним вышел интеллигентный флейтист Дюша в белой рубашке, жабо, тонких круглых очках и с длинными волосами до плеч.

> Третьего музыканта звали Борис Гребенщиков. Миша Науменко вспомнил, что видел его в своей английской спецшколе, куда изобретатель «Аквариума» заходил меняться пластинками с местным киномехаником. Там, на почве обсуждения альбомов Jefferson Airplane, и состоялось «шапочное» знакомство, о котором Науменко и Гребенщиков вскоре успешно позабыли.

Рок-фотограф Андрей «Вилли» Усов вспоминал, что на концерте в «Эврике» Борис был, что называется, «в образе». Он пел и подыгрывал себе на губной гармошке и двенадцатиструнной гитаре. Из дров фабрики имени Луначарского он извлекал блюзовые аккорды и незаметно полуулыбался этим небесным звукам. Казалось, ему было все равно, сколько человек его слушает. Дух молодого Гребенщикова словно парил над аудиторией — и было отчетливо видно, кто здесь «главный артист».

«В середине одной из композиций на сцену выскочил безымянный барабанщик, — рассказывал впоследствии Сева Гаккель. — Он сел за ударную установку, очень эффектно вступил и после окончания песни так же загадочно исчез. Больше я его никогда не видел и почему-то решил, что так и было задумано».

К моменту исполнения «Блюза свиньи в ушах» неизбежное шипенье в колонках внезапно прекратилось, и до Миши Науменко донеслись слова: «Вы слышите меня, в ушах у вас свинья / Вы не поймете, для чего пою вам это я».

На этой звонкой декларации дебют «Аквариума» в «Эврике» закончился. Другие события того вечера уже не имели никакого значения.

Оказавшись снаружи, Науменко некоторое время потоптался у входа, вспоминая «странные объекты между светом и звуком». Очарованный услышанным, он был уверен, что непременно туда вернется — только пока не представлял, когда именно. Теперь ему хотелось не просто наблюдать происходящее из зала, а стоять на сцене вместе со своей рок-группой. Через несколько дней

студент ЛИСИ Михаил Науменко пошел в деканат и написал заявление об отчислении по собственному желанию.

Мать Майка, Галина Флорентьевна
Фото из архива Натальи Науменко

> Будущая «звезда рок-н-ролла» Майк Науменко родился 18 апреля 1955 года. Он был петербуржцем в четвертом поколении. Его отец, Василий Григорьевич, трудился преподавателем инженерно-строительного института, а мать, Галина Флорентьевна, закончив учебу в ЛИСИ, работала в дирекции библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Подробных сведений о молодости его родителей не сохранилось. Говорят, что родственники отца были родом из Украины. Родители мамы — наполовину немцы и выделялись обстоятельным подходом к жизни. Дедушка, Флорентий Флорентьевич Брейтигам, по слухам, был склонен к чудачествам. Утверждают, что он даже писал научную работу о зверушке с названием «пипа суринамская».

Бабушка, Надежда Ивановна, происходила из семьи

потомственных петербуржцев. Майк иногда привирал друзьям, что она — «смолянка», хотя Надежда Брейтигам училась не в Смольном, а в одном гуманитарном институте. Бабушка свободно говорила по-французски, была обучена манерам, обладала острым чувством юмора и крепко дружила с внуком.

Когда началась Великая Отечественная война, 23-летний Василий Науменко сразу же пошел воевать на ленинградский фронт. Часть продуктового пайка и редкие посылки от украинских родственников он отправлял будущей жене. Похоже, именно таким образом семья Брейтигам смогла пережить блокаду.

Сама Галина с лета 1941 по весну 1942 года служила в штабе оборонно-строительных работ на станции Дибуны, а затем — продолжила учебу в Моздоке, Ереване, Ессентуках и, наконец, Барнауле, куда институт был эвакуирован из Ленинграда. Там она снова встретилась с Василием Науменко. Провожая девушку по занесенным снегом улицам города, будущий доцент инженерно-строительного института негромко читал ей стихи собственного сочинения: «Вот опять со мною рядом ты сидишь / И с улыбкой тихой в шутку говоришь: / „Ты — теперь мой пленник, пленник навсегда / Будем вместе ехать долгие года“».

Перед таким напором чувств робкая девушка-библиотекарь устоять не смогла, и ее сердце поддалось. После войны молодые люди вернулись в Ленинград, в 1946-м сыграли свадьбу, а через год в семье Василия и Галины Науменко родилась дочь Татьяна. Еще через восемь лет у них появился второй ребенок — сын Миша. Поскольку дед его был немцем, а отец — украинцем, о себе Миша говорил, что он — наполовину хохол, на четверть немец и на четверть русский.

Родные вспоминают, что в детстве Науменко обожал читать энциклопедии и словари, неплохо разбирался в марках автомобилей, но особенно сильно увлекался самолетами. В школьные годы он собрал коллекцию книг об авиации и в течение многих лет покупал пластмассовые модели для сборки. В комнате Миши Науменко хранилось множество общих тетрадей с эскизами самолетов в сопровождении лётно-технических характеристик всех моделей. На направляющий вопрос отца: «А может, ты собираешься в будущем стать военным летчиком?» сын, не задумываясь, отвечал: «Ни в коем случае!» Уже тогда у него наблюдалось традиционное предпочтение изящной формы грубому содержанию. Армию и приказы он не любил с детства.

Отец Майка, Василий Григорьевич
Фото из архива Натальи Науменко

> В семилетнем возрасте Мише довелось посетить Вьетнам, где его отец в должности горного инженера помогал братскому народу строить мосты. Добравшись на поезде до Ханоя, внук написал любимой бабушке: «Сегодня, 1 мая, мы были на центральной площади и видели живого Хо Ши Мина.… На площадь мы приехали на „Москвиче“. А вчера видели хороший концерт на открытом воздухе.… Мне больше всего понравилось, как барабанщик бил в барабан».

Вернувшись в Ленинград, Науменко-младший еще долгое время восторженно вспоминал об аристократической жизни «белых» людей, которым прислуживали вьетнамцы. Он любил забираться на заброшенный чердак родительской дачи, где хранились экзотические предметы, привезенные отцом из загранкомандировки.

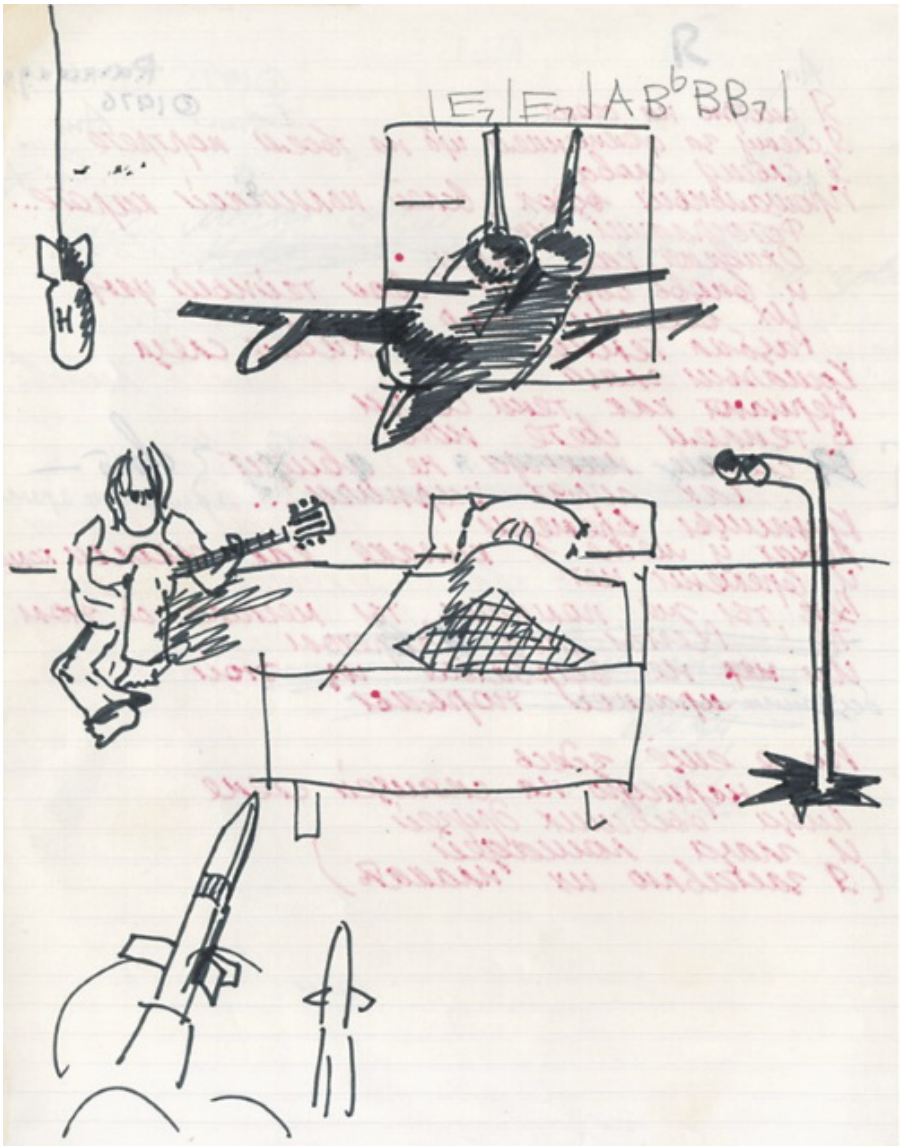
В четвертом классе Михаил переходит в английскую

спецшколу № 207, которая находилась на Невском проспекте, рядом с кинотеатром «Колизей». Это было престижное учебное заведение, куда принимались (через жесткое собеседование) «сливки» из близлежащих школ, преимущественно — дети ленинградской послевоенной интеллигенции. Уровень преподавания был крайне высоким — к примеру, приятели Науменко с гордостью рассказывали, что все ученики из их класса поступили позднее в высшие учебные заведения.

В школе за Мишей закрепляется прозвище «Майк» — так его назвала учительница английского языка Лидия Михайловна Возняк. Это обращение прилипло к нему намертво буквально с первого дня учебы. Одноклассники вспоминают, что новенький ученик оккупировал последнюю парту, где уроки напролет рисовал эскизы гоночных автомобилей, военных самолетов, хоккеистов и гитаристов. Делал он это в красивых эстонских тетрадках «с железными пружинками» — купленных на деньги, сэкономленные на школьных завтраках.

«Майк был прирожденным дизайнером, — рассказывал мне его школьный приятель Саша Самородницкий. — Причем он не увлекался пейзажами, картинками животных или изображением красивых девушек. Его интересовала исключительно униформа».

Параллельно занятиям в школе Науменко записался в кружок технического дизайна во Дворце пионеров, где собирал пресловутые модели самолетов. Его друзья уверяют, что Мише нравилась «красота процесса»: склеивать из пластика объекты, которые гипотетически могли подниматься в воздух. Вскоре он вместе с приятелем Димой Преображенским собрал макет военного самолета, который восхищенные учителя вывесили в качестве основного экспоната отчетной выставки.



Из школьной тетрадки Миши Науменко, 1972

В паузах между уроками и занятиями во Дворце пионеров Майк совершал познавательный обход близлежащих кинотеатров: «Колизей», «Титан», «Аврора», «Октябрь», «Знание» и «Родина». Его любимыми фильмами были «Искатели приключений», «Большой приз», а также — документальная лента «Небо над головой», в которой демонстрировались французские линкоры, авианосцы и морские регулировщики. Эти фильмы Науменко пересматривал несколько раз, не переставая восхищаться красотой «загнивающего» капитализма.

Неудивительно, что в школе Майк блистал именно на уроках английского языка и русской литературы. В частности, написал серьезное сочинение на тему «Мой любимый литературный герой», посвященное Шерлоку Холмсу. Незадолго до этого Василий Григорьевич приобрел за макулатурные талоны дефицитный восьмитомник сэра Артура Конан Дойля, и впечатленный школьник выплеснул на бумагу поток эмоций и размышлений о знаменитом сыщике. Удивленная советская учительница сухо прокомментировала выбор мальчика пространным монологом из серии «вырастешь — поймешь».

«Однажды мы чуть не сорвали урок литературы, — признавался Самородницкий спустя много лет. — Наша преподавательница инспирировала диспут на тему „Сильвио — положительный персонаж или нет?“. Это был пятый класс, обсуждение повести Пушкина „Выстрел“. Мы чуть ли не с пеной у рта отстаивали перед всем классом, что Сильвио был настоящим героем. Также Майку очень нравился Печорин, и мы с ним проштудировали вдоль и поперек „Княжну Мэри“ из „Героя нашего времени“».

В школе, на уроке географии. Слева направо: Саша Самородницкий, Миша Науменко, Юра Горелик, Марек Перельман, 1967

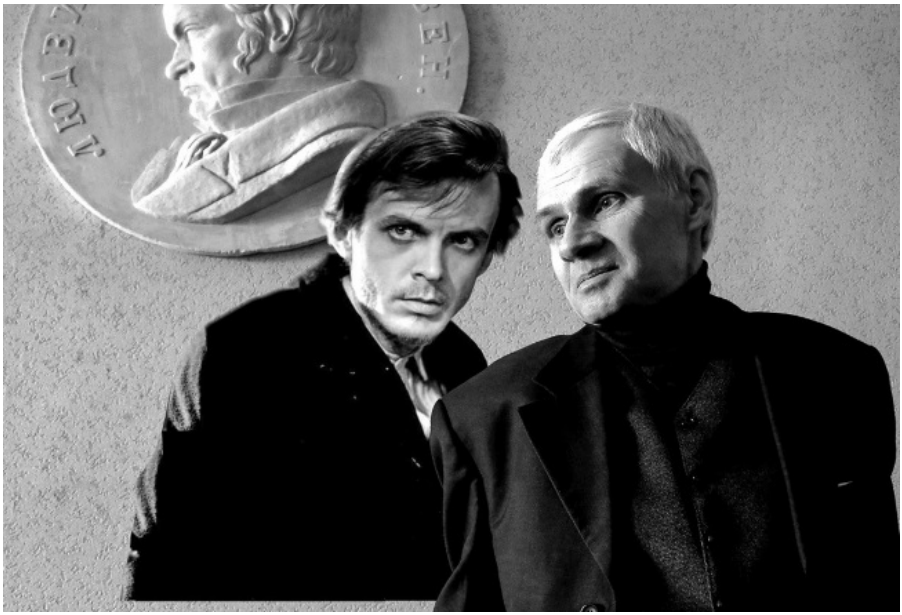
Лидия Михайловна Возняк, преподаватель английского языка

Несмотря на мелкие инциденты, казалось, что у любознательного ученика все в школе идет по восходящей. Так было до тех пор, пока в седьмом классе в его жизнь не ворвался рок-н-ролл. Здесь скорости стали повыше, а высоту полета спрогнозировать было совершенно невозможно.

> «Моя сестра Таня тоже училась в английской школе, — объяснял Майк впоследствии. — У нее с приятелями проходили вечеринки, на которых они слушали Билла Хейли и Чабби Чеккера. Мне тогда было восемь лет.… И когда я впервые услышал The Beatles, то решил, что они поют по-французски. Но мне очень

понравилось. Через какое-то время просто слушать надоело и захотелось узнать что-то о самих музыкантах».

В квартире на улице Жуковского Майк начал собирать компании одноклассников. Когда школьники рассаживались по периметру комнаты, он поднимал крышку проигрывателя «Аккорд», ставил маленькую черную пластинку и дрожащей рукой опускал иголку на диск. На розовом «яблоке» советского миньона было написано: «Когда мне 64» (Дж. Леннон, П. Маккартни). Слово «Битлз» там было стыдливо опущено, но при первых же аккордах завороженные школьники забывались. Песни недосягаемой ливерпульской четверки переслушивали, обсуждая каждое слово и домысливая подробности личной жизни музыкантов. В этих разговорах про ирреальный для СССР мир западного рок-н-ролла таились магия, волшебство и надежда.



Катушечный магнитофон «Айдас» Вильнюсского радиотехнического завода «Эльфа»

Школа жизни

«The Beatles украли у меня сына»

Г. Ф. Науменко

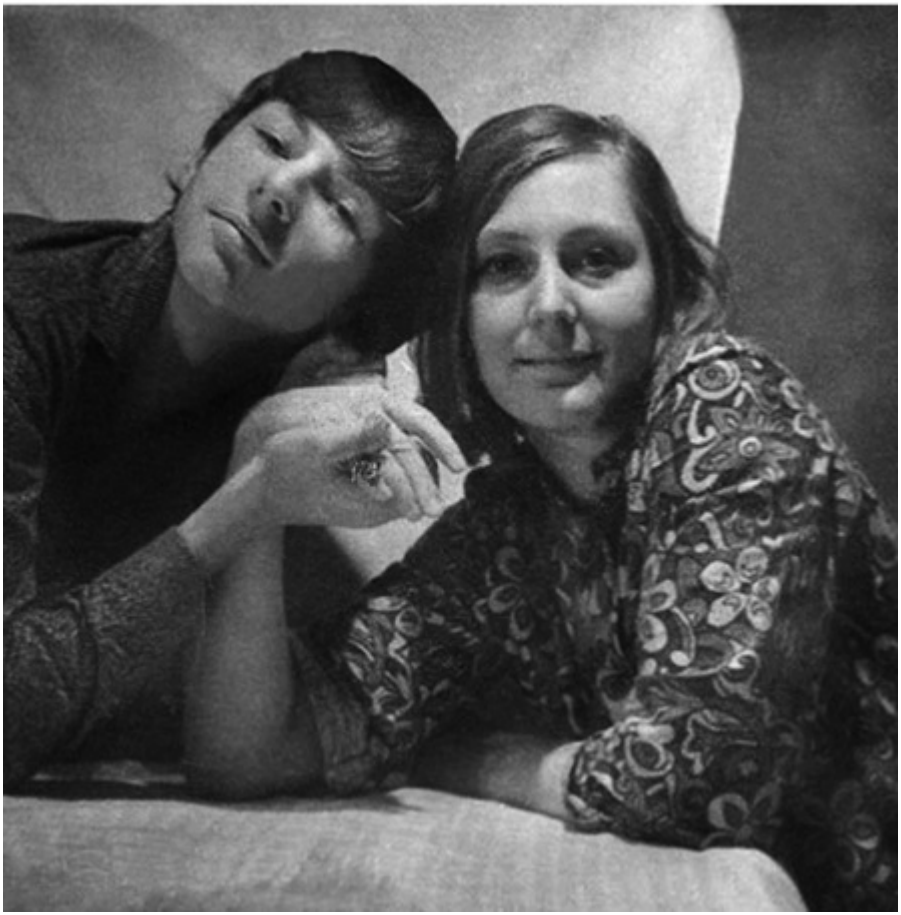
После того, как Надежда Ивановна подарила внуку дефицитный прибалтийский магнитофон «Айдас», Майк начал собирать собственную фонотеку. Он увлеченно оформлял коробки с бобинами, превращая их посредством акварели и фломастеров в произведения декоративного искусства. Этот процесс нельзя было назвать «статичным коллекционированием» — с любимыми песнями хотелось жить, обменивать их на катушки другой музыки и увлеченно обсуждать с друзьями мистические комбинации звуков. Миша Науменко так и поступал.

«Я помню, что каждая новая пластинка The Beatles давала нам больше, чем школа за год», — утверждал Майк.

«Первые тексты The Beatles были настолько примитивны, что у Майка возникла идея блочного сочинительства, — рассказывал Саша Самородницкий. — Еще в школе у него была попытка перекомпоновать куплеты и придумать на их основе новые хиты. Он начал всех этой идеей доставать, и все новости с утра у него касались исключительно различных версий монтажа».

Не чурался Науменко и композиций на русском языке. К примеру, однажды он принес в школу вырезанный из газеты текст песни «Королева красоты» — и предложил одноклассникам выучить слова этого твиста наизусть.

К восьмому классу начинающий меломан целиком заполнил свою первую рок-н-ролльную тетрадь — с подробнейшим описанием истории западных рок-групп и их дискографиями. Старшая сестра активно помогала Мише искать информацию: в польских и болгарских журналах, английской коммунистической газете Morning Star, а также — на обложках фирменных пластинок.



Миша с сестрой Таней

Друзья вспоминают, что уже в те годы Таня Науменко оказывала на Майка существенное влияние. Она была образцом интеллектуальной рафинированности и слыла источником осведомленности брата в сфере современной культуры. Сестра сформировала его вкус и увлекла романтикой «Трех товарищей» Эриха Марии Ремарка. Дружеские и любовные отношения, описанные в романе, затем повлияют на жизнь самого Майка. Сестра опекала его в мелочах, вручную, шаг за шагом, корректируя впоследствии даже имидж брата. Например, могла связать ему свитер по последней моде или сшить сумку для пластинок к обмену.

Вечерами Науменко-младший сидел, прижав ухо к прибалтийскому радиоприемнику. Неведомый сегодня сакральный процесс — прорываясь сквозь шум советских глушилок, слушать песни Боба Дилана, Джона Леннона и Леонарда Коэна.

Помимо тетрадок с рисунками, Майк завел целую картотеку с названиями групп, альбомов, сменами составов и так далее. Еще недавно у него хранились принесенные с работы мамой библиотечные карточки с техническими характеристиками самолетов. Теперь их место в ящиках стола заняли рок-музыканты — со своими мифами, историями и придуманными биографиями.

> «Все свободное время Майк читал книги, — вспоминал Самородницкий. — Вернувшись после летних каникул, он с гордостью заявил, что „одолел“ всего Тургенева. Кроме того, великолепно знал английский и шлифовал его по текстам любимых рок-групп. Как известно, в их лирике было много диалектизмов, и для Майка это оказалось отличной практикой на будущее».

Вскоре юный рок-интеллектуал на глазах у родственников принялся выпиливать из гладильной доски гитару. Наблюдая такое рвение, бабушка убедила родителей в необходимости покупки настоящего музыкального инструмента. В день рождения Михаил получил в подарок первую акустическую шестиструнку. Теперь ему открылся смысл жизни, и сутками напролет он стал учиться играть на гитаре.

Сначала ничего не выходило. Науменко не знал нотной грамоты, но категорически отказывался идти в музыкальную школу, считая это делом ненужным и даже вредным. Долгое время было принято считать, что Майк освоил первые аккорды с помощью друзей из музыкальной школы. Мне удалось отыскать его одноклассника Дмитрия Калашника, который категорически опроверг эту версию. Он рассказал о том, что в старших классах подарил своему приятелю выцветшие фотографии с нотами нескольких песен The Beatles. Там же были и рисунки знаменитых The Beatles Chord Charts, иллюстрировавших аппликатуры гитарных аккордов.

Несложно догадаться, что контрастность едва позволяла эти рисунки рассмотреть. Это были пятые копии фотографий очень плохого качества — кажется, из молодежного польского журнала. Разобрать, что там изображено, можно было только при помощи увеличительного стекла и настольной лампы. Но будущий поэт и музыкант упорно старался опознавать и брать эти удивительные в своей простоте аккорды.

Майк крутил эти темные объекты влево и вправо, подносил близко к глазам — до тех пор, пока не идентифицировал «наскальную графику» на «слепых» фотоснимках. В этом была его настоящая, а не навязанная школой и родителями, жизнь.

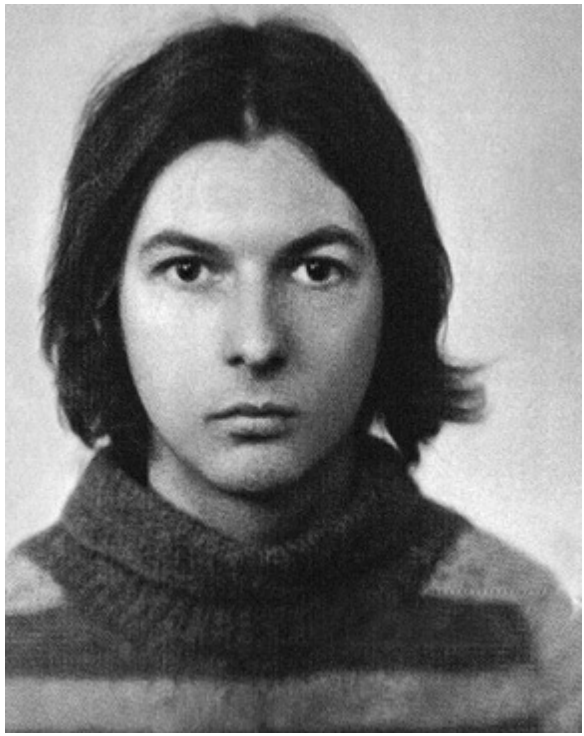
Выпускная фотография: в кругу школьных друзей, 1972

«Я учился играть по нотам The Beatles, — комментировал Майк этот процесс. — Потом заинтересовался музыкой в целом и начал ходить в филармонию. Но понимать что-то стал после того, как проштудировал „Элементарную теорию музыки“. Впрочем, для рок-н-ролла это оказалось совершенно бесполезным».

После того, как Науменко разучил основные аккорды, остальное перестало его интересовать — включая уроки, сон и еду. Такие перемены в поведении не могли остаться незамеченными в семье. Он здорово рассорился с отцом — ветераном Великой Отечественной войны, который в ярости расколотил гитару и заставил сына написать расписку: «Я обещаю больше никогда не слушать The Beatles!»

Правда, для Василия Григорьевича эта победа оказалась пирровой. Как признавались институтские и школьные друзья Миши, «его папа долгое время вообще не врубался, кого именно он родил». Дело кончилось тем, что Науменко-младший ушел во внутреннюю эмиграцию, надолго запершись в своей комнате и ни с кем не разговаривая.

Даже Надежда Ивановна не всегда понимала, что происходит в душе ее любимого внука. Несмотря на то, что они часто слушали рок-оперу Jesus Christ Superstar и Миша с энтузиазмом переводил тексты, у бабушки был предел терпимости. Когда за стенкой особенно громко заиграл Pink Floyd, альбом Ummagumma, Надежда Ивановна заглянула в комнату и озабоченно спросила: «Миша, а у тебя магнитофон случайно не сломался?»



Майк, 1975

Беда не приходит одна. Вскоре Михаила Науменко исключили из комсомола. С этой организацией у шестнадцатилетнего ученика возникли чисто эстетические разногласия. Он прогуливал комсомольские собрания, во время уроков играл в карты, а на школьных вечеринках начал пить сухое вино. После этого в семье Науменко случались «разборы полетов» — иногда, впрочем, весьма своеобразные.

«Прошла весна, настало лето, спасибо партии за это!» — ответил однажды юный художник на вопрос матери об инциденте с комсомольской ячейкой. В этот момент в коридор вышел завернутый в халат отец и завершил частушку искрометной импровизацией: «И я восторженно кричу — Леониду Ильичу!»

Не без удивления наблюдая такое согласие, Галина Флорентьевна удалилась, тревожно бормоча себе что-то под нос.

Как только Миша окончил школу, семья переехала из центра Ленинграда — в Московский район, на улицу Варшавскую. Тем же летом он поступил в инженерно-строительный институт, но это был распространенный компромисс. Уже много лет отец Василий Григорьевич читал там курс лекций по геологии, а сестра Таня училась на архитектурном. В итоге семнадцатилетний поклонник The Beatles нехотя сдал

вступительные экзамены на строительный факультет. На лекции ходил по инерции — чтобы не расстраивать родителей, которые, по их признанию, хотели видеть в нем «шагающего вперед советского юношу с высшим образованием».

Впрочем, терпения у Майка хватило до первой летней сессии. В мае 1973 года в дружной семье Науменко произошла почти детективная история — относительно дисциплинированный студент внезапно исчез из дома. Он вдруг понял, что категорически не желает сдавать совершенно неинтересные ему экзамены и зачеты.

К этому побегу Майк готовился еще с момента получения паспорта. Деньги на проезд и питание он раздобыл, продав институтским приятелям свою «золотую коллекцию» магнитофонных записей The Beatles. После чего купил билет на поезд — естественно, в один конец.

Начались отчаянные поиски беглеца. Странным образом ни Саша Самородницкий, ни Дима Калашник не знали о дерзких планах своего приятеля. Пропажу обнаружили через несколько дней в Киеве, куда он добирался поездом с пересадкой в Москве. Примечательно, что за компанию с ним рванул одноклассник, но у того быстро сдали нервы и с середины дороги он вернулся.

В Киеве Майк остановился у знакомых второкурсников в общежитии политехнического института. По одной из версий, там он подружился с балагуром по имени Гена Найстетер, который развлекал студентов смешными перепевками битловских песен. Например, на мотив You Never Give Me Your Money он исполнял местный хит «Ти не даэшь мені грошей».

Вернувшись через месяц в Ленинград, Майк не стал ничего объяснять родителям. Он похудел, оброс, начал курить «Беломор» и замкнулся в себе. Было очевидно, что после того, как Науменко-младший прошел начальный курс «взрослой жизни», учеба в ЛИСИ показалась ему чем-то архаичным и ненужным.

«После вояжа в Киев стало заметно, что Мишу тяготит институт, но при этом его также беспокоит перспектива службы в армии, — вспоминала Галина Флорентьевна. — В его поведении стали прослеживаться какая-то неудовлетворенность, подавленность и надлом. Мы решили обратиться к психиатру, записались в институт имени Бехтерева, к хорошему и внимательному специалисту. Вывод профессора был категоричен: „Нужно дать Мише отдохнуть годик от учебы. Армия ему категорически противопоказана“».

Татьяна Апраксина, 1976
Фото из архива Татьяны Апраксиной

Майк вышел от врача совершенно счастливым человеком. Теперь он был защищен от военкомата справкой о наличии маниакально-депрессивного психоза. И с поздней осени 1973 года его жизнь перетекла в неведомое и прекрасное в своей непредсказуемости русло.

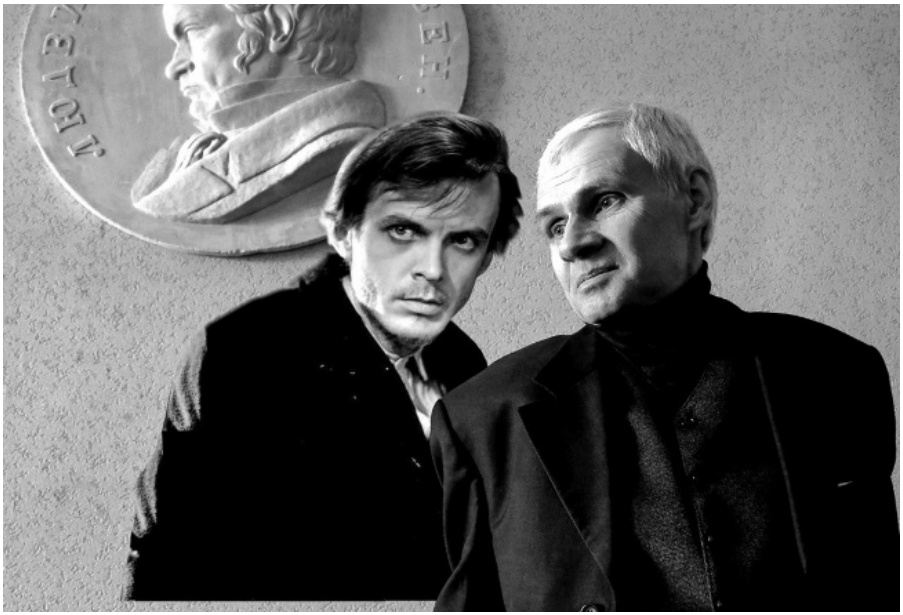
Майк взял академический отпуск и решил плыть по течению: общаться с друзьями, слушать пластинки, писать рассказы и налегать на чтение книг. Особенно сильное влияние на него оказала повесть Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», перевод которой был опубликован в журнале «Иностранная литература». Будущий рок-музыкант восторженно делился впечатлениями от этой притчи с друзьями, среди которых была молодая художница Таня Качалина. В ее уютной квартирке, расположенной в Апраксином переулке, часто собиралась богема: читали стихи, играли на фортепиано и на гитаре, рисовали. Литературно-музыкальный салон незаметно превратился в «Апраксин дворец», а саму Татьяну закономерно стали называть не Качалиной, а Апраксиной.

«Дома у Апраксиной было приятно именно посидеть, — вспоминал звукорежиссер „Аквариума“ Марат Айрапетян. — Полутьма, картины и доски на стенах, общение без воплей, гостеприимные хозяева, атмосфера любви — что, впрочем, приводило к неожиданным перетасовкам, казалось бы, давно устоявшихся пар. Все это выглядело как странная, но затягивающая берлога — тем более что хозяева не шлялись по „Сайгонам“ и другим местам. На память мне остался мой портрет кисти Татьяны, на котором я выгляжу намного лучше, чем в жизни».

Одним из энергетических центров этой тусовки постепенно становился Миша Науменко.

«Как-то осенью 1974 года Майк уткнулся в листок бумаги, лежавший перед ним на низком столике, и начал задумчиво заполнять его словами, — рассказывала позднее Татьяна Апраксина. — Углубившись в это занятие, он все больше изолировался от компании, отмахиваясь от замечаний и шуток в свой адрес. Через некоторое время призвал всех к тишине и объявил с преувеличенной серьезностью: „Я вот тут написал песню… про нас всех… если хотите, я могу“. Он попросил гитару, поискал тональность, добавил своему голосу побольше гнусавости и в излюбленной „дилановской“ манере, тягуче и монотонно „проныл“ не очень складные, но зато очень искренние, как и все, что делал Майк, дифирамбы».

Первоначально композиция называлась «Апраксин блюз», а позднее — «Посвящение Татьяне»: «Над морем плывет тихий блюз, очень нежный / Все печали забыты, все прекрасно, как прежде…/ Нарисуй мне картинку и раскрась ее ярко / Нарисуй мне, что я убежал / Убежал, убежал из зоопарка».



Толик «Родион» Заверняев (коллаж, слева — артист Георгий Тараторкин)

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Зубы Родиона

«Нам надо было обязательно провести черту между нами и этим скучным миром»

Борис Гребенщиков

Никто не мог знать, что вскоре жизнь Майка потечет в другом направлении. После возвращения из «академа» он познакомился в институте с чрезвычайно колоритной фигурой по прозвищу «Родион». Это знакомство стало для Науменко точкой бифуркации.

Настоящее имя хранителя сакральных знаний было Толик Заверняев. Еще в старших классах он полюбил «Преступление и наказание» и получил прозвище «Родион» за внешнее сходство с артистом Георгием Тараторкиным из одноименного фильма. Толик-Родион поражал воображение сверстников цитированием на память огромных фрагментов из умных книг и, в частности, из полного собрания сочинений Ленина.

«Добросовестно я учился совсем недолго, — уверял меня впоследствии Родион. — Начиная со второго семестра я стал прогуливать почти все лекции — с легкой руки Майка, естественно. К примеру, на экзамене по физике мы увидели нашего профессора второй раз… Короче, после встречи с Науменко моя жизнь поменялась. Он познакомил меня с Таней Апраксиной, со школьными друзьями и приятелями-меломанами. У нас даже появились пластинки, купленные вскладчину: Марк Болан, Лу Рид, Дэвид Боуи. Но денег всегда было мало, поэтому и дисков у нас оказалось немного».

Часто беседы «интеллектуалов от рок-н-ролла» затягивались до поздней ночи. И тогда Родион, чтобы не ехать домой на другой конец города, оставался ночевать у Майка. Следующий день мог выглядеть так: скажем, Родион, проснувшись, обнаруживал себя на тигриной шкуре, привезенной Василием Григорьевичем из вьетнамской командировки. Пока студент выравнивал дыхание после встречи с клыкастой пастью, Майк успевал изжарить черный хлеб на завтрак. Затем друзья принимали дозу западной музыки и направлялись, к примеру, в гости к Тане Апраксиной.

«Иногда я думал о каких-то серьезных вещах, но говорить об этом мне не хотелось, — признавался

позднее Майк. — В восемнадцать лет я понял, в чем смысл жизни. Как сейчас помню, проходил мимо Апраксина двора и… просто озарение какое-то наступило. Вдруг шмыкнуло — и я понял. И никому никогда я про это не скажу».

Еще со школы Науменко мечтал создать собственную рок-группу и назвать ее Rains — он предполагал исполнять ритм-энд-блюз на английском языке. Родион вспоминал, что в институте Майк таскал с собой тетрадку с сочиненными текстами, из которых в памяти задержались My Birthday Song, Rain и Maserati Baby — своеобразное посвящение Марку Болану. Начинающая рок-звезда воображал свои концерты размахом не ниже, чем у T. Rex, полностью игнорируя идейно-финансовую сторону процесса.

Дни текли в тесном общении. Когда Галина Флорентьевна и Василий Григорьевич уходили на службу, друзья сбегали с лекций и ехали домой, на Варшавскую. Там Майк тестировал на друге новые песни, сопровождая их упрощенным гитарным аккомпанементом. По воспоминаниям Апраксиной, «часто между Родионом и Майком происходили абсурдистские „аристократические“ беседы, в которых они церемонно обращались друг к другу исключительно на „вы“ и с должной степенью высокопарности. Для Родиона это было естественной нормой, а Майк смаковал остроту подконтрольности стилю».

Как-то маме пришлось выслушать «концерт» сына, доносившийся из его комнаты. Не дождавшись финала, Галина Флорентьевна вошла и с непроницаемым лицом заявила: «Сынок, запомни, у тебя нет никакого вокала! Одно лишь нахало!» Многие годы она критиковала вокальную манеру Майка, но однажды смирилась, приняв, что бороться бесполезно.

«Я твердила Мише прописные истины о том, что нельзя быть свободным от чувства долга, от семьи и от общества, — сожалела впоследствии Галина Науменко. — Но разве мог он тогда все это воспринять? Господи, до чего же плохо мы с отцом понимали своего сына!»

Со временем Науменко-младший нарастил надежную броню от критики родных — в виде первых песен и внушительной коллекции магнитофонных, любовно оформленных, катушек.

«В институте мы слушали не только рок, но и массу другой музыки, — уверял меня Родион. — К примеру, на день рождения Майк подарил мне две пластинки: „Пер Гюнт“ Грига и „Петрушку“ Стравинского. То есть академическую музыку мы тоже слушали, но в основном — барочную, лютневую, а также несколько произведений Вивальди. Нашим любимым

композитором был Стравинский, особенно — „Весна священная“. Еще нам нравилась „Глория“ Вивальди — как культурологический продукт совершенно иной эпохи».

Фото из архива Александра Самородницкого

Параллельно так называемой учебе Родион успел подружиться с компанией музыкантов из группы «Аквариум». Они часто тусовались на факультете прикладной математики или мигрировали по неизменному маршруту: Михайловский замок — кафе «Аббатская дорога» — «Сайгон». В легендарном кафе на углу Владимирского и Невского проспектов стояли итальянские кофеварочные автоматы, и кофе из них был лучшим в Ленинграде. Каждый вечер у входа в «Сайгон» собиралась вся музыкально-хипповая общественность: от Володи Рекшана из группы «Санкт-Петербург» и джазового пианиста Сергея Курёхина до битломана Коли Васина и фотографа Андрея «Вилли» Усова.

«Наша жизнь была структурирована городом, — пояснял спустя сорок лет Анатолий „Родион“ Заверняев. — Кафе „Сайгон“ было главной коммуникацией Невского проспекта, и центральные улицы играли важную роль в наших прогулках и планах. Белые ночи и так далее… Когда мы „пили всю ночь, гуляли всю ночь до утра“, то гуляли не по Купчино. К примеру, у Гребенщикова с крыши дома открывался изумительный по красоте вид на Казанский собор. Это был действительно образ жизни, который Майка очень сильно подпитывал».

Надо признаться, что даже в «аквариумовской» тусовке Родион слыл личностью экстравагантной. В частности, он везде

ходил в шлепанцах на босу ногу и одним из первых начал проводить рискованные опыты над собственной психикой. К примеру, в магазине бытовых товаров покупался латвийский пятновыводитель Sopals, который на сленге назывался «банка». «Банкой» смачивался носовой платок, и Родион самозабвенно вдыхал пары. Всего тринадцать копеек обеспечивали счастливые галлюцинации, которые Толик-Родион активно комментировал и даже воспроизводил вслух — от громкого крика чаек до шума морского прибоя.

«Банка» считалась если не аналогом калифорнийского ЛСД, то, как минимум, его достойным психотропным предчувствием. В поисках нового опыта молодые авангардисты пошли «тропой Родиона», и вскоре у группы «Аквариум» возник романтический блюз: «Будь для меня, как „банка“, замени мне косяк / Мне будет с тобою сладко, мне будет с тобою ништяк».

После покупки очередной партии Sopals товарищ Заверняев заявился в «Сайгон», выкрасив зубы в красно-черный цвет. Он таинственно поведал друзьям, что планирует нанести визит в военкомат и во всеуслышание объявить себя пацифистом. На деле — чтобы не идти служить в армию. И пока приятели отговаривали его добровольно взаимодействовать с властями, впечатленный Гребенщиков сочинил балладу «Зубы Родиона», вошедшую затем в доисторический магнитоальбом «Таинство брака».

Наконец, «пионер отечественной психонавтики» созрел для конструктивного жеста — познакомить Майка с музыкантами «Аквариума». Науменко из Гребенщикова уже кое-что слышал — например, веселую стилизацию под поэта Некрасова:

«Вчерашний день, в часу седьмом
Из „Лакомки“ я вышел.
На центре явно был облом —
Звук фака там был слышен.
В „Сайгоне“ были хиппари,
Фарцы тянули виски.
И музе я сказал: „Смотри!
Вон там сдаются диски!“»

Любопытно, что с точки зрения Бориса Борисовича, их первая встреча с Майком случилась дома у художника Михаила Зархи, студента Мухинского училища, родители которого уехали куда-то на лето.

«Однажды Родион привел с собой невысокого человека, — рассказывал вокалист „Аквариума“. — Мы все были до

беспамятства пьяны, и нам было очень весело. Ну, вот еще один человек пришел — раз Родион привел, значит, хороший человек… Мы познакомились с Майком, и нашли друг в друге родственные души — в смысле знания английского языка и любви к современной музыке на этом языке».

В свою очередь, Родион-Анатолий Заверняев предлагает другую версию знакомства. Он уверен, что Науменко с Гребенщиковым впервые пересеклись в чебуречной, расположенной по соседству с инженерно-строительным институтом.

«В тот день мы пили сладкий портвейн и ели вкусные чебуреки, — утверждает Родион. — Но вокруг было много шумных студентов, и, судя по всему, мои приятели друг друга совершенно не запомнили. И если Майк, возможно, еще смутно помнил имя, то Гребенщиков точно все позабыл».

В этой «комедии положений» я склонен придерживаться третьей версии — авторства виолончелиста Севы Гаккеля, который к тому времени уже несколько месяцев играл в «Аквариуме». Он считал, что знакомство «аквариумной» тусовки с Науменко состоялось во время массового выезда на нудистский пляж.

«Майка я увидел в июне 1975 года, когда мы поехали купаться на остров Сент-Джорджа, — утверждал Гаккель. — Это райское местечко находится на побережье Финского залива, недалеко от Сестрорецкого курорта. Мы двинулись туда большой компанией — вместе с Борей, Фаном и несколькими девушками. С нами были и Майк с Родионом. Сидя в электричке, мы естественным образом все друг с другом познакомились».

Знакомство, судя по воспоминаниям, вышло знатным. Всю дорогу молодые люди пели в тамбуре песни The Beatles. По прибытии на место дислокации происходили традиционные обряды: купание нагишом, распитие сухого вина, дикие танцы у костра и торжественное принятие Майка в Орден острова Сент-Джорджа. Такими были «земляничные поляны» в ленинградском преломлении музыкантов «Аквариума» и их друзей.

В тот волшебный вечер кто-то по приколу представил «ударником „Землян“» бас-гитариста Фана, который славился еще и тем, что крайне ловко умел шить джинсы. Общих тем у Майка с Михаилом «Фаном» Файнштейном оказалось столько, что они никак не могли наговориться. Затем вместе читали стихи, написанные сооснователем «Аквариума» Анатолием «Джорджем» Гуницким (в честь которого и был назван остров Сент-Джорджем), и передавали друг другу измятые листы с поэмой Гребенщикова «В объятиях джинсни».

«В то время Остров принадлежал другой Вселенной, — резюмировал Гребенщиков. — Я помню, как мы переходили речку, становились на колени и целовали землю в качестве обряда допущения на Остров. Что казалось нам глубоко религиозным и правильным, поскольку это была неприкосновенная земля, явно принадлежащая другому измерению».

Возвратившись в Ленинград, Майк серьезно озадачился, а тут еще Родион притащил магнитофонные альбомы «Искушение святого Аквариума» и «Притчи графа Диффузора», на которых Гребенщиков с Гуницким изящно выстраивали архитектуру своих безответственно абсурдистских произведений.

Татьяна Науменко

Последней каплей стала машинописная стилизация Бориса под детективы Агаты Кристи, начинавшаяся со строк: «Отель „Континенталь“ был полон блядьми под самую завязку…»

От таких красивых слов у Майка моментально улучшилось настроение. Столкнувшись с этой свободой, он решил снова и как можно скорее бросить институт. Позднее Науменко вспоминал, как после двух академических отпусков отчетливо понял, что первый же дом, построенный по его проекту, очень скоро рухнет. Уже несколько лет молодой музыкант жил в мире, где для ЛИСИ совсем не оставалось места. Казалось, что город Ленинград, в котором работали его родители, и Ленинград, в котором писал свои первые песни Майк — были разными городами.

«Очевидно, что с годами человек меняется, — считала Галина Флорентьевна. — Но то, как со временем изменился наш сын, даже вообразить было невозможно. Как будто до восемнадцати лет мы знали одного человека, а после — встретили другого. В нем изменилось все: характер, увлечения, взгляды, занятия… Мы приложили все усилия, чтобы удержать его в институте, но Миша настойчиво и, с нашей точки зрения излишне упрямо и последовательно шел по намеченному пути».

Важно отметить, что на уход Майка из профессии в немалой степени повлиял пример его сестры. Отработав по распределению в ГИПРОГОРе («Государственный институт проектирования городов»), Таня Науменко резко сменила вектор своих увлечений, переключившись на переводческую деятельность.

«Сестра Майка проработала три года по распределению и больше не стала заниматься архитектурой, — рассказывал мне Саша Самородницкий. — Я выдержал муки погружения в специальность и пошел дальше, а Таня меня всю жизнь подкалывала: „Саша, ну тебе это не надоело?“ Получается, что мысль о бесполезности углубления в какую-то официальную профессию в брата заложила именно она. Возможно, Таня это сделала неосознанно, но именно по ее примеру Майк бросил институт».

Неудивительно, что стены ЛИСИ скоро оставил и Анатолий Заверняев, испытавший после освобождения от обучения глубокий духовный подъем и избравший по рекомендации Севы Гаккеля карьеру грузчика в университетском издательстве.

Тусовка «Аквариума» на острове Сент-Джордж, 1982
Фото: Андрей «Вилли» Усов

«Примечательно, что учеба и Родион были частями совершенно разных вселенных, — объяснял мне впоследствии режиссер „Аквариума“ Марат Айрапетян. — Приятель Майка уверенно разыгрывал образ городского сумасшедшего и держался за него довольно долго. Практически ни в чем не участвуя и ехидно комментируя происходящее со стороны, он ухитрялся присутствовать везде — будь то репетиция „Аквариума“, поход в „Кинематограф“ или пьянка у Сергея Курёхина».

Подводя итоги этого периода, заметим, что творческая карьера хранителя сакрально-меломанского знания развивалась следующим образом: бригадир сторожей — эмигрант, танцор, опытный эзотерик, театральный актер, эксперт-интеллектуал широкого профиля.

«Искусство — это только побочный продукт нашей жизни, — подвел итоги своих мистических озарений Родион в финале нашего интервью. — Человек творит себя, а произведения искусства — это всего лишь побочный продукт».

Борис и Майк, 1977
Фото из архива Натальи Науменко

Пески Петербурга

«Человеческому вкусу нет никакого объяснения»

Леонард Коэн

К середине 70-х годов Майк становится одной из ключевых фигур культурной столицы нашей страны, в которой рок-н-ролл был объявлен несуществующим изнутри и враждебным снаружи явлением: кафе «Сайгон», первые сейшены, «Эврика», спекуляция виниловыми дисками и прочие запрещенные действия, за которые по неосторожности можно было оказаться за решеткой. По инерции встречаясь с бывшими одноклассниками, Науменко открыто посмеивался над их стремлением получить диплом о высшем образовании — как будто это гарантировало пригодность в жизни. Они отвечали взаимностью, считая рок-музыку нелепым увлечением, и грозили трезвым взрослением с последующим разочарованием.

Спустя много лет мне было интересно пообщаться с однокашниками Майка, которые когда-то единогласно осудили его решение бросить институт. Они категорически не верили в артистические перспективы Науменко, на что тот неизменно парировал: «Самый худший среди нас — гораздо лучше, чем самый лучший среди вас». Товарищи не на шутку обижались, но возразить — кроме идеологических штампов — было нечем.

«После школы Майк поступил в инженерно-строительный институт, потому что был хорошистом и послушным мальчиком из профессорской семьи, — считает Дима Калашник. — Такая тогда была традиция — идти учиться дальше. Но Миша быстро бросил учебу, так как, в отличие от нас, активно искал себя. Он свалил из института и ушел туда, где его что-то звало. И в тот момент он перестал быть Мишей Науменко, а реально стал Майком».

Примерно с 1975 года ничего, кроме рок-музыки, у Науменко не осталось. Он занялся самообразованием и убрал из жизни все лишнее и второстепенное. Как пела позднее группа «Гражданская оборона» — «убил в себе государство».

Вокруг жил большой советский город: несчастные серые лица штурмовали общественный транспорт, огромные портреты Брежнева скрывали фасады панельных домов, первомайские демонстрации отвлекали внимание показным торжеством, а повсеместные очереди за дефицитом напоминали о трудном

выживании. Тем временем, Майк придумал себе волшебный мир и в нем органично расположился — здесь старый еженедельник Melody Maker значил больше, чем родительская правда или программа «Время».

Отошли времена, когда Науменко, удобно устроившись после институтских лекций на подоконнике, просто «снимал» песни западных групп, чтоб сыграть в любом качестве, когда представится случай.

> «Это был просто анекдот, когда году в 75-м или в 73-м, я первый раз вышел на сцену, кажется, в ленинградском финансово-экономическом институте, — признавался впоследствии Майк. — Мы сыграли Child in Time, и мне доверили бас-гитару. Чуть не побили нас тогда».

После близкого знакомства с сочинениями Гребенщикова Науменко убрал на антресоль тетрадку с английскими текстами и принялся писать по-русски. Никаких стилистических ориентиров у него не было, и поэтому первая попытка — песня «Ждать и верить?» так и не была обнародована. Майк признавался, что эта композиция ему никогда не нравилась, и неудивительно — его лирика в тот пробный период пестрила совсем уж незамысловатыми рифмами, чудом сохранившимися в памяти друзей. Скажем: «Записал себе я Заппу, тут же вдруг скончался папа…» — впору устыдиться, что и было сделано.

К двадцатому дню рождения Майк наконец-то определился со своими музыкальными пристрастиями. Он нащупал принципиально новые веяния в творчестве артистов, которые экспериментировали с «читкой» и пытались исполнять некую предтечу рэпа: Марк Болан, ранний Боб Дилан и особенно Лу Рид. Майку очень нравились композиции, в которых рок-поэты не пели (в классическом смысле), а буквально выплевывали слова — резко, нагло и агрессивно. Под их влиянием Науменко отошел от музыкального наследия The Beatles и начал делать зарисовки на двух-трех аккордах. И этого минимализма ему вполне хватало.

Вскоре Майк сочинил песню под названием «Жизнь в зоопарке». Несмотря на некоторую наивность, Науменко ее нежно любил и называл «подарком самому себе». Спустя несколько лет он станет изредка исполнять ее на квартирных концертах: «Минула еще одна бессонная ночь / Дым ест глаза и кофе кипит в кофеварке / Сегодня я понял, что вся моя прошлая жизнь / Была вовсе не жизнь, а жизнь в зоопарке».

Сны о чем-то большем…
Фото: Александр Бицкий

Развивая мотив «бегства из зоопарка», Майк все более отдалялся от родителей — с их предписанной работой по будням и дачным огородом по выходным дням. Он старался поменьше находиться дома, чтобы не слышать упреков в тунеядстве и не тратить силы на оправдания. Из такого житейского сора молодой поэт черпал темы для первых песен на русском языке: «Буги для

всех детей», «Этюд 18» и «Дождь (вторую неделю)»: «А радио шепчет странные слова / О том, что солнце над городом, о том, что жара / И диктор, должно быть, сошел с ума / Но это даже хорошо: он стал таким же, как и я».

Так получилось, что эти песни, в которых Майк безоглядно рифмовал слова «кровь» и «любовь», никогда прилюдно не исполнялись. Правда, сами тексты чудом сохранились. Написанные аккуратным почерком, они сопровождались графическими изображениями и уверенным значком копирайта — как, к примеру, на разворотах дефицитных виниловых альбомов западных рок-звезд. В некоторых песнях Майк помечал свою лирику — «зоопарковая музыка», в других — как «rainsongs». В этом сюжете не было мифотворчества или модной концептуальности, даже попытки вписать себя в историю культуры. Жил на ощупь, пел интуитивно. В поисках «своей формулы» изредка выступал с группами второго эшелона, вспоминать о которых впоследствии не любил.

Важно заметить, что своим новым русскоязычным репертуаром Майк ни с кем из знакомых не делился: ни с Родионом, ни с Гребенщиковым, ни с Таней Науменко. Видимо, не было необходимой уверенности в собственных силах. А может, знал, что время «музыки зоопарка» еще не пришло.

В ту доисторическую эпоху русского рока репетиции «Аквариума» проходили недалеко от станции метро «Парк Победы», в вышеупомянутом клубе «Эврика». Там же состоялись первые театральные эксперименты студии Эрика Горошевского, в которых, помимо Гребенщикова и его приятелей, принимали участие будущие музыканты Crazy Music Orchestra и «Поп-механики» Володя Болучевский, Александр «Фагот» Александров, Володя Диканский и Сергей Курёхин.

Театральные опыты Горошевского тесно пересекались с идеями и поисками «раннего» «Аквариума». Еще в начале семидесятых Джордж Гуницкий сочинил несколько абсурдистских пьес, которые импровизированно игрались прямо на ступенях Михайловского замка. По легенде, именно там эту веселую компанию подобрал Эрик Горошевский, предложив сотрудничество и начав ставить на поток всевозможные перфомансы.

«Эта студия была сложным явлением, — рассказывал мне в 2010 году драматург и поэт Аркадий Драгомощенко. — Потому что Горошевский был человеком с совершенно пагубной одержимостью театром! Он учился у Товстоногова и постоянно кипел идеями. Больше всего на свете Горошевский любил

репетировать, а не выпускать спектакли. Тем не менее, Эрик обладал удивительным свойством привлекать к себе молодежь и вести ее за собой. В каком-то смысле это была секта».

Майку такого рода карнавальная культура была не слишком близка, но он не без интереса наблюдал, как высокохудожественно сходят с ума в «Эврике» его новые приятели. По замыслу Горошевского, музыканты «Аквариума» должны были выступать на сцене, читать монологи и петь.

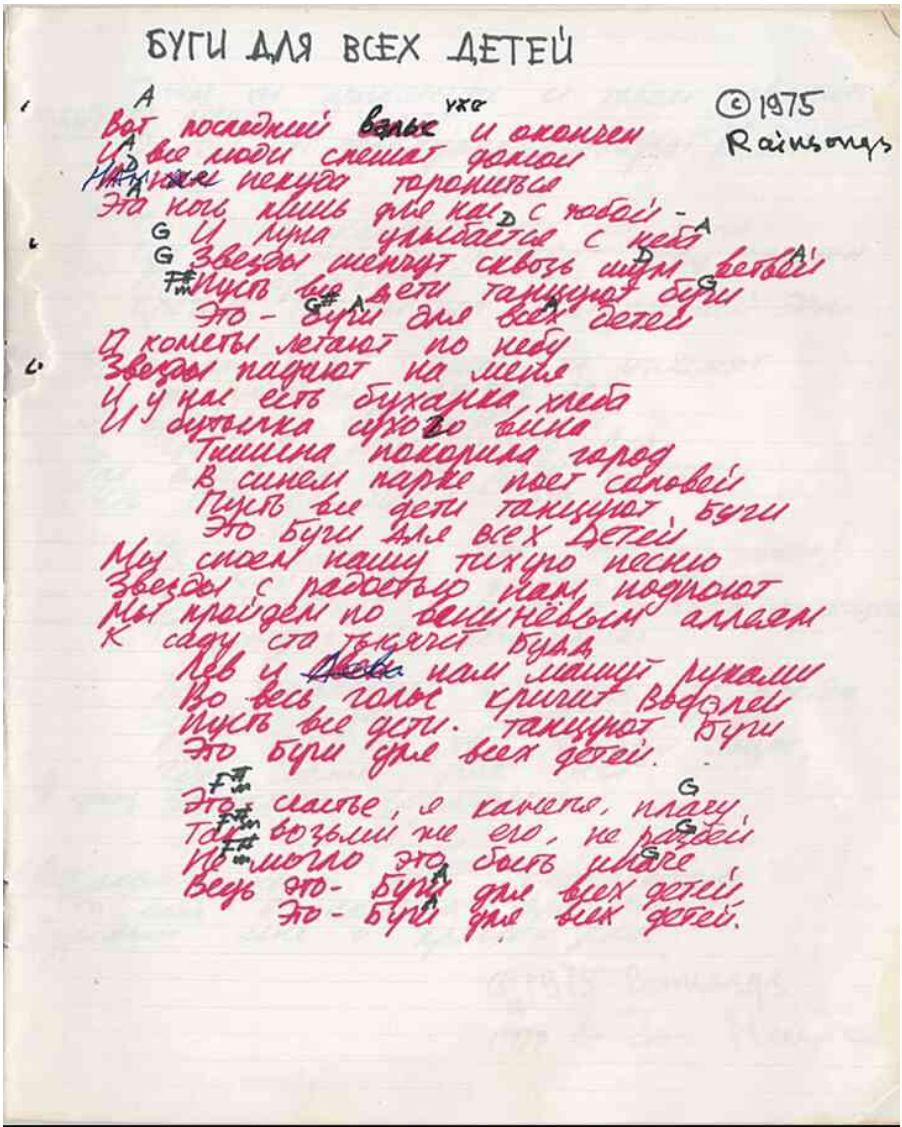
Джордж Гуницкий числился теперь в должности не только актера, но и основного драматурга, своего рода — заведующего литературной частью. Несколько его пьес сопровождалась музыкой Гребенщикова, часть композиций писали друзья и знакомые. Через несколько лет Науменко сочинит для студии Горошевского ряд своих наиболее знаменитых «песен протеста». Но вспоминать об этом Майк почему-то не любил, комментируя эти ностальгические события крайне редко и обтекаемо.

По воспоминаниям музыкантов, после репетиций у Горошевского они часто заходили в гости к Науменко, жившему рядом, на Варшавской улице. Просто «попить чайку» — это цитата, пусть такой и останется. Невзирая на присутствие родственников, друзья подолгу оккупировали кухню, разговаривая обо всем на свете — от Jefferson Airplane и Jefferson Starship до Лу Рида и Леонарда Коэна.

> «Майк был хилым романтиком, — вспоминал Гребенщиков. — И как у всякого романтика, у него было сильно развито чувство собственного достоинства. И необходимость набираться знаний, которыми он может компенсировать свою хилость и романтизм. Эти знания он находил в области литературы и музыки».

Тогда Майк особенно близко сошелся с Фаном и Севой Гаккелем. Даже неформально Науменко предпочитал называть Фана — Михаилом, а Гаккеля — Всеволодом. Может быть, из уважения к именам, данным им предками — у Фана и Гаккеля были свои семейные истории и традиции.

«Мой дед по материнской линии Всеволод Молькентин был капитаном Семеновского полка, — рассказывал Всеволод Яковлевич Гаккель. — По классическому сценарию он отступил с Белой армией и в итоге оказался в Париже. Моя бабушка тогда осталась в Петербурге с тремя детьми. И только после смерти Сталина дед смог передать ей несколько писем через родственников в Эстонии. Он умер в 1958 году, так и не увидев семью. Свидетельство о его смерти было нашей семейной тайной».


БУГИ ДЛЯ ВСЕХ ДЕТЕЙ
© 1975
Raimonds
Вот последний белых и окончен
Все люди спешат домой
Это хоть каши две как с тобой -
И луна улыбается с неба
Звезды шепчут сквозь шум ветвей
Пусть все дети танцуют буги
Это - буги для всех детей
О кометы летают по небу
Звезды падают на меня
И у нас есть булочка, хлеба
И бутылка сухого вина
Тишина покорила город
В синем парке поет соловей
Пусть все дети танцуют буги
Это буги для всех детей
Мы споем нашу тихую песню
Звезды с радостью нам подпоют
Мы пройдем по вечерним аллеям
К саду со звездой будд
Лев и [illegible] нам машут руками
Во весь голос кричит воробей
Пусть все дети. танцуют буги
Это буги для всех детей.
Это счастье, я кричу, плачу,
Так возьми же его, не жалей
Не могло это сбыться иначе
Весь это - буги для всех детей
Это - буги для всех детей.

Фрагмент из поэтической тетрадки Майка

Отец Файнштейна в Белой армии не воевал, а скромно служил капитаном первого ранга. Но его непутевый сын выбрал карьеру не морского офицера, а окончил инженерно-экономический институт.

В «Аквариуме» Фан начал играть в 1973 году, случайно познакомившись с Гребенщиковым у выхода из метро. Говорят, что они узнали друг друга мнемоническим путем — по фирменным пластинкам Джона Мэйолла и The Moody Blues, которые сжимали в руках. Получив от Бориса предложение помузицировать, Михаил тут же согласился. В итоге он оказался

самым опытным участником будущего «Аквариума», поскольку уже успел поиграть в малоизвестной группе «Фракция психоделии».

Подружившись с Майком, Фан полюбил обсуждать с ним свежие диски и ревниво сравнивать собственные домашние коллекции.

«Я тогда собирал машинки, а Майк — самолетики. И про самолетики он знал абсолютно все, — уверял басист „Аквариума“. — Мы выходили на улицу, и Майк говорил: „Вот полетел МиГ-21!“ А я говорил: „Вот поехала Toyota!“ И мы получали огромное удовольствие от того, что обладаем такими бесполезными знаниями».

Но вскоре их неупорядоченная жизнь приобрела более выраженную цель. На горизонте замаячили летние рок-фестивали в Прибалтике, на которые музыканты «Аквариума» имели неизменную привычку добираться автостопом.

Автостопом в Прибалтику: Майк (в окне слева), Саша Теребенин (в очках),1975

Фото из архива Александра Теребенина

«Мы ездили часто, — утверждал Гребенщиков в интервью для этой книги. — Как только удавалось, как только дорога становилась проходимой, потому что зимой было сложно ездить автостопом. И мы мотались при каждом удобном случае, когда было время: весь „Аквариум“, и Родион, и Майк».

Все эти веселые странствия начались с того, что однажды друзья двинули на неделю английского кино в Таллин и вернулись оттуда исполненными впечатлений. Там они впервые увидели легендарный мультфильм Yellow Submarine — как известно, с «битлами» в главных мультипликационных ролях.

«В этой фантастической поездке участвовали Борис, Фан, Родион и я, — вспоминал Марат Айрапетян. — У Коли Васина была сломана нога, и он не поехал… До самого последнего момента мы не были уверены, что там покажут именно The Beatles, поскольку в программе кинофестиваля было заявлено три мультфильма, никак не анонсированных. Два из них быстро промчались, и, наконец, это случилось… Первый сеанс был просто чудом, второй — неземным наслаждением… Мы бы проторчали в Таллине всю неделю, но на четвертом сеансе неожиданно объявился переводчик, пытавшийся переводить не только речь, но и тексты песен — и от отвращения мы уехали».

Тем не менее, путешествия в Прибалтику музыкантам понравились. Эстонию, Латвию и Литву они воспринимали как часть западного мира, в котором все было не так, как в Ленинграде. Там по радио иногда передавали рок-музыку, а телевизионные антенны ловили музыкальные передачи из Финляндии. В Таллине, Вильянди и Лиепае порой случались фестивали на открытом воздухе, которые наблюдали многие сотни зрителей.

Услыхав об этом, Майк в августе 1975 года впервые решился поехать в Прибалтику. Для него, знавшего и читавшего Керуака, это путешествие в жанре hitchhike стало еще одной попыткой бегства из условного зоопарка. Не колеблясь, он сунул в холщовую сумку зубную щетку, свитер и направился ловить «попутку» в сторону Пскова.

«Дня через три, когда мы добрались до вожделенной Лиепаи, выяснилось, что никакого фестиваля не будет, — описывал эту поездку в книге „Аквариум, как способ ухода за теннисным кортом“ Сева Гаккель. — На месте стрелки, на лужайке у почтамта, мы встретили Майка и Родиона. Майк собирался ехать дальше, в Калининград, а мы с Фаном и Родионом отправились домой».

К сожалению, нам не удалось реконструировать все маршруты Майка того лета. Есть вероятность, что, вкусив сладостный дух приключений, 20-летний Науменко отправился вглубь страны. Он бороздил версту за верстой в поисках не существовавших в природе рок-фестивалей. По одной из версий, после Калининграда случились Киев и Львов. И, судя по всему, никаких «земляничных полян» Майк там не обнаружил.

Вернувшись в Питер и проводив Фана в армию, Науменко начал готовиться к новому воображаемому прибалтийскому туру.

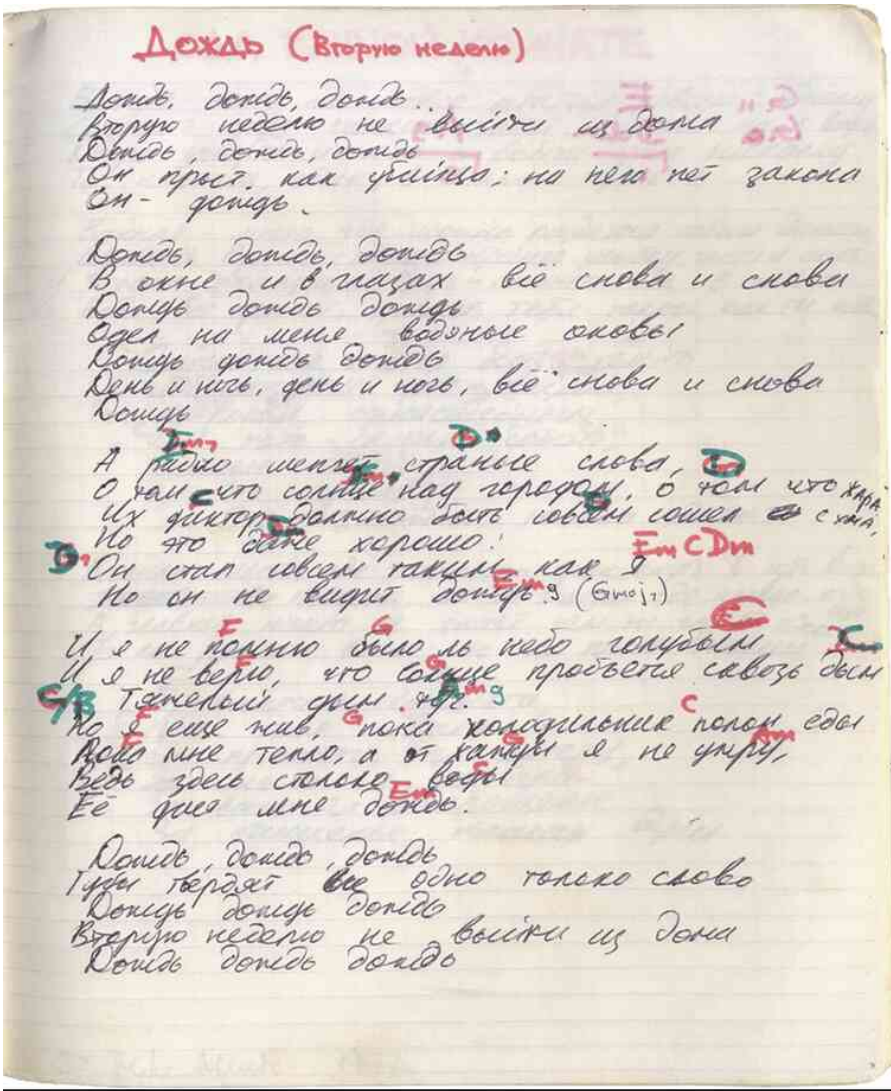
«У Майка были свои кодексы, которые он старался свято соблюдать, — рассказывала мне впоследствии Татьяна Апраксина. — „Стопщик“ должен был иметь при себе самое надежное: никаких смен одежды; из гигиенических принадлежностей разрешалась только зубная щетка. Зато обязательным, на случай непогоды, считался большой кусок пленки, которую Майк называл „пластикатом“. Это слово застряло в нем из папиного лексикона — по крайней мере, так мне казалось».

В это время по городу распространились слухи, что ленинградские ансамбли «Орнамент», «Аргонавты» и «Савояры» приглашены на следующий год выступать в Лиепаю. Также там планировались рижский «Менуэт» и местная группа Neptuns. И Майка со страшной силой потянуло на новые приключения.

«В середине семидесятых наш круг людей интересовался жизнью немножко больше, чем эта жизнь нам давала, — философствовал на тему миграции в Прибалтику флейтист „Аквариума“ Дюша Романов. — Неприкаянность формировала сознание людей, и мы ездили из города в город, путешествовали автостопом. Люди двигались, спешили познать как можно больше и как можно быстрее… И это было высочайшего уровня общение между людьми».

Похожая навигация двигала и Майком Науменко. Осенью 1975 года он познакомился с юным музыкантом Сашей Теребениным, который играл в группе Yellow Snow, делившей репетиционную базу с легендарными «Россиянами» Жоры Ордановского.

«Майк круто разбирался в музыке, и на этой почве мы приятельствовали, — рассказывал спустя годы Александр Теребенин. — Мне было семнадцать лет, я часто не ночевал дома и находился в беспризорном хипповом состоянии. После какого-то сейшна я остался ночевать на Варшавской, а утром Науменко предложил: „Слушай, а поехали со мной "стопом" на фестиваль?“ У меня было рубля три в кармане, и я согласился. Поехали вчетвером: я, Майк, Гребенщиков и его будущая жена Наташа Козловская».



Дождь (Вторую неделю)

Дождь, дождь, дождь...
Вторую неделю не выйти из дома
Дождь, дождь, дождь
Он прост, как убийство: на него нет закона
Он - дождь.

Дождь, дождь, дождь
В окне и в глазах всё снова и снова
Дождь дождь дождь
Одел на меня водяные оковы
Дождь дождь дождь
День и ночь, день и ночь, всё снова и снова
Дождь

А радио шепчет странные слова,
О том что солнце над городом, о том что жара
Их диктор должно быть совсем сошел с ума,
Но это даже хорошо.
Он стал совсем такой как я
Но он не видит дождя. (Gmaj7)

И я не помню было ль небо голубым
И я не верю, что солнце пробьется сквозь дым
Тяжелый дым. (Fm9)
Но я еще жив, пока холодильник полон еды
Пока мне тепло, а от какого я не умру,
Ведь здесь столько вер
Её дает мне дождь.

Дождь, дождь, дождь
Губы твердят все одно только слово
Дождь дождь дождь
Вторую неделю не выйти из дома
Дождь дождь дождь

Фрагмент из поэтической тетрадки Майка, 1976

Так, летом 1976 года Науменко снова отправился в Прибалтику — с эфемерной надеждой посетить «советский Вудсток». В свое время его очень впечатлил рассказ Фана о поездке на таллинский фестиваль, где «Аквариум» вдруг сыграл несколько акустических композиций. Еще там выступала московская группа «Машина времени», которая исполняла психоделический гимн «Туманные поля». По словам басиста «Аквариума», это была «тяжелая мистика».

После некоторых раздумий Майк решил ехать в Лиепаю без гитары. «Если вдруг получится выступить, найдем инструменты на месте», — логично заявил Науменко.

На двух грузовиках вся компания доехала до Пскова, а затем разделилась. Борис с Натальей остановились в гостинице, а Науменко с Теребениным отправились в Псково-Печерский монастырь, во дворе которого устроились на ночлег в стоге сена.

На следующий день пилигримы добрались до Лиепаи. Денег на входные билеты не было, но с помощью знакомых им удалось проникнуть на заповедную территорию фестиваля.

Глазам Майка открылась нереальная для Ленинграда картина. Перед деревянной сценой на залитой солнцем лужайке собралась пара сотен длинноволосых парней и девушек. И хотя перед каждым ансамблем на сцену выходил вполне официальный конферансье и неуместно объявлял артистов, представить такое в остальном СССР было просто невозможно.

По воспоминаниям Теребенина, большинство музыкантов играли что-то народное, и роком на фестивале не пахло и в помине. Через несколько часов, стрельнув у местных хиппи немного травы, путешественники отбыли в сторону Таллина, где их ждали Борис с Натальей.

У Гребенщикова в те дни было приподнятое настроение. Во-первых, он только что сочинил убойный рок-номер «Дорога 21», посвященный автостопу по маршруту Ленинград — Таллин. Майк уловил в нем явные отголоски Route 66 и Highway 61 Revisited, хотя новая песня ему очень понравилась.

Во-вторых, идеологу «Аквариума» удалось в квартирных условиях записать новый магнитофонный альбом «С той стороны зеркального стекла». Сидя у Ратушной площади, напротив здания с вывеской «Таллинфильм», Майк прослушал на переносном кассетнике «Романтика-304» все композиции. Особенно сильно его впечатлили «Блюз НТР», «Незнакомка» и шизофренический «Блюз свиньи в ушах», который он помнил еще по концерту в «Эврике».

Майк, Зина Васильева, друг, Фан и Борис
Фото из архива Натальи Науменко

Несмотря на черновой кассетный звук, Науменко обратил внимание, что все песни записаны без фортепиано, флейты и баса. Виолончель Гаккеля звучала только в одной композиции, все остальное — акустическая гитара, губная гармошка и вокал Гребенщикова. Такой минимализм объяснялся просто: флейтист Дюша тогда полностью растворился в театре Горошевского, записать виолончель не получилось технически, а Файнштейн должен был вернуться из армии только осенью.

«А вы не планируете искать для „Аквариума“ нового басиста?» — спросил Майк. Ответ Бориса его поразил: «Искать мы никого не планируем, а подождем, когда Фан вернется из армии. Мы просто будем его ждать».

Свадьба Бориса и Наташи, 1976
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Поиски стиля

«Уметь хорошо лажать — это большое искусство»

Журнал «Рокси», 1978 год

По возвращении из Таллина музыкальная общественность замерла в ожидании широко анонсируемой свадьбы Бориса Гребенщикова и Наташи Козловской. Мероприятие было запланировано на осень 1976 года — ни много, ни мало, в ресторане «Астория» на Большой Морской. Вернувшийся из армии Фан раздобыл гору аппаратуры и даже новую барабанную установку с фирменным «железом».

Ночь накануне торжества прошла в невиданных приготовлениях. Под покровом темноты в зал вносили самодельные порталы, мониторы, микрофонные стойки, а также микшерный пульт и дискотечную «цветомузыку» — исключительный дефицит советской эпохи! Размашистая церемония бракосочетания перетекла в дионисийские вакханалии, завершившиеся джемом с участием музыкантов «Аквариума» и «Машины времени». По слухам, у кого-то в архивах даже сохранилась запись A Wedding Jam Live at Astoria, во время которого были сыграны все излюбленные вещи из репертуара The Beatles, The Rolling Stones и The Animals. Не знаю, меня там не было, но так говорят.

«На свадьбе я познакомился с Макаревичем, — вспоминал Саша Теребенин. — Тогда местные халдеи совершенно прибалдели от того, что в их „центровой“ кабак ввалилось полсотни хиппарей с длинными волосами, в джинсах и с заплатками. И весь вечер ребята из „Аквариума“, „Машины времени“, а также Майк и Юра Ильченко играли на гитарах и пели. Было весело, расходиться не хотелось, и ночью мы поехали к главному питерскому хиппарю Гене Зайцеву. Он ужасно испугался, увидев, как я забиваю косяк: „В моем доме?! Да никогда!“ Меня это сильно поразило, потому что я искренне считал, что все музыканты курят траву».

День рождения Джона Леннона, в центре — Коля Васин
Фото из архива Александра Донских

Позднее Теребенин отдалился от Майка, увлекшись тяжелыми наркотиками. Примерно тогда же некоторые музыканты из коллективов «Мифы» и «Большой Железный Колокол» угодили в тюрьму за употребление марихуаны и более серьезных препаратов. К счастью, в те годы наркотики в Ленинграде еще были не слишком распространены, зато рок-н-ролльная жизнь бурлила все шире и осмысленнее.

Первым сигналом перемен стали акции, посвященные музыкантам The Beatles. Самый ранний из таких концертов случился в кафе «Кристалл» 9 октября 1976 года — в день рождения Джона Леннона.

«Праздники The Beatles обычно проводились у меня дома, поскольку мы нигде не могли арендовать зал, — объяснял Коля Васин. — Но потом кто-то сказал, что в буфете кафе „Кристалл“ по вечерам крутят „битлов“. Я поехал, договорился с директором — как обычно, столько-то рублей сверху, — и дело было сделано».

В том эпохальном концерте участвовали группы «Аквариум», «Машина времени», «Союз любителей музыки рок», фолк-певица Ольга Першина и Юрий Степанов из «Мифов». По воспоминаниям музыкантов, Гребенщиков с друзьями пели Don’t Let Me Down, лидер «Союза любителей музыки рок» Володя Козлов блестяще исполнил Imagine, а Андрей Макаревич продемонстрировал свой новый хит «День рождения».

Неизвестно, был ли Майк на концерте в кафе «Кристалл». Но буквально через несколько недель оказался на Ржевке — в знаменитой квартире устроителя этого сейшна и главного ленинградского битломана Коли Васина.

«Извольте рухнуть в клевость!» — приветствовал хозяин и пригласил Майка ознакомиться со сборником Юры Ильченко «Дождь», записанным у Коли дома. Потом — концертник The Beatles at the Hollywood Bowl. А на десерт Васин похвастался сольным альбомом Джона Леннона с автографом, полученным по почте прямо из Нью-Йорка — назло всем предрассудкам и законам «железного занавеса».

Майк
Фото: Андрей «Вилли» Усов

В ответ Науменко робко предложил «послушать его занудство».

> «Майк приехал ко мне с очень маленькой катушкой, не помню, какие на ней были композиции, — рассказывал Васин. — В колонках забренчала акустическая гитара, сквозь нее пробивался невнятный голос. Когда песня закончилась, я поставил магнитофон на паузу. Майк, немножко испуганный этой паузой, смотрел на меня выжидающе: „Ну как?“ — с надеждой

спросил он. И я ему по-честному заявил: „Мне не очень нравится твой голос“. А Миша благородно ответил: „Мне он тоже не очень нравится“. Этот момент я хорошо запомнил. Понял сразу, что это мой человек. Он не такой ранимый, как Боб, например, или Макаревич. Простой мужик и честный».

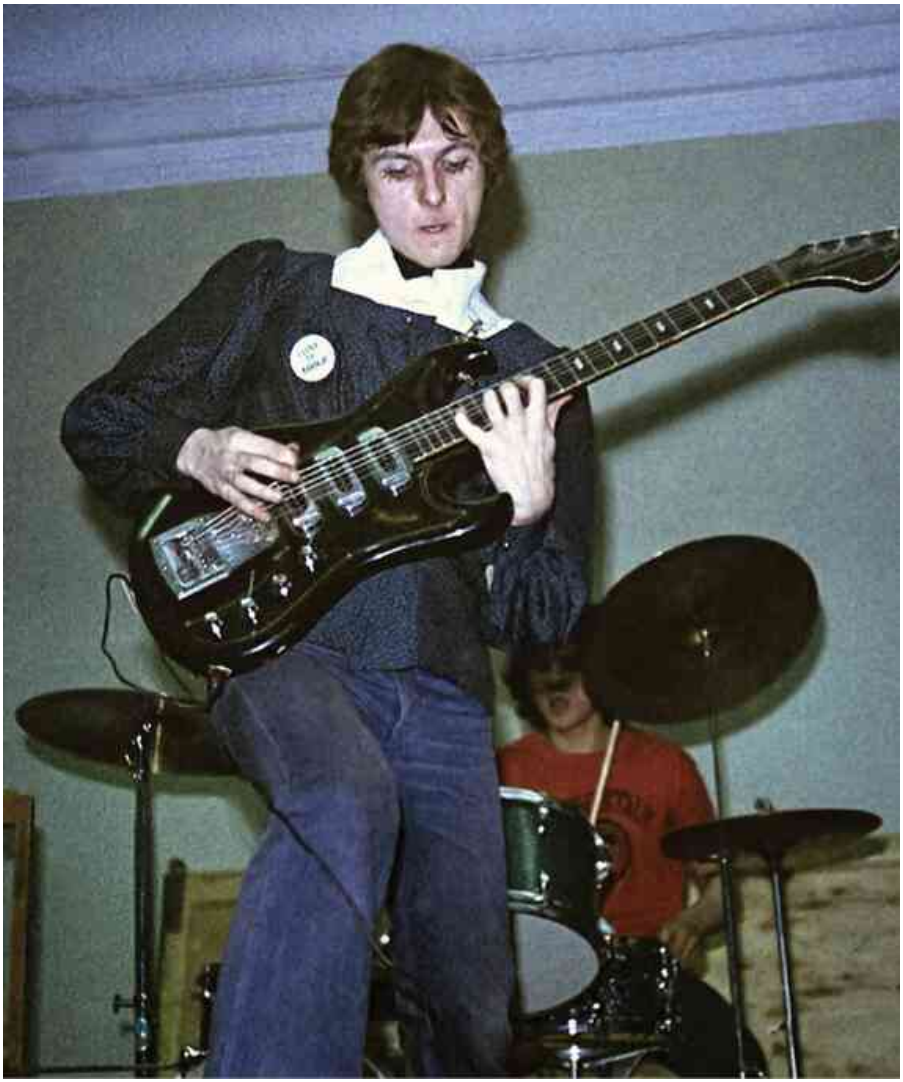
25 февраля следующего, 1977 года, Майк уже выступал на концерте, организованном Васиным ко дню рождения Джорджа Харрисона. Сменив на сцене музыкантов «Аквариума» в белых одеждах, Науменко предложил весьма неожиданное прочтение знаменитых «битловских» песен.

«Я прекрасно помню в исполнении Майка композицию Drive My Car, — улыбается Марат Айрапетян. — Науменко изменил ее до неузнаваемости и неожиданно ухитрился спеть в заунывном стиле city gospel. И получилось просто чудесно».

После этого концерта Майк сблизился с Колей Васиным. Часто заезжал к нему на Ржевку, и они вместе отправлялись гулять по близлежащим окрестностям.

«Мы ездили в Приютино, дворянскую усадьбу, находившуюся в трех километрах от Ржевки, в сторону Всеволожска, — вспоминал Васин в одном из интервью. — Там бывал Пушкин, собирались питерские художники-аристократы. Мы с Майком приезжали, садились к воде, расстилали скатерть-самобранку. Выпьем по две рюмки — и в воду. Поплаваем — и снова к столу. Заканчивали, как правило, под вечер, когда уже на маршрутке в город не вернешься, и ловили попутные машины. Так мы просто дружили и стяжали Дух Святой».

В этот беззаботный период Майк начал активно приятельствовать с упомянутым уже звукорежиссером «Аквариума» Маратом Айрапетяном. Как-то раз Науменко пригласил его домой, написав свой адрес на ноге Марата зеленым фломастером. Произошло это прямо в вагоне метро, в разгар рабочего дня.



Майк + Женя Губерман, 1977
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Айрапетяну было интересно общаться с эрудитом Науменко. Майк обрушивал на приятеля водопады информации, почерпнутой со страниц свежих англоязычных рок-изданий. Марат парировал размышлениями о романах Кастанеды и Толкина, которые ухитрялся доставать в оригинальных изданиях. Науменко тогда часто погружался в лирику Леонарда Коэна, Марка Болана и Боба Дилана, уходил в резонансное «юбилейное» интервью Джона Леннона еженедельнику New Musical Express, укрывался прозой Ричарда Баха и Джека Керуака.

«Майк полюбил Керуака, которого мы читали в оригинале, — рассказывала позднее Татьяна Апраксина. — Он был для Майка

первым автором, открывшим приемлемый для него способ отношений с материей веры и религии (второй — Ричард Бах). Игры Керуака с дзенской терминологией были, по мнению Майка, способом еще раз показать, что верить можно только в саму жизнь. Такую, какая она есть. В ее реальность, за или сверх которой ничего не существует. И глупо предполагать обратное. Всякие религиозные умонастроения Науменко считал жульничеством и дурным тоном — и немедленно прерывал любого, кто пытался с ним об этом говорить».

Наконец-то Марат с Майком перешли от нескончаемых разговоров и возлияний к направленным действиям. Воспользовавшись дачным отсутствием родителей, друзья превратили семейную квартиру в экспериментальную звуковую лабораторию. Поперек комнаты натянули бельевую веревку и приспособили к ней два микрофона: для голоса и для гитары. Здесь же, на обеденном столе, громоздились микшерный пульт и катушечный магнитофон «Маяк-203».

«До сих пор у меня перед глазами стоит картинка, как Майк заунывным голосом поет Baby, You Can Drive My Car, — вспоминает Айрапетян. — Ранние песни у него были совершенно нестандартные — под акустическую гитару, с незамысловатой мелодией и чудовищными текстами. Иными словами, какой-то сырой бард-рок. Скорее всего, эти записи никуда не попали, просто Мише очень хотелось чувствовать себя „музыкантом“».

А вдруг на этих ранних бобинах записано то, что затем составит неочевидную славу русского рока?! Или — почему нет?! — Марату с Майком удалось именно тогда записать вещь с названием «Седьмая глава»: «И утром я встану первый, приготовлю кофе и торт / Поставлю T. Rex, и тебя разбудит бодрый мажорный аккорд / И выпив свой кофе, ты куда-то уйдешь, махнув мне на прощанье рукой / А я отмою с паркета кровь и обрету свой душевный покой».

Параллельно попыткам записывать песни Науменко обрастал проектами, в которых ему приходилось выступать в роли сессионного музыканта. К примеру, несколько месяцев он играл в «Союзе любителей музыки рок» на танцах в Уткиной Заводи — до тех пор, пока у него, по официальной версии, не украли бас-гитару.

> «В семидесятых у меня было множество рок-групп, но все они оказались неинтересными, — признавался Майк в одном из интервью. — Мы играли всякое фуфло и западные дела. Первая приличная группа — это „Союз любителей музыки рок“. Но с дисциплиной там было

очень строго. Начальник Володя Козлов никому ничего не разрешал делать своего. А играл он исключительно то, что было нужно ему. Поэтому вскоре я оттуда ушел».

Тогда же Науменко сошелся с рок-фотографом Андреем «Вилли» Усовым — случилось это довольно стихийно.

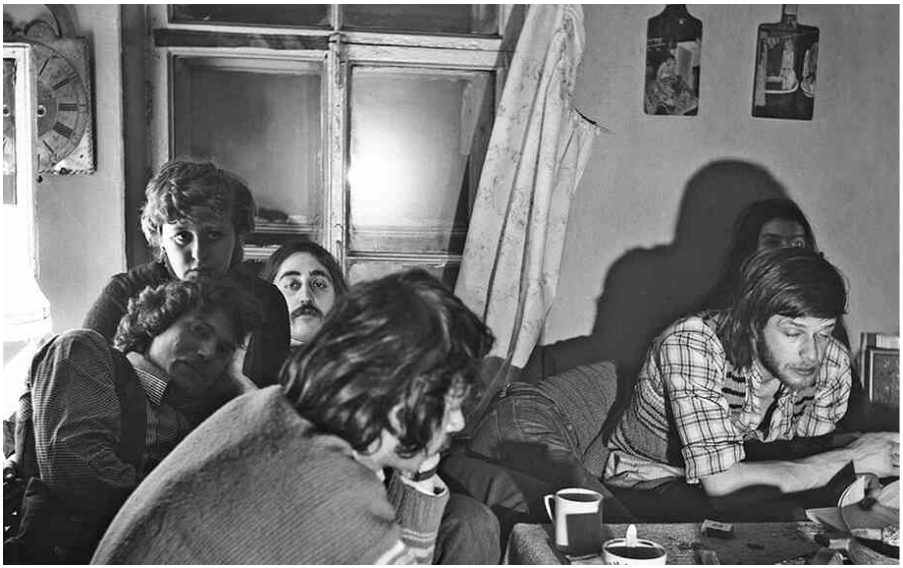
«Майка я впервые услышал в Михайловском замке, — вспоминал Вилли. — Очень часто летом мы отправлялись на ступени замка со стороны Летнего сада и бросали там тарелки фрисби, а параллельно распивали грузинское вино — стоило оно тогда какие-то копейки. И как-то раз там появился Майк со своей раздолбанной гитарой. Он тогда был худеньким, скромненьким, в пиджачке и с галстуком».

Вскоре Науменко принял участие в музыкальном проекте Усова с аполитичным названием «Ассоциация скорбящих по летнему отдыху». Летом этот же проект назывался: «Ассоциация скорбящих по зимнему отдыху». За два года — 77-й и 78-й — Усов и Майк сыграли несколько концертов с джазовым барабанщиком-виртуозом Женей Губерманом. Майк пилил на электрогитаре, Губерман отвечал за упругий ритм, а Вилли пел — представьте себе, если можете, в таком исполнении Mother's Little Helper из репертуара The Rolling Stones.

Именно здесь начались поиски имиджа — как полагается, с подражания. Майк подкрашивал глаза, как Дэвид Боуи, и выходил на дощатые сцены советских домов культуры в женской блузке с бархатным ошейником и приколотой к нему сверкающей брошью.

«Однажды Майк рассказал мне, что Дженис Джоплин выпивает за концерт бутылку виски, — вспоминал Саша Самородницкий. — Смотрю, как-то раз Науменко выходит на сцену и так небрежно ставит на рояль пустую бутылку. Слово „шоу“ я впервые услышал именно от Майка, который просветил меня о том, что Марк Болан „делает шоу“ и объяснил, чем именно „шоу“ отличается от концерта. Время от времени он дарил мне какие-то фотографии и пленки. Майк мечтал о шоу, но для этого, разумеется, у него не было ни денег, ни возможностей. Но я теперь понимал, откуда стали появляться эта подкраска глаз, бутылки и настройки гитары перед концертом».

Несмотря на первые удачные опыты, живых выступлений у Майка было по-прежнему немного. А концертных записей или студийных альбомов и вовсе не было.



Фан (лежит), Зина Васильева, Марат, Борис и Наташа в Апраксином дворце

Фото: Андрей «Вилли» Усов

«Несколько раз я пытался сделать сольник, — объяснял Науменко. — Записываться дома на магнитофон — несерьезно, получается очень плохо. А договориться о записи на студии оказалось чрезвычайно сложно».

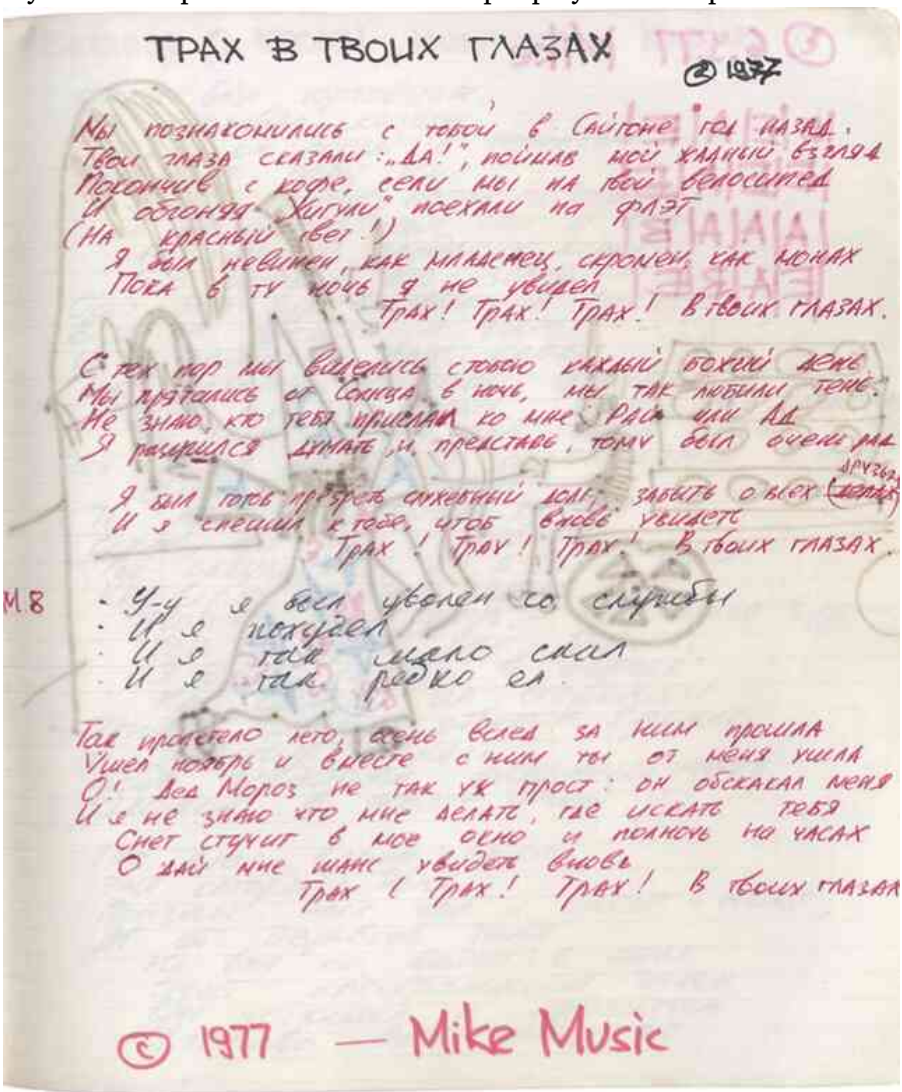
Майк отрепетировал несколько песен, которые не спешил никому показывать. Отчасти — стеснялся, отчасти — потому что находилось множество других тем для общения. Из новых композиций он больше других гордился стебным номером «Трах в твоих глазах», который позже превратился в «(С)трах в твоих глазах». Похожая метаморфоза случилась и с песней «Если ты хочешь», где дерзкая строчка «ты можешь переспать со мной» остыла до «ты можешь спать рядом со мной», сохраняя двусмысленность без лишнего напряжения.

Погруженные в контекст свидетели утверждают, что эта композиция была написана под влиянием первой взрослой драмы. Юная особа по кличке Бэби, в которую Майк был безответно влюблен, не согласилась нарушить платонический характер их отношений. В ответ на настойчивые ухаживания она окончательно перестала с ним видеться и в последующие годы тщательно дистанцировалась от любых упоминаний про «ленинградского Марка Болана».

Науменко переживал этот внутренний кризис тяжело — пока не набросал черновой вариант текста новой песни. Как всегда в таких случаях — вдруг, почти случайно.

«Как-то раз я по привычке открываю Melody Maker и вижу название The Lies In Your Eyes, такое вот, на английском языке, у группы The Sweet, — рассказывал Науменко на одном из концертов. — Я подумал: „Черт, хорошее название, надо написать что-нибудь подобное… Я никогда не слышал эту вещь в оригинале. Ну, что может быть в глазах? Естественно, страх… Так все и получилось“».

Родившуюся параллельно со «Страхом…» новую композицию Науменко впервые исполнил на квартире у Тани Апраксиной.



ТРАХ В ТВОИХ ГЛАЗАХ

© 1977

Мы познакомились с тобой в Сайгоне год назад.
Твои глаза сказали: „ДА!", поймав мой жадный взгляд.
Покончив с кофе, сели мы на твой велосипед
И обгоняя „Хитачи" поехали на флэт
(На красный свет!)
Я был невинен, как младенец, скромен, как монах
Пока в ту ночь я не увидел
Трах! Трах! Трах! В твоих глазах.

С тех пор мы виделись с тобою каждый божий день
Мы прятались от солнца в ночь, мы так любили тень.
Не знаю, кто тебя прислал ко мне: Рай или Ад
Я разрешился думать, и, представь, тому был очень рад

Я был готов пройти духовный ад: забыть о всех (друзьях, подругах)
И я спешил к тебе, чтоб вновь увидеть
Трах! Трах! Трах! В твоих глазах.

М 8 · У-у я был уволен со службы
· И я похудел
· И я так мало спал
· И я так редко ел

Так пролетело лето, осень вслед за ним прошла
Ушел ноябрь и вместе с ним ты от меня ушла
О! Дед Мороз не так уж прост: он обскакал меня
И я не знаю кто мне делать, где искать тебя
Снег стучит в мое окно и полночь на часах
О дай мне шанс увидеть вновь
Трах! Трах! Трах! В твоих глазах

© 1977 — Mike Music

«Премьера песни „Ода ванной комнате“ прошла в домашней обстановке, — вспоминает Апраксина. — Из недомашних, правда, в этот раз присутствовала некто Ниночка — особа, весьма далекая

от музыкальных или интеллектуальных интересов. Тем большее впечатление на нее произвела эта песня. Ниночка практически прослезилась, когда по ее просьбе Майк спел „Ванную комнату“ в третий раз. Во-первых, это было, наконец-то, „по-нашему, по-русски!“. Во-вторых, все чувства в этой песне были ей знакомы и понятны. Этой своей первой любви она не изменила никогда. Она не стала поклонницей Майка — только этой песни, которую просила исполнить всякий раз, как с Майком сталкивалась».

Тем временем Майк начал сочинять рассказы. В некоторых из них повествование ведется от лица утомленной славой рок-звезды, что для СССР было покруче любой научной фантастики:

«Вообще я ужасно устал. Год выдался чертовски напряженным: сначала гастроли по Австралии вместе с „Керосиновым контактом“, долгая, выматывающая все нервы, работа над очередной долгоиграющей пластинкой, затем ряд не очень удачных концертов здесь, в Ленинграде, с новой, ни к черту не годной группой. Опять гастроли, но уже по Украине и Белоруссии, дрянные гостиницы, душные залы, мерзкие автобусы, потом работа в студии и опять гастроли. О репетициях я уже не говорю».

Согласно древней мудрости в пересказе Бориса Гребенщикова, «если чего-то хотеть — не сознательно, а всем существом, то это сбывается». Фантазии Науменко начали обретать реальные очертания после очередной встречи Майка с Борисом осенью 1977 года.

«Как студент университета, я попал на военные сборы куда-то под Кандалакшу, — рассказывал лидер „Аквариума“. — Сборы эти стали для меня крайне душеспасительны, потому что на целый месяц я оказался выключен из привычного круговорота событий. Все свободное время я проводил с гитарой, пытаясь написать песню, которая была бы понятна не только моим близким приятелям, но и просто людям. Вернувшись со сборов, я немедленно позвонил Майку. Через два часа мы с ним встретились — где-то в поле, среди бетонных труб — чтобы обсудить планы на жизнь».

Майк со своей девушкой
Фото из архива Александра Теребенина

Первым делом они показали друг другу новые песни. Науменко сыграл «Балладу о Кроки» и «Седьмую главу», Гребенщиков — «Если кончится дождь» и «Всадник между небом и землей». В тот вечер между «партизанами рока» прошел такой сильный разряд тока, что прямо в автобусе на обратном пути Борис помог Майку дописать «Похмельный блюз» и вышеупомянутую композицию «Если ты хочешь», созданную под впечатлением от The Rolling Stones.

Гребенщиков и Науменко жили тогда в Московском районе, в пешей доступности друг от друга. Один — на Алтайской улице, а

другой — на Варшавской. Они часто встречались у метро «Парк Победы» и ехали в центр — создавать среду обитания и подталкивать ход истории. Это было крайне непросто — в отсутствие инфраструктуры стартовать ленинградскому рок-н-роллу приходилось на пустынном месте.

Планы первопроходцев были просты — писать и исполнять рок на русском языке. «У нас с Майком не было ни малейших сомнений, — вспоминал Гребенщиков, — что, если мы сможем своей музыкой передать красоту настоящего рок-н-ролла, жизнь в этой стране изменится».

Очаги новой жизни зарождались в разных местах города. Во-первых, Борис Гребенщиков, Коля Васин и Юра Ильченко создали первый в истории русский рок-фанзин под называнием «Рокси». На тонких машинописных страницах ими изнутри обозревалась ленинградская неофициальная музыкальная жизнь, и одним из приглашенных пишущих авторов стал Майк. Тираж этого самодельного журнала был крохотный, но объединяющий эффект оказался колоссальный. Писать всем членам редакции приходилось самим. К примеру, в первом номере «Рокси» Гребенщиков отметился культурологической статьей «О врубе», Васин скрупулезно исследовал феномен «Машины времени», а Науменко написал эмоциональный некролог Марку Болану, трагически разбившемуся на автомобиле осенью 1977 года.

Во-вторых, на квартире Севы Гаккеля начались репетиции нового проекта, получившего симпатичное название «Вокально-инструментальная группировка имени Чака Берри». Он состоял из музыкантов «Аквариума» и участников других питерских групп — и специализировался на исполнении танцевальных хитов вроде Sweet Little Sixteen и Blue Suede Shoes. Майк выступал здесь то гитаристом, то вокалистом, отходя от простого рок-н-ролла в фирменный глэм-рок. Тогда Майк искал собственный путь — иногда наощупь.

> «Я исполняю обязанности рок-н-ролльной шлюхи, — полушутливо заявлял он на страницах „Рокси“. — Играю, где придется, с кем придется и что придется».

Свой первый концерт «Вокально-инструментальная группировка имени Чака Берри» сыграла в декабре 1977 года — в одной из лекционных аудиторий ЛИСИ. Приближался Новый год, и вместо очередной дискотеки молодые архитекторы решили пригласить к себе «настоящий вокально-инструментальный ансамбль».

«Вокально-инструментальная группировка имени Чака Берри», 1977

Фото: Андрей «Вилли» Усов

По объему выпитого советское шампанское соперничало с жигулевским пивом. Строители светлого будущего все усерднее дрыгались под Jailhouse Rock. На пике праздника «Аквариум» храбро исполнил авторские композиции «Мозговые рыбаки» и «Мужской блюз», а Майк в сопровождении Гребенщикова, Гаккеля, Фана и Жени Губермана выдал медитативную версию Drive My Car, несколько рок-н-роллов Чака Берри и заводной стандарт Roll Over Beethoven.

Как вспоминал позднее один из зрителей, «это был плохо сбалансированный, но поразительно живой бардачный рок-н-ролльный оркестр, который играл музыку как бы по наитию». Апофеозом концерта в ЛИСИ стала «драка гитарами» в The Jean Genie Дэвида Боуи, после которой стоявшие на сцене музыканты, по воспоминаниям очевидцев, «соединили, наконец, свои вокалы в жутком рефрене».

«Музыкально все это, конечно, выглядело не очень, — резюмировал впоследствии Марат Айрапетян. — Все-таки рок-н-ролл требует для себя отменной техники, которой у Майка еще не было. Но визуально все смотрелось замечательно: раскрашенные рожи и, главное, хаотичные движения. В то время в СССР все музыканты еще стояли на сцене как вкопанные. А тут — шум, беготня и скачки на одной ноге в стиле Чака Берри. Не знаю, где

они это увидели, но скопировали все довольно точно».

За Смольным, 1978
Фото: Андрей «Вилли» Усов

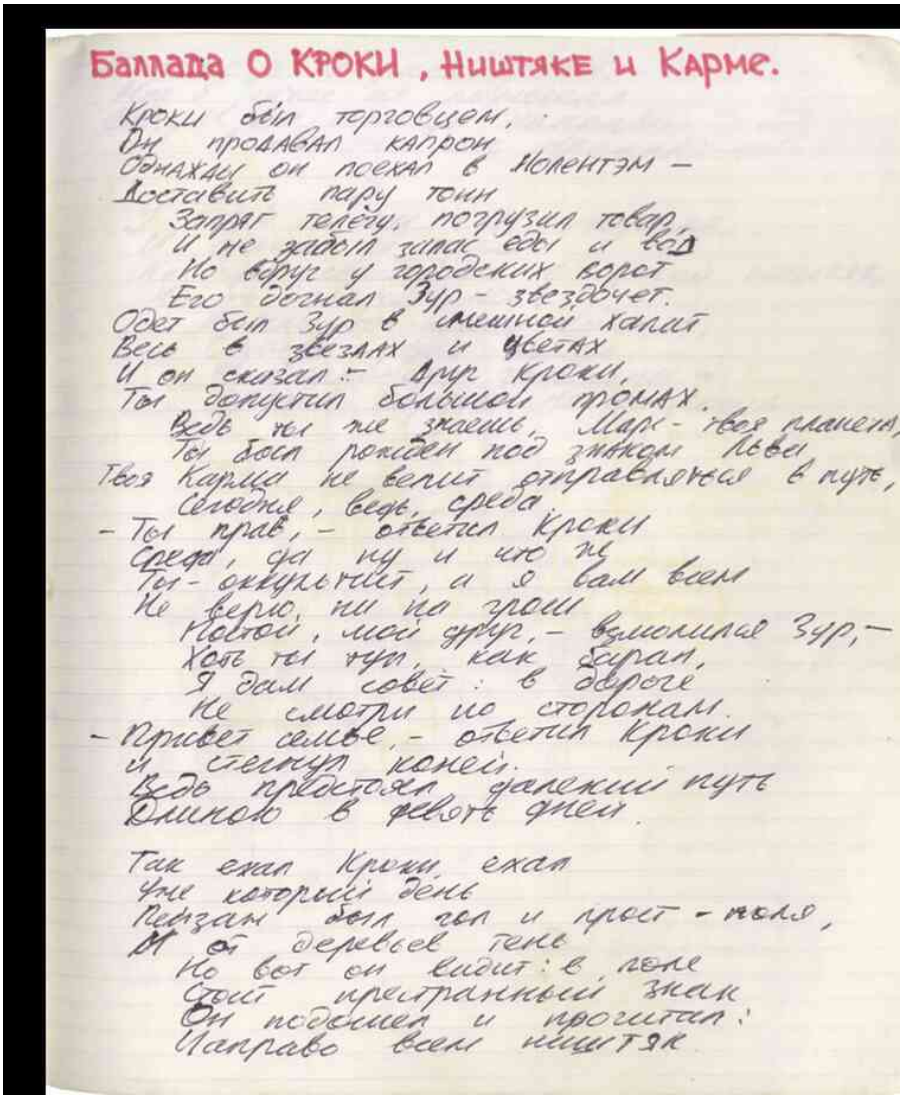
Между Вудстоком И Смольным

«Записи, сделанные в семидесятых, по праву принадлежат не музыковедению, но этнографии, ибо являются документом существования иной формы жизни. Другими словами, их можно изучать, но нельзя слушать»

Борис Гребенщиков

Еще одно феерическое выступление «Вокально-инструментальной группировки имени Чака Берри» состоялось в апреле 1978 года на факультете прикладной математики Ленинградского университета, где еще совсем недавно учился Гребенщиков. Того, что там случилось, я не видел, но Науменко называл это позднее «актом перфектного раздолбайства».

«Борис и Майк смотрелись вызывающе, — писал об этом мероприятии „Рокси“. — Последний пребывал в образе андрогина: общий экстерьер плюс накрашенные глаза в сочетании с синей психоделической робой придавали Майку несомненный шарм. А Гребенщиков, наоборот, был силен и огромен, и были у него рваные джинсы и желтые носки, что давало повод думать о возвращении незабвенных 67–69 годов».



Баллада о Кроки, Ништяке и Карме.

Кроки был торговцем,
Он продавал капрон
Однажды он поехал в Коленгэм –
Доставить пару тонн
Запряг телегу, погрузил товар,
И не жалел запас еды и вод
Но вдруг у городских ворот
Его догнал Зур - звездочет.
Одет был Зур в смешной халат
Весь в звездах и цветах
И он сказал: – Друг Кроки,
Ты допустил большой просчет.
Ведь ты же знаешь, Марс - твоя планета,
Ты был рожден под знаком Льва
Твоя Карма не велит отправляться в путь,
Сегодня, ведь, среда.
– Ты прав, – ответил Кроки
Среда, да ну и что ж
Ты - суеверен, а я вам всем
Не верю, ни по грош
Постой, мой друг, – взмолился Зур, –
Хоть ты тут, как Сократ,
Я дам совет: в дороге
Не смотри по сторонам.
– Привет семье, – ответил Кроки
И стегнул коней.
Ведь предстоял далекий путь
Длиною в девять дней.

Так ехал Кроки, ехал
Уже который день
Пейзаж был гол и прост - поля,
И ни деревьев тень
Но вот он видит: в поле
Стоит пристранный знак
Он подошел и прочитал:
Направо всем ништяк

Фрагмент из поэтической тетрадки Майка, 1977

Студенты-слушатели оцепенели в растерянности, поскольку прямо на их глазах происходило преображение социализма в желанный коммунизм. На пике антисоветского торжества в аудиторию заглянул ректор и грустно поинтересовался у орущих рокеров: «Извините, а я вам не мешаю?»

После того, как «Аквариум» поперли из университета, Гребенщиков и Науменко решили собственными силами провести фестиваль акустического рока. Он состоялся уже в мае 1978 года на набережной Невы, буквально в трехстах метрах от Смольного собора, здания факультета прикладной математики и университетской общаги.

По воспоминаниям музыкантов и гостей фестиваля, путь туда напоминал лабиринт Минотавра: доехать на редком городском автобусе до эфемерной остановки «По требованию», пробраться сквозь путаницу дворов и строек, преодолеть неосвещенный тоннель — и, наконец, оказаться на лужайке у излучины Невы.

В этом свежеосвященном месте небольшими, весьма живописными группами дефилировали вальяжные хиппи, неформальные художники и музыканты, а также любопытствующие иностранные студенты. У воды несколько человек играли во фрисби, а между ними носились брошенные на произвол судьбы лохматые дети. Организаторы почитывали Melody Maker, лениво покуривали и поглядывали внутрь самих себя…

Ближе к полудню на волшебной поляне собралось около полусотни человек. Сева Гаккель и его друзья разъезжали на странных немецких велосипедах, а «сумасшедший бриллиант» Валера Черкасов из университетской рок-группы ZA исполнял под гитару «стихи о советском паспорте». Во всем этом сквозил абсурдизм пьес присутствовавшего здесь Джорджа Гуницкого. Казалось, что через несколько лет после фестиваля в Вудстоке прогрессивные ленинградские хиппи решились на собственный «праздник цветов».

На берегу Невы, июнь 1978
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Первой на «главную сцену» вышла группа «Ассоциация

скорбящих по зимнему отдыху». Фотограф Андрей «Вилли» Усов был в шляпе, с самодельной гитарой и с загадочной траурной повязкой поверх розовой ковбойки. Он твердо знал, что этот концерт у его ансамбля будет последним. По его истовым убеждениям, все великие коллективы должны были быстро собраться, сыграть несколько концертов и тут же распасться. Поэтому Вилли пел и играл с легким сердцем: его музыкальная миссия на Земле была выполнена.

> Затем появился «Аквариум», который исполнил что-то из репертуара Боба Дилана и Grateful Dead, беспроигрышный «Блюз НТР» и новую композицию про летающую тарелку. Перед тем, как начать играть, Гребенщиков внезапно спросил у Майка: «Посмотри, не летит еще?». Майк задрал голову к небу, повертел ею туда-сюда и задумчиво ответил: «Не, пока не видать». Вокалист «Аквариума» взял первый аккорд и уверенным голосом заявил: «Я думаю, скоро уже прилетит». И все вокруг понимающе закивали.

«Боб тогда выдавал новые песни обоймами, и у „Аквариума“ репертуар был достаточно обширный, — вспоминал в интервью для книги Гаккель. — Что-то типа „Блюз простого человека“, „Блюз во имя ночи“, „Блюз со счастливым концом“ и конечно „Танец“, „Замок“, „Дорога 21“, „Апокриф“, „Уйдешь своим путем“. На перкуссии у нас играл Майкл Кордюков».

Исторический дебют Майка
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Последним номером программы шел Майк — в сопровождении музыкантов «Аквариума» и Марата Айрапетяна — на первобытном звуке. У ног музыкантов сидела вся центровая тусовка — начиная от Родиона и упомянутого Джорджа Гуницкого до Севы Гаккеля и его новой девушки Людмилы Шурыгиной. Узок был круг этих революционеров, но Гребенщиков торжественным голосом сообщил, что по результатам опроса, проведенного журналом «Рокси», господин Науменко с песней Drive My Car занял первое место в псевдоофициальном конкурсе аранжировщиков города Ленинграда.

«Не первое, а всего лишь третье, Борис», — хмуро поправил его Майк.

Потом наступил долгожданный момент первого выступления будущего создателя группы «Зоопарк». До этого многие воспринимали Науменко исключительно как сессионного музыканта «Группировки имени Чака Берри» или «Союза Любителей Музыки Рок». Как написано выше, он никому и никогда не показывал своих песен. Это случилось именно здесь.

Науменко резко взмахнул носом, прикрыл глаза и с мнимой небрежностью ударил по струнам. Затем издал какой-то сатанинский рык и выдал сильнейшее выступление — с текстами про плотские утехи и «трах-трах-трах в твоих глазах». Прямо среди бела дня щуплый Майк пел о том, о чем многие боялись и подумать: «И, если хочешь, ты можешь спать рядом со мной…» Неудивительно, что на фоне расслабленного «Аквариума» это выступление стало для присутствующих мощной культурной встряской. Милое артистическое хулиганство, к которому был склонен менестрель, ему явно шло. От последствий было не отбиться.

«Звездой вечера оказался Майк — он был крут и сорвал с неподготовленной публики бешеные аплодисменты, — писал летом 1978 года журнал „Рокси“. — Предрекаем ему большую дорогу и светлое на ней будущее».

Когда Науменко закончил петь, перед зрителями возник не в меру трезвый Валера Черкасов, исполнивший «Марсианскую оперу», которая заканчивалась словами: «Я хочу догнать машину времени / Я хочу создать собственную группу под названием „Марсиане“, если вам понравится / А если не понравится, то можно и без названия».

Это был красивый и в меру логичный финал.

«Науменко много рассказывал мне об этом фестивале и был просто счастлив, впервые почувствовав, что к нему готовы относиться серьезно, — рассказывала мне Татьяна Апраксина. —

Там он исполнил страшно замедленную версию Drive My Car, которой всегда гордился. И потом о нем действительно написали в „Рокси“». И Майк получил свою фотографию, портрет, в который влюбился на многие годы — потому что на нем он был абсолютно не похож на себя, абсолютно неузнаваем, но зато: «какой я здесь хорошенький!».

Через пару недель Майк и Борис решили записать совместный альбом. Долгое время они хвастались друг перед другом новыми песнями и теперь поняли, что пришло время свои сочинения зафиксировать для возможной вечности.

> «Мы с Борей тогда много шлялись по городу, ничего не делали и валяли дурака, — признавался Майк. — Гребенщиков недавно женился, у него Наташа лежала в роддоме, и делать было совершенно нечего. И стукнуло тогда нам: вот хорошо бы записать акустический альбом, сидя прямо на улице у стены, а вокруг чтобы люди ходили туда-обратно. И чтобы был стереозвук. И как-то раз Боря предложил: „Давай запишем альбом: половина твоих вещей, половина моих“. За Смольным университетом есть садик, а рядом общежитие, где жила и подрабатывала дворником наша знакомая. Мы просто провели от розетки в ее комнате сетевой шнур на улицу и прямо на полянке все и записали».

Это было то самое место, где проходил только что описанный «ленинградский Вудсток». В общем, альбом «Все братья-сестры» явился дебютом Майка в звукозаписи и одновременно стал последним «любительским» опусом Гребенщикова, в активе которого уже значились такие концептуальные работы, как «Искушение святого Аквариума», «Притчи графа Диффузора» и «С той стороны зеркального стекла».

«Все братья-сестры», 1978
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Рожденным в эпоху позднесоветской империи необходимо напомнить, что в ту пору ни у одной местной рок-группы не существовало канонически оформленных альбомов. По Питеру стихийно гуляли самопальные сборники Юры Ильченко, концертники Андрея Макаревича, а также контрабандно записанные на фирме «Мелодия» религиозные притчи Юрия Морозова.

«В семидесятые годы мыслей об альбомах у нас не было, — утверждал основатель группы „Санкт-Петербург“ Владимир Рекшан. — Происходило это потому, что у рок-музыкантов не было никакой возможности записываться. В промежутке между 70-м и 74-м годами у нас оказались незафиксированными как минимум три концертные программы».

Летом 1978 года Майк Науменко и Борис Гребенщиков замахнулись на прицельную запись — с продуманной драматургией, дизайном и аскетичными аранжировками. Друзей

не смущало отсутствие элементарных технических условий. Их согревала мысль философа Леонтьева о том, что «страстная идея всегда ищет выразительную форму». Эту форму они счастливым способом придумали.

Воплощение формы, по воспоминаниям Марата Айрапетяна, происходило следующим образом. В центре поляны, под небом голубым, в самой гуще одуванчиков, стоял табурет, к которому был прикреплен массивный микрофон. От обычных микрофонов он отличался тем, что был «двойным» и в него можно было петь с обеих сторон. Ответственный за эту инновацию Марат осуществлял запись прямо «с воздуха» — на катушечный магнитофон «Маяк-203». Удлинители к нему были протянуты через форточку квартиры, в которой жила приятельница музыкантов Ольга Аксёнова.

Периодически Марату приходилось бороться с естественными помехами: накрапывал дождь, лаяли собаки, останавливались поболтать любопытные прохожие. Вся звукорежиссура осуществлялась, по признанию Гребенщикова, «на уровне здравого смысла», который подсказывал, в какое место поставить микрофон, чтобы он наиболее полно снимал звук. Состав инструментов был аскетичен: две акустические гитары, гармошка и перкуссия, украденная Фаном из ближайшего студенческого общежития.

Большинство композиций имело стандартную блюзовую структуру и тексты, написанные под влиянием Боба Дилана. Американский фолк-бард предложил миру чудесный хаос, который подлежал немедленному переводу на русский язык. Как писали тогда рок-критики, «фактически это было какое-то новое состояние мира, озвученное в слове». Вопрос авторства здесь уходил в тень — зато появились канон и новые песни, которые, как оказалось, сохранили свежесть и через несколько десятилетий.

Перейдем к конкретике. У Майка присутствие «диланизмов» было заметно в песне «Женщина» («Ты лицо в городских воротах») — фрагментарном переводе дилановской Sad Eyed Lady of the Lowlands, а у Гребенщикова — в композициях «Дорога 21», «Сталь», «Укравший дождь» и «Почему не падает небо».

> «Мы с Майком слушали Дилана и думали: „Он описывает какие-то вещи, которые нам хорошо известны“, — признавался мне в 1995 году Гребенщиков. — Затем брался какой-нибудь крючок — например, ключевая строчка, — и все это перенасыщалось нашей реальностью, радикально

противоположной тому, о чем поет Дилан. Он пел про свой Нью-Йорк, про свою жизнь, а мы пели про свой Петербург. Возможно, суть построения песен была такой же, но все остальное — это как прогноз погоды там и здесь».

Малоизвестная деталь: чуть ли не половина песен, исполненных Науменко на этом альбоме, была создана им в течение одного дня. Речь идет о композициях «Ода ванной комнате», «Седьмая глава» и «Баллада о Кроки», рождение которых ознаменовало, по признанию певца, «окончание гадкой летней депрессии». С высокой степенью точности время их создания можно датировать августом предыдущего, 1977 года.

Теперь надо сказать несколько слов о драматургии альбома. Она состояла в том, что артисты чередовались между собой — сохраняя тонус свой и слушателей. Записывались с одного-двух дублей, чтобы не терять свежести музыкальной подачи. Науменко подпевал Гребенщикову на «Блюзе простого человека» и вставлял реплики в песне «Дочь». Борис подыгрывал Майку на гитаре и гармошке в композициях «Прощай, детка!», «Седьмая глава», «Баллада о Кроки» и «Звезда рок-н-ролла».

Науменко позднее признавался, что песня «Звезда рок-н-ролла» была написана им незадолго до этой сессии, после ночной беседы с другом, имя которого он категорически не желал раскрывать.

«Мы сидели на кухне, и он привел мне цитату Леннона, — рассказывал Майк приятелям. — Смысл высказывания был в том, что, когда ты играешь на сцене, вокруг очень много людей, которые любят тебя или не любят. Но ночью ты всегда остаешься один… И вот эта песня посвящается этому музыканту».

После того, как была записана «Звезда рок-н-ролла», Марат зафиксировал на пленку композицию «Дочь», посвященную рождению у Бориса и Наташи дочери Алисы. Запись состоялась в сопровождении хора пьяных друзей на следующий день после знаменательного события и датируется 13 июня 1978 года.

«Атмосфера записи „Все братья-сестры“ неотделима от того лета, когда она была сделана, — вспоминал Фан. — Никакого напряжения, мы радовались жизни и расслабленно музицировали».

В отличие от ранних опусов «Аквариума», это было не надуманное абсурдистское творчество, а реальные песни, которые можно было исполнять на концертах без каких-либо студийных ухищрений. Борису и Майку удалось не только сохранить в звукозаписи дух рок-н-рольных первоисточников, но и

адекватным образом перенести его на русскую почву. В известной степени это была декларация независимого мышления — и она удалась.

В аннотации к альбому было написано, что он посвящается Акустической Дочери (Алисе) и Великому Белому Чуду. Под «белым чудом» подразумевался Боб Дилан, знаменитый бутлег которого назывался Great White Wonder и был нежно любим обоими поэтами. А кроме того, на фотографии, украшавшей обратную сторону магнитоальбома, Гребенщиков держит в руках томик стихов Дилана, купленный им по случаю в магазине «Академкнига» на Литейном проспекте в Ленинграде.

> «Это был знак, — гордо заявлял Гребенщиков. — Нам необходимо было обозначить фарватер. Майк склонялся к классическим рок-н-роллам, мне же по нраву была музыка более романтическая или психоделическая.… Но это не мешало нам признавать, что главный поэт современности — это Боб Дилан».

Фотосессию музыканты провели уже после завершения записи с помощью Андрея «Вилли» Усова. Лицевая сторона обложки готовилась фундаментально и снималась на Каменном острове, рядом с домом переводчика Андрея Фалалеева. Так случилось, что у потомственного дзен-буддиста и блестящего знатока английского языка, вскоре эмигрировавшего в Калифорнию, сохранилась антикварная фигурка Будды. Судя по всему, это была одна из тех многочисленных статуэток, которые исчезли из буддийского храма на Приморском бульваре после того, как здание было подвергнуто большевистскому поруганию, а «главного» Будду озверевшие атеисты разломали на куски и сбросили в Неву.

По замыслу музыкантов, статуэтка должна была символизировать идеал духовного развития и неявным образом обыгрывать название альбома. Типа — пропаганда и прикол одновременно.

«Съемки производились вечером, на закате, — вспоминал Усов. — Как рождалась идея, видно на пленке: Будда, папиросы „Беломорканал“, окурки под ногами… У Майка лоб уходил куда-то вдаль, в прямой пробор, и в результате получалась очень нефотогеничная горка с большим акцентом на нос. Случайно у меня оказалась кепка, в которой я ездил на рыбалку. Я надел ее на голову Майку, и теперь его крупный нос был поддержан „клювом“ кепки, и лицо сразу начало „работать“».

После того, как были отсняты кадры для второй стороны бобины (Борис и Майк, стоящие на фоне арки), трудолюбивый

Усов напечатал полтора десятка обложек и альбом пошел в народ. Он представлял собой 150-метровую катушку, записанную на девятой скорости, естественно — в монорежиме.

Как первые альбомы The Beatles и Боба Дилана.

В Ленинграде этот мезозойский артефакт распространялся контрафактным образом. К примеру, «Аквариум» выступал в одном институте, и Гребенщиков объявлял в микрофон: «Кстати, недавно мы с Майком записали альбом „Все братья-сестры“. Кто хочет приобрести его, может подойти после концерта».

Выглядело все это достаточно дерзко, поскольку слово «приобрести» фактически означало «купить». Желающим Борис оставлял номер телефона, а затем продавал альбом в оригинальном оформлении — по цене восемь рублей за катушку.

«Помню, за все время я продал три или четыре копии», — признавался Гребенщиков.

Что же касается Майка, то высокие соображения не позволяли ему торговать своими сочинениями — оригинальную бобину он давал переписать или дарил в каноническом оформлении.

С учетом экземпляров, подаренных родственникам и друзьям, оригинальный тираж исторического опуса «Все братья-сестры» не превышал нескольких десятков катушек. Бедноватый звук, техническая сложность копирования — такова судьба первого в Ленинграде магнитофонного рок-альбома.

«Конечно, качество записи „Все братья-сестры“ было устрашающим, — говорил Майк. — Но это были хорошие времена».

Майк, Сева и Борис, 1979

Дети цветов

«Я читал в газете о том, что мы сейчас живем не так уж плохо»

Юрий Ильченко, 1976 год

Весной 1979 года «Аквариум» посетил с концертами Эстонию, где шумно выступил на рок-фестивале в Тарту. Вернувшись домой, Гребенщиков с друзьями внезапно обнаружили, что у Майка грядет день рождения, который планировалось провести на квартире у его сестры Тани на улице Жуковского.

Как говорится, ничто не предвещало беды — собрались друзья, дарились пластинки и катушки, произносились радостные тосты. Но вскоре вся еда была уничтожена, а запасы кубинского рома странным образом не заканчивались. И в какой-то момент это торжественное мероприятие превратилось в психоделический беспредел.

«Все мгновенно напились, и со стороны это выглядело, как страшный разгул, — рассказывал мне Гаккель. — В самый разгар вечера наша подруга Ольга Липовская попыталась прыгнуть с балкона шестого этажа. Балкон выходил во двор, она уже перевалилась через перила, и нам стоило немалых трудов затащить ее обратно».

Это был показательный момент в беззаботной жизни ленинградских битников. В тот период «все братья-сестры» незаметно разбились по парочкам и семьям. Теперь их социальный статус несколько изменился: Борис с Наташей воспитывали дочку Алису, Гаккель встречался с Людой Шурыгиной, Фан женился на Зине Васильевой, а Марат Айрапетян уже давно отыграл свадьбу с Олей Липовской.

Надо сказать, что супруга Марата была рок-звездой, что называется, по призванию. Свою трехкомнатную квартиру на Киевской улице она превратила в изысканный литературный салон, в котором периодически выступал Гребенщиков — иногда сольно, иногда вместе с друзьями. Когда же в этой квартире появлялся Науменко, Оля прямо в коридоре набрасывалась на него, лихо закидывая боевому товарищу ноги на плечи. Этот акробатический этюд, как правило, сопровождался неизменным вопросом: «Оргию?» Майк вежливо отнекивался, после чего Липовская «переключалась» на своего маленького сына: «А ты помнишь, что говорил дядя Екклезиаст? Есть время разбрасывать

игрушки, и есть время собирать игрушки».

В тот бурный период сам Майк, который никогда не был аскетом, внезапно начал встречаться с подругой Люды Шурыгиной по имени Татьяна Дадонова. С первых же дней их отношения стали напоминать веселый экстрим, а в «аквариумовской» тусовке новая барышня вскоре получила пикантное прозвище «Кусачая».

> «Как-то вечером мы собирались выпить, и Науменко привел с собой девицу — совершенного секс-маньяка, с упором на укусы во время жарких поцелуев, — не без улыбки вспоминал Айрапетян. — Буквально через час все мужчины в доме оказались искусаны, а дамы — очень злы. В итоге все обиделись, и мы даже слегка подрались. Каждый дрался сам за себя, так что зрелище было эпическое. Впрочем, драться Науменко не любил и, наверное, не умел».

Новая пассия Майка, которой он посвятил песню «Женщина (Лицо в городских воротах)», оказалась родом из города Мичуринска Тамбовской области. Она приехала в Питер, быстро вышла замуж и быстро развелась. Теперь жила с подругой на Васильевском острове, невдалеке от тусовочного кафе под названием «Сфинкс» (оно же — «Гадюшник»). Обладательница роскошной внешности, Таня работала натурщицей в Академии художеств, где с нее рисовали персонажей картин про оборону Ленинграда.

«У Майка появилась подруга Татьяна, которая впоследствии стала прообразом легендарной „Сладкой N“, — утверждал в интервью Сева Гаккель. — У них быстро образовался союз, и мы проводили много времени вместе — с Людмилой, Майком и Татьяной. Науменко только начинал писать свои хиты, и в широком смысле они еще не были на слуху».

Весной 1978 года, находясь в гостях у Тани Дадоновой, Майк познакомился с ее приятелем Игорем «Ишей» Петровским, который работал художником-оформителем и на досуге посещал концерты «Мифов», «Россиян» и «Группировки имени Чака Берри». К этому времени Иша уже видел, во что, к примеру, может превратиться невинный битловский шлягер Drive My Car в исполнении Майка.

Ольга Липовская, 1981
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Слегка оторванные от социалистической реальности молодые люди сошлись характерами буквально за несколько минут. Быстро выяснилось, что у Иши налажена стабильная система поставки фирменных пластинок напрямую из Франции. В это было непросто поверить, но приходя в почтовое отделение на родной Пражской улице, Игорь Петровский получал бандероли с запечатанными дисками The Beatles, The Who и Led Zeppelin. Это была не жизнь, а праздник. И, разумеется, в эпоху «железного занавеса» такой виниловый «клондайк» не мог оставить утонченного Майка равнодушным.

«Мы сразу же разговорились о пластинках, — вспоминал Иша позднее события сорокалетней давности. — И Майк спросил: „А нет ли у тебя каких-нибудь "диковинных рекордóв", которые было бы по кайфу записать?“ Я начал перечислять все диски, а он говорит: „Да, это все хорошая музыка, но я не вижу среди этого ничего диковинного“. А я подумал: „Ни хрена себе, а чего тебе еще-то надо?“»

Затем, размахивая руками, Майк принялся обсуждать модный кинофильм «О, счастливчик», в конце которого им был замечен заповедный кадр с плакатом Марка Болана на стене жилого дома. Далее от The Velvet Underground и T. Rex Науменко перешел к обсуждению альбомов Боуи, Дилана и Брайана Ино. И наконец прозрачно намекнул, что неплохо было бы послушать где-нибудь пластинку, скажем, Сида Барретта или Country Joe & The Fish. Остановить его в тот вечер было невозможно.

Таня Дадонова периодически доливала чай и не без интереса прислушивалась к интеллектуальной беседе. Это знакомство «двух кайфовых людей» произошло по ее инициативе, но кто мог предвидеть последствия? Буквально через несколько месяцев Игорь Петровский займет в жизни Науменко такое же место, как Родион, Марат или Борис Гребенщиков.

Вскоре Майк вместе с Татьяной оказались приглашены на день рождения Иши, проходивший в его квартире на Пражской. Когда «праздник жизни» закончился и гости разошлись, они втроем решили прогуляться по ночному Ленинграду. В городе царили белые ночи, и погода безмятежно шептала что-то на ухо. Прихватив с собой остатки пиршества, Майк вместе с Таней и именинником прошагали полгорода, дойдя до лужайки, на которой был записан альбом «Все братья-сестры».

Игорь «Иша» Петровский
Фото: Александр Бицкий

«Это была продолжительная прогулка, — рассказывал Иша. — Мы завалились ночью к Ольге Аксёновой — в квартиру, где во время записи „Все братья-сестры“ при помощи удлинителя подключался магнитофон. Там мы вскоре и уснули, а наутро разбрелись по домам».

Ночами Майк приохотился гулять по городу — то в компании с Таней, которую он ласково называл «Мадам», то с Вилли Усовым. Они неспешно бродили по романтичным переулкам исторического центра, фотографируясь в подземных переходах или в подъездах со старинной архитектурой. Все это сопровождалось бесконечными разговорами и неизменной бутылкой белого сухого вина, которое продавалось на каждом углу.

> «Майк всегда любил играть в «звезду рок-н-ролла», — утверждал Вилли Усов. — Это проявлялось во всем: в домашних рисунках, в манере говорить, причем говорить очень забавно. Ко мне он в разговоре все время обращался на „Вы“. Например: „А знаете, Вилли.…“ Казалось, он чувствовал, что на него постоянно смотрят со стороны и желал подать себя самым необычным образом. Короче, театр одного актера. Как правило, такая манерность быстро надоедает и становится навязчивой. Но фасонность делала его более интересным и привлекательным. Помимо того, что Майк был интеллигентен, образован и непрактичен, он был еще и прекрасным поэтом, и человеком, тонко чувствующим музыку».

В то лето случилось несколько событий, которые кардинально повлияли на образ жизни Науменко. Все началось с того, что в июне 1978 года газета «Ленинградская правда» опубликовала сенсационный анонс, из которого следовало, что вскоре на Дворцовой площади выступят легендарный гитарист Карлос Сантана, фолк-певица Джоан Баэз и группа The Beach Boys. Эта акция подавалась в статье как культурная инициатива двух стран, в рамках которой планировалось снять фильм о советско-американской дружбе.

Накануне концерта сотни длинноволосых «детей цветов» собрались в центре города — по-видимому, в ожидании чуда. Когда стало понятно, что выступления все-таки не будет, весь джинсовый андеграунд двинулся по Невскому проспекту в направлении редакции «Ленинградской правды». Там их уже поджидали несколько грузовиков с солдатами, и дело закончилось избиением толпы сантаноманов, доверчиво собравшихся послушать концерт, совершенно невозможный в СССР конца семидесятых.

Дальше — больше. Вскоре городскими властями была разогнана хиппистская тусовка, распевавшая песни на ступенях Михайловского замка. Любопытно, что Майк не попал «под

раздачу» только чудом, покинув место событий за несколько минут до облавы. К примеру, Гаккеля забрали на следующий день прямо с работы, и это был тревожный звонок. Самые обаятельные в мире тунеядцы и бездельники получили от властей однозначное предупреждение, и на него необходимо было реагировать.

Конкретно Майку, у которого истек срок действия справки о маниакально-депрессивном психозе, надо было «косить» от армии. Дело в том, что в свое время он придумал гениальный способ: не открывать дверь в квартиру и не подписывать повесток из военкомата. В течение нескольких лет этот нехитрый прием с успехом срабатывал. Но это был, как поется в одной песне, «не выход, а вариант».

Жизнь вынуждала Майка спешно социализироваться, и ему удалось устроиться на работу в Большой театр кукол, расположенный на улице Некрасова. В отделе кадров отставной чекист вручил ему трудовую книжку и оформил в коллектив на должность радиомеханика. Теперь Михаил Науменко был ответственным за магнитофоны и своевременное включение во время спектаклей всевозможной фоновой музыки.

Оглядываясь назад, необходимо напомнить, что до Театра кукол в биографии у Майка было несколько лет полной свободы. В его голове сочинялись песни, и все остальные события казались второстепенными. Деньги на жизнь он добывал из воздуха, то сдавая пустую посуду, то продавая пластинки, плакаты или джинсы. Порой имели место разовые заработки — к примеру, иногда Науменко с друзьями ходили разгружать ночью вагоны, а однажды Майку даже пришлось несколько месяцев поработать чертежником в научно-исследовательском институте на улице Пирогова.

> Но в основном Майк существовал в аутсайдерском режиме — без стабильного трудоустройства и, соответственно, без денег. Мелкими карманными суммами (на метро и папиросы) его снабжали мама и сестра, а питаться он ездил домой, когда родители уходили на работу. Как правило, Галина Флорентьевна оставляла в холодильнике котлеты в кастрюльке, гречневую кашу и любимый сыном жареный лук. Он мог сам приготовить себе глазунью или сосиски, а найти место для ночлега коммуникабельному Науменко не составляло большой проблемы.

«Майк удивительным образом сочетал в себе совершенно разные вещи, — утверждал Родион. — Он мог выжить на семьдесят рублей, чтобы иметь возможность заниматься тем, чем

он хочет. Но белый роллс-ройс с черным шофером постоянно маячили перед ним, как мираж».

При этом будущую звезду рок-н-ролла совершенно не смущало строгое начальство, и ему очень нравилась творческая атмосфера театра кукол. «Большой театр пукал», — любил шутить Науменко в кругу друзей.

Проблема была в другом — странным образом Майк категорически не желал быть радистом. Будучи стихийным буддистом и сознательным раздолбаем, он мечтал, чтобы у него в документах значилась должность «монтировщика декораций». И, поверьте, это был далеко не стеб.

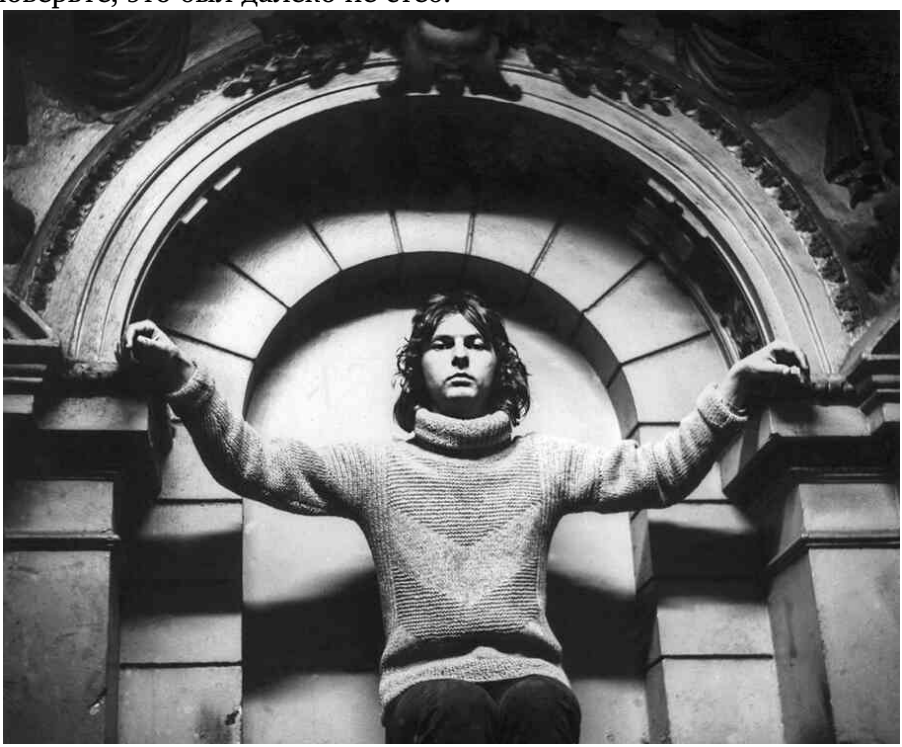
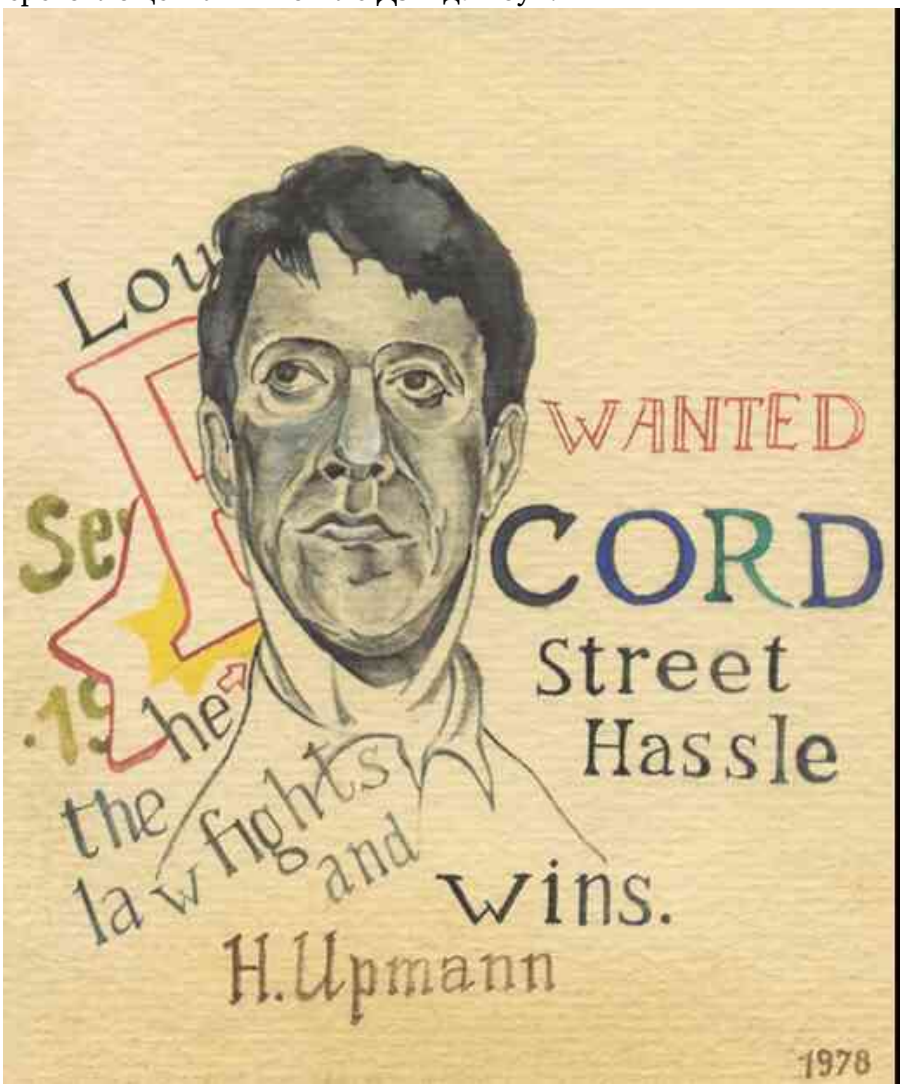


Фото: Андрей «Вилли» Усов

«В понимании Майка нормальный монтировщик приходит на работу, выпивает с утра и продолжает это делать в течение всего дня, — рассказывал мне Иша. — А потом начинается прекрасный спектакль: открывается занавес, а на сцене лежит пьяный рабочий, ослепленный лучами. Он нехотя просыпается, чешет затылок и медленно уползает за кулисы. Вот такой „образ жизни“ Майк считал идеальной работой. А заниматься звукорежиссурой ему казалось принудиловкой».

Куда более концептуально Майк проводил не трудовые будни, а всевозможные праздники. Именно в этот период он

переболел внезапным желанием «поступать на классическую философию» и не на шутку увлекся андрогинными перевоплощениями в стиле Дэвида Боуи.



Лу Рид, рисунок Майка

«С Лу Ридом и Марком Боланом все ясно — настоящие поэты, — вспоминал о доверительных беседах с Науменко его приятель и музыкант Александр Донских. — Но именно от Майка я узнал о чисто имиджевой группе New York Dolls. Он же посвятил меня в некоторые подробности публичных заявлений, почерпнутых им из англо-американской прессы. И, в частности, о возмущении Марка Болана, которого Боуи опередил в признании своей бисексуальности: „Об этом первым должен был заявить я!“»

Неудивительно, что склонному к эпатажности Майку тоже

захотелось поэкспериментировать с подобной эстетикой. Как-то под Новый год он явился в гости к Вилли Усову, одетым в ярко-красное женское пальто. Каким образом радиомеханику театра кукол удалось продефилировать в таком виде по городу трех революций, было непонятно. Оценив произведенный эффект, Науменко сверкнул подкрашенным глазом, произнес праздничный тост и жеманно покинул квартиру, оставив семью фотографа в сильнейшем недоумении.

> «В конце семидесятых Майк помогал мне с чертежами во время подготовки диплома, — вспоминал в интервью для книги Саша Самородницкий. — Я пригласил его домой, и он привез с собой кучу катушек Дэвида Боуи, которые мы в процессе подготовки непрерывно слушали. Тогда у Науменко была кличка „Боуи“, настолько сильно его вдохновляли студийные работы „звездного хамелеона“».

Вскоре Майк устроил очередной «огненный» маскарад дома у Фана, которого угораздило снять квартиру именно на Варшавской улице. Однажды зимним вечером басисту «Аквариума» позвонили в дверь. Открыв ее, он увидел на пороге Мишу Науменко в весьма необычном виде — в халате и домашних тапочках. Фан с супругой Зиной лишились дара речи. Майк посидел на кухне, поболтал о чем-то, выпил коньяку, и, вежливо попрощавшись, растворился в морозной ночи. И только через неделю Михаил Файнштейн с удивлением узнал, что его друг живет в соседнем подъезде.

Перед концертом на улице Шота Руставели, 1979
Фото из архива Владимира Козлова

Правила хорошего фона

«Мне кажется, что в семидесятые годы у Майка еще не было жизненной философии, но присутствовало сильное желание проявить себя, выделиться и найти свою уникальную позицию. Тогда мы еще не знали, что за это часто приходится платить»

Марат Айрапетян

В конце семидесятых Майк старательно исполнял роль рок-звезды: то на летних танцплощадках с приятелями из «Капитального ремонта», то в составе «Группировки имени Чака Берри».

«Некоторое время я играл с „Аквариумом“ электрическую рок-н-рольную программу в качестве лидер-гитариста, — рассказывал позднее Науменко. — Мы ярко одевались и накладывали на лицо килограммы грима. Это был кондовый, несколько запоздалый глэм-рок».

Однажды «Группировке имени Чака Берри» удалось сыграть вместе с «Союзом Любителей Музыки Рок» в экзотическом месте — актовом зале воинской части, базировавшейся на улице Шота Руставели. Вспоминавший осенью 2018 года этот концерт Владимир Козлов нашел у себя старенькую фотографию, на которой музыканты обеих групп собираются выгружать аппаратуру, и это выглядело крайне символично.

«Когда „Аквариум“ играл на танцах, их программа состояла из классических рок-н-роллов, — вспоминала впоследствии Таня Апраксина. — Борис и Майк у одного микрофона представляли собой великолепную, просто незабываемую пару».

«Нам очень повезло, что в семидесятых создалось какое-то рок-н-рольное поле в Петербурге, — признавался спустя тридцать лет Гребенщиков. — Я помню, как мы с Майком с восьми утра перевозили какие-то колонки и таскали какие-то ящики. Темно было, мы едем вдвоем и обсуждаем ситуацию. И сходимся на том, что это и есть настоящая жизнь. И мы могли получать двадцать рублей за концерт, но какие это были двадцать рублей! И какой это был концерт! Все было стопроцентно настоящее — мы создали себе воображаемый Лондон, и он в

полный рост окупался».

Параллельно Майк с Борисом продолжали писать заметки в «Рокси», переводить музыкальные статьи и сочинять новые песни. Можно предположить, что вибрации эпохи ощущались ими настолько сильно, что их каждый новый опус оказывался шедевром. К примеру, в течение 1979 года Гребенщиков написал «Мой друг музыкант» и «Держаться корней», а Науменко — «Старые раны» и «Я возвращаюсь домой»: «К грязным полам и немытой посуде, к холодным простыням и увядшим цветам / Я возвращаюсь домой — к холодным сарделькам и яйцам вкрутую, к пустым бутылкам и разбитым пластинкам — домой».

Примерно тогда же машинописный журнал «Рокси» опубликовал первое интервью с Майком, где несостоявшийся инженер делился биографией и пытался рассуждать о своем творческом кредо:

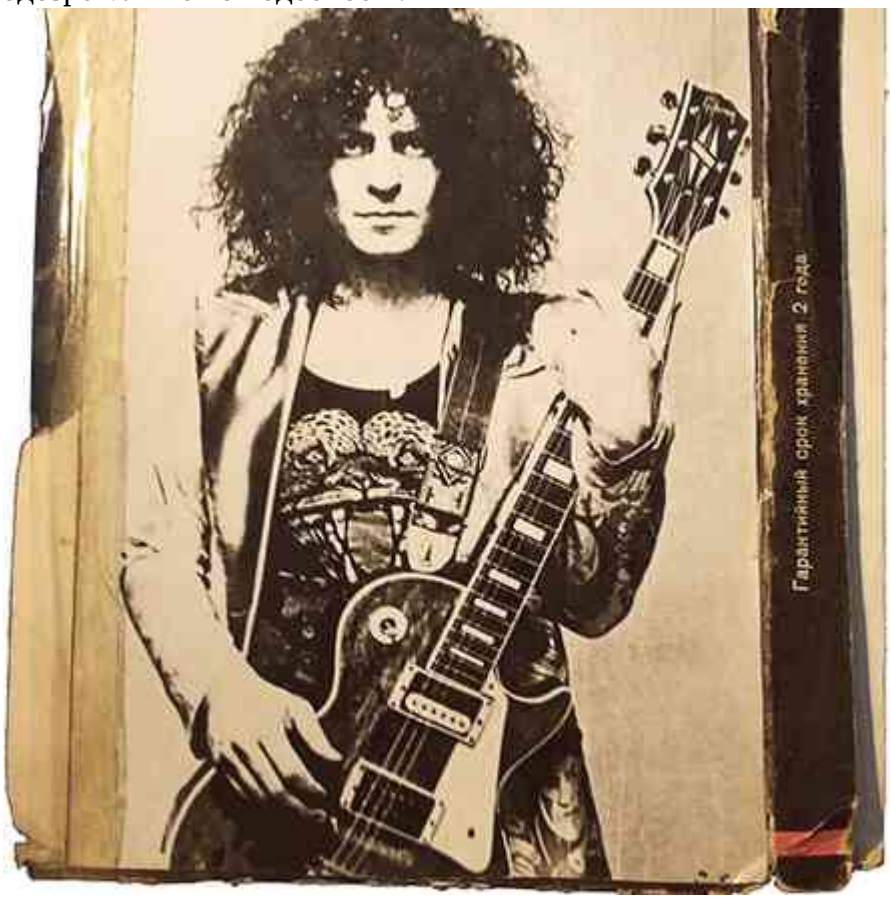
> «Я никогда не пишу только потому, что надо. Пишу, когда не могу не писать. Существует одна интересная концепция: „Зачем писать искренние песни? Никому не интересно, что ты чувствуешь на самом деле“. Поэтому один из верных путей — писать стеб. Фрэнк Заппа это понял одним из первых. Но при этом стеб должен быть обязательно честным. Я этим, впрочем, еще не занимался».

В тот период Майк создал еще несколько песен, которые, к сожалению, затерялись во времени: «Блюз Вооруженных сил стран Варшавского договора», «Специальные дамы» и «Злые ангелы осени»: «Мне все трудней жить в этом мире, где мало любви / Где так мало тепла, где так много зла…/ Смотри — злые ангелы осени красят небо в серый цвет / Ветром кружит опавшие листья / Если кончится дождь, то начнется снег».

Любопытно, что эти композиции Майк исполнял крайне редко, от случая к случаю — когда у кого-то в доме обнаруживалась гитара. И если вместе собиралось несколько человек, то в финале алкогольной фиесты их обычно тянуло «на песни». В общем, ничего принципиально нового…

«Как правило, гитару Майк с собой не таскал, — объяснял мне впоследствии Иша. — Это было совершенно не его амплуа — при первом удобном случае начинать показывать песни. Вот если сложилось так, то он мог немного поиграть. К примеру, песню „Злые ангелы осени“ он исполнил всего несколько раз, и она так и осталась незаписанной. Как-то мы шли в легкой обуви и, заболтавшись, случайно ступили ногами в лужу, подернутую льдом. И Майк говорит: „Ну, что, теперь ты понимаешь, что мы

живем в мире, где так мало тепла и так много зла?“ Это была скрытая цитата из песни. И я ему ответил: „Знаешь, я всегда подозревал что-то подобное“».



Катушечка из коллекции Майка

Холодно было не только Майку с Ишей, но и Борису Гребенщикову. Молодой супруг, рассорившись с тещей, снимал комнату на Каменном острове, — в ладно сложенном из бревен двухэтажном доме, где до этого проживал вышеупомянутый переводчик Андрей Фалалеев.

Еще до эмиграции Андрея в Америку этот «памятник деревянного зодчества» легко превратился в музыкальный притон. В разные годы тут проживали Сева Гаккель, Юра Ильченко и будущий саксофонист «Поп-механики» Владимир Болучевский. Все они обитали на втором этаже частного дома с камином и картинами. Этот заповедный теремок стоял на отшибе 1-й Березовой аллеи — как неприступная крепость посреди огороженных бетонными заборами правительственных дач.

«Дед Андрея Фалалеева был адвокатом, который оказал

неоценимую услугу Ленину, — рассказывал Сева Гаккель. — И вождь мирового пролетариата подписал мандат, согласно которому дом на Каменном острове навечно оставался за этой семьей… Он отапливался дровами, и в комнате, которую снимал Борис, было холодно. Гребенщиков топил с неохотой, поэтому пока не потеплело, мы там редко бывали. Но к весне мы все постепенно перекочевали туда, и жизнь активизировались».

На первом этаже обитала глухая старушка, которая позволяла музыкантам делать все, что душе угодно. Они, в свою очередь, постоянно катались на хозяйском ослике и утверждали, что с крыши избушки видны край земли и хобот слона, на котором она покоится. Или член черепахи — все зависело от космогонической теории, которой придерживался наблюдатель.

Закономерно, что в этом оплоте феодализма часто бывали Майк, Марат и «святой человек» Вилли Усов, сохранивший фотографии этой несуществующей ныне планеты. Ему удалось зафиксировать мир, совершенно не пересекавшийся с окружавшим музыкантов социумом. Словно рядом находились не унылые коммуналки и дворы-колодцы, а лондонский клуб Marquee, где ночи напролет отвязные группы вовсю нарезают рок-н-роллы.

Почти весь 1979 год Борис, Майк, Гаккель и Фан пытались репетировать в этом «штабе мировой революции». По воспоминаниям Дюши, именно в квартире Фалалеева впервые прозвучала композиция Death of King Arthur, через несколько месяцев взорвавшая рок-фестиваль в Тбилиси. Но в основном это были тусовки с друзьями, подругами, иностранными студентами, а также дикие игры в «военный фрисби».

Заповедный теремок
Фото: Андрей «Вилли» Усов

«В семидесятых годах фрисби оказался необычайно популярным, — вспоминал Марат Айрапетян. — Стоило нам оказаться на небольшом куске свободного пространства, как тут же кто-то доставал летающий диск. На Каменном острове было принято или пить, или еще хуже — курить. И вот, после очередного веселья с подачи Фана простой обмен дисками превратился в состязание со странной целью — врезать фрисби партнеру по голове. Потом еще добавилась беготня по всему парку с выскакиванием из кустов и метанием летающей пластмассы прямо в голову. При этом пьяные и обкуренные участники веселились до упаду».

Иными словами, жилище Гребенщикова представляло собой кипящий котел, где водилось много рыбы, и вся она круглосуточно хохотала. Тем более, что причин для веселья было немало. К примеру, как-то ночью с одной из близлежащих дач в дом забежала полуголая девушка с распущенными волосами, испуганно просившая защиты и человеческого тепла. Как гласит предание, и то и другое она получила с избытком.

«Там можно было делать абсолютно все, — рассказывал Вилли Усов. — Как будто никакой советской власти не существовало вообще и никогда».

А у Майка в этот период продолжала бурлить «личная жизнь». Его отношения с Таней Дадоновой плавно завершились, поскольку Мадам овладело внезапное желание к перемене мест. Она вышла замуж за работающего в СССР строителя из Западного Берлина и перебралась с ним в Москву.

В свою очередь у Михаила Науменко случился бурный роман с другой Таней — Апраксиной, которая недавно развелась с мужем — к слову, соавтором песни «Аквариума» «Десять стрел».

«У нас все было очень переплетено и запутано, и это, наверное, тема отдельного исследования, — признавался Сева Гаккель. — Мы с Людой Шурыгиной, Майком и Таней Апраксиной рванули в Прибалтику и доехали до Вильнюса, встречаясь где-то в Даугавпилсе. Я помню, как всей компанией мы сидели на берегу реки Неман и пили какое-то литовское вино».

«Когда мы с Майком отправились в дорогу по шоссе 21, он уже чувствовал себя бывалым стопщиком, — отмечала Таня Апраксина. — Переночевав в норе, которую Майк выкопал в стогу сена, мы пересеклись, как было запланировано, с Севой и Людой уже на прибалтийской стороне. Вчетвером добрались до Вильнюса, где провели остаток дня и ночь».

Прогуливаясь по узким улочкам литовской столицы, Науменко делился с Апраксиной планами на будущее. В частности — о том, что хочет написать песню «про дрянь» — в стиле одной из композиций Лу Рида. И очень долго жаловался на бедный словарь русских синонимов. Мол, несколько месяцев ломал голову, какой предмет пустой роскоши поместить в текст там, где спустя некоторое время в песне появится слово «пальто» («Ты продала мою гитару и купила себе пальто»). Майк мечтал, чтобы в этой песне обязательно присутствовали «духú», но, к своему огромному разочарованию, так и не смог подобрать рифму к этому слову. Поэтому рассказывал об этом милом казусе с легкой грустью в голосе.

На обратной дороге в Ленинград не обошлось без приключений. Неподалеку от эстонской границы машина сломалась, и водитель высадил путешественников посреди поля, на котором не было ни сена, ни соломы. Где-то вдалеке Майк увидел странного вида индустриальный забор, а в нем обнаружил небольшую щель, которая привела путников на территорию заброшенного рабочего общежития.

> «Нам разрешили провести ночь в большой комнате с множеством пустых кроватей — при условии, что мы не будем зажигать свет, — вспоминала Апраксина. — Чудом там нашелся большой старый радиоприемник. Майк пришел в восторг и быстро отыскал на коротких волнах симпатичную западную музыку. Не ту, конечно, какую он сам бы выбрал, но в нашем случае любая мелодия равнялась ангельскому пению. Такие сигналы были способны все преобразить».

По возвращению домой ход личной истории для Науменко неумолимо ускорился. Его продолжало не по-детски лихорадить. Поиски новых смыслов проходили предельно остро — как для музыканта, так и для окружавших его дам.

«Возникновение нашей с Майком романтической истории — невероятно сложной и при зашкаливающих температурах — было шокирующим сюрпризом для нас обоих, — признавалась Апраксина. — Его переживания стали оформляться в песни только тогда, когда возникли первые предвестники разрыва — болезненного и надолго затянувшегося… После того, как очередные телефонные излияния Майка свалили меня в реальный обморок, я перестала отвечать на его звонки и письма, решив, что отсутствие контакта поможет ему скорее справиться с ударом и встать на ноги».

Крайне напряженный разрыв Майка с хозяйкой Апраксина

дворца длился не один месяц. К примеру, Науменко приглашал свою музу в Русский музей на престижную экспозицию Рерихов, хотя подобный вид досуга был ему не близок. В те годы он не ходил ни на одну из нонконформистских выставок, зато периодически любил смотреть в кинотеатрах разные фильмы.

«Порой Майк отправлялся в кино на что-нибудь нашумевшее — вроде фильмов Тарковского или Никиты Михалкова, — рассказывала в интервью для книги Апраксина. — Скажем, Майк очень любил фильм „Зеркало“ или ему нравилась актриса Елена Соловей во всех видах. Обычно же на кино у него не хватало ни интереса, ни денег. Положение изменилось, когда я стала работать художником в кинотеатре „Охта“. Это был хороший кинотеатр, и директриса умела вытянуть из Управления кинофикации все громкие фестивали и лучший импорт. Благодаря Майку я смотрела то, чего бы никогда не стала смотреть сама. Он ЗАСТАВЛЯЛ меня составлять ему компанию при просмотрах фильмов о Советской армии! Оказалось, что Майк был в совершенном упоении от эстетики современной военной техники и что это — его давняя страсть. Он глубоко умилялся от одного вида военных самолетов и подводных лодок, их формы и цвета… Когда родители уезжали на дачу и мы проводили время в их квартире, Майк начинал рисовать военные самолеты, подробно объясняя, чем они его так восхищают».

Вдобавок ко всему, с наступлением весны у Майка «открылись старые раны», и он решил «прогуляться» в Москву — немного отвлечься и заодно проведать Таню Дадонову, наивно полагая, что ее немецкий муж будет несказанно рад этой встрече.

В качестве моральной поддержки Науменко взял с собой Ишу, его одноклассника Сашу Бицкого и несколько бутылок «Стрелецкой». Для солидности друзья решили ехать не автостопом, а купив места в сидячем вагоне. Но поездка получилась, мягко говоря, странной.

К весне 1980 года волшебница Таня сменила несколько адресов, и в поисках ее нового жилища питерскому десанту пришлось заночевать прямо на вокзале. Финансы быстро закончились, и Иша был вынужден звонить друзьям — с просьбой выслать денежный перевод. Когда же Майку все-таки удалось разыскать бывшую подругу, выяснилось, что она немного беременна. Встреча в присутствии обкуренного мужа получилась нервной и скомканной.

Вилли Усов с Таней Апраксиной на совместной выставке, 1980

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Возвращение из предолимпийской Москвы в дождливый Ленинград оказалось непростым — и эмоционально, и физически. Через несколько дней обессиленный Майк исчез со всех радаров.

Тут стоит вспомнить, что Кит Ричардс однажды заметил, что самые лучшие художественные произведения создаются в наиболее трудные времена. Пикассо написал «Гернику» под впечатлением от уничтожения испанского города немецкой авиацией, трагедию «Эдип» Вольтер сочинил в тюрьме, а Вийон создал свой шедевр «Завещание» в то время, когда ожидал смертную казнь.

> В свою очередь, раздираемый внутренними демонами Майк вынырнул на поверхность через месяц совершенно другим человеком. С новым мировоззрением и с новыми хитами: «Пригородным блюзом», «Сладкой N», пронзительным Blues de Moscou и крайне жесткой композицией «Дрянь». После этих безысходных манифестов его жизнь не могла оставаться прежней.

Говорят, что первым был написан «Пригородный блюз» — когда Майк «сидел в халате и созерцал какую-то гадость по телевизору». Насмотревшись всевозможных марсианских хроник,

Науменко создал за вечер отчаянный монолог аутсайдера, глазами которого описывается повседневное безумие, творящееся в его квартире. Не очень понятно, сколько лечебного зелья было успешно израсходовано поэтом, но если провести экспертизу рукописи, несложно увидеть, что ближе к финалу строчки становились все кривее и кривее, а автор — все пьянее и пьянее: «Я боюсь жить, наверное, я трус / Денег нет, зато есть пригородный блюз».

Таня Апраксина + Зина Васильева
Фото из архива Татьяны Апраксиной

Но от такой скотской жизни у Майка наконец-то поперло

вдохновение. Причем настолько мощно, что на сон и еду времени уже не оставалось. Буквально через несколько дней, «вдумчиво опохмелившись», он написал панк-боевик Blues de Moscou — в активном соавторстве с Ишей Петровским.

«Майк быстро придумал размер будущего текста, после чего мы надолго задумались над первой строчкой, — вспоминал Иша спустя тридцать лет. — Наконец у меня родилось: „Здесь нас никто не любит“. „Да, — согласился Майк, — и мы не любим их. Кстати, это может быть уже вторая строчка“. В следующие час-полтора, показавшиеся нам мучительно долгими, сложился и остальной текст… Свое сочинение мы первоначально назвали „Блюз с подробным и обстоятельным описанием того, как Майк и Иша обломались в Москве в марте 1980 года“. Перечитав его заново, мы были несколько удивлены тем, что у нас получилось».

Следующими выстрелами стали песни «Дрянь» и «Сладкая N»: «И дамы были довольно любезны / И одна из них пыталась захватить меня в плен / А я молчал, пень пнем, и думал / С кем и где ты провела эту ночь, моя Сладкая N?».

Спустя годы многие критики уже и не пытаются оспаривать автобиографический характер этих композиций. Но сам Майк тщательно ретушировал свою музу, утверждая в интервью, что героиня этих антифеминистских гимнов — исключительно собирательный образ. Полумифическая фигура — как Sweet Jane у Лу Рида или «Прекрасная незнакомка» у Блока.

Тем не менее, близкий круг друзей отчетливо понимал, кто именно явился источником вдохновения его новых творений.

«Я прекрасно знал, кому посвящена та или иная песня, — поведал в интервью 1992 года Михаил „Фан“ Васильев. — Сладкая N — была такая девушка, которая сейчас, по-моему, в Москву переехала. С песней „Дрянь“ более сложная история. Она посвящена подружке моей жены. Это были две девушки, с которыми мы часто оттягивались в Апраксином переулке. Потом я женился на Зине Васильевой, а Майк вот песню написал».

Одним из первых слушателей «Дряни», гитарный рифф для которой был позаимствован у Марка Болана, а текст оказался похож на песню Лу Рида Dirt (You’re just dirt… That’s the only word that hurt) — оказался счастливчик Иша. Как гласит история, приблизительно в апреле 1980 года на его важном посту вневедомственной охраны раздался телефонный звонок.

«Гнусавым голосом Майк зачитал мне текст и спросил: „Ну как?“, видимо, не сомневаясь в успехе, — с улыбкой вспоминал Игорь Петровский. — „Заебись, — восторженно ответил я. — Так все мерзко и безыскусно, очень гадкие и некрасивые рифмы…“. „Вот и мне так кажется, — с какой-то детской радостью отозвался

Майк. — Гадом буду, но это — хит!“. Затем я услышал, как на другом конце провода льется в стакан вино».

Безусловно, этот цикл песен стал переломным для Науменко. С этим были согласны его друзья, которые понимали, что их приятель создал композиции, созвучные духу времени — хлесткие, стебные, энергичные и злые. Заметим, что ни у «Машины времени», «Високосного лета» и «Воскресения» в Москве, ни у «Мифов», «Россиян» и «Аквариума» в Питере такого «градуса напряжения» тогда не наблюдалось и близко.

> «Я вспоминаю вечер, когда мы сидим у Майка на кухне, и он поет „Дрянь“, только что написанную, — рассказывал Борис Гребенщиков. — И нет ощущения, что мы находимся в какой-то рок-н-рольной провинции. Что ТАМ они умеют, а мы не умеем — ни фига! Тот комплекс, которым страдало большинство наших рок-музыкантов — у них там „фузз“, „квак“, обработка звука — нам это было не нужно. Это были какие-то второстепенные детали, а только это ощущение и было правильным. Что если ты написал правильную песню, правильно ее спел один раз — все! Остальное уже должно прикладываться!»

Сотворив за несколько месяцев свои основные хиты, Майк создал костяк будущей концертной программы. Все подступы к ней уже были нащупаны — она получалась на редкость универсальной: ее можно было исполнять как в акустике, так и в электрическом варианте. Теперь «ленинградскому Марку Болану» оставалось все это по-человечески записать и создать наконец-то собственную рок-группу.

На стыке десятилетий «период неоформленной мифологии» в биографии Майка подошел к логическому завершению. Но надо признаться, что белых пятен в той эпохе для нынешних исследователей осталось еще предостаточно. Поиск любой новой информации сегодня крайне проблематичен: давно умерли родственники, ушли из жизни многие друзья, с кем-то навсегда потеряна связь… Но в последний момент работы над книгой кое-что неизвестное нам все-таки удалось раскопать, и вот очень красивый и характерный эпизод из жизни Майка.

Дело в том, что незадолго до описываемых событий Науменко короткое время «халтурил» на Северном Кавказе, в Домбае. Там он вместе с приятелями-музыкантами вел дискотеки на горнолыжном курорте. И в один из зимних дней 1980 года он неожиданно встретил у подножия олимпийских вершин

одноклассника Диму Калашника — того самого, который подарил ему в школе выцветшие фотографии с аккордами The Beatles.

«Стояла изумительная солнечная погода, и вокруг было ослепительно-голубое небо, — вспоминает Калашник. — Мы, пораженные нашей встречей, сидели на лавочке и просто молчали… Чтобы не вспугнуть ощущение тишины ледников и ослепительных пейзажей молодых гор. И вдруг Миша негромко говорит: „Дима, а если бы сейчас прилетел ангел и спросил тебя: "Ты доволен жизнью, которую прожил?" Что бы ты ему ответил?“ Я подумал и честно признался: „Наверное, нет“. А мой школьный друг улыбнулся и уверенно заявил: „А я бы ответил, что жизнью доволен полностью“. Он сказал это, как жирную точку поставил».

Справо налево: Майк, Дюша, Сева и их друг Ливерпулец, 1980
Фото: Наташа Васильева-Халл

Часть II
Путешествие в рок-н-ролл (1979–1982)

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Вкус магнитного хлеба

«Если некоторое время вы попытаетесь быть вымышленной личностью, вы поймете, что вымышленные люди зачастую более реальны, чем люди с телами и бьющимися сердцами…»

Ричард Бах, «Иллюзии», перевод Майка Науменко

Со звукорежиссерами Аллой Соловей и Игорем Свердловым Майк подружился во время прибалтийских гастролей Театра кукол в августе 1979 года. В те дни Науменко был увлечен переводом новой философской притчи Ричарда Баха «Иллюзии». Саму книгу в оригинальном варианте ему подарила Таня Науменко, и по дороге в Вильнюс Майк прочитал ее в автобусе — от начала и до конца. После чего, сильно впечатленный, решил перевести на русский язык — как минимум, для себя и своих приятелей.

«Это была бескорыстная внутренняя потребность, — признавался он впоследствии в одном из интервью. — Мне хотелось, чтобы эту книгу прочитали мои друзья, да и просто какие-то люди».

Толстую пачку машинописных листов, напечатанных с помощью Тани, Майк первоначально даже побаивался брать в руки. Надо сказать, что выглядела эта бумажная конструкция крайне громоздко. К тому же в условиях отсутствия копировальной техники изобретательный переводчик придумал для книги так называемый «цветной дизайн».

Андрей «Вилли» Усов
Фото: Михаил Науменко

«Дело в том, что в оригинальном варианте текст „Иллюзий“ был напечатан двумя шрифтами — прямым и курсивным, — вспоминали приятели Майка. — Науменко, чтобы отразить эту историю, всякий раз менял копировальную бумагу — с черной на фиолетовую — чтобы показать эту разницу. Когда в оригинальном варианте шел курсив, он закладывал в печатную машинку фиолетовую копирку и набивал этот фрагмент. Затем опять переходил на черную. В общем, трудоемкая была у него затея».

Фотограф Андрей «Вилли» Усов стал одним из первых, кто получил тоненькие машинописные листки с русским текстом Ричарда Баха. Он долго листал разноцветные страницы и не мог осознать, что его приятель перевел это сам — от начала и до конца.

Звукорежиссер Алла Соловей
Фото из архива Олега Ковриги

«Помню, как держал я эту книжечку в руках, и какое-то недоверие все-таки оставалось, — поведал мне спустя много лет Усов. — Меня буквально раздирали вопросы: как человек смог это сделать? Да нам жить-то некогда было! А Майк еще успевал это переводить. Да слава его учителям, которые настолько глубоко дали ему этот язык!»

Помимо «Иллюзий» Науменко с большим интересом переводил музыкальную литературу — вроде The Rolling Stone Illustrated Record Book, взятую напрокат у хиппанов из Вильнюса. И когда Алла Соловей застала Майка за этим упоительным занятием, он простодушно ей пояснил: «Естественно, после перевода у меня получится вовсе и не illustrated, зато тут есть полная дискография и множество интересных фактов».

Заметив такой энциклопедический подход к рок-музыке, Игорь Свердлов по прозвищу «Птеро Д'Актиль» пригласил Науменко в гости — посидеть за чашкой портвейна и оценить коллекцию «фирменного» винила.

«Майк очень любил классический рок-н-ролл, — говорила Алла Соловей. — Обнаружив его в моей домашней фонотеке, он просто завис, прослушивая пластинки два дня подряд и попросту

не выходя из квартиры».

Затем у них случилось несколько вылазок в кино (довольно удачных) и поездок на рыбалку (неудачных). Однажды, блуждая по лесам, они обнаружили озеро, которое на поверку оказалось болотом, а заодно — военной базой комаров истинно мексиканских размеров. Тогда-то Майк и осознал, что Птеро Д'Актиль, возможно, и был ленинградским Филом Спектором, но уж точно — не Дерсу Узалой.

В итоге «городской ребенок» Миша Науменко вернулся домой искусанным с головы до пят, так и не отведав обещанной ухи. Позднее этот опыт экстремального туризма был увековечен в словах его лирического героя из песни «Сидя на белой полосе»: «мне больше по нраву урбанистический вид». Это заявление стало относиться и к самому музыканту — Майк часто цитировал друзьям фрагмент из «Иллюзий»: «Вспомните, откуда вы идете и почему вы создали эту ситуацию, в которую поместили самого себя в первом лице?»

Большой театр кукол на ул. Некрасова
Фото из архива Олега Ковриги

Как-то вечером, в процессе плавного перехода с болгарского красного вина на кубинский ром, Науменко напел под гитару несколько новых песен.

После чего возбудившийся Игорь Свердлов с энтузиазмом воскликнул: «Это надо писать! Это надо писать! Прямо сегодня, прямо у нас в студии!»

Количество выпитого в ту ночь было столь велико, что осталось непонятным, как на следующее утро приятели не позабыли об этой идее. Время летело центробежно, и впервые Майк не пожалел, что оформился «радистом». Даже в самых дерзких мечтах он не мог предположить, что у себя на службе он вскоре сможет записать настоящий альбом. Не на лужайке возле Невы, не в подпольной студии где-то в Прибалтике, а в государственном учреждении, находившемся в самом центре Ленинграда.

К началу лета в активе у Науменко было уже три десятка композиций. С нетипичной для себя тщательностью он продумал четкий график действий. Еще за год до этого Майк разместил роскошное в своей дерзости объявление в журнале «Рокси». Там, в частности, говорилось:

> «Молодой, нищий, безработный музыкант задался намерением собрать новую группу, которая по предварительным проектам будет играть рок-н-ролльные стандарты и свои композиции (в стиле, возможно, близком Лу Риду, Боуи и т. п.). Требуются: барабанщик, лидер-гитарист, басист, аппарат, инструменты, помещение, безумные идеи, невероятная энергия».

Как говорится, конец цитаты.

В ожидании достойных предложений Майк решил не тянуть время и перенести весь музыкальный материал на пленку. Это было необходимо для репетиций будущей рок-группы. И только тогда он принял предложение от Игоря Свердлова — в первую очередь, для фиксации концертной программы. Дело было в июне 1980 года.

Главный режиссер В. Б. Сударушкин
Фото из архива Олега Ковриги

«Сама запись в студии театра кукол состоялась только благодаря главному режиссеру, подлинному мастеру Виктору Борисовичу Сударушкину, рано ушедшему из жизни, — вспоминала Алла Соловей. — Сударушкин способен был понять, почувствовать, что в стенах его театра происходит некое священнодействие… Может быть, не совсем ему близкое и понятное, но необходимое и для музыкантов, и для нас, звукорежиссеров. Каждый раз Сударушкин давал мне письменное разрешение на экспериментальную запись».

«Сударушкин был демократом, — утверждал Игорь Свердлов, осуществлявший запись вместе с Аллой Соловей. — Как-то во время сессии Виктор Борисович внезапно вошел к нам в студию. На пульте стояли стаканы с портвейном. И он запросто опрокинул один вместе с нами, как ни в чем не бывало».

В профессиональной студии Театра кукол Майк работал не один. Он не хотел повторять упрощенную формулу альбома «Все братья-сестры», спонтанно записывая песни в акустике. Чтобы создать некое подобие рок-звука, Науменко пригласил гитариста Вячеслава Зорина из группы «Капитальный ремонт», с которым

играл на танцах в Вологодской области прошлым летом.

«Майк начинал запись немного робко, но затем, увидев реакцию операторов и первых слушателей, успокоился и разошелся вовсю, — рассказывал Зорин. — Альбом „Сладкая N и другие“ был записан буквально за несколько суток. После первой сессии, когда мы вышли на улицу, Майк произнес торжественным голосом: „Сегодняшний день прожит не зря“».

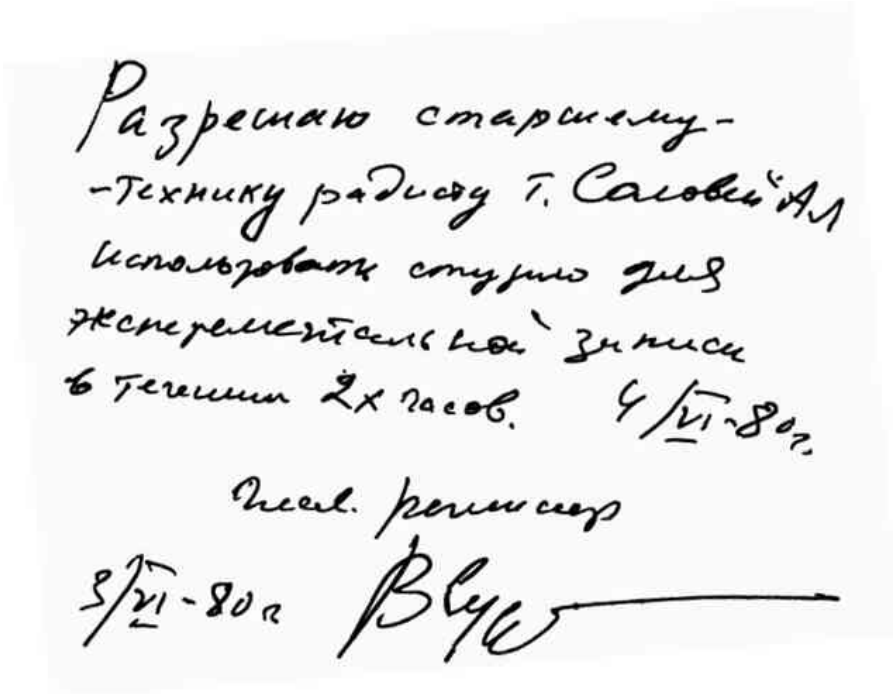
На следующую пробу Науменко позвал Гребенщикова, который, в свою очередь, привлек в студию друзей: Фана с перкуссией, а также новичка «Аквариума» — «мистического авангардиста» Александра «Фагота» Александрова.

«Репертуар был нам более-менее понятен, поскольку в квартире на Каменном острове Майк исполнял многие из этих песен, — философствовал Фагот спустя сорок лет. — Со стороны запись в Театре кукол выглядела почти как семейная история».

> После завершения сессии в альбом вошли шестнадцать электрических ритм-энд-блюзов и баллад — в том числе «Сладкая N», «Пригородный блюз», Blues de Moscou, а также новая композиция «Седьмое небо», по поводу которой Майк признался, что это была одна из самых мрачных его песен: «Седьмое небо — это так высоко, колени дрожат, и кружится голова / И если ты первой не столкнешь меня вниз, рано или поздно я столкну тебя».

«После первых сессий стало очевидно, что передо мной не просто талантливый музыкант, — рассуждала позднее Алла Соловей. — Это было как порыв ветра в душную ночь. Нечто такое, чего все уже давно ждали… Никогда больше в жизни я не испытывала подобного наслаждения от творчества, сидя за пультом звукозаписи, как тогда. В стенах Театра кукол собрался весь, как выяснилось впоследствии, цвет русского рока и выделывал на своих инструментах такое, что кружилась голова. У наших музыкантов были разные вкусы, но это не мешало им находить общий язык. В студии царила Любовь, и еще не было места корыстолюбию и ненависти».

Отдадим должное стальным нервам Аллы, ухитрявшейся работать в недолгих паузах между движением транспорта по улице Некрасова. Дело в том, что поблизости проезжали трамваи, и студийное оборудование в эти моменты сильно резонировало. Но боги внимательно следили за процессом сверху, и огромное желание музыкантов добиться результата оказалось сильнее стихийных бедствий.


Разрешаю старшему-
-технику радиоцеха т. Соловей А.Л
использовать студию для
экспериментальной записи
в течении 2х часов. 4/VI-80г.
Гл. режиссер
5/VI-80г

Кроме основной программы, в студии оказались зафиксированы еще шестнадцать композиций, которые были опубликованы лишь спустя полтора десятка лет на компакт-диске «Сладкая N и другие». Среди этих треков есть немало раритетов, начиная от песен «Капитального ремонта» и заканчивая нетленками Майка времен альбома «Все братья-сестры» («Ода ванной комнате», «Женщина» и «Седьмая глава»), который ему казался теперь «сборником подготовительных упражнений».

«Запись получилась хотя и сносной по качеству, но на удивление занудной, — скромничал Майк в интервью московскому журналу „Зеркало“. — Но при этом многим она нравится. Впрочем, там есть, как мне кажется, хорошие песни».

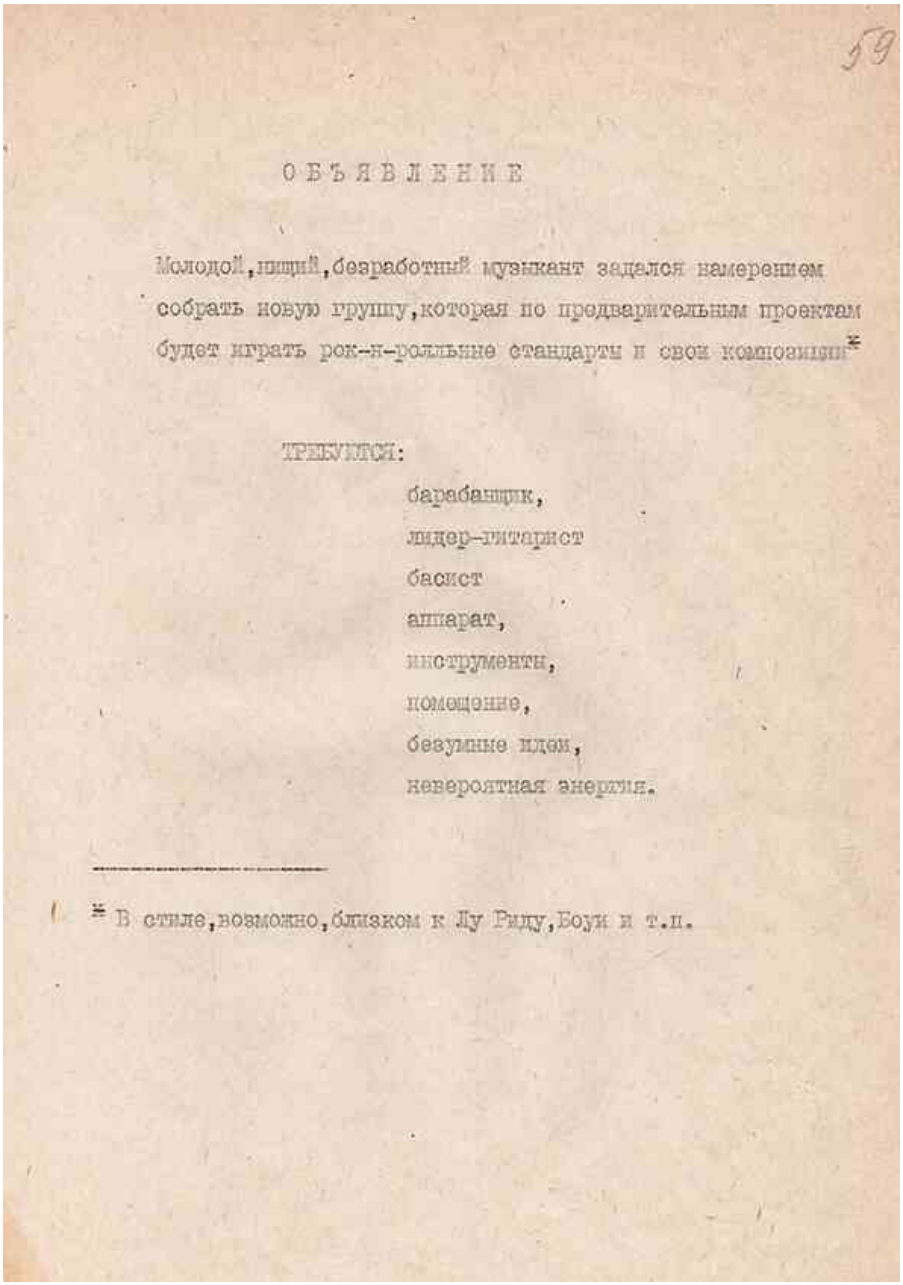
Так, например, новую композицию «Утро вдвоем» он анонсировал следующим образом: «Эта песня посвящается всем мужчинам, присутствующим здесь. Я думаю, что у каждого из нас случалась ситуация, когда мы утром просыпались с бодуна, неизвестно где, неизвестно с кем… Песня как раз об этом».

Следствием душевных пожаров Майка стало драйвовое и честное музицирование. Обратите внимание: напряжение на альбоме достигается «не по правилам» — без вибраций вожделенной рок-группы и раскатов барабанов, которых там не было физически — как, впрочем, и барабанщика. Зато рядом были его верные друзья — как за пультом, так и «с той стороны зеркального стекла».

«Я очень люблю Славу Зорина — как музыканта, — откровенничал позднее Майк в интервью „Рокси“. — И на этом альбоме он сделал то, что нам хотелось. Еще в записи принимал участие Гребенщиков, которого я тоже очень люблю. Он играет на губной гармошке, правда, очень мало, но то, что надо. Во многих вещах он мне сделал звук и помог советом и делом».

«Это был большой зал и довольно просторная комната, — припоминал детали этой сессии Борис Гребенщиков. — За стеклом — магнитофон и спокойная, совершенно не нервная обстановка. Поскольку мы не знали, что с этим может быть связано что-то плохое, то и никаких нервов тогда не было. Наоборот, ощущение полного счастья от того, что все-таки можно записываться».

Внимательно переслушав в августе 1980 года всю запись, Майк неожиданно понял, что из этих треков может получиться симпатичный альбом. А для его выпуска первым делом нужна новая фотосессия. Не теряя времени, Науменко направился на Васильевский остров, домой к Андрею «Вилли» Усову.



59

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Молодой, нищий, безработный музыкант задался намерением собрать новую группу, которая по предварительным проектам будет играть рок-н-ролльные стандарты и свои композиции*

ТРЕБУЮТСЯ:

барабанщик,
лидер-гитарист
басист
аппарат,
инструменты,
помещение,
безумные идеи,
невероятная энергия.

---

* В стиле, возможно, близком к Лу Риду, Боуи и т.п.

Объявление Майка в журнале «Рокси», 1979

«Для альбома „Сладкая N и другие“ Миша позировал на фоне разных стен на улице Репина, — рассказывал Усов. — Мне по случаю достался американский клетчатый пиджак, в котором можно было появляться только на сцене. Его-то мы и использовали. На альбом пошла только одна фотография, снятая в колодце под моим окном. А кирпичная стена, на фоне которой

проходила съемка, жива до сих пор».

Вскоре Майк сделал несколько копий с оригинальной катушки и начал раздаривать пленки своим друзьям — Родиону, Васину, Гребенщикову, Ильченко, Марату, Фану, Ише и Тане Апраксиной.

«Когда мы столкнулись в квартире, которую снимали Файнштейн с Зиной Васильевой, Майк повлек меня в ванную, — вспоминала позднее Апраксина. — Это оказалось единственное место, где можно было спокойно разговаривать. И он не выпускал меня оттуда, пока обеспокоенный Фагот не поднял тревогу, заботясь о моей безопасности. В ванной я получила свою катушку „Сладкой N“ — вместе с массой деталей того, как проходила запись, и с клятвами, которым я в тот момент предпочитала не верить».

После столь эксцентричной презентации стало очевидно, что первый поход Майка Науменко в волшебную страну студийной звукозаписи можно было считать успешно состоявшимся.

Первый концерт Майка в Москве, 1980
Фото из архива Константина Моисеева

Новые горизонты свободы

«Живопись еще нужно изобрести»

Пабло Пикассо

Как-то раз Слава Зорин познакомил Майка со своей двоюродной сестрой Наташей Кораблёвой. Эта невысокая симпатичная девушка жила в скромной коммуналке на Васильевском острове и сразу понравилась Науменко. Через месяц они вновь пересеклись на свадьбе у гитариста «Капитального ремонта».

«В тот день Майк не замечал никого, — вспоминал позднее Слава Зорин. — Кроме моей сестры Натальи и бутылки джина».

Поскольку это знакомство во многом определило дальнейшую судьбу Майка, для написания книги мне было крайне важно встретиться с Наташей. Беседа наша происходила в небольшом кафе на Таганке, и в первые минуты я не мог поверить в реальность происходящего.

Скажу честно — долгие месяцы я метался в поисках аргументов, направленных на то, чтобы это интервью все-таки состоялось. Но всякий раз Наташа шла в отказ — мне казалось, что предложение о встрече виделось ей частью хитроумного плана, имевшего отношение к рекламной шумихе вокруг фильма «Лето». И только настойчивое участие друзей — Олега Ковриги, Иши и Люды Петровских — сделало эту беседу возможной. Сейчас мне неловко за недоверие, но тогда оно казалось вполне оправданным…

Но вот все страхи позади, я дарю Наташе «Безумную механику русского рока», одновременно включая остатки обаяния и старенький диктофон Sony. Интервью начинается с вопросов о знакомстве с Майком и, безусловно, здесь моей собеседнице было, чем поделиться.

«Я с ним впервые встретилась, как с парнем из „Аквариума“, который сам пишет песни, — начала рассказ Наташа. — Он там был вторым номером, а первым — естественно, Борис. А Майку, конечно же, хотелось исполнять свои песни собственным составом».

Наташа Кораблёва (публикуется впервые)
Фото из архива Натальи Науменко

Дальнейшие события в их жизни развивались стихийно, но с явным оттенком романтики. Вначале Майк пригласил Наташу на репетицию с «Капитальным ремонтом», а затем — в Театр кукол, на модный в ту пору мюзикл «Ловите миг удачи». Не без труда достав контрамарку, он скромно усадил девушку на приставной стульчик, а после спектакля пригласил погулять по городу, развлекая театральными байками.

В ответ Наташа немного рассказала о своей жизни. Дочь школьной учительницы, она приехала в Ленинград из Вологодской области и работала оператором счетных машин на производственном объединении «Алмаз». Благодаря брату периодически посещала концерты подпольных рок-групп, но сам город и его историю знала преимущественно из книг и походов в музеи. И так сложилось, что в вопросах «расширения кругозора» Майк оказался незаменимым гидом.

> «До 1973 года семья Науменко жила в коммуналке на улице Жуковского, — вспоминала Наташа. — Потом там осталась сестра Таня, а Миша переехал с родителями на Варшавскую, в трехкомнатную квартиру. У Майка была отдельная комната, казалось бы, живи и радуйся… Но он не хотел там ни жить, ни радоваться. И

как только Таня уезжала на дачу, он возвращался на улицу Жуковского, откуда до Невского было рукой подать. Мы с ним много ходили и смотрели его любимые места. Это был тот самый город Достоевского, который Майк любил, и ему не надоедало все это показывать. А я вечно ходила на каблуках, поэтому, возвращаясь домой, просто падала в тапочки… Мы никогда не посещали кафе, поскольку не было такой культуры, не было столько кофеен и не было столько денег. Поэтому я умоляла Майка зайти в сквер, чтобы я могла немного посидеть. Он легко соглашался и вообще был трепетным парнем».

Принято считать, что первое впечатление от человека — самое сильное. Поэтому для меня был важен вопрос о ключевых эмоциях, полученных от общения с Майком в начале знакомства.

Обложка «Сладкая N и другие»

«Порой у него бывали странные закидоны, что-то про независимость и хождение в народ, — с улыбкой говорила Наташа. — Казалось бы, чего особенного в „радисте“ театра? Майк ведь был из хорошей профессорской семьи. И он по-

настоящему был таким, действительно правильным мальчиком. И всю жизнь он из себя это выдавливал, чтобы быть поближе к своим любимым рок-н-ролльщикам».

Со временем их отношения стали более доверительными. Майк пригласил девушку в гости к сестре Тане, где они, затаив дыхание, слушали новый альбом Дэвида Боуи. Потом читал барышне стихи Гинзберга, самиздатовскую прозу Венички Ерофеева, а однажды набрался смелости и сделал Наташе неожиданное предложение.

«Мечтал бы поселиться с тобой в старинном замке, — слегка смущаясь, сказал „звезда рок-н-ролла“ своей избраннице. — Но могу предложить тебе только квартиру с родителями и зарплату „радиста“ в театре».

Как-то раз Майк попросил Наташу нарисовать обложку к только что записанному в Театре кукол магнитофонному альбому. Так получилось, что ни один из вариантов оформления «Сладкой N» его не устраивал. Фотосессия Вилли Усова подходила лишь для обратной стороны катушки, а нарисованная Апраксиной женская нога сорок третьего размера совершенно не соответствовала лирическим настроениям Майка.

Науменко явно хотелось чего-то другого. И тогда он предложил сделать набросок обложки своей возлюбленной.

«Песни из альбома я уже слышала, — рассказывала Наташа. — В каком-то журнале Майк нашел небольшую картинку, на которой были нарисованы две дамы. И он говорит: „Мне нужна вот такая барышня, и чтобы я на нее смотрел“. И я по памяти все ему нарисовала. Притом, что я — не художник и нигде этому не училась. Откуда он узнал, что я люблю живопись, даже не знаю… Наверное, видел, как я „битлов“ рисовала».

Музыкальный критик Артемий Троицкий

Фото из архива Константина Моисеева

Как только альбом «Сладкая N и другие» получил каноническое оформление, события вокруг Майка завертелись с неожиданной быстротой. Теперь у него был музыкальный продукт, который можно было показывать не только друзьям, но и организаторам всевозможных концертов.

Дело в том, что после выступления «Аквариума» на рок-фестивале в Тбилиси в марте 1980 года у Гребенщикова появилось изрядное количество новых приятелей. Одним из них оказался влиятельный музыкальный критик Артемий Троицкий, который писал многочисленные статьи — как в официальную прессу, так и в машинописный рок-самиздат.

Вскоре лидер «Аквариума» начал ездить с концертами в Москву и как-то раз показал Троицкому кассету с «Дрянью» и «Пригородным блюзом». Как гласит история, Артемий Кивович явно впечатлился услышанным.

> «Мне эти записи страшно понравились, — резюмировал Троицкий. — И, хотя я в то время был увлечен Гребенщиковым, они мне понравились больше. О чем я прямодушно сказал Борису, чем, по-моему, его слегка смутил. Гребенщиков туманно говорил, что это его приятель из Ленинграда, песенки пописывает. Фамилию его он не называл, сказал только, что его кличка — Майк. Мне же настолько полюбились эти песни, что я просто Борю замучил, чтобы он меня с Майком познакомил, приехал с ним в Москву и так далее».

Вскоре Артем пригласил Гребенщикова на акустический фестиваль, который делал его приятель Костя Моисеев где-то в Северном Чертаново — «мутном местечке без опознавательных знаков, среди каких-то гаражей и новостроек». Из Останкино удалось подогнать чешскую передвижную тон-студию радиостанции «Юность», которая зафиксировала это событие на профессиональной аппаратуре.

Состав музыкантов, который должен был выступить 25 октября 1980 года, обещал море удовольствия: Андрей Макаревич, Константин Никольский, «Последний шанс», «Аквариум», а также бородатый литовский бард Виргис Стакенас, невозмутимо певший песни на родном языке.

Группу Гребенщикова, которую на рок-фестивале в Тбилиси снимало финское телевидение, в Москве уже немного знали, но — преимущественно на уровне слухов. Ни «Синего альбома», ни

«Треугольника» еще не существовало в природе, поэтому андеграундная молва воспевала их подвиги на уровне стихийной мифологии.

Любопытно, что в Питере «Аквариум» в те годы воспринимали как «ансамбль, сыгравший несколько концертов вместе с „Машиной времени“». По словам прекрасного Коли Васина, во время выступлений Гребенщикова «публика страшно томилась, ожидая, когда это занудство наконец-то закончится».

Поколение дворников и сторожей
Фото: Андрей «Вилли» Усов

В Москве же все было совершенно по-другому. Типа — это та самая банда, которая чуть ли не трахалась на сцене в Грузии. Помню, как друзья-однокурсники рассказывали мне, что «Аквариум» — это группа, у которой есть одна кайфовая песня, что-то вроде: «Иди ко мне, я мэн крутой! Отдай мой шуз, дави на фузз! Мочалка, эй, беги ко мне скорей…»

Естественно, что на этом сказочном фоне о Майке, который в то время находился «между небом и землей», никто в столице не слышал. Но хитрый Троицкий выстроил программу таким образом, чтобы Науменко играл последним, причем — в сопровождении музыкантов «Аквариума»: Гребенщикова, Гаккеля, Фана, Дюши, Фагота и нового гитариста Саши Кожевникова.

Смутно предчувствуя скандал, Артем пригласил в Северное Чертаново всю прогрессивную интеллигенцию Москвы: начиная от своего друга Саши Липницкого, драматурга Виктора Славкина и поэта Алексея Дидурова до писательницы Людмилы

Петрушевской, застенчивого мультипликатора Юрия Норштейна и джазмена Алексея Козлова, пришедшего на мероприятие в кожаном пиджаке и с женой в вечернем платье.

В конце пути от станции метро «Калужская» гостей ждал настоящий футуристический рай: новенькое здание музыкальной школы с актовым залом на 300 мест, в котором стоял первоклассный аппарат группы «Автограф». Окна были затянуты тяжелыми шторами, дневной свет в помещение не проникал — зрители были отрезаны от социалистического рая полумраком и толстыми кирпичными стенами.

Сарафанное радио честно сделало свое дело, и к началу фестиваля в школе яблоку негде было упасть. По оценке Кости Моисеева, в зале собралось человек триста пятьдесят: даже все проходы были забиты взволнованными поклонниками московского и ленинградского рока.

Выставляя Науменко хедлайнером, Троицкий с Моисеевым шли на определенный риск — но он оправдался.

«Это было не только первое публичное выступление Науменко в Москве, но, как Майк меня уверял, вообще первое выступление с собственной программой, — вспоминал впоследствии Троицкий. — До этого он играл только в квартирной обстановке. Впервые Майк выступал в таком большом зале, и впервые это было „электричество“».

Появлению Науменко предшествовал акустический сет «Аквариума», включавший все боевики того времени: «Мой друг музыкант», «Держаться корней», «Дорога 21» и «Глядя в телевизор». Казалось, что превзойти команду Гребенщикова невозможно: зал буквально стонал после каждой композиции. А в это время Майк, сильно волнуясь, глушил в туалете кубинский ром. В тот исторический момент он должен был выйти на сцену, чтобы совершить подвиг. И он его совершил.

«Мальчик Майк», как его фамильярно анонсировал Троицкий, появился на сцене с недопитой бутылкой Havana Club и дымящимся «Беломором». В темных очках, с элегантным платочком вокруг шеи, он натурально выглядел как западный рок-артист. Держался уверенно, пел гнусаво и комментировал песни, словно Боб Дилан на пьяном джеме в Гринвич Виллидж. Без всякого саундчека Науменко проанонсировал цикл песен «Сладкая N и другие», сразу обозначив, что «это не дама из англоязычный страны, а такой персонаж с латинским N… Я не знаю, есть она или нет, но мне очень мила эта женщина». Затем призвал зрителей бухать прекрасный напиток — кубинский ром, а также курить «Беломор», желательно — ленинградский.

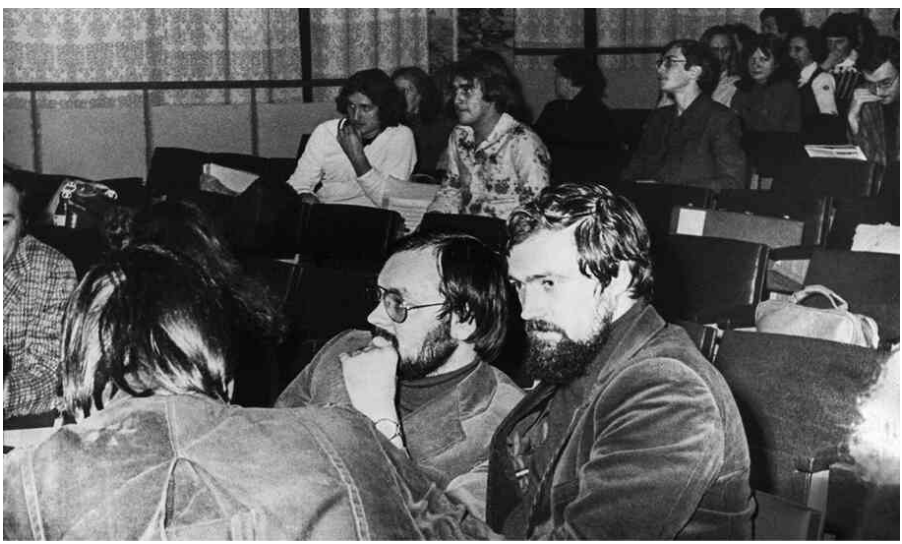
Гробовая тишина была ему ответом.

Константин Никольский
Фото из архива Константина Моисеева

Программа была короткой и состояла из восьми композиций, которые Науменко исполнил в более агрессивной манере, чем на альбоме. Вокал звучал чуть ниже, темп — быстрее, а аранжировки оказались по-настоящему «грязными». Между музыкантами

«Аквариума» и Майком возникла настоящая химия. Причем — в обе стороны. Впервые со столичной сцены были исполнены не песни о воздушных замках и «дорогах разочарований», а провокационный панк-рок с дерзкими текстами. А после строчки про «пятьсот второй аборт» воздух в зале застыл, и стало слышно, как мухи целуются.

> «Майк встал очень прямо, даже надменно, музыканты напряглись и ударили кто во что горазд, — вспоминала в одном эссе Людмила Петрушевская. — Поехала какая-то простенькая игра, и Майк закричал ровно, чеканно, нахальным тоном под этот звенящий бубнеж. Это было, конечно, пение, прослеживалась даже какая-то весьма древняя мелодия, как у дьячка в храме. Но Майк сделал нечто с нашими душами, вроде бы спас их, увел в свой цветущий мир, где царила в разных формах его великая любовь, в том числе и в таком виде, как заунывный повтор: „Ты — дрянь“, — бессильное заклятие против сводящей с ума милой женщины.…»



Подпольные московские менеджеры, Костя Моисеев — в центре (событий)

Фото из архива Константина Моисеева

До этого момента все на концерте выглядело мирно, и ничто не предвещало резких метаморфоз. Но после оглушительного исполнения «Дряни» и «Пригородного блюза» публика прекратила сублимировать и разделилась на два лагеря. Доподлинно известно, что в первом оказались Липницкий, Дидуров и

Петрушевская, а во втором — Андрей Макаревич и несколько музыкантов московских групп. Первые с восторгом смотрели Науменко в рот, вторые — ругали последними словами.

«К микшерному пульту подошел тихий, необыкновенно интеллигентный человек с большим носом и в темных очках, — говорил в одном из интервью лидер „Машины времени“. — Долго и вежливо объяснял звукорежиссеру, каким должен быть звук. Потом вышел на сцену, и вдруг в его лице что-то изменилось, нижняя челюсть выехала вперед, и с удивительно неприятными интонациями он затянул: „Ты — дрянь!“. Очень мне не понравилась такая метаморфоза. Был я тогда поборником тотальной чистоты и считал, что, если человек в жизни один, а на сцене корчит из себя что-то другое, то, значит, в одном из двух случаев он врет».

Когда в зале поднялся гул, Майк сказал в микрофон: «Я тоже свистеть умею!» и, повернув голову к музыкантам, приказал: «Играйте максимально громко! Настолько громко, насколько сможете!» После чего Майк с Борисом лихо грянули в унисон «Если ты хочешь», еще сильнее разжигая костер болезненной рефлексии столичного бомонда.

«Реакция на этот концерт была уникальной, — заявлял впоследствии Троицкий. — Притом, что публика была рафинированной, в зале творилось нечто, и после выхода на улицу все продолжали спорить. А кто-то даже подрался — была какая-то бойня между людьми, которые Майка восприняли, и людьми, которых он сильно возмутил».

«Глядя вслед питерцам, увешанным инструментами и сумками, псевдообразованная столичная урла на автобусной остановке верещала что-то о пошлости и мерзости, об антиэстетике и попрании законов красоты „этими хамоватыми ленинградскими провинциалами“, — вспоминал в книге „Четверть века в роке“ поэт Алексей Дидуров. — Петрушевская тут же ввязалась в скандал с этими ценителями прекрасного. Еле я Люсю оттащил. Она таращила на меня свои почти всегда изумленные и всегда грустные глаза: „Ладно, они в искусстве ни бельмеса не понимают, несчастные, но больше всего их жаль не поэтому! Мальчик Майк — он же такой милый! А их уже и это не берет! Живые юные трупы“».

Наташа и Майк
Фото: Александр Бицкий

Вернувшись домой, «милый Майк» тут же встретился с Наташей Кораблёвой, и, опережая ее вопросы, уставшим голосом изрек: «Как меня приняли в Москве, я, в принципе, доволен. Своим же выступлением — не очень. Потому что, на самом деле, все могло быть и лучше».

Майк и Александр Кожевников
Фото из архива Константина Моисеева

Москва и москвичи

«….Мне нужна лишь тема, чтобы в сердце вспыхнувшем зазвучал напев / Я могу из падали создавать поэмы, я люблю из горничных делать королев»

Александр Вертинский, «Полукровка»

После этого концерта жизнь Майка вошла в новую фазу. У него появилось множество столичных друзей, и о некоторых из них необходимо рассказать подробнее.

Приятель Троицкого и выпускник журфака МГУ Александр Липницкий был не только удачливым коллекционером русских икон, но и продвинутым меломаном. Он жил в элитном доме в Каретном ряду, а его отчим служил переводчиком у первых лиц государства. Неудивительно, что на квартире у Липницкого часто бывали высокопоставленные особы — в частности, посол Индии, который всякий раз дарил будущему бас-гитаристу «Звуков Му» новые пластинки с западной рок-музыкой.

Когда Майк впервые оказался в «салоне на Каретном», то от увиденных дисков просто утратил дар речи. Особенно его поразила привезенная из Нью-Йорка пластинка Chuck Berry On Stage выпуска 1963 года, о существовании которой энциклопедист Науменко даже не догадывался. Прослушав этот концерт несколько раз, он проникся к хозяину дома неподдельной симпатией.

До самого утра весь питерский десант отмечал удачное выступление в Северном Чертаново. К сожалению, в эту бурную ночь не обошлось без происшествий. Сегодня участники вечеринки предпочитают не вспоминать, каким образом в составе «Аквариума» нарисовался гитарист Александр Кожевников. В группу его пригласили для участия в звукозаписывающей сессии, состоявшейся незадолго до этого в студии Театра кукол.

Никто не догадывался, что новобранец «Аквариума», которого чуткий Майк сразу же окрестил «странным человеком», давно «сидит» на морфии и прочих опиатах. В разгар празднества он почувствовал, что ему необходимо «принять дозу». Для этого Кожевникову

нужны были финансы. Тогда он вышел в коридор, ловко прошелся по карманам гостей, изъяв оттуда всю наличность. После чего взял несколько пластинок, надел кожаный пиджак Липницкого и.… исчез в темноте. Позднее музыканты узнали, что спустя несколько лет Кожевников скончался от передозировки.

В этой неприятной ситуации надо отдать должное хладнокровию Липницкого. Когда Александр Давидович обнаружил пропажу денег и вещей, он стойко выдержал удар. Крепкое финансовое положение позволяло ему купить музыкантам обратные билеты и впоследствии селить их у себя во время московских гастролей. А число этих гастролей заметно возросло, но это тема отдельного рассказа.

Всех москвичей, как известно из романа Булгакова, давно испортил квартирный вопрос. Но даже среди этих жертв бытового кризиса порой встречаются альтруисты с ярко выраженным просветительским даром. Одним из них оказался известный советский кинодраматург Олег Евгеньевич Осетинский.

О. Е. Осетинский с дочкой Полиной
Фото из архива Сергея Рыженко

По воспоминаниям Фагота, Осетинский материализовался в

рок-среде перед поездкой «Аквариума» на фестиваль в Тбилиси, оказавшись на одной из репетиций в конце 1979 года. Обладатель представительной внешности, в кожаной куртке и дорогих дымчатых очках, с бутылкой французского коньяка в руке — он словно олицетворял собой успех.

По другой версии, Осетинский появился в поле зрения Гребенщикова несколько позже, придя на репетицию «Аквариума», проходившую дома у Севы Гаккеля на улице Кораблестроителей.

«Олег Евгеньевич был тогда для нас большой фигурой из мира общепринятого искусства, — смеется Гребенщиков. — И то, что он обратил на нас внимание и захотел послушать, было крайне неожиданно. Мы с удовольствием пели песни, разговаривали и вместе пили. Он выглядел страшно серьезно — очень могущественный человек, который сразу наобещал нам тридцать коробов всего на свете».

В мире большого кинематографа Олег Евгеньевич был известен не только как сценарист популярного фильма «Звезда пленительного счастья», но и как суровый воспитатель собственной дочери — фортепианного вундеркинда Полины Осетинской.

Дюша и…
Фото из архива Константина Моисеева

«Мы тогда не знали, что он — великий сценарист, — рассказывал Фагот. — Пока после одного из концертов это существо не заявило нам покровительственным тоном: „Хорошо, я беру вас!“ И первое, что он сделал — засунул Борьке в рот камни и заставил его петь!»

Сам Осетинский подобные действия называл «работой с интонированием» или, говоря другими словами, «постановкой дикции у артистов». Приезжая в Ленинград на киносъемки, Олег Евгеньевич снимал роскошные апартаменты в «Астории» и приглашал музыкантов к себе в гости. Удивительно, но следом за Борисом Гребенщиковым под действие его педагогических чар в конце концов угодил и Майк Науменко.

«Разговор с Осетинским произвел на Мишу особое впечатление, — вспоминала Галина Флорентьевна. — Впервые мой сын встретил такого взрослого, известного, эрудированного человека, который вдруг заинтересовался им, захотел понять и помочь. Олег восхитил и очаровал его. После каждой новой встречи Миша прибегал домой слегка обалдевшим, с широко распахнутыми глазами, но окрыленным и счастливым».

Возможно, на 25-летнего музыканта произвело впечатление, насколько органично Олег Евгеньевич Осетинский рассуждает о творчестве Скрябина и Дебюсси, цитирует Вертинского и по-приятельски общается со столпами отечественного кинематографа.

Фагот (сзади Майк и Фан)
Фото из архива Константина Моисеева

«По своей натуре я не чистый художник, а, скорее, криэйтор и педагог, — комментировал свои действия Осетинский. — Идея моя была не вполне тщеславна — я просто хотел доказать, что если ты знаешь, как работает химизм восторга и вдохновения, как выразительно и осмысленно передать эмоции в сложных эстетических структурах — то сможешь запросто переплюнуть любого в более простых, „низких“ жанрах. Я начал учить Бориса и Майка, как правильно петь, играть, редактировать тексты и музыку. Я менял им имидж, ауру, кормил, поил, составлял программы — в общем, шла „отделка щенков

под капитанов“».

Не всем из музыкантов «Аквариума» это нравилось, но известный кинодраматург возился с Гребенщиковым и Науменко буквально на износ. С раннего утра они приходили к нему в гостиницу и работали по 10–12 часов в сутки. Потом расслаблялись и пили импортное пиво, которого в свободной продаже не наблюдалось.

За несколько месяцев новоявленный «тренер личностного роста» попытался вывести самодеятельных рок-музыкантов на новый уровень. Надо сказать, что Борису с Майком такая забота об их артистической форме была в новинку и на первых порах однозначно льстила.

«Любезнейшая официантка привозила на тележке омлеты с вареньем, икру и коньяк, — делился воспоминаниями Осетинский. — Боря доставал гитару и, прихлебывая хороший армянский коньячок, начинал петь. „Голос, голос! — Большое дыхание, вибрато, глиссандо, подъязычная кость, мягкое небо, губы, атака, рубато, пикьяре, тембр, крещендо, фразировка, интонация, пауза, субито… менять, править, отделывать!“». У Гребенщикова была уверенность в себе, он брыкался, но, преодолевая самолюбие, быстро схватывал тонкости и нюансы. „Гениально! Это работает! Целую твои ноги!“ — восторженно кричал он в телефон, когда я, уезжая, контролировал результаты из Москвы. С Майком мне было труднее — и легче! Он был еще неопытен, и вообще был не из рока. В нем не было хитрости, плебейской зависти, агрессивной обиды на весь мир, у него в душе была подлинная деликатность».

Вскоре Олег Евгеньевич по-человечески привязался к Майку, считал его тексты изысканными и эстетскими, а самого Науменко называл «русским Жаком Брелем». Он терпеливо учил его раскрывать творческий потенциал, даже в рамках врожденной камерности вокала. Порой они бились над звучанием одного куплета по несколько часов, но конечный результат того стоил.

Однажды Осетинский придумал безжалостное упражнение — заставил Майка множество раз исполнить фразу «как бы я хотел, чтобы ты была здесь», раскачиваясь в трансе и ни разу не повторившись с эмоциями. Все это скрупулезно записывалось на магнитофон и затем тщательно прослушивалось учителем вместе с учеником.

«Тогда у Майка было много профессиональных недостатков — зажатость, неуверенность, музыкальные и певческие проблемы, — признавался продюсер. — Я поставил задачу: тщательнейшая работа над расширением палитры эмоций и

нюансов. Я утвердил его в тембре, в который он сам не очень верил. Я хотел еще больше обострить эту его знаменитую потом как бы гнусавость, масочно-височное вибрато. Внешний облик я предложил трагикомический, Пьеро и Арлекин сразу, корректно нагловатый питерский пацан — что Майку в жизни было совершенно не свойственно».

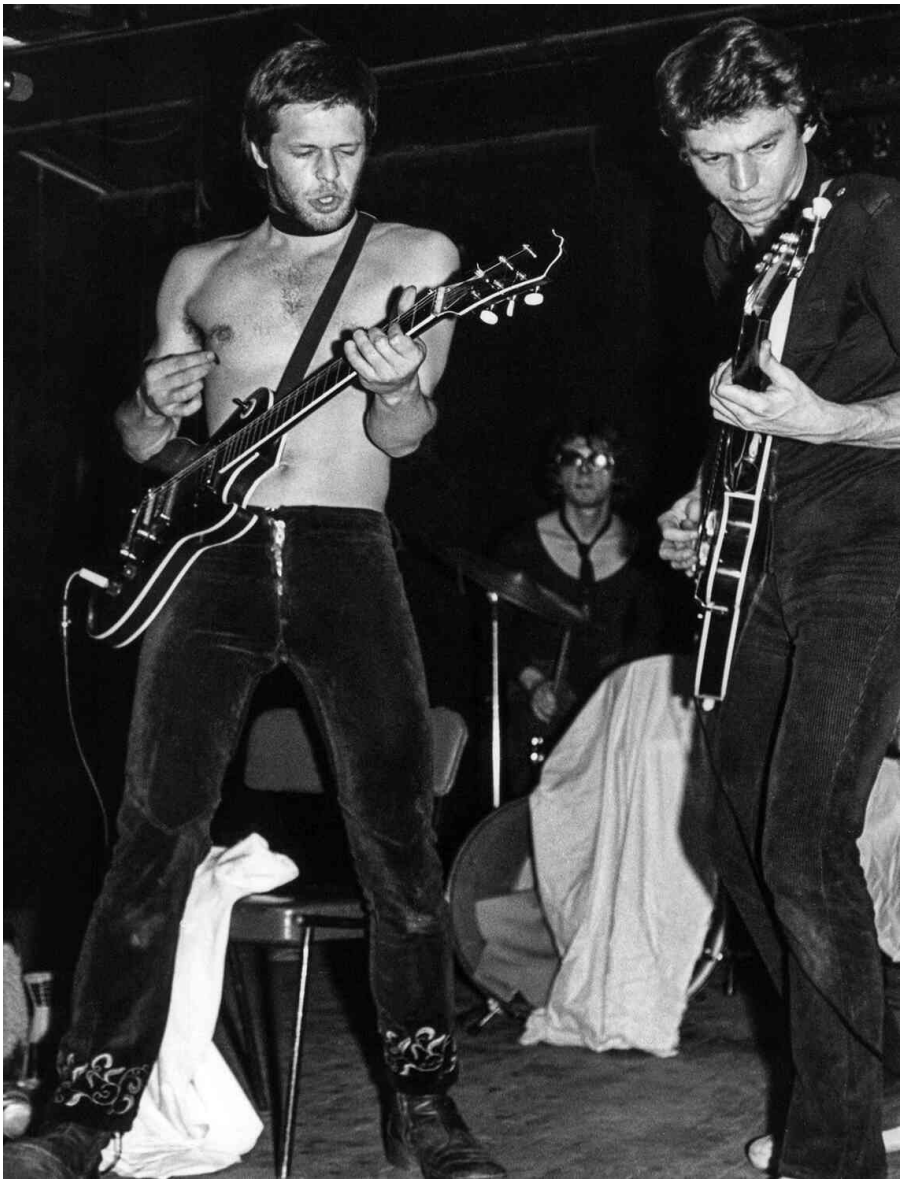
Надо заметить, что практически все приятели Науменко воспринимали это сотрудничество ревниво. На мой вопрос о роли Осетинского многие из них начинали вздыхать и строить конспирологические теории.

«Когда на нашем горизонте оказался Осетинский, случилась катастрофа, — считал Сева Гаккель. — Майк, так же, как и Боб, мгновенно попал под его обаяние. Безусловно, это было каким-то наваждением. Он просто над ними издевался и совершенно парализовал их волю. В первую очередь, он искусил их достатком и пообещал, что выведет в московскую элиту».

В этом контексте меня поразил внешне спокойный Родион, всегда обладавший природным даром не помнить ничего из того, что ему помнить не интересно. В частности — об автостопах и прибалтийских поездках с Майком. И я уже готов был поверить в избирательную способность человеческой памяти, пока… не поинтересовался его мнением относительно Осетинского.

«Я видел этого человека на дне рождения Гребенщикова, — хмуро поведал Родион. — И мне он показался менее убедительным, чем, скажем, наш Игорь Лонский, который учился на физическом факультете, потом — на театральном, и тогда был, конечно, менее состоявшимся. А здесь — московский масштаб, много вина, какие-то отреставрированные иконы, каскадерство в новом фильме… Но Лонский по факту был более убедительным в своей подаче, и поэтому Осетинский не произвел на меня никакого впечатления».

День рождения Гребенщикова, проходивший в его квартире на Алтайской улице, послужил точкой отсчета для дальнейшего развития событий. Потому что уже на следующее утро Осетинский, Майк и музыканты «Аквариума» выехали в Москву, чтобы принять участие в серии творческих вечеров. План этого незаурядного творческого деятеля был красивым и дерзким одновременно.



БГ + Майк + Фан
Фото из архива Константина Моисеева

Под видом встречи с поклонниками (и предполагаемых ответов на записки) Олег Евгеньевич замутил настоящий тур для «Аквариума» и Майка. Он героически протаскивал будущих героев рон-н-ролла на сцену — под видом молодых композиторов, которые якобы писали музыку для его кинофильмов. Со стороны картинка выглядела просто идиллической. Культовый сценарист сидел за журнальным столиком, иногда говорил что-то под музыку «Аквариума», иногда

— пил чай из самовара или читал журнал. Все это время перед вышколенной «творческими вечерами» аудиторией по очереди выступали Майк и Гребенщиков, которым доблестно подыгрывали Гаккель, Дюша, Сева и Фагот.

> «Мы вместе с Майком в интерьере Олега Евгеньевича отчаянно музицировали, — вспоминал Андрей „Дюша“ Романов. — Концерты проходили весело и при полном аншлаге. Длились они бесконечно долго и, несмотря ни на что, доставляли удовольствие и нам, и публике. Игралось легко, зритель ликовал».

Надо отметить, что именно в этот период Осетинский придумал Майку название для аккомпанирующей группы — «Сладкая N и другие». Состав музыкантов мог мутировать в любую сторону, но название коллектива при этом оставалось неизменным. Как впоследствии заметил Гребенщиков, «в результате группа всегда была не очень сыгранна, но очень дружна».

Московский тур, который не был описан в прессе, стартовал в конце ноября 1980 года. Эти в меру рискованные мероприятия состоялись в кинотеатре «Орленок», зале «Красная Звезда», Театре на Юго-Западе, клубе филофонистов «Диапазон» и в малом зале МХАТа (т. н. «концерт для артистов»). Каким-то чудом в архиве у Галины Флорентьевны сохранился выцветший листок бумаги, на котором слева был обозначен репертуар Гребенщикова, а справа — композиции Науменко.

«В порядок исполнения Мишиных песен рукой Олега в последний момент были внесены изменения, — рассказывала впоследствии Галина Флорентьевна. — Заключает репертуарные списки следующая надпись: „Майк! Это первая главная программа твоей жизни. Повесь ее в туалете, плюнь на нее, начало, смерть, раздача началась. Твой крестный Осетинский, 30 ноября — 1 декабря 1980 года“».

На этих концертах Олег Евгеньевич внимательно наблюдал за выступлениями артистов из-за кулис. И вскоре заметил, что на «Сладкую N», «Пригородный блюз» и Blues de Moscou, публика реагирует активнее, чем на композиции «Аквариума». И накануне перфоманса в Театре на Юго-Западе московский продюсер поменял очередность: Гребенщиков теперь играл в первом отделении, а Науменко — во втором.

«Я сказал о своем решении Борису перед началом концерта, — откровенничал Осетинский спустя много лет. — Гребенщиков побледнел, но удар выдержал и возражать не рискнул. Хотя для него это был жуткий шок. Он ведь никогда не

воспринимал Науменко всерьез. Все второе отделение он простоял за колонной, не отводя глаз от нового Майка. Зал ревел, ни на секунду не утихая, минут пять! Майк был растерян, кланялся, оглядывался по сторонам, не веря происходящему».

Дальше начался карнавал, кульминацией которого стала драка между «купцами» — Осетинским и Троицким. Дело было за кулисами, сразу после окончания мероприятия.

«Я помню этот концерт на Юго-Западе, где мы столкнулись с Осетинским, — вспоминал Троицкий. — Мое общение с Майком осложнялось присутствием этого дегенерата, который, зная симпатию Науменко к алкоголю, взял его в оборот очень плотно… Майка очень удивлял такой молниеносный успех, он был совершенно к этому не готов и совершенно к этому не стремился. Все получилось помимо его воли».

Как бы там ни было, два столичных продюсера подрались именно из-за Майка. Еще несколько месяцев назад в это было сложно поверить, но все вышло именно так. Причем со стороны казалось, что Олег Евгеньевич бьется не на жизнь, а на смерть — за свое продюсерское будущее.

Холодное пиво
Фото: Александр Бицкий

«В те времена Осетинский был одним из немногих людей, которые как-то пытались помочь, — рассказывал мне Гребенщиков спустя много лет. — Потом выяснилось, что он больше разговаривает, чем делает. Это — во-первых. А во-вторых, он оказался невероятным хамом. Он культивировал в себе хамство, как метод жизни. Скажем, мне он хамил мало, что-то его удерживало. А вот над Майком действительно измывался. И то,

что он, якобы, ставил дикцию мне и Майку, не очень соответствовало действительности. Да, он задался целью сделать из Майка человека, но продолжалось это недолго».

Как бы там ни было, после концерта на Юго-Западе Осетинский вежливо попрощался с Гребенщиковым и увез Науменко к себе домой. Весь следующий день они провели в элитном баре «Жигули» на Калининском проспекте. Два деятеля праздновали заслуженную победу, заедая астраханской воблой ледяное пиво.

В тот момент они даже не подозревали, какая опасность нависла над ними. Как однажды справедливо заметил Майк — против кармы не попрешь. Дело в том, что ему оставалось выступить еще на одном «творческом вечере», который должен был состояться в кинотеатре «Пионер». Но если все предыдущие концерты были защищены от всевозможных неожиданностей бумагами с гербовой печатью, то для этого мероприятия документ сделать не успели. Или просто забыли.

«Последний концерт мы устроили по нашей глупости в самом центре „цековской“ Москвы, в кинотеатре „Пионер“ на Кутузовском проспекте, прямо напротив гнезда Брежнева, — вспоминал подробности Осетинский. — Я вытащил на сцену „падшего ангела со скрипкой“ Сергея Рыженко, классического альтиста, победителя всесоюзного конкурса Андрея Гридчука, актера МХАТа Сергея Колесникова, и т. д… Мой директор Черномордик скупил все билеты на вечерний сеанс, и кассирша была страшно рада, потому что народу обычно приходило один-два человека. Двум бабушкам вернули деньги за билеты, но одна гнида — явно отставной кэгэбэшник — не взял деньги, остался слушать. И через два часа нас всех замели — с подпиской о невыезде! Артистов быстро отпустили, а мне инкриминировали незаконную трудовую деятельность. Было ясно, что это — только повод. Следователь, стуча кулаком по столу, орал: „Дело не в ваших копейках! Нас интересует, что вы там делали с точки зрения политики? Нашли место, где петь, идиоты — прямо напротив дома Брежнева! Вы у меня поедете далеко, лет на пять минимум!“».

У этой истории есть любопытное послесловие. Словно предчувствуя беду, прозорливый Олег Евгеньевич попросил одного из приятелей записать этот концерт. Некто по имени Федор, в течение многих лет фиксировавший на пленку выступления Высоцкого и других подпольных бардов, в тот нехороший вечер поехал в «Пионер» с магнитофоном Sony — записывать «какого-то непонятного Майка». С большим трудом моим друзьям удалось разыскать в многомиллионной Москве

этого человека. Он нашел на антресолях заветную магнитофонную катушку с песнями Науменко и клятвенно пообещал передать ее для реставрации… но только после своей смерти.

Фото: Александр Бицкий

Любовь к электричеству

«Они там, за железным занавесом,
небось рок-н-ролл вовсю гоняют.
…»

Патти Смит, 1979 год

Со временем вокруг Майка сгустился ореол непризнанного пророка. Записав «Сладкую N», он уволился из театра и стал желанным гостем многих литературных салонов. Джазмены и рок-музыканты, авангардисты и авантюристы заслушивали до дыр «Пригородный блюз», возведя его в статус настоящего подпольного хита.

«Если успех в Москве не испортит чутья Майка, — анонимно писал Гребенщиков в журнале „Рокси“, — если его не затрахают девушки и не споят пожилые эстеты, то я рассчитываю на кое-что в будущем».

Явный намек на Осетинского предназначался исключительно людям, «посвященным в творческий процесс». И это был типичный для того времени момент. После серии столичных концертов бывший радист Театра кукол начал обрастать гроздьями слухов, а следовательно — конструктивной мифологией.

«Из Москвы Майк вернулся в таком возбужденном состоянии, что его трудно было узнать, — признавался потом Слава Зорин. — В одном из выпусков „Рокси“ сохранился забавный анекдот — как Науменко пил в сортире коньяк, чтобы успокоиться. Это был его первый серьезный успех».

О Майке в богемных кругах в ту пору болтали разное. В частности, что песню «Сладкая N» запретили на радиостанции в Америке и одна известная организация взяла у Науменко подписку о невыезде. Также поговаривали, что певец теперь живет где-то под Питером, устроив там домашнюю студию. Предполагали, что Коля Васин привозит туда еду, Иша Петровский — «огненную воду», а Гребенщиков — свежую музыку. Поскольку ни концертов, ни интервью в родном городе у Науменко по-прежнему не было, звучало это вполне правдоподобно.

На самом же деле, Майк скромно трудился сторожем на очередном объекте, зарабатывая крохотные деньги на будущую

семейную жизнь.

«Вячеслав, у меня кайфовая работа! — восторженно звонил он из своей сторожки Зорину. — Врубись, я сторожу стадион имени Кирова, а меня сторожит какой-то мент! Это просто полный пиздец!»

Вскоре Майк сменил несколько охраняемых участков, включая загадочный химфармзавод, производивший лекарства, сильно приближенные к наркотическим. По этой причине товарищу Науменко под расписку было вручено табельное оружие. Как говорится, на всякий случай.

Поскольку мир «дворников и сторожей» в те времена был крайне узок, его бригадиром оказался — только не смейтесь! — Андрей «Дюша» Романов, флейтист «Аквариума». На этой вражеской территории два потомственных трудоголика, что называется, нашли друг друга. Пока один прилежно расписывал график дежурств, другой стремился занять пораньше очередь за портвейном.

> «Мы с Майком приходили на объект с двумя гитарами, — смеялся впоследствии Дюша. — В первой половине дня мы, не выпивая водки, громко пели на весь завод, чем сильно веселили публику, пребывавшую в полном недоумении: воровать или не воровать? Потому что рядом сидела охрана, которая днем и ночью безостановочно пела рок-н-роллы. Пела до тех пор, пока ее не сменят. В таких условиях не развалить советскую власть было просто невозможно».

К этому моменту в жизни Майка произошли два важных события. Во-первых, осенью 1980 года Галина Флорентьевна официально ушла с работы на заслуженный отдых, и теперь целые дни проводила дома. Свободы перемещений у Миши стало значительно меньше, а вопросов от родственников — значительно больше. Оставаться собой, и писать песни в таких условиях было почти невозможно.

Во-вторых, очаровательная Наташа Кораблёва уволилась из ПО «Алмаз» и устроилась на курсы кочегаров. Взамен она получила стабильное жалование и служебное жилье в видавшей виды коммунальной квартире на улице Боровой.

«Как-то осенью я ездила к Майку на работу — в какую-то сторожку, но не помню даже, в каком районе это было, — рассказывала Наташа во время нашей беседы. — Он переводил мне книгу In Watermelon Sugar Ричарда Бротигана, читал вслух „Москва-Петушки“ и стихи Аллена Гинзберга… Ко мне на Боровую Майк приезжал не каждый день, а я гордо ни о чем не

спрашивала».

Дом на Боровой, 18
Фото: Олеся Фирулева

Так случилось, что зимой 1980 года произошло событие, разделившее жизнь Михаила на «до» и «после». Девятого декабря он услышал по радио новость о том, что в Нью-Йорке был застрелен Джон Леннон. В тот же вечер Науменко собрал свои вещи и переехал жить к Наташе.

В коммуналке, расположенной под самой крышей ветхого

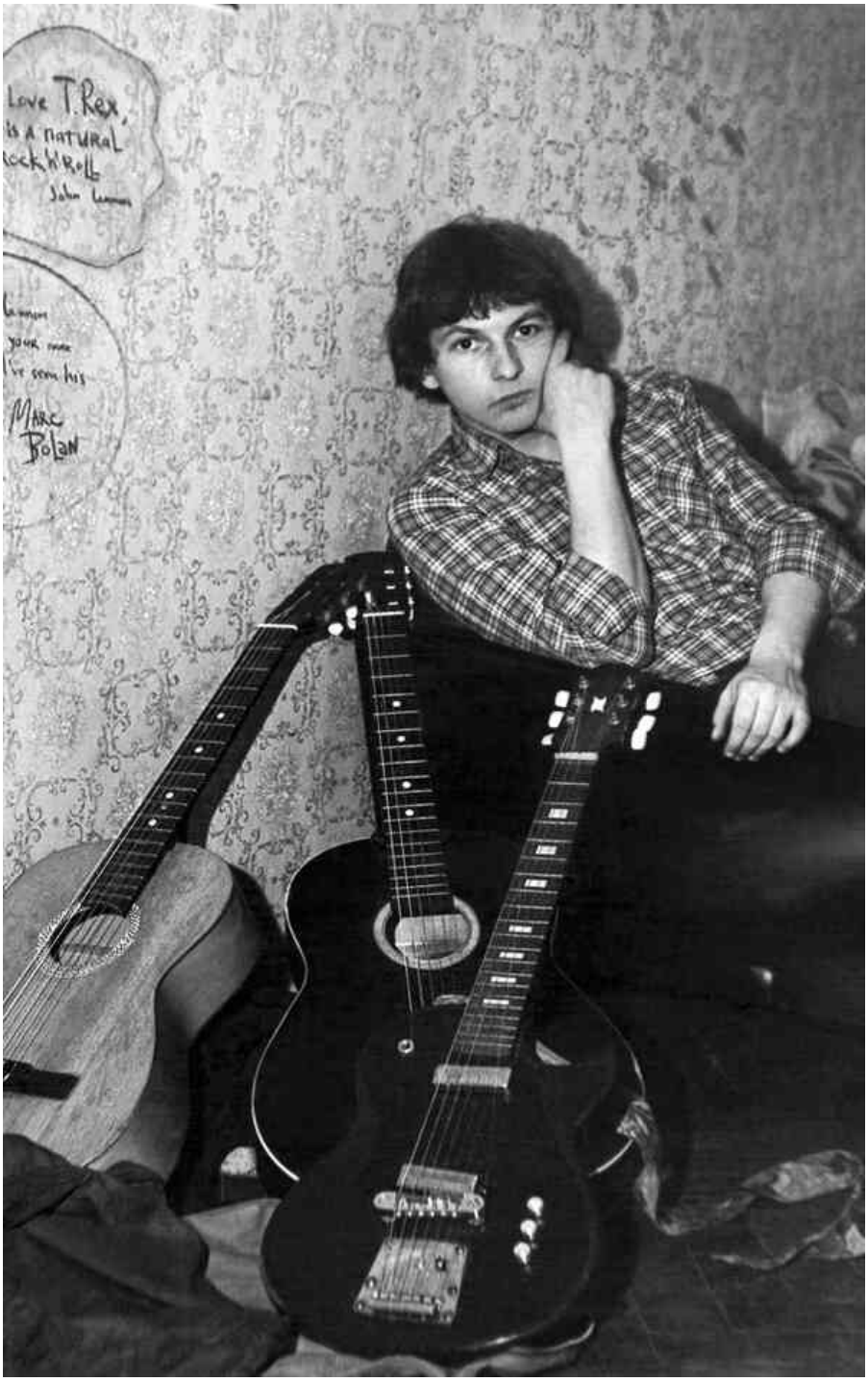
семиэтажного дома, обитали еще шестеро одиноких молодых людей — работников «Теплоэнерго». Их объединяли длинный продуваемый коридор, кухня с двумя газовыми плитами и Коломенская улица за пыльными окнами. В открытую форточку врывались ароматы помойки и тройного одеколона из расположенной через дорогу парфюмерной фабрики. Зато в подъезде исправно работал узенький лифт, где однажды умудрилась застрять целая компания друзей Наташи и Майка.

Здание это и по сей день стоит неподалеку от Московского вокзала, между Лиговским проспектом и улицей Марата. Горячей воды, как и телефона, в нем тогда не было, поэтому мыться жильцам приходилось в районной общественной бане.

«На кухне стояли три большие кастрюли, в которых постоянно грелась вода, — поясняла Наташа. — Это давало возможность умыться, постирать, что-то приготовить. Главное для всех нас было — не забыть вовремя подливать воду».

Мебели в небольшой комнате практически не было, но Майка это не смущало — у него наконец-то появился собственный очаг. Вскоре он выменял по случаю старенький диван, а чуть позже Родион подарил ему черно-белый телевизор — вещь, совершенно необходимую для семейного счастья. Еще был магнитофон с разрисованными катушками, а также полуголые стены с пожелтевшими обоями, на которых гости самовыражались с помощью фломастеров. По воспоминаниям знакомых, три первых места хит-парада занимали лозунги «Лучше быть в замешательстве, чем на работе», «С утра начнешь — весь день свободен» и «Не верь бабе — обманет!». Но в итоге всех переплюнул умница Родион, под самым потолком написавший на санскрите слово «хуй». Просто, доходчиво и понятно.

Незадолго до описываемых событий Майк накопил немного денег и приобрел у Юры Ильченко самодельную электрогитару черного цвета. Как говорилось ранее, Науменко давно мечтал о собственной рок-группе и даже придумал для нее название «Зоопарк». Ему безумно хотелось вырваться из акустических оков на электрический простор, добавив своим композициям драйва и масштабности.



Майк в новой квартире (первые дни)
Фото: Александр Бицкий

Он понимал, что нельзя бесконечно испытывать терпение

Гребенщикова, постоянно выступая под нестройный аккомпанемент приятелей из «Аквариума». Тем более, как выяснилось позднее, восприятие самими музыкантами этих перфомансов было неоднозначным.

«Мы с Майком были друзьями, но чуть-чуть не совпадали по части отношения к музыке и к игре, — рассуждал Сева Гаккель. — В „Аквариуме“ все были средними музыкантами, но то, как мы играли, иногда складывалось в какую-то картинку, и порой это была сказка. Когда же мы начинали играть с Майком, или когда он к нам присоединялся, чувствовался легкий дискомфорт».

Итак, время и жизненные обстоятельства поставили Науменко перед необходимостью искать собственных музыкантов. Майк мечтал, чтобы его гитарист играл, как Мик Ронсон, барабанщик стучал, как Джим Кельтнер, а басист цементировал музыкальную ткань, как, скажем, Билл Уаймен. Сам рок-поэт собирался возглавить это религиозное шествие посредством пения и игры на ритм-гитаре.

На первый взгляд, эта идея не выглядела фантастикой. В окружении Науменко было много сильных музыкантов — начиная от Саши Ляпина и Жени Губермана и заканчивая Фаготом и Александром Донских. Но их трудовые книжки лежали, как правило, в оркестрах и официальных ансамблях, где они зарабатывали на жизнь. И Майку стало понятно, что играть с профессионалами у него вряд ли получится. Оставался единственный выход — создавать группу из друзей. И на этом тернистом пути его ждало немало разочарований.

Майк и Панкер
Фото: Леонид Фельдман

Здесь уместно процитировать важную мысль, которую в ходе моей работы над книгой озвучил Гребенщиков.

«Все первые концерты нам приходилось „биться“, — объяснял мне лидер „Аквариума“. — Мишка бился по-своему, мы бились по-своему. Но это всегда была борьба. И она всегда приводила к очень хорошим результатам, потому что, во-первых, возникала боевая закалка, а во-вторых, нам приходилось подтягиваться и что-то делать все лучше и лучше. Честно говоря, нам в „Аквариуме“ было легче. Потому, что нас было много, и у нас была своя семья. А Майк тогда оставался один».

Тут стоит заметить, что знакомые музыканты, теоретически пригодные для создания группы, у Майка в принципе были. К примеру, уже несколько лет он обменивался пластинками с Игорем Гудковым по прозвищу «Панкер». Высокорослый Панкер хорошо разбирался в музыке, был легок на подъем, и у него водились деньги. Он был типичным представителем «золотой молодежи», а кроме того — обожал панк-рок и очень любил «заниматься весельем». Спустя годы будет крайне сложно переоценить его роль в творческой эволюции Майка. А пока они только начинали наводить коммуникационные мосты, причем — в самых разных направлениях.

«В 17 лет я был убежденным бездельником, — рассказывал Панкер. — Я доказывал родителям, что не хочу учиться в институте. Мне же говорили, что это очень стыдно и неприлично. Я петербуржец в девятом колене, и мой прадед служил статским советником при дворце Его Императорского Величества. Род был хоть и не дворянским, но все — с высшим образованием. И вот, первый раз в роду человек заявляет: „Я не хочу учиться!“ Тем более, стоял вопрос об армии, который я решал, работая грузчиком во всяких военных учреждениях, которые давали отмазы, бронь так называемую».

Анархия в Риге: Панкер, Майк и Данилов
Фото из архива Андрея Данилова

Панкер никогда не скрывал от друзей, что его отчим трудится в Ленинградском обкоме партии. Поэтому Гудкову не составило большого труда совместить карьеру военного грузчика с работой звукорежиссера. Вначале — в Театре кукол, где он в 1980 году пытался записывать «Аквариум», затем — в театральном институте. А заодно — купить настоящую ударную установку. Услышав эту сенсационную новость, Науменко опрометчиво решил, что барабанщика он себе уже нашел. Легко и быстро.

Через несколько месяцев, сидя в гостях у Фана, Майк познакомился с ударником студенческой группы «Прощай, черный понедельник» Андреем Даниловым, с которым басист «Аквариума» играл в армейские годы. Уроженцу Петрозаводска, слегка провинциальному Данилову было крайне любопытно пообщаться с Гребенщиковым, Юрой Ильченко и Майком. Несмотря на увлечение хард-роком, он с интересом приезжал к Науменко домой — меняться пленками и слушать его рассказы о Лу Риде, Бобе Дилане и Марке Болане. На смену хард-року пришли фолк, глэм-рок и пост-панк.

Однажды вечером к Фану забрели знакомые барды, собравшиеся в Ригу на очередной слет Клуба самодеятельной песни. Опустошив несколько бутылок портвейна, они предложили Майку ехать вместе с ними, по их выражению — «попеть песни».

Несложно догадаться, что Науменко сопротивлялся недолго.

Прихватив гитару, Панкера с бубном, Данилова с маракасами и Родиона с девушкой, он уже через несколько часов репетировал акустическую программу в поезде Ленинград — Рига. На возмущенные вопли соседей по плацкартному вагону компания не обращала никакого внимания.

«Науменко уже переехал на Боровую, но постоянные поездки в Москву у него еще не начались, — вспоминал Родион спустя почти сорок лет. — А у меня тогда были личные переживания, я просто заехал к Майку в гости, и в итоге меня увезли на три дня в Прибалтику».

Когда питерский десант добрался до столицы Латвии, выяснилось, что фестиваль с поэтическим названием «Рига 1981» проходит не в городе, а в его укромных окрестностях. После бессонной ночи, проведенной в палатке под одеялом, украденным из поезда, друзья вышли на сцену помятыми и злыми. Наслушавшись за целый день песен про «изгиб гитары желтой», они решили играть максимально жестко — такое было настроение. Самыми «мягкими» композициями в тот вечер были «Сладкая N» и «Баллада о Кроки, Ништяке и Карме», а все остальное в этом контексте лучше не упоминать.

Сохранилось несколько фотографий с этого оголтелого выступления. Панкер подыгрывал Майку на маракасах, а Данилов что есть силы бил палкой по раструбу от огнетушителя — пока эту палку не сломал. Взбешенные столь брутальной эстетикой барды пытались громко свистеть и размахивать кулаками. Но невозмутимый Майк смачно плюнул им под ноги, выдал еще несколько боевиков и покинул сцену абсолютным победителем.

Всю ночь в палаточном городке бородатые геологи, одетые в толстые свитера с оленями, жгли костры и распевали песню одного из лауреатов: «Десять, девять, восемь, семь… пять, четыре, три». По воспоминаниям Игоря Гудкова, эта интеллектуальная баллада о походе гномиков на речку пользовалась у публики особым успехом. Палатку Майка мудаковатые менестрели старались обходить стороной.

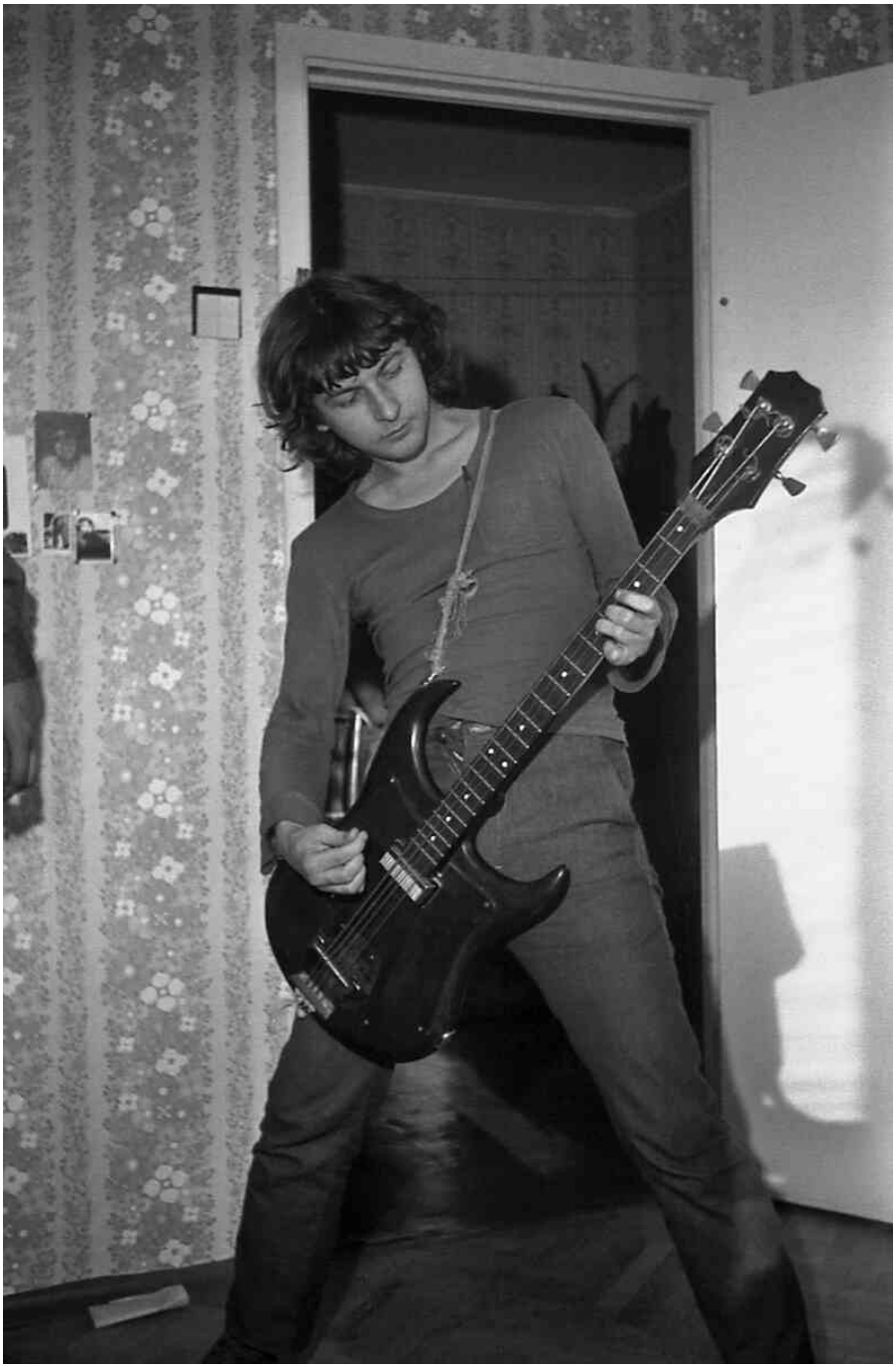
На обратном пути в Ленинград Науменко неожиданно «взорвался» и высказал все, что думал о «виртуозном» умении Панкера держать ритм. Но, чтобы не обидеть приятеля, тут же предложил ему гениальный выход из ситуации.

«Ты будешь у нас звукорежиссером, — ласково сказал он Гудкову. — Андрей Данилов станет барабанщиком, мы найдем басиста, гитариста и запишем дебютный альбом. Назовем его „Любовь к электричеству“, потому что у Аксёнова есть такой роман, который я очень люблю».

Для достоверности певец показал нарисованную им обложку

— по воспоминаниям друзей, «очень убедительную». Теперь дело оставалось за малым — найти остальных музыкантов.

Изначально на роль лидер-гитариста планировался Ишин друг — художник Володя Федоров, белокурый красавец, внешне похожий на Брайана Джонса. В тот волшебный миг, когда Федоров брал в руки гитару, девушки теряли терпение и самообладание одновременно. Скажем честно — играть после этого ему было уже не обязательно.



Майк на квартире у Иши, 1980
Фото: Александр Бицкий

Теперь настало время поблагодарить Ишину маму Юлию Викторовну Петровскую, неожиданно кстати уехавшую из дома в

иногороднюю командировку. Двухкомнатная квартира на Пражской оказалась в полном распоряжении лучших представителей купчинской молодежи. И вот, в один из сентябрьских вечеров на квартире у Петровского собрались Майк, Панкер, Володя Федоров и фотограф Саша Бицкий (тот самый, который ездил с Ишей и Майком в Москву).

Приняв на грудь необходимое количество спиртного, друзья решили поиграть рок-н-ролл. Саша Бицкий весь этот «хэппенинг» аккуратно снимал, хотя пленка у него быстро закончилась. Тут же стало ясно, что поет Иша примерно так же, как Панкер играет на барабанах. И хотя впоследствии Майк представлял Петровского, как «лучшего в мире панк-вокалиста», он сразу понял, что будет лучше, если Иша останется просто добрым другом. Не звукорежиссером, не директором группы, а именно другом.

Но главное огорчение ждало Науменко впереди — когда в процессе репетиции он осознал музыкальную несостоятельность Володи Федорова. И здесь вариантов тоже не оставалось.

«Понимаешь, я сам не очень здорово играю на гитаре, — откровенно пояснил Майк Федорову. — И если кто-то у меня в команде будет играть еще хуже, то это будет уже не группа, а полное говно».

Было похоже, что очередная попытка Майка собрать «Зоопарк» закончилась неудачей. Но, слава Богу, это оказалось не так. Именно в этот сказочный вечер Михаил Науменко нашел для своей команды идеального бас-гитариста.

Панкер + Майк + Иша
Фото: Александр Бицкий

Сравнивая мифологии

«Однажды у Леннона спросили, что он думает о ситуации с рок-музыкой в Восточной Европе. Джон ответил, что рок-музыка там, естественно, существует, и ее энергетический центр находится в Уткиной Заводи, где играет „Союз Любителей Музыки Рок“. „Уткина Заводь? Но ведь это так далеко!“ — воскликнули изумленные журналисты. „Ничуть, — ответил Леннон. — Ведь туда идет 120-й автобус“»

Майк (из фольклора)

Когда репетиция в квартире у Петровского приблизилась к пику своей громкости, в коридоре раздался настойчивый звонок. Иша с Майком переглянулись — судя по всему, их ожидали очередные разборки с недобрыми соседями. Но когда хозяин осторожно приоткрыл дверь, его удивлению не было предела. На пороге стоял Илья Куликов, с которым он учился в школе с углубленным изучением французского языка. (Заметим, что в разные годы там проходили «курс молодого бойца» фотографы Андрей «Вилли» Усов и Саша Бицкий).

Визит был крайне неожиданным, поскольку жил Илья на другом конце города и «явился — не запылился» без всякого предупреждения. Переминаясь с ноги на ногу, курносый Куликов виновато улыбался.

«Прикиньте, прихожу я домой, а там моя жена Ленка с какими-то чертями водку жрет! — сообщил он друзьям, неловко стаскивая джинсовую куртку. — И я им прямо говорю: „Да идите вы нахуй с вашей водкой, сами ее жрите! А я куплю себе свою водку, и выпью ее с друзьями. Короче, бухайте на здоровье, а я поехал к Ишке!“».

Пока Куликов, продолжая рассказ, уничтожал стопарь за стопарем, Майк вспомнил, что уже видел этого парня. Примерно год назад Игорь Петровский затащил Науменко на репетицию молодой рок-группы «Маки». Репертуар у них был разношерстный, поскольку вокалист, гитарист и барабанщик

слушали разную музыку. Со стороны это напоминало классический случай «лебедя, рака и щуки». Неудивительно, что на пожелание Майка «поиграть в паузах Чака Берри» никто из музыкантов, кроме Ильи Куликова, вообще не отреагировал.

После репетиции Науменко признался Ише, что ему понравился басист, который «делал морду кирпичом», демонстрируя полный пофигизм к тому материалу, который исполнял ансамбль.

«Интересный коллектив, хотя таких довольно много, — задумчиво рассуждал Майк. — Они имитируют Планта и Фриппа, но при этом плохо понимают, чем занимаются музыканты, чей звук они снимают. Басист у них, конечно, грамотный, и мне кажется, что человек он кайфовый. Я думаю, мы с ним могли бы поиграть».

Басист Илья Куликов

Фото из архива Елены Иваницкой

И вот они встретились вторично, и снова — не без косвенного участия Иши. Никакой мистики или тайных знаков Майк в этом не увидел. Собирая группу, он уже знал, что Куликов играл на бас-гитаре в разных проектах Ленконцерта, а также — в цирковом оркестре. Понятно, что исполнение музыки для канатоходцев предполагало высокие профессиональные требования именно к ритм-секции.

«Мы с Куликовым сразу понравились друг другу, поскольку оба Овны, — писал впоследствии Майк в статье для журнала „Зеркало“. — Распивая очередную бутылку рома на балконе в парадном у Иши, решили поиграть вместе. Попробовали. Понравилось».

Любуясь разухабистыми купчинскими пейзажами, Майк с Ильей обнаружили, что музыкальные вкусы у них совпадают, а шестилетняя разница в возрасте их не смущала. Похоже, это была судьба.

Через несколько дней Науменко позвонил Андрею Данилову, игравшему на танцах с рок-музыкантами из технологического института. К тому времени в виртуальном составе у Майка уже числились басист и барабанщик, и для комплектации рок-группы оставалось только найти лидер-гитариста. Данилов пообещал всячески посодействовать.

Исторический балкон — место начала дружбы Майка и Ильи
Фото из архива Игоря «Иши» Петровского

Вскоре Майк с Куликовым оказались на улице Хлопина, где находилась репетиционная база группы «Прощай, черный понедельник». Это рок-трио большей частью исполняло популярные песни на дискотеках и студенческих вечеринках. В небольшой комнатке общежития, где хранились барабаны,

усилители и колонки, произошло знакомство Майка с гитаристом Сашей Храбуновым.

Как и Данилов, Храбунов был родом из Петрозаводска, увековеченного Гребенщиковым в песне о летающей тарелке. Александр учился на четвертом курсе по специальности «инженер-технолог» и был художественным руководителем «Черных понедельников». Лидер-гитарист был способным и техничным музыкантом, любил английский рок и прилежно снимал аккорды Deep Purple и The Rolling Stones.

«Мы были очень востребованной командой, поскольку в студенческом городке все имели привычку дружно ходить на танцы, — с улыбкой поведал мне Саша Храбунов в 2019 году. — Моя рок-группа постоянно репетировала и была в полной боевой готовности. Когда мы познакомились, Майк сказал, что было бы неплохо нам сыграть что-нибудь из рок-н-рольных стандартов. Ни о каком авторском материале речь первоначально не шла. Мы были из разных срезов музыкальной среды, но какие-то точки пересечения нашли. Мне Науменко понравился по своим человеческим качествам: юмор, нормальное отношение к музыкантам, отсутствие пафоса и сверхзадач».

После нескольких стаканов вина Храбунов и Данилов легко нашли общий язык с Майком и Куликовым. Тут же назначили совместную репетицию — как говорится, чем черт не шутит…

Первые выступления квартета прошли в общежитии технологического института. Играли по пятницам и субботам, развлекая студентов проверенными хитами — от Satisfaction до Highway Star. Будущие инженеры дрыгали руками и ногами, впадая в экстаз от незнакомых вибраций, и подолгу не отпускали музыкантов со сцены.

Почувствовав уверенность, Майк решил замахнуться на большее. Теперь он свято верил в то, что с этими ребятами сможет играть рок-н-ролл везде, где душе угодно — скажем, в курортной зоне Ленинграда. И в те времена подобная мысль вовсе не выглядела странной.

Дело в том, что в конце 70-х в пригородные дома культуры для выступлений на танцах частенько приглашались ленинградские ансамбли. Работа была, прямо скажем, непыльной. С одной стороны, музыканты могли поддерживать «спортивную форму», а с другой — получали репетиционную базу, на которой отшлифовывали авторский репертуар. Поэтому определенная логика в идеях Науменко, безусловно, присутствовала. Но — только на первый взгляд.

Репетиция рок-группы «Прощай, черный понедельник», 1980
Фото из архива Андрея Данилова

«Для начала мы не смогли придумать ничего умнее, как „сесть на точку“ за городом и играть на танцах, — описывал Майк раннюю историю группы „Зоопарк“. — Место было весьма специальное — совхоз. Люди — еще более специальные: подавай им Boney M и „Машину времени“. Но платили нам мало, и в этой связи играли мы то, что хотелось нам, а не им. А именно — классические рок-н-роллы».

Проходило это авангардное действо на территории совхоза «Ленинское», находившегося в пятнадцати километрах от станции Репино. Туда музыканты пилили на электричке, а затем их подхватывал автобус и доставлял к деревянному сараю, выполнявшему просветительские функции — что-то вроде местного «дома культуры». В унылые сельские будни киномеханик привозил индийские кинофильмы, а по выходным тут происходили танцы — в сопровождении рок-группы «Зоопарк».

«Музыканты исполняли обычную программу: Blue Suede Shoes и рок-н-роллы Чака Берри— утверждал Иша, которого оформили в платежной ведомости, как музыканта „Зоопарка“. — Время от времени Майк объявлял в микрофон: „Песня посвящается Ише!“ Мне было приятно, но публика реагировала вяло. В угоду ей играли „Новый поворот“, а в угоду себе делали его в реггей. Народ все это воспринимал не очень, но и бить музыкантов

особенно не стремился. Помню рассказ Науменко про общих знакомых из группы ZA, игравших на танцах в поселке Ольгино. Не выдержав тотального невруба и криков „Deep Purple давай!“, легендарный Валера Черкасов, поднял над головой гитару и со словами: „Вы все — дикие люди! Усралось нахуй вам играть!“, швырнул ее об пол и ушел со сцены».

На танцах в совхозе «Ленинское»
Фото из архива Игоря «Панкера» Гудкова

В отличие от интеллектуалов из группы ZA, «Зоопарк» продержался в совхозе целых три месяца — с февраля по апрель

1981 года. Для музыкантов эта работа являлась существенной добавкой к скромной стипендии. Но Майка угнетали не столько невозможность исполнять собственный материал, сколько соответствующий контингент публики, убогая аппаратура и запредельные бытовые условия.

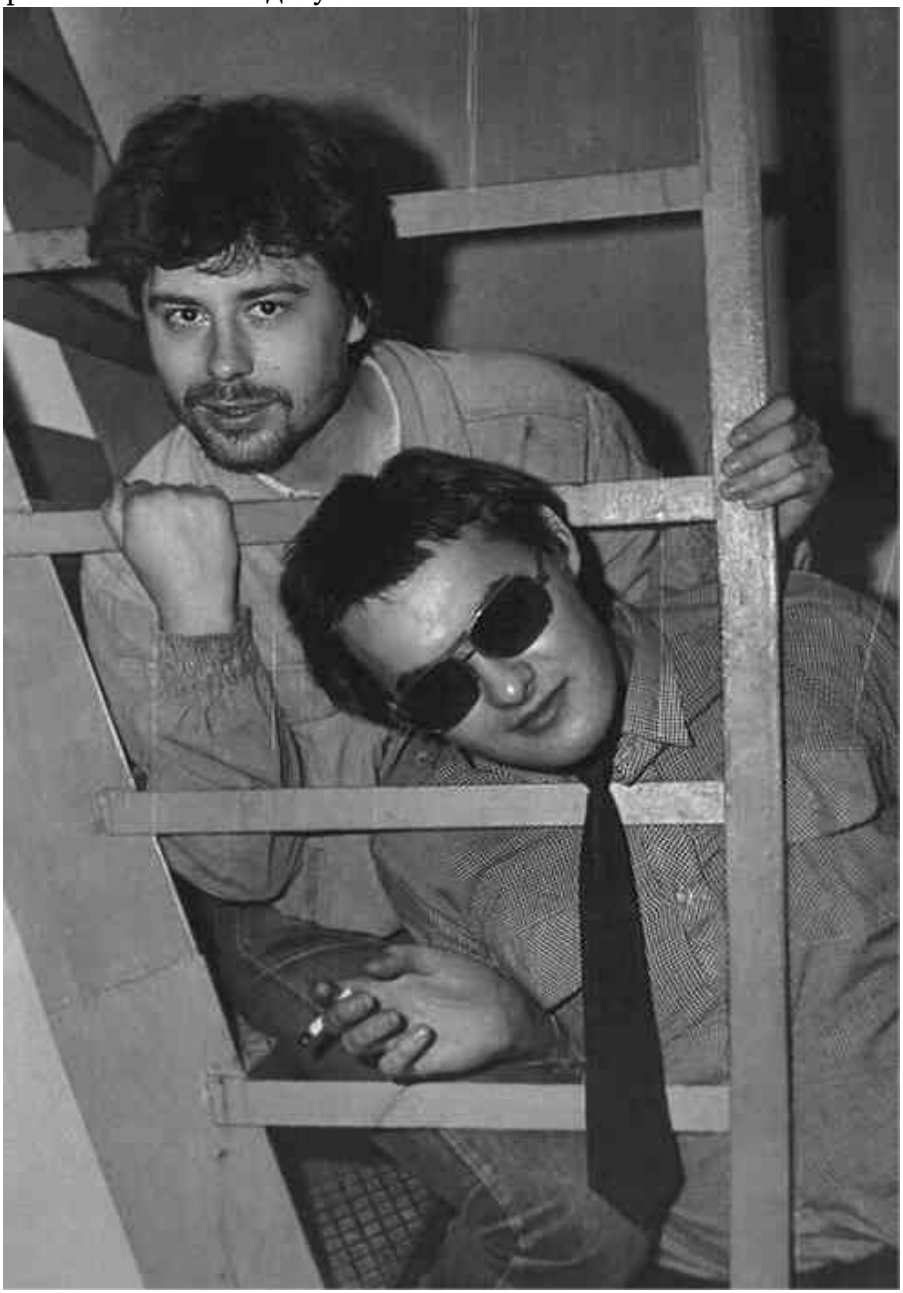
«Несколько раз за нами не приехала машина, и мы ночью шли пешком по лесной дороге в направлении станции, — рассказывал барабанщик Андрей Данилов. — И Майк вдруг задумчиво спросил: „Чувствуете, как в воздухе пахнет говном? Значит, скоро деревня!“ До этого мы целый вечер дурачились и играли все подряд. Я даже не могу вспомнить, что именно мы исполняли. Откровенно говоря, из-за страшного шума я не слышал, что там Науменко с Храбуновым пели. Обычно в Ленинском стоял дикий гул, под который люди в валенках или грязных сапогах умудрялись плясать, а местами — даже петь».

> Как бы там ни было, первоначально группа не имела четких стилистических очертаний, поскольку на танцах играла исключительно кавер-версии. Однажды, во время одной из поездок в Ленинское, Майк не без волнения показал музыкантам собственный материал: «Пригородный блюз», «Если ты хочешь», «Сладкая N». Его группа, не особо разбиравшаяся в рок-поэзии, ничего криминального в этих песнях не увидела. Майк с трудом сдерживал счастливую улыбку — в электрической версии его композиции приобретали драйв, масштабность и объем. Это было началом «всеобщей электрификации» репертуара….

Стоит отметить, что это ключевое событие произошло незадолго до свадьбы молодого поэта Павла Крусанова, с которым Майк был знаком еще со времен работы в Театре кукол. Его харизматичная невеста Наталья училась на журфаке ЛГУ, а Паша писал тексты и трудился басистом в начинающей рок-группе «Хамелеончик За» (в которой играли Сергей Данилов из «Мифов» и Андрей Заблудовский, в будущем — гитарист бит-квартета «Секрет»). И вот однажды вездесущий Панкер пригласил молодоженов прогуляться до кафе «Сайгон», куда должен был явиться лидер «Зоопарка».

«К нам подошел незаметный, невысокого роста мужчина, — вспоминала Наташа Крусанова. — Он был в недорогой китайской куртке и кроличьей шапке с распущенными ушами. Даже невозможно было подумать, что это рок-музыкант. Выглядел он скромно и тут же пригласил в гости, в свою знаменитую коммуналку на Боровой. Там нас встретила чудесная Наташа,

которая уже была „в положении“. Мебели в комнате не было, мы использовали табуретку как стол и принялись весело выпивать. Завязалась оживленная беседа, и я так расчувствовалась, что подарила Наташе и Майку, которых видела первый раз в жизни, приглашение на свадьбу».



Паша Крусанов и Панкер
Фото: Александр Бицкий

К некоторому удивлению Крусановых, Науменко прибыл на торжество без опозданий. Оценив наметанным взглядом кафе, Майк тут же предложил молодоженам «немножко поиграть рок-н-ролл». Это было первое выступление его рок-группы в пределах города Ленинграда.

> «Майк с только что собранным „Зоопарком“ вызвался сыграть в заштатной купчинской кафешке на проспекте Космонавтов, — писал Павел Крусанов в книге „Беспокойники города Питера“. — Это случилось 20 февраля 1981 года, и свадьба получилась рок-н-рольной. Майк метался по шатким подмосткам, закатывал глаза и крутил микрофонную стойку, как шаолиньский монах свою палку. Музыканты быстро хмелели, в воздухе засверкали молнии здорового безумия, а недоумение растерянной родни начало выплескиваться через край».

По воспоминаниям Наташи, в ЗАГСе Майк пристально наблюдал за процессом и, судя по всему, уже что-то мотал себе на ус. В принципе, несложно догадаться, что творилось в его душе. Уже несколько месяцев он жил в гражданском браке, но социализировать свой статус не торопился. Как бы там ни было, через несколько дней 26-летний Михаил Васильевич Науменко сделал Наташе Кораблёвой серьезное и вполне официальное предложение.

«Я сопротивлялась, — уверяла впоследствии Наташа. — Типа, что за спешка? Говорила ему: „А как же твое отношение к семейной жизни? Разве можно любить законную жену? Ты же ненавидишь слова "навсегда" и "насовсем"! Не хочу я в таком виде! Денег нет!“ Но все мои аргументы остались без внимания».

В тот момент Майк наглухо позабыл наставления опытного Осетинского о том, что «музыканту нельзя жениться, ему надо ставить голос», и предложил в меру беременной Наташе срочно определиться с датой бракосочетания.

Майк в пиджаке Тани Науменко на свадьбе у Саши Самородницкого, 1979

Фото из архива Александра Самородницкого

Через несколько дней весть о будущей свадьбе облетела весь Ленинград. Также достоянием общественности оказался и тот факт, что со стороны Майка свидетелем выступит Родион, а со стороны Наташи — Иша Петровский. А пока друзья занимались праздничными приготовлениями, в квартиру № 85 в доме на Боровой неожиданно нагрянула пестрая «полиция нравов».

«К нам нужно было звонить три раза, — улыбается Наташа. — Я открываю дверь, а там стоят две симпатичные девушки, одна темненькая, другая — маленькая и светленькая. И вежливо спрашивают у меня: „Скажите, а Майк здесь живет?“. Я отвечаю: „Да, только он сейчас на работе, но проходите“. Мы знакомимся: Оля Липовская, Наташа Гребенщикова. „О, тусовка "Аквариума"!“, — подумала я, и сразу — чайник на стол. Через некоторое время мы втроем просто ржали, поскольку вначале обе гостьи были строгими. „Мы пришли посмотреть, кто нашего замечательного мальчика забирает, а ты — сразу нас кормить! — сказала Наташа Гребенщикова. — Теперь ясно, что Майк оказался в надежных руках“».

Фото: Дима Конрадт

DANDY IN THE UNDERWORLD

«Я держал курс к фантастическим огням. Никакого сомнения.… И судьба уже готова была мне явиться. Я чувствовал, что она смотрит на меня и ни на кого больше»

Боб Дилан, «Хроники»

С любопытством наблюдая за увлечением друзей свадьбами, Иша пригласил на грядущее мероприятие свою новую подругу Людмилу. Они встречались уже несколько месяцев, и их знакомство произошло не без участия Майка.

«Я снимала крошечную комнату в Поварском переулке, неподалеку от Невского, — вспоминала „чудные мгновения“ осени 1980 года Люда Петровская. — Мой ухажер Панкер привел с собой молодого человека, который церемонно представился Майком. Надо сказать, что брови у Майка поднимались домиком в зависимости от количества выпитого. Так вот, в тот раз они были очень сильно домиком. Одет он был просто — рубашка в клетку и коротковатые советские джинсы, из-под которых торчали красные синтетические носки. Может быть, потому и запомнила, что мне не понравились эти торчащие носки. Ближе к концу вечера, когда все уже достаточно „обожествились“, Майк решил поинтересоваться датой моего рождения. Узнав год и месяц, он расстроенно сообщил, что я — Козерог и ему „не в кайф“ со мной трахаться. Я тоже расстроилась, потому что мне не понравилось абсолютно все. Почему я козерог? Отчего такие заявления, причем — в первый день знакомства и при моем парне? И, конечно, почему вдруг „не в кайф“? Таким образом, я и узнала про астрологию. Панкер понял: что-то пошло не так и после этого знакомства решил поразить меня Ишей. И ему это удалось».

Наташа Крусанова и Люда Петровская
Фото: Александр Бицкий

В итоге через несколько месяцев Людмила пришла на свадьбу к Майку уже в статусе музы Игоря Петровского. Панкер не сильно переживал по этому поводу и вскоре переехал жить (вместе с магнитофоном) к молодоженам Крусановым. Они только что поселились в старом доме на Лиговке, расположенном в нескольких минутах ходьбы от Майка. Понятно, что в таких благоприятных условиях не общаться с новыми друзьями было просто невозможно.

«Мы с женой решили снять комнату, — объяснял мне Крусанов во время одной из бесед. — Но поскольку дом шел на расселение, нам досталась целая трехкомнатная квартира. Погода в Ленинграде с тех пор сильно не изменилась и по улицам особенно не нагуляешься… Поэтому мы с Майком зависали друг у друга по нескольку дней. Тогда и родилась шальная мысль: отпраздновать его свадьбу не в коммуналке на Боровой, а у нас дома. Майку эта идея понравилась».

Бракосочетание Михаила Науменко и Наташи Кораблёвой состоялось 10 апреля 1981 года, но рассказы о нем ходят по Питеру до сих пор. И виною тому был ряд важных обстоятельств. Итак, загибайте пальцы.

Во-первых, накануне свадьбы Майк провел незабываемый вечер в гостях у Славы Зорина, где его «свадебный» костюм был обесчещен одуревшим от весны хозяйским котом. По этой причине на регистрацию Науменко явился в одежде будущего

шурина — мешковатых джинсах болгарской фирмы «Рила» и вельветовом пиджачке с короткими рукавами.

Во-вторых, в отделение ЗАГСа, расположенное неподалеку от Аничкова моста, жених и невеста прибыли на трамвае. Так случилось, что денег на такси — до получения подарков от ближайших родственников — у молодоженов не оказалось.

В-третьих, элегантные свидетели Иша и Родион приобрели по свежей гвоздичке, манерно воткнув их в кудри, а сияющие Оля Липовская и Наташа Гребенщикова с раннего утра чинно прогуливались по набережной Невы, одетые в вечерние наряды.

«Такая вот была необычная свадьба, — смеется Наташа Науменко, вспоминая тот торжественный день. — У Майка не было фотоаппарата, поэтому снимали нас Андрюша Данилов и Саша Бицкий… Но фотографий, увы, осталось очень мало. Никто не догадывался, что это когда-нибудь понадобится. Мы тогда просто жили».

Согласно тщательно разработанному плану, дальнейший ритуал должен был продолжиться на квартире у Крусановых, в которой, к слову, совершенно не было мебели. Чтобы отсечь лишних людей, Майк придумал хитрый ход. Он собрал друзей у «Сайгона», закрытого на ремонт. После чего мирная делегация, состоявшая из музыкантов «Аквариума», «Зоопарка» и их ближайшего окружения, пропилила половину Невского и часть Лиговки. Шли не торопясь, и по рассказам очевидцев, в тот солнечный день в окрестных скверах было выпито немало вина.

«Майк, позабыв о тайных соглядатаях, контролирующих его соответствие звездным нормам, вел себя легко и раскованно, — описывал происходящее Павел Крусанов. — Иша, исполнявший роль свидетеля, по обыкновению требовал „безумиев“… Какой-то рыжий, бородатый, хитроглазый москвич с носом-бульбой здорово гудел на губной гармошке и хватал за ноги проходящих мимо девушек».

Разгар свадьбы Майка и Наташи
Фото: Александр Бицкий

Наконец, шумный «крестный ход» достиг квартиры Крусановых. С этой минуты рок-н-ролльный беспредел понесся в полный рост.

> «Это была настоящая демонстрация, — рассказывала Наташа Крусанова. — Когда я открыла дверь, то пятнадцать минут стояла на пороге и только успевала повторять: „Здравствуйте, проходите, здравствуйте, проходите.…“ В итоге народу набилась целая квартира, люди приходили, уходили и приходили опять. Драматургии не было, все тусили, сидя на ящиках и матрасах. Я заранее купила несколько банок с консервированным борщом и сварила их содержимое в огромной кастрюле. Было вкусно, и все быстро напились и стали орать песни. В печке-буржуйке, которой мы не пользовались, через полгода нашлись несколько бутылок черного рома, любимого напитка Майка. Мы прекрасно знали свои пагубные привычки — все из алкоголя, что нами не пряталось, быстро выпивалось».

В июле 1981 года у Наташи и Михаила Науменко родился сын Женька. Счастливую маму из роддома забирала внушительная делегация, а молодой отец вновь отличился, перепутав детские и взрослые вещи, которые должен был

принести в больницу.

Маленький Женя и Наташа
Фото: Александр Бицкий

На этом приключения не закончились. По дороге домой часть компании стихийно отвалилась — Иша, Люда, Панкер, Паша и Наташа Крусановы решили «продолжить банкет» на знаменитой лужайке у Смольного — в том самом месте, где записывался альбом «Все братья-сестры». Импровизированный пикник незаметно трансформировался в грандиозную пьянку. Из отрывочных воспоминаний удалось выяснить, что Крусанова потеряла обручальное кольцо, а Иша одарил своей обувью беглого пациента психиатрической клиники. Неудивительно, что спустя пару часов друзья обнаружили себя в отделении милиции на Невском проспекте, где Паше Крусанову ненавязчиво предложили посотрудничать с Комитетом государственной безопасности. Но, слава Богу, обошлось…

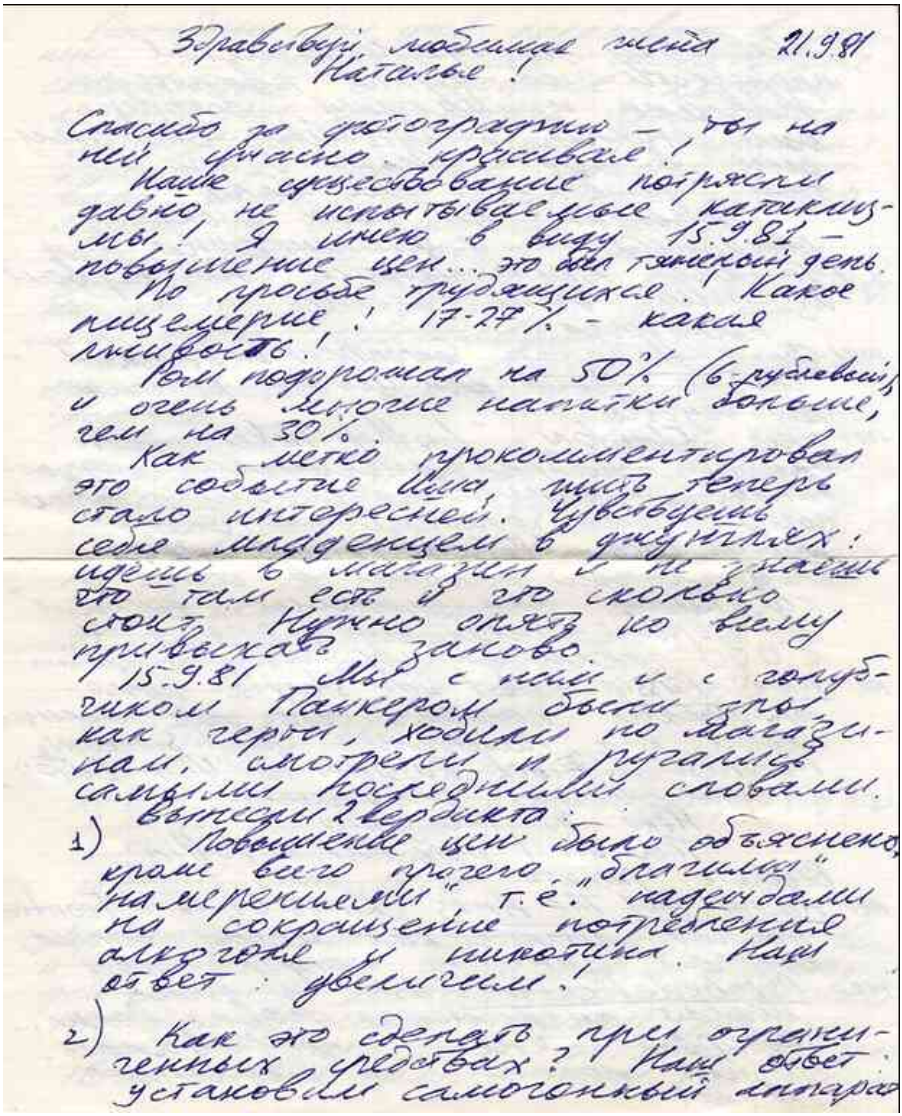
Примечательно, что незадолго до рождения Женьки Наташа нарисовала портрет лидера T. Rex, который повесила на стену.

Она никак не могла забыть внутрисемейных баталий, приуроченных к неистребимому желанию Майка назвать ребенка именем Марк. Хорошо, что мудрые друзья вроде Файнштейна успели отговорить молодого отца от экспериментов на ниве интернациональной эстетики. М-да…

«Постер Болана на оранжевом фоне появился после того, как мы начали обживать комнату в коммуналке, — рассказывала впоследствии Наташа. — Легкий наклон кудрявой головы, живой, „следящий“ взгляд. На стене то и дело менялись фотографии разных групп, но Марк в апельсиновом свитерке был всегда. Посматривая с портрета то лукаво, то весело, то строго, реагируя на разговоры и события, происходящие в нашем „пенале“, он стал безмолвным собеседником, к которому иногда хотелось обратиться: „Не правда ли, дорогой Марк?“ Ведь музыка T. Rex звучала в доме постоянно, хотя, разумеется, слушали мы и многое другое».

После выписки из роддома в жизни молодой семьи наступили трудовые будни. Прожив несколько дней с грудным ребенком в коммуналке без горячей воды и телефона, Наташа поняла, что нужно что-то менять. Она видела, что Майк относится к маленькому существу с радостью и уважением, но совершенно не понимает, что именно с ним делать. Бороться с этим непониманием было бесполезно, и повлиять на ситуацию можно было единственным способом. Наташа вздохнула, собрала вещи и на несколько месяцев уехала с сыном на родину в Вологодскую область, где бабушка с дедушкой окружили внука теплом, заботой и лаской.

Майк в это время пытался «делать дела», сильно скучал по Наташе и часто писал ей нежные письма.



Здравствуй, любимая моя Наташенька! 21.9.81

Спасибо за фотографии — вот на них очень красивые!

Наше существование потрясли давно не испытываемые катаклизмы! Я имею в виду 15.9.81 — повышение цен... это был тяжкий день. По просьбе трудящихся! Какое лицемерие! 17-27% — какая лживость!

Хлеб подорожал на 50% (бубличный), и очень многие напитки больше, чем на 30%.

Как метко прокомментировал это событие Цой, мать теперь стало интересней. Чувствуешь себя младенцем в джунглях: идешь в магазин и не знаешь что там есть и что сколько стоит. Нужно опять по всему привыкать заново.

15.9.81 Мы с ним и с голубчиком Пайкером были этими как герои, ходили по магазинам, смотрели и ругались самыми последними словами.

Выписки 2 вердикта:

1) Повышение цен было объяснено, кроме всего прочего, „благими намерениями" т.е. надеждами на сокращение потребления алкоголя и никотина. Наш ответ: увеличим!

2) Как это сделать при ограниченных средствах? Наш ответ: установим самогонный аппарат

Письмо Майка Наташе

«Свин уехал в Прибалтику пить пиво, — вел репортаж из северной столицы молодой отец. — Можно подумать, что здесь его мало. Но это не так. Здесь мало „Беломора". Погоды у нас стоят мрачные и своим стоянием давят на психику, вызывая константный даун… Такое состояние атмосферы нагнетает чрезвычайную тоску, причем, не только на меня, а почти на всех. Ничего делать не хочется, руки опускаются. Всю субботу и воскресенье сидел в кресле, смотрел TV, читал что-то, на гитаре тренькал, чаи гонял. Странно сидеть одному в квартире. Жена, думаю, пробежала бы, что ли, мимо, штрих бы, что ли, заорал. Странно…»

Кое-что из реальных событий туда не попало — исключительно по эстетическим соображениям.

«В августе мы всей компанией зависли в квартире у Майка на Варшавской, — вспоминала Люда Петровская. — Его родители были на даче, а Наташа с Женей — в Желябово. Мы быстро уничтожили все запасы настоек в огромных бутылях у Василия Григорьевича и сожрали всю пищу, словно саранча. Очень хотелось кушать, а денег ни у кого не было. Тогда мы поперлись в магазин, где я украла несколько пакетов вермишелевого супа. Очень неуютное это дело — красть. Больше я так никогда не делала».

Когда голод брал верх над делами, Майк помогал Дюше Романову продавать арбузы. Параллельно искал новую работу и готовился к выступлению «Зоопарка» в только что образовавшемся ленинградском рок-клубе.

Клуб находился в Доме народного творчества, расположенном на улице Рубинштейна, в доме номер тринадцать. Это было сакральное место — там размещалась первая в стране организация, позволявшая в эпоху брежневской оттепели играть легальные концерты — преимущественно для членов рок-клуба и их друзей. Со стороны это был компромиссный выход из тупиковой ситуации, но на самом деле многое здесь напоминало резервацию. Тексты песен подвергались цензуре, однако остроумие и находчивость музыкантов иногда позволяли «протаскивать» очевидную антисоветчину под видом «пародии на западные рок-группы» и «критики буржуазного образа жизни».

Процесс утверждения текстов, достоверно показанный в фильме «Лето», обозначался термином «литовка». Группа «Зоопарк» прошла эту неприятную процедуру с определенными потерями. К примеру, в песне «Сладкая N» строка «и называли друг друга говном» преобразилась в «танцевали так, что трясся весь дом». Подобных правок приходилось по несколько на каждую композицию — и такова была цена компромисса. В противном случае группа могла навечно остаться в глухом андеграунде, лишившись возможности давать официальные концерты. Вершиной ее карьеры могли бы стать редкие выступления на танцах где-нибудь в Пушкино, и то — не факт.

После прослушивания «Зоопарка» рок-клубовской комиссией Науменко понял, что его музыкантам нужно репетировать больше и чаще. Он знал, что осенью состоится открытие нового сезона и зал на пятьсот человек будет заполнен до отказа. Так в итоге и произошло.

Благодаря Саше Храбунову сохранилась репетиционная запись, на которой зафиксирован генеральный прогон в

общежитии технологического института. Основу программы составили номера из альбомов «Сладкая N» и «Все братья-сестры», новая композиция «Блюз субботнего вечера», а также англоязычный рок-н-ролл, приуроченный ко дню рождения Леннона.

Итак, 9 октября 1981 года в Доме народного творчества состоялся первый официальный концерт группы «Зоопарк». Выступление внимательно слушали Гребенщиков, Гаккель, Фан, Ильченко, Васин, а Дюша Романов даже выскочил на сцену и подыграл Майку на флейте. Фотографы снимали происходящее на пленку, а Панкер записывал концерт с микрофона на катушечный магнитофон.

В архиве у Наташи Науменко сохранилось теплое письмо, написанное Майком на следующий день после концерта.

> «Отлабали мы, кажется, неплохо, пара-тройка накладок была, но их почти никто не заметил, — докладывал Майк. — Мы сделали „Странные дни“, „Если будет дождь“, „Горький ангел“, „Позвони мне рано утром“, „Я знал тебя совсем другой“, „Блюз субботнего вечера“, Sweet Little Sixteen, „Если ты хочешь“ и „Прощай, детка“. Голубчик Панкер сделал live recording, а Билл — фотографии. Приедешь — послушаешь и посмотришь. Из записи предполагается сделать концертный альбом „Зоопарка“, хотя она и не очень хороша. Но драйв есть, а это немаловажно. Послушав ее, все сказали, что я пою, как Игги Поп».

Тогда еще никто не знал, что через неделю Майку предстоит сыграть концерт в Москве. Причем — не импровизированный джем, как раньше, а в составе собственной рок-группы «Зоопарк». Ни Науменко, ни его музыканты даже не догадывались, что до записи исторического альбома Blues de Moscou оставались считанные дни.

Фото: Дима Конрадт

Неведомые наслаждения

«Сам факт существования группы „Зоопарк“ меня глубоко удивляет. Мне до сих пор неясно, каким образом мне удалось заманить трех человек в подобное заведомо безнадежное предприятие, но пока все складывается гораздо лучше, чем могло быть»

Майк Науменко, 1981 год

После фестиваля в Тбилиси жизнь московской рок-сцены забурлила со страшной силой. С одной стороны, признанные фавориты вроде «Машины времени» и «Воскресения» продолжали записывать и распространять магнитофонные альбомы. Поскольку, в отличие от Ленинграда, собственного рок-клуба в столице не было, музыканты зачастую играли концерты в подмосковных домах культуры, обрастая новыми поклонниками, преимущественно — из числа студентов технических ВУЗов.

С другой стороны, в городе стали появляться десятки новых групп, из которых выделялись «Смещение», «Зебра», «Опытное поле», «Колесо» Сергея Рыженко, арт-объединение «Мухомор», а также «Буржуазная зараза» с программной композицией «Сифилис» и группа «Кэндзабуро Оэ» с будоражащими сознание хитами «Битва на конопляном поле» и «Резиновая Зина».

По следам подпольных сейшнов на горизонте возникли активисты, пытавшиеся катализировать эту инфраструктуру. Центр культурно-интеллектуальной жизни молодой Москвы находился в одном из корпусов студгородка МИФИ, где в течение нескольких лет существовал Клуб синтеза искусств имени Рокуэлла Кента. В рамках его деятельности проводились поэтические вечера, художественные выставки и джазовые концерты, проходившие в располагавшемся поблизости Доме культуры «Москворечье».

Тусовка студентов МИФИ
Фото из архива Стаса Воронина

С 1981 года в недрах клуба начал издаваться машинописный журнал «Зеркало», который с помощью Артемия Троицкого пропагандировал творчество московских и ленинградских рок-групп. Кроме того, в рамках семинара «Искусство и эстетическое воспитание» был организован творческий вечер Андрея Макаревича, а несколько позже — концерт акустического дуэта Борис Гребенщиков — Андрей «Дюша» Романов. По воспоминаниям зрителей, «знакомство с идеями „Аквариума“ стало прорывом в иное культурное измерение, к другому восприятию вещей, музыки и не только». После этого редакция «Зеркала» опубликовала «Правдивую биографию „Аквариума“» (написанную Борисом специально для журнала) и активно занялась устройством новых мероприятий.

> Одна из первых акций состоялась в Доме культуры Кусковского химзавода жарким июньским днем 1981 года. Выступал «Аквариум». После исполнения «Прекрасного дилетанта» и «Дороги 21» Гребенщиков неожиданно спросил у притихшей публики: «Скажите, а знаете ли вы Майка?» Несмотря на то, что у Науменко уже было несколько выступлений в Москве, студенты смущенно промолчали. «Ну, тогда меняем программу!» — произнес БГ и в ускоренном темпе выдал «Я сижу в сортире и читаю Rolling Stone…»
>
> Не успел он допеть до конца, как стало понятно,

насколько мощное впечатление произвел текст «Пригородного блюза» на менеджерскую секцию «Зеркала»: Володю Литовку, Илью Смирнова, Мишу Кучеренко, Стаса Воронина и Евгения Матусова. На следующий день они переписали у Троицкого все катушки Майка, навсегда влюбившись в эту странную энциклопедию питерской коммунальной жизни.

Затем по рекомендации Гребенщикова было решено организовать концерт группы «Зоопарк» в Москве. Начинающие рок-менеджеры всерьез захотели потрясти институтских друзей алкогольными гимнами Науменко. Ради этого они рисковали очень многим — причем не столько финансами, сколько учебой, комсомольскими билетами и отношениями с ректоратом МИФИ.

«Зоопарк» на Ленинградском вокзале с Александром Липницким, 1982

Фото из архива Александра Липницкого

«Помню междугородный переговорный пункт, в котором я

связывался с Питером, заказывая разговор через телефонистку по бумажке с номером, — рассказывал один из устроителей этого мероприятия Михаил Кучеренко. — Майку мы пообещали, что дадим какие-то деньги, оплатим дорогу музыкантам, и они согласились приехать».

Параллельно соратники Кучеренко придумали красивый ход — Володя Литовка договорился с администрацией главной джазовой цитадели Москвы — ДК «Москворечье» — о выступлении 19 октября 1981 года группы «Карнавал». Это была рискованная комбинация, поскольку никто из работников клуба и предположить не мог, что вместо Владимира Кузьмина с Александром Барыкиным на сцене окажется другой ансамбль.

Доверчивые техники «Машины времени» отдали гастрольный аппарат Макаревича в аренду соорганизатору фестиваля в Северном Чертаново Косте Моисееву. Ни сном, ни духом не ведая, кто будет на нем «работать». В подобном положении пребывала и часть зрителей, заполнивших 600-местный зал. Более того — даже музыканты «Зоопарка» толком не знали, где они будут играть. В те дни Майк встревоженно писал Наташе, что группа должна выступать в Москве, но пока все это выглядит как-то мутно.

Но уже через несколько дней после концерта в рок-клубе участники «Зоопарка» загружали свои нехитрые пожитки в поезд «Ленинград — Москва». Музыканты слегка нервничали — что день грядущий им готовил, доподлинно не знал никто. В буфете Московского вокзала они затарились несколькими бутылками вина и тут же их выпили — чтобы неизвестность стала добрее. Постельное белье после бурной дегустации решили не брать.

Всю дорогу Майк просидел у окна, дымя «Беломором» и задумчиво глядя в темноту. В связи с нарастающим интересом к «Зоопарку» нужно было срочно зафиксировать электрические версии песен, а вариантов со студией не проглядывалось. Оптимальным решением мог стать выпуск «живого» альбома. Неплохо было бы взять одну часть композиций из питерского концерта, а вторую — из будущего выступления в Москве… Идея нравилась Майку все больше и больше.

По прибытии в столицу, музыканты расположились в общежитии МИФИ, готовясь к предстоящему концерту.

Наблюдательные студенты сразу обратили внимание на «разницу потенциалов» ленинградских гостей. Пока хмурый Панкер перебирал в коридоре железки и провода, жизнерадостный Куликов по-хозяйски расположился на общей кухне, заваривая в чужой кастрюле подозрительное зелье из завернутой в газету сухой травы. Петрозаводская фракция «Зоопарка» была молчалива, интуитивно предвидя непростой вечер. В свою очередь Майк доброжелательно отвечал на вопросы ребят из «Зеркала», в частности — о природе своих песен.

> «Долгое время я переслушивал Болана и Циммермана, пытаясь поймать в их композициях определенный „крючок“, — откровенничал Науменко. — Затем ходил, думал, вынашивал в голове текст, отличавшийся от их лирики. Очень важно было уловить „кайф момента“, и, если это удавалось — получалась песня».

В это время Володя Литовка и другие активисты носились по коридорам, «толкая» студентам заповедные билеты по три рубля за штуку. Пронумерованные открытки продавались с целью компенсации затрат на аренду аппарата и проезд музыкантов.

Порой организаторам приходилось идти на хитрость. К примеру, наивных первокурсниц они соблазняли не рок-группой

из Ленинграда, а ночной дискотекой, на которую якобы придут молодые люди из других институтов. Удивительным образом эти простые приемы срабатывали.

«На этом концерте было много случайной публики, — признавался в интервью председатель Клуба имени Рокуэлла Кента Стас Воронин. — Кому-то из них был обещан „шведский стол с сухим вином“, кому-то приходилось втюхивать билеты, намекая на „угарную вечеринку“ и „дискотеку до утра“.

Еще сложнее оказалось достучаться до рафинированной касты московских меломанов, концептуально презиравшей отечественный рок и слушавшей исключительно фирменные диски с западной рок-музыкой.

«Мои приятели-снобы сказали: „Да ну его нафиг, этот совок!“, — вспоминал будущий устроитель концертов Майка Сергей Васильев. — Олег Коврига предпочитал Can и Дэвида Боуи, Олег Андрюшин — King Crimson и Клауса Шульце. И только мы с Ильменевым, простые ребята, пошли на концерт. Потому что нам тогда говорили, что техника у ребят классная… Нас поразило сочетание: вроде бы западный рок и вполне наши слова!»

Джазовая публика в ДК «Москворечье», 1981
Фото: Александр Забрин

«Московская поездка запомнилась тем, что нам пришлось исполнять песни, которые мы не репетировали, — рассказывал гитарист „Зоопарка“ Саша Храбунов. — Первоначально мы планировали выступать в первом отделении, но в последний момент выяснилось, что играть надо целый концерт. Когда нам

это сообщили, мы принялись готовиться прямо во время настройки. Я не испугался, но сильно удивился — а что играть-то будем? В общем, Майк внедрил в программу свою акустику, а часть композиций мы сделали с нуля. Я в деталях уже не помню, но мы выкрутились. Это был такой импровизационный „суперлайв“».

> «На сцене техники отстраивали каждый барабан, я до этого ни разу такого не видел, — вспоминал с улыбкой Андрей Данилов. — Половину песен мы вообще не знали. У меня был листочек, просто „припев-куплет-проигрыш“ — вот такой набросок, по которому я и играл. Все было очень суетливо и второпях».

За несколько минут до начала Майк набросал фломастером на огрызке бумаги список композиций — их оказалось ровно двадцать. Десять — до антракта, десять — после. В качестве финальной композиции он бесстрашно поставил «Blues de Moscou, часть 2», которая до этого ни разу не исполнялась «живьем». Затея была более чем рискованной.

Легендарный промоутер Владимир Литовка (в центре слева)
Фото: Игорь Простаков

> «На этой сцене, пропитанной тухлым московским джазом, наконец-то выступит нормальный человек, — объявил начало мероприятия Артемий Троицкий. — Сейчас для вас споет мальчик Майк из Ленинграда со своей группой „Зоопарк“…»

Закончить цветастую речь ему не дал бухой студент по фамилии Барышев, неожиданно выпавший на сцену откуда-то сверху и сбоку. Он отодвинул локтем маститого рок-критика и промычал в микрофон: «Как классно, что мы сейчас услышим Майка!» После чего потерял равновесие и рухнул в зал — предположительно, ловить кайф.…

А кайф, надо сказать, оказался нешуточным. Как черт из табакерки, Науменко выскочил на сцену и с ходу врезал «Странные дни» — под гаражный аккомпанемент «Зоопарка».

«Мы тогда совершенно оцепенели, — пояснял мне бывший студент МИФИ Игорь Простаков, записывавший концерт на магнитофон „Илеть-101“. — Это была невиданная в наших краях смесь Боба Дилана и The Rolling Stones, исполненная на русском языке — жестко, свежо и с мощным драйвом».

Действительно, в тот вечер «Зоопарк» не выглядел как группа, которая всего полгода назад «лабала кавера» в поселке Ленинское. Дебютный концерт «Зоопарка» в Москве прошел на одном дыхании. В меру бухой Майк то пел, то рычал, то бойко анонсировал песни, отрепетированные в последние два часа. Он смотрел в зал и не верил своим глазам: все шестьсот мест оказались заняты. Люди стояли в проходах, толпились в дверях, сидели на полу у сцены, плотными кучками ютились с обеих сторон кулис.

Примечательно, что, когда я попытался вытащить из Панкера хоть какие-то подробности, он честно признался, что не помнит с этого концерта вообще ничего. Слишком много прошло времени, слишком много было алкоголя — до, во время и после выступления.

Более цепкой оказалась память у редактора журнала «Зеркало» Евгения Матусова, которого удалось разыскать в Филадельфии. Об этом мало кто знает, но концерт несколько раз находился под угрозой срыва. По неопытности организаторов, приглашений было продано намного больше, чем мест в зале, и перед началом у входа собралась внушительная толпа (часть которой пришла на группу «Карнавал»). Половину публики удалось протолкнуть внутрь, а оставшиеся на улице требовали вернуть деньги, угрожая разбить стекла или вызвать милицию.

К сожалению, угрозы оказались не пустыми: вскоре в направлении светящихся окон полетели булыжники.

> «Обстановка была накалена до предела, поскольку у входа бунтовали десятки незнакомых людей, — делился воспоминаниями Матусов. — Мы со Смирновым пытались успокоить толпу, возвращая деньги за билеты

самым агрессивным персонажам. Взмыленный Литовка периодически выбегал из зала, хватался за голову и причитал: „Ну, всё! Вот теперь нас точно посадят“. Было реально страшно. Мы уже мысленно просчитывали, в какую сторону надо бежать, если нагрянет КГБ».

Но чудеса все же случаются. После сорока минут экстремальной психотерапии ребятам из «Зеркала» удалось сделать невозможное. Они отдали неудачливым зрителям свои деньги, после чего толпа растворилась в темноте.

Затем возникла новая проблема. Как выяснилось позднее, большинство пришедших с трудом воспринимало ритм-энд-блюз с русскими текстами. Из-за непривычности музыкального материала и сильной духоты часть публики в антракте потянулась к выходу. Чтобы задержать зрителей, необходимо было принять экстренные меры. И в головы организаторам пришла блестящая идея.

«В перерыве я зашел в гримерку к господам оркестрантам, налил им вермута и сказал: „Парни, хрен с ними, со всеми „литовками„и начальством“, — говорил спустя много лет Илья Смирнов. — „Замдиректора мы уже упоили, и он не очень понимает, что здесь происходит. Играйте сейчас все самые жесткие песни! Потому что нужно переломить восприятие аудитории“. Тогда они заиграли „Дрянь“, и по окончании концерта мой отец, известный писатель и сценарист, с уважением заявил, что Майк — это очень любопытный современный лирический поэт».

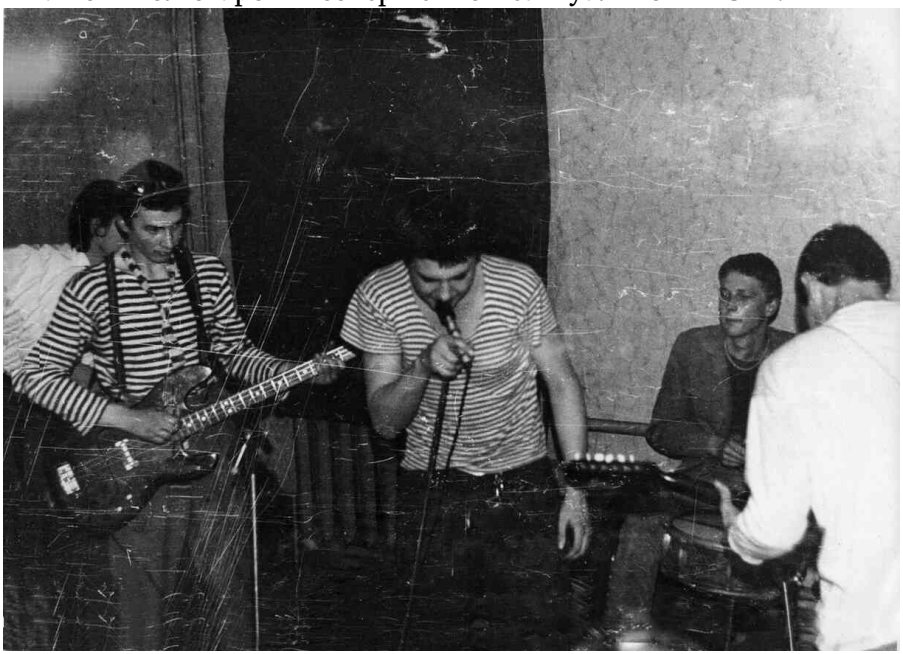
Несмотря на попытки администрации вырубить в финале электричество, со стороны все выглядело дерзко и уверенно. Тем более, что звук в зале (и впоследствии на записи) оказался плотным и убедительным.

«Как известно, организаторам удалось договориться с техниками „Машины времени“ и использовать их аппаратуру, — рассказывал Артемий Троицкий. — От лидера группы это держалось в секрете, но каким-то образом он все же очутился в зале. Можно представить радость Макаревича, неожиданно обнаружившего, что Майк поет в его микрофон».

А после окончания концерта полуживой от усталости Науменко обнимал за кулисами Володю Литовку. Они стояли счастливые, не говоря друг другу ни слова. Майк еще не знал, что происходило на улице, но чувствовал, что с помощью ребят из МИФИ в его жизни случилось что-то важное.

Ночью музыканты направились в Столешников переулок, в гости к поэту Алексею Дидурову. После беседы о тонкостях Торы

и Трипитаки гостеприимный хозяин признался Майку, что Людмила Петрушевская давно мечтает познакомиться с автором «Седьмой главы» и «Оды ванной комнате». Лидер «Зоопарка» очень воодушевился и специально для писательницы напел на немецкий диктофон Philips свою классику, а также свежеиспеченный «Московский блюз», известный впоследствии как «Blues de Moscou, часть 2». Когда Науменко взял последний аккорд, в коридоре раздался грохот: обрушилась полка с домашней консервацией. Все пыльные банки разбились вдребезги — как символ старой и совершенно неактуальной жизни.



«Автоматические удовлетворители»
Фото из архива журнала «Ухо»

Молодая шпана

«Моя песня была лишена мотива,
но зато ее хором не спеть»

Иосиф Бродский

На следующий день слегка помятый Науменко вернулся в Ленинград, а уже через пару недель альбом Blues de Moscou был выпущен на катушках. Майк попросил Ишу сделать концептуальную обложку, и тот не подкачал, подойдя к заданию ответственно и креативно.

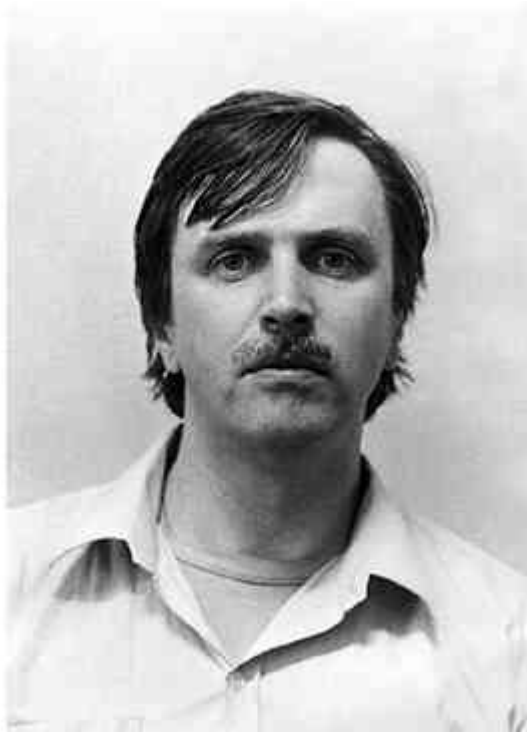
«У меня воображение разыгралось в правильную, как я полагаю, сторону, — с улыбкой вспоминает Иша. — Я нарисовал эскиз: сидит голая женщина, раздвинув ноги. Лицо закрыто волосами и можно разглядеть, что у нее за спиной есть крылья. А между ног находится голова козла, поскольку Коза — астральное животное Майка по году рождения. И как бы женщина его рожает. Но потом стало понятно, что использовать эту картинку никак нельзя, если не хочешь себе лишних неприятностей — вдобавок к тем, которые и так нам предстоят».

В итоге в качестве обложки Науменко использовал одну из постановочных фотографий «Зоопарка», сделанных Вилли Усовым у входа в гостиницу «Прибалтийская». Любопытно, что название концертной площадки не удержалось у Майка в голове — зато хорошо запомнилось гостеприимство студентов. Видимо, по этой причине альбом был ошибочно назван «концертом в МИФИ». Таким образом, двенадцать композиций, тщательно отобранных вождем «Зоопарка» (также имели хождение кассетные версии, состоявшие из двадцати треков), отправились в хаотичное путешествие по беспроводным каналам магнитофонной субкультуры.

«Зоопарк»: фотосессия у гостиницы «Прибалтийская»
Фото: Андрей «Вилли» Усов

«Я не был в ДК „Москворечье“, но туда ходили мои друганы, — делится подробностями будущий издатель „Зоопарка“ Олег Коврига. — После концерта они привезли ко мне на квартиру второй магнитофон и сказали: „Вот запись, давай ее растиражируем. Не за деньги, а просто так, для друзей“. И мне пришлось переписывать ее с катушки на катушку. Сначала морщился, потом втянулся. В свое время ребята из МИФИ позвали меня на концерт „Аквариума“ в Кусково, но я им гордо заявил: „Ваше советское говно не слушал и слушать не собираюсь!“ И только через несколько лет понял, что сильно ошибался».

Вскоре после выхода Blues de Moscou Евгений Матусов съездил в Питер, чтобы встретиться с Майком, как теперь говорят, «по важному делу». По его просьбе музыкант написал статью о становлении группы, которую передал Матусову в «Сайгоне».



Андрей Тропилло
Фото из архива Андрея Тропилло

> «Я люблю группу „Зоопарк“ за то, что многие ее не любят, — исповедовался Майк в автобиографическом материале для журнала „Зеркало“. — Есть люди, которые нас буквально ненавидят. Я очень им за это обязан. Есть люди, которые считают нас одной из лучших (по крайней мере, в Ленинграде) групп. Им я, наверное, обязан тоже. Играем мы нарочито грязный рок-н-ролл, не заботясь чрезмерно о чистоте звучания, о ладе и тому подобном. Главное — это общий кайф, интенсивность звука, энергия и вибрация. Многие считают, что все должно быть чистенько, прилизано и красивенько, как, например, у петербургских групп „Пикник“ и „Зеркало“. Я же придерживаюсь другого мнения. По-моему, главное — это чтобы публике не было скучно. В конечном итоге, мы все играем для нее».

В ноябре 1981 года Майка пригласили выступить на крупном концерте «Барды и современная музыка» — в одной компании с Владимиром Леви из «Тамбурина», певицей Ольгой Першиной и Борисом Гребенщиковым, который специально для этой акции

написал «Небо становится ближе». В свою очередь Майк исполнил под гитару несколько лирических песен, а завершил выступление новой композицией «Сегодня ночью»: «Никто не будет уродлив, не будет красив / Никто не будет мертв, зато никто не будет жив / Сегодня ночью все будет хорошо…»

Проходило это мероприятие в Ленинградском дворце молодежи под руководством Андрея Тропилло — человека, которому в ближайшие годы предстояло записать все главные альбомы «Аквариума» и «Зоопарка». Позднее стало принято считать, что культурологическая деятельность этого «посланца космоса» вполне сопоставима с ролью Джорджа Мартина в создании оригинального звучания The Beatles. Похоже, что так оно и было.

Как известно, Андрей Владимирович Тропилло родился 21 марта 1951 года. «В тот же день, что и Иоганн Себастьян Бах», — любит уточнять великий звукорежиссер, никогда не страдавший избыточной скромностью.

Вскоре после окончания физфака ЛГУ Андрей Тропилло оказался на первом ленинградском концерте «Машины времени».

«Когда Макаревич начал петь „Битву с дураками“, народ притих и прекратил хождение за портвейном, — рассказывал мне Андрей в середине девяностых годов. — Через несколько секунд весь зал уже стоял. Со мной был отец, к слову, изобретатель первого советского радиолокатора, который потом сказал: „Мне показалось, что сейчас откроются двери клуба, а там стоят черные "воронки", и людей начнут пачками загружать в машины“».

После такого стресса впечатлительный Тропилло тут же решил заняться организацией концертов «Машины времени». Начиная с 1976 года он провел несколько «сейшнов» на физфаке ЛГУ, в каком-то безымянном доме культуры на Ржевке и в здании бывшей церкви Каспийского полка. Параллельно не брезговал мелкими подработками — например, продажей фотографий и концертных записей группы, которые сам же и делал: «Маленький принц», «Москва — Ленинград», «Несостоявшийся концерт», а также сольных акустических выступлений Макаревича.

Сева Гаккель («Аквариум») в Доме юного техника. Запись альбома «Треугольник», 1981

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Так случилось, что на одном из мероприятий Андрей Владимирович использовал в качестве пронумерованных билетов… обрезанные бланки комсомольских грамот с изображением Ленина, стоящего на фоне Смольного. Эта сверхнаглость не осталась незамеченной представителями государственных органов.

«У меня аж губа дрожала, но я от всего отказывался», — уверял Андрей, которого власти обвиняли чуть ли не в подготовке террористического акта.

После всего пережитого будущий продюсер решил сосредоточиться исключительно на студийной работе. Продолжая преподавать на физфаке ЛГУ, он устраивается на полставки в Дом юного техника на Охте. Тогда и подумать никто не мог, что через несколько лет четырехэтажное здание бывшей женской гимназии на улице Панфилова превратится в местный аналог

лондонской студии Abbey Road.

Это была красивая история. Кружок, который вел Тропилло, официально назывался «секцией звукозаписи». Также Андрей Владимирович обучал охтинских школьников игре на испанской классической гитаре. Пьесы и этюды высшей степени сложности он исполнял не хуже преподавателей с консерваторским образованием.

> Несложно догадаться, что испанская гитара и секция звукозаписи служили лишь прикрытием его основной деятельности. Вскоре в просторном кабинете Андрея Владимировича стали появляться бородатые дяденьки в потрепанных солдатских шинелях. В руках у них были электрогитары, а во рту — «Беломор». Происходили эти визиты по вечерам и в выходные дни — в то время, когда отсутствовало начальство.
>
> «Тогда важно было понимать психологию руководителя советского учреждения, — рассказывал Тропилло. — Как правило, он догадывался, что его сотрудники работают не только ради мизерной зарплаты, у них еще имеются свои интересы. Но вместе с тем начальник не хотел получать на работников анонимки или звонки из КГБ. Между этими крайностями мне и приходилось тогда балансировать».

Вскоре «Аквариум» согнали с репетиционной точки, и вся их аппаратура переместилась в студию к Тропилло. На смену нищете в Дом юного техника пришла бедность.

Спустя несколько месяцев «Аквариум» вместе с Андреем Владимировичем приступает к записи «Синего альбома», в который вошли такие акустические шедевры, как «Железнодорожная вода», «Молодая шпана» и «Электрический пес».

«Молодую шпану» я написал мрачной осенью, у меня тогда семейная жизнь разлетелась, да и абсолютно все разлетелось — рассказывал мне Гребенщиков. — «Электрический пес» родился под впечатлением от ностальгических кухонных разговоров. Это было чудовищно: на дворе 80-й год, еще ничего толком не произошло, а меня уже тогда достали все эти воспоминания на тему «как все было хорошо»… И у меня прорвалась злобная тирада в адрес всех этих людей, которые вместо того, чтобы жить настоящим, все время живут прошлым».

В студии Дома юного техника четверка «растаманов из глубинки» музицировала при полном невмешательстве Тропилло, мудро пустившего психоделический корабль «Аквариума»

самостоятельно плыть по течению.

«Перефразируя поговорку, мы использовали все, что движется, — вспоминал Андрей „Дюша“ Романов в 1996 году. — Как только в голову приходила какая-то идея, нам сразу же хотелось посмотреть, что из этого получится. Мы не случайно заявляли, что постоянно находимся в состоянии эксперимента».

Надо заметить, что во время этой авантюры преподаватель школьной студии звукозаписи рисковал многим.

«В конце ноября Тропилло, гипнотически убедив старушку-вахтершу в том, что мы — пионеры, ввел нас в Дом юного техника на Охте, — улыбается Гребенщиков. — Играли фанфары, пел хор нелегальных ангелов — начиналась Новая Эпоха».

Неугомонный Тропилло постоянно «рвался в бой», и идеолог «Аквариума» по мере сил старался направить его энергию в нужное русло. В частности, пригласил Андрея Владимировича на запись альбома «Сладкая N и другие» в Большой театр кукол. Окинув цепким взглядом просторное тон-ателье и решительную Аллу Соловей за пультом, звукорежиссер «Аквариума» дал несколько ценных советов и с достоинством удалился. Но Майка запомнил крепко и даже напевал его «пригородные блюзы» самым продвинутым пионерам.

В следующий раз Тропилло пересекся с Науменко на собственном тридцатилетии, которое шумно отмечалось в ресторане «Трюм». На этом празднике жизни присутствовали музыканты «Аквариума» и «Зоопарка», а также прибывшие из Москвы Троицкий с Липницким. Там было на что посмотреть.

Вначале Гребенщиков агрессивно спел «Москву златоглавую», а затем купчинский гопник по имени Швед надел генеральскую папаху и на одном аккорде исполнил песню протеста «Я — жертва радиации, налейте мне стакан!».

Андрей «Свин» Панов
Фото из архива журнала «Ухо»

Но настоящей кульминацией вечера стало выступление панк-группы «Автоматические удовлетворители», в которой Швед пытался играть на гитаре. Уже после первой песни всклокоченный вокалист по кличке Свинья начал раздраженно переругиваться с публикой: «Какая разница, настроена гитара или нет?» А на вопрос одной солидной дамы: «Молодой человек, а где же ваш голос?» юный хулиган дерзко ответил ей: «А нахуй он нужен?!»

Майк с интересом наблюдал за происходящим. Несмотря на инфантилизм, Свинья был обаятелен, артистичен и достоверно играл роль грозы микрорайона. «В 17 лет я начал пить и закончил читать книги, — искренне хвастался он в интервью журналу „Рокси“. — К этому времени я уже знал о жизни больше, чем любой участковый».

В конце семидесятых годов лидер «Автоматических удовлетворителей» услышал по «Голосу Америки» группу Sex Pistols — «что-то типа Slade, только в десятки раз хуже и грязнее». Больше всего в этой истории доморощенному панку импонировали атмосфера скандала и простота исполняемой музыки.

Его первые концерты подлили масла в огонь. Режиссура шоу и рецепт скандала были ему хорошо известны. Портвейн в руке, мат в микрофон, выпученные глаза, мужской сексуальный жест и обязательное обнажение в финале.

Вскоре отец Свиньи — эмигрировавший из СССР известный балетмейстер (!) — прислал сыну денежный перевод на 600 английских фунтов. Недолго думая, будущая звезда панк-рока накупила электрогитар, динамиков, усилителей и даже барабанную установку. Все это богатство стояло в обыкновенной питерской коммуналке и громко работало по ночам.

«Соседи и сверху, и снизу постоянно бегали жаловаться в милицию, — веселился Свинья. — Но через полгода первая программа „Дураки и гастроли“, записанная в домашних условиях, была готова».

По аналогии с Sex Pistols он назвал группу «Автоматические удовлетворители», а все ее участники теперь имели клички — Свинья, Осёл, Пиночет, Швед и даже «неритмичный» барабанщик Панкер. На басу играл невзрачный кореец, которого друзья нежно называли «Цой» — и все были уверены, что это тоже кличка.

Поскольку Майк частенько бывал дома у Панкера, а тот, в свою очередь, жил по соседству со Свиньей, Науменко повадился ходить в гости к Андрею Панову — так по-настоящему звали родоначальника питерского панк-рока.

«По тем временам мы с Пановым были обладателями панковских пластинок, которых в Ленинграде было немного — таких, как Sex Pistols, PIL и The Stooges, — рассказывал мне в 1996 году Панкер. — Это сейчас они у всех есть, а тогда как бы не было, потому что в страну привозили другие пластинки. А у Гребенщикова были свои фирменные пластинки, которые нас интересовали — и, в частности, The Clash. И вот на этой почве мы стали меняться: мы ему давали свои диски, он нам свои».

Майк дома у Свиньи
Фото: Александр Бицкий

> Как-то ночью непутевый сын балетмейстера признался Панкеру и Майку, что мечтает дернуть через Финляндию в Лондон — чтобы завалить домой к Джо Страммеру и предложить себя в роли грузчика для панк-группы The Clash. Свинья был настолько уверен в своих силах, что мысль о неудачном завершении этого мероприятия даже не приходила ему в голову. Просто потом стало лень, и он похоронил эту идею в извилинах подсознания.

Очарованный его смелостью, Майк принял участие в записи альбома «Дураки и гастроли» и начал всячески пропагандировать этот стиль среди приятелей. Сам лидер «Зоопарка» расхаживал по городу в коричневой куртке, на лацкане которой красовался большой значок с надписью русскими буквами «ФАК Ю», сделанной в стилистике обложки альбома Sex Pistols.

«В Ленинграде появилось множество групп, — возбужденно говорил Науменко по телефону друзьям из „Зеркала“. — К примеру, есть совершенно свинская команда „Автоматические удовлетворители“. Это панки, натуральные панки! Я уже написал для них две песни. Одну они играют, а вот вторую — отказались.

Мол, она для них недостаточно хороша. Эта композиция написана в их стиле и называется „Я не знаю, зачем я живу“. Я буду исполнять ее на новом альбоме, в манере их лидер-вокалиста, которого зовут Свинья».

Последствия столь интригующей рекламной кампании не заставили себя слишком долго ждать.

«С великой наколки Майка мы поехали в Москву к Троицкому, — вспоминал впоследствии Андрей Панов. — Сначала мы целый месяц бухали у него, а потом ему пришло в голову, чтобы мы поиграли в его компании. А нам-то чего? Мы пьяные, лабаем все, что нравится, а гости прямо заторчали от нашего идиотизма. И мы там проканали с песней Макаревича „И первыми отправились ко дну“. Стебемся, а они рты открыли и заохали. Я думал, нам морду набьют, а они охают».

Майк даже не догадывался, насколько мощного джинна он выпустил из бутылки. После нескольких поездок в Москву лидер «Зоопарка» начал ассоциироваться у местных промоутеров не с блюзом и рок-н-роллом, а именно с панком. И небезосновательно. Дело в том, что к резкому «Пригородному блюзу» у Майка добавился боевик «Я не знаю, зачем я живу», а также новая песня «Белая ночь / Белое тепло», написанная с оглядкой на композицию Лу Рида White Light / White Heat.

При этом важно заметить, что самому Науменко увлечение панком было не очень близко. Его друзья, не сговариваясь, сходятся в мысли, что для подобной музыки у него был мягкий характер, чего, впрочем, не отрицал и он сам.

> «Почему-то о нас идет недобрая слава, что мы чуть ли не панк-рок играем, — оправдывался Майк во время концертов. — На самом деле к панк-року мы никакого отношения не имеем, а очень любим рок-н-роллы и ритм-энд-блюзы — и стараемся играть их в старой манере. Просто иногда я пишу песни, посвященные каким-то своим знакомым, которые играют всякие хулиганские музыки».

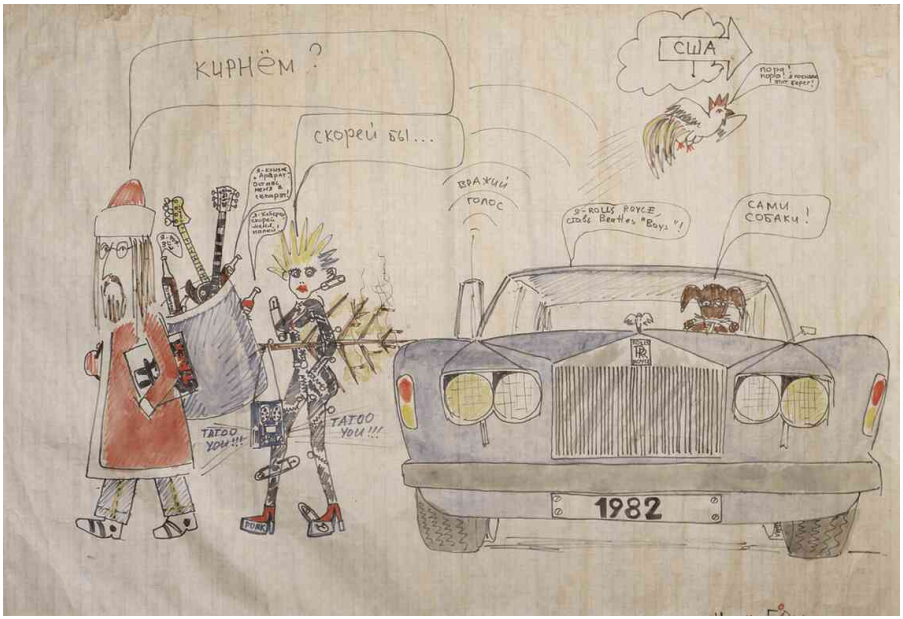
Тем не менее, Науменко вместе с Гребенщиковым продолжали популяризировать творчество Свиньи. К примеру, лидер «Аквариума» дал развернутое интервью журналу «Рокси», где под видом «анонимного любителя музыки панк» авторитетно заявил:

«В последние три года… появляется масса новых групп. И прекрасно то, что у нас начинают открываться шлюзы. Примером тому — растущая популярность Майка и слава только что вылезших из подвала „Автоматических удовлетворителей“. В

Москве только о них и говорят — и это фантастически хорошо».

Фото из архива Олега Ковриги

Часть III
Партизанская культура (1982–1986)



НОВЫЕ РОМАНТИКИ

«У художника слишком много красок, у поэта слишком много слов»

Дао Дэ Цзин

Новый 1982 год Майк и Наташа Науменко встречали в компании самых близких людей. Переехав на Боровую, они постепенно обживались в холодной коммунальной квартире, обрастая хозяйством и новыми друзьями. В уходящем году у них появилось два «плода любви» — сын Женька и долгожданная группа «Зоопарк». У последней случилось несколько выступлений, а в конце года вышел концертный альбом Blues de Moscou, которым Майк искренне гордился.

«Конечно, акустика позволяет донести до слушателя все оттенки и нюансы, но работа с группой — это нечто совершенно иное, — говорил Науменко в беседах с приятелями. — Это здорово: напор всех музыкантов и самоотдача каждого. И если при акустическом концерте я с гитарой наедине со зрителями, то в „Зоопарке“ я — часть единого целого».

Будущее казалось безоблачным, и компания в составе Наташи и Павла Крусановых, Иши и Люды Петровских, Майка и Наташи Науменко, а также вездесущего Панкера собралась встретить Новый год на купчинской квартире Саши Бицкого. Его мама уехала погостить к родне, и, несмотря на отсутствие телефона, молва про «свободный флэт» разлетелась молниеносно.

Майк с манжетами и Наташей
Фото: Александр Бицкий

Майк договорился с родителями, чтобы те взяли маленького Женьку, и начал готовиться к торжеству. Тем же занимались и остальные друзья-заговорщики: кто-то затаривался алкоголем, кто-то пытался разжиться дефицитными продуктами для праздничного стола. Семья Крусановых, к примеру, раздобыла несколько бутылок рома, а мама Бицкого купила роскошную елку.

«Почти все, включая меня, приволокли копченую колбасу, — смеялся впоследствии Саша Бицкий. — В результате ее оказалось до неприличия много. Панкер принес магнитофон „Маяк“ и новый альбом Игги Попа The Party. Кто-то пришел с маленьким переносным телевизором. Зачем? Не могу сказать».

«Именно в это время в Ленинграде внезапно пропал майонез, — вспоминал Панкер. — Я помню, как выпросил у родителей две банки для новогоднего салата. Тогда ничто не предвещало подобной подлянки, потому что в Советском Союзе шпроты и майонез в продаже были всегда. А тут хуяк, и майонез пропал… Притом исчез он настолько прочно, что моя бабушка вскоре научилась готовить его сама».

> В итоге домовитый Бицкий удивил гостей изысканным супом из плавленых сырков, и все радостно уничтожали его вприкуску с маринованными грибами — в паузах между алкогольными дегустациями. Также большой успех в эту ночь имела духовная пища — в частности, психоделические рисунки Майка, которые тот подарил Бицкому. На огромном листе ватмана была изображена собака-водитель, сидевшая за рулем шикарного «роллс-ройса», а стилизованный «под панка» петух летел в сторону далекой Америки, распевая песню группы «Тамбурин» «Пора-пора, я покидаю этот берег. …». «Петух улетает, и наступает год Собаки», — комментировал картину Майк, хорошо знавший восточные дела.

К счастью, в архивах у Бицкого сохранился не только этот плакат, но и черно-белая фотосессия с глобального «праздника жизни». Лица у всех гостей молодые, озорные и счастливые.

The Party
Фото: Александр Бицкий

«На одном из рисунков рукой Науменко было написано: „Я — коньяк "Арарат", поставь меня в сепарат, я — каберне, налей меня скорей“, — рассказывал Бицкий. — Майк был не просто в белой сорочке с галстуком — на манжетах у него были запонки! Тогда они уже почти вышли из употребления, но их еще донашивали наши родители, и рубашки под них с прорезями на манжетах еще можно было найти. Наталья была в черном комбинезоне и темном свитере, на котором был повязан галстук с приколотым к нему массивным украшением. Люда Петровская пришла в шикарном розовом платье, а Иша был одет строго и очень элегантно. Даже Панкер явился при галстуке… Мы очень боялись, что не хватит выпивки, и поэтому каждый старался принести побольше спиртного. Потом мы его дружно прятали, как обычно, где-то в туалете, который ближе к полуночи стал напоминать склад боеприпасов».

За ночь был выпит весь ром, при этом никто практически не спал. Утром Майк и Иша поехали на дежурство, а все остальные отправились в кино смотреть новый американский фильм «Вожди Атлантиды». К сожалению, нормального просмотра не получилось, поскольку по рукам пошла огромная бутыль вермута, которую распивали весь сеанс, нагло дымя «Беломором» на последнем ряду полупустого кинотеатра.

Тогда же друзья впервые заговорили о безымянной молодой

группе, с которой недавно познакомились дома у Крусановых.

Наташа Крусанова и Наташа Науменко под новогодней елочкой

Фото: Александр Бицкий

«Как-то вечером играли мы в карты: Панкер, Паша, Майк и я, — вспоминала Наташа Крусанова. — И к нам в гости приехал Максим Пашков с актерского отделения, который привез с собой двух парней с гитарами. Это были Олег Валинский и Витя Цой. Мы на них внимания не обратили, поскольку пили пиво и расписывали пульку. А потом Максим говорит: „Может, послушаете? — Витя пишет песни…“ И Цой спел „Мои друзья“, „Алюминиевые огурцы“ и „Эй, где твои туфли на манной каше“… Я тогда просто рот открыла, настолько это было неожиданно. Они пели с Олегом в унисон, и у них очень красиво звучали голоса. И Майк сказал: „Ну что же, Виктор, заходите к нам в гости“. Вот так прямо и сказал».

«Тот, кто в пятнадцать лет убежал из дома, вряд ли поймет того, кто учился в спецшколе», — говорил Виктор, выросший в семье инженера и преподавателя физкультуры. До 1980 года Цой учился на резчика по дереву в обыкновенном художественном ПТУ. Помимо будущей специальности, училище автоматически давало освобождение от воинского призыва и массу свободного времени, необходимого для написания песен и создания группы. Но в первоначальном составе его ансамбль просуществовал недолго.

Олег Валинский вскоре загремел в армию, и Виктор начал играть акустические квартирники вместе с гитаристом Лешей Рыбиным, параллельно занимаясь поисками работы. Потрудившись резчиком, реставратором и спасателем на пляже, Виктор устроился кочегаром в котельную, находившуюся на пустыре, заваленном деревянными ящиками. В центре пустыря стоял сарай, в котором жил сторож, карауливший ящики. Цой рассказывал Майку, что долгое время топил котел, чтобы не замерз сторож — теми самыми ящиками, которые сторож охранял. Так впервые в истории человечества был изобретен вечный двигатель.

> «Мне очень нравились песни Цоя, — рассказывал Майк впоследствии. — Я тогда по юности считал себя крутой рок-звездой и мэтром. Естественно, начал давать ему советы, кое-что рекомендовал и поправлял. Скажем, в „Бездельнике“ слово „мама“ — от меня. И таких примеров немало. Я же познакомил его — по-моему, по его просьбе — с Гребенщиковым, который, в принципе, и сделал ему всю карьеру. Цой и Рыбин заходили к нам с женой чуть ли не каждый второй день, приносили кучу сухого вина. В основном, „Ркацители“ дагестанского розлива по 1 руб. 70 коп., пели новые песни, болтали и иногда оставались ночевать».

В декабре 1981 года Андрей Тропилло сумел партизанскими тропами провести Майка, Цоя и Свинью на выступление «Машины времени» в «Юбилейный». Все билеты на шоу были распроданы, и впечатленные приятели наблюдали за триумфом банды Макаревича из-за кулис.

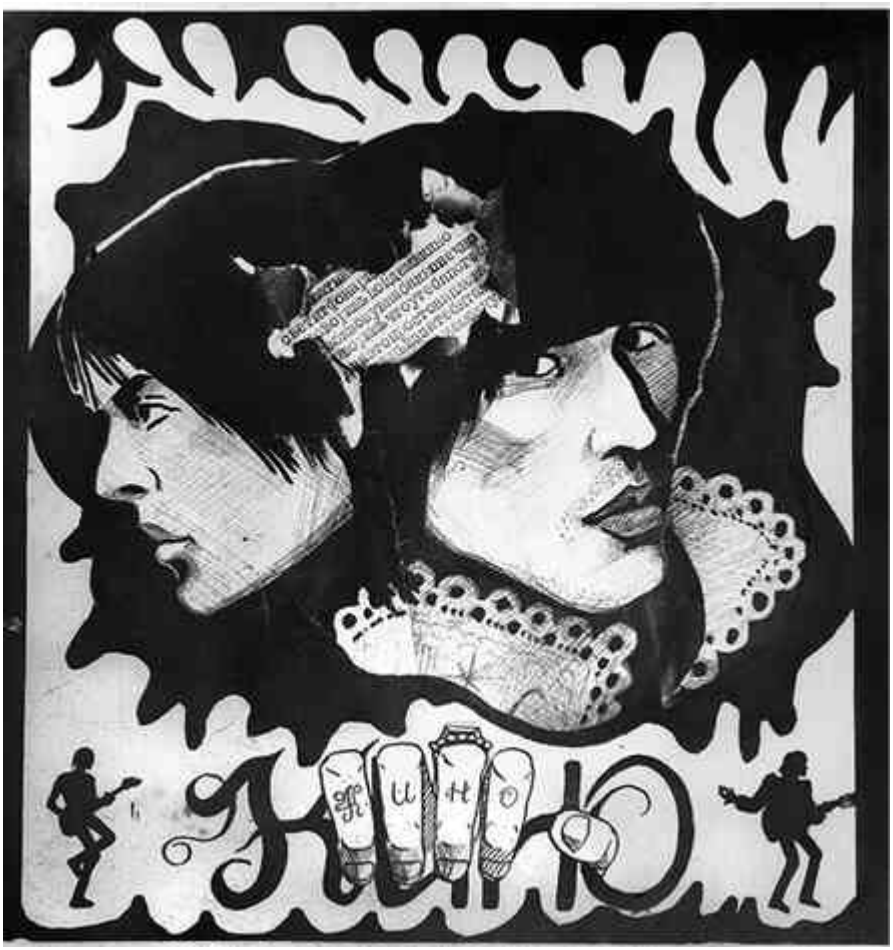
Вскоре после этого концерта Майк встретился с Гребенщиковым и обсудил возможность записи в Доме юного техника песни дуэта «Цой-Рыбин», который вначале назывался «Гарин и Гиперболоиды», а чуть позднее — «Кино». Майку очень нравилась лирическая композиция «Весна», которая исполнялась на квартирных концертах, но не вошла в дебютный альбом. Именно тогда лидер «Зоопарка» написал новый хит «Лето» — как своеобразный ответ на знакомство с творчеством Цоя и Рыбина.

Рыбин, Цой, Майк и «вся королевская рать» на улице Рубинштейна, 1982

Фото из архива Игоря «Иши» Петровского

«Песня „Лето“ посвящается любимой мной группе „Кино“, — анонсировал Майк эту композицию на концертах. — Они очаровательные люди и никакие не панки. Не знаю, как их назвать, скорее — „новая волна“. Они поют песню „Весна“, в которой есть строчки, которые меня в чем-то вдохновили: „Весна, я уже не грею пиво“. Это очень хорошая композиция, и я написал ответную песню „Лето“, опять-таки в их стиле».

Опекаемая Гребенщиковым группа «Кино» начала быстро набирать обороты. Они записали у Тропилло акустический альбом «45», состоявший из сплошных хитов, стиль которого в журнале «Рокси» окрестили «новой романтикой». На первом концерте «Кино» в ленинградском рок-клубе Майк подыграл им на композиции «Когда-то ты был битником». Реакция зала превзошла все ожидания, и, судя по всему, это было только начало.



> «Когда Цой брал в руки гитару и начинал петь, его окутывало облако какого-то запредельного очарования, — писал в книге „Беспокойники города Питера“ Павел Крусанов. — Так, что девицы теряли над собой контроль и глаза их наливались томным блеском. Не устояла даже милейшая и добрейшая майковская Наташка — дело едва не дошло до адюльтера, отчего Майк некоторое время на Цоя ревниво дулся».

По правде говоря, мысли у Науменко находились в тот момент совершенно в другом месте. Внимательно прослушав дебютный альбом «Кино», он решил записывать свои новые песни не с рок-группой, а самостоятельно. Изначально этот цикл был задуман как набор акустических композиций, исполняемых под гитару в сопровождении электронных барабанов. Возможно, в голове у Майка сработала формула, с которой он, в частности впервые столкнулся у Velvet Underground. Ему нравились сольные

работы Лу Рида, он коллекционировал его записи и в какой-то момент решил самостоятельно сделать что-то вне рамок «Зоопарка».

Среди друзей Майка существует несколько версий возникновения идеи будущего альбома LV. Одна из них гласит, что пародийная направленность новых песен родилась в голове у лидера «Зоопарка» после прослушивания магнитофонных опусов певца-затворника Юрия Морозова. Тот работал звукоинженером на фирме «Мелодия», а по ночам записывал на казенной аппаратуре бесконечные альбомы псевдофилософского толка: «Евангелие от Матфея», «Вишнёвый сад Джими Хендрикса», «Кольцо времен», «Свадьба кретинов».

Сидя дома у Коли Васина, Майк завел разговор о религиозных экспериментах Морозова — мол, насколько сильно они оторваны от реальной жизни.

«Хорошо бы все это простебать и сделать рок-н-ролл», — с улыбкой заявил Науменко, после чего начал имитировать твист — как актер Моргунов в кинофильме «Кавказская пленница» — и громко петь: «Харе Кришна, Харе Кришна!!!»

Эта идея нашла свое отражение в «Песне Гуру» — одной из центральных композиций нового альбома.

«Везде есть люди, которые любят помногу говорить о дзен-буддизме, Кришне, Раме, но мало что понимают в этом, — так объявлял Майк эту песню на концертах. — „Песня Гуру“ посвящается всем им. Если вы меня упрекнете в том, что она похожа на Высоцкого, то будете совершенно правы».

Итак, летом 1982 года Майк замахнулся на альбом пародий, но пародий глубоких, местами трагических, а местами — стебных. Безусловно, это была выстраданная концепция: песня «Я не знаю, зачем я живу» — посвящение Свину, «Белая ночь / Белое тепло» — Лу Риду, «Лето» — Виктору Цою, «21 дубль» — Леонарду Коэну, и, наконец, «Песня Гуру» — Юрию Морозову и Аркадию Северному.

Теперь Науменко, блестяще знавший западную рок-культуру, выстраивал свой имидж на скептическом отношении к модным салонным философиям. В интервью для этой книги Гребенщиков подтвердил мои догадки, заявив, что песня «Растафара» являлась стебом Майка на тему увлечения «Аквариума» музыкой Боба Марли, The Wailers и идеями растафарианства.

«Я не имею ни малейшего представления, почему мы начали слушать и играть регги, — уверял меня лидер „Аквариума“. — У Севы Гаккеля в соседней комнате жили хиппи — и они слушали Джими Хендрикса и Дженис Джоплин. А мы на их фоне выглядели, как чудовища: приходили поздно ночью, нажирались

и громко слушали Марли, Sex Pistols, The Police и Devo. Параллельно мы пытались курить траву, и иногда это у нас получалось».

«Растафару» и другие новые композиции Майк записывал в крохотной учебной студии театрального института на Моховой. Произошло это буквально через несколько месяцев после того, как Панкер устроился туда работать звукорежиссером — естественно, не без помощи отчима. В этой студии уже несколько лет трудился фотограф Сергей Свешников, который в 1979 году сделал несколько пробных сессий Гребенщикова с Гаккелем, а затем в ночное время умудрился записать фортепианный альбом Курёхина, изданный в Англии под названием The Ways of Freedom.

Явных недостатков у студии театрального института было, как минимум, два. Во-первых, запись можно было осуществлять только летом, когда в здании на Моховой заканчивались занятия. Вторым минусом было то, что в связи со строгой пропускной системой сюда оказалось невозможно приносить барабаны. Поэтому все композиции Науменко сделал в сопровождении одолженного у Тропилло ритм-бокса «Электроника», с которым группа «Кино» записывала альбом «45».

> «Я наконец-то договорился со студией и недавно начал делать сольный альбом, — писал Майк друзьям в августе 1982 года. — Готово уже шестьдесят процентов материала, на следующей неделе надеюсь все закончить. Запись производится в устрашающих условиях на двухканальном аппарате. Думаю, что The Beatles в 1963 году писались в более приемлемой обстановке. Но пока все получается не очень отвратительно, и какие-то неплохие номера там есть. К сентябрю все будет готово. …»

Материал, принесенный Науменко в студию к Панкеру, был настолько же интересным, насколько и сырым. Часть вещей приходилось доделывать с помощью друзей и знакомых музыкантов. На нескольких песнях Майку подпевал и подыгрывал Гребенщиков.

«Композиция „Лето“ записывалась очень легко, — вспоминал Панкер. — В студию зашел Гребенщиков, который пальцами на драм-машине наигрывал всякие колокольчики. Когда приходил Борис, вокруг наступало всеобщее умиротворение. Сейчас кажется, что он появлялся случайно, но ему тут же находилось дело. Например, под его влиянием была сделана финальная вещь „Сегодня ночью“».

В «Песне Гуру» басист Илья Куликов придумал «реплики из зала» и ловко стилизовал всю композицию «под кабак». Вернувшийся из Петрозаводска Храбунов сыграл запоминающее гитарное соло в песне «Белая ночь / Белое тепло», сочиненной Майком во время ночных прогулок с Вилли Усовым.

«В этой композиции было много наложений, и может быть, поэтому она мне не нравилась, — откровенничал Панкер. — Равно как и „Песня Гуру“ — я не понимал, как Майк, такой мягкий человек, мог написать такую песню. А вот „Растафара“ получилась очень здорово, хотя Науменко считал это стебаловом».

LV
стерео
Увертюра
Белая Ночь / Белое Тепло
Лето - песня для Цоя
Золотые Львы
Растафара (Натти Дрэда)
Песня Гуру
6 Утра
Я Не Знаю, Зачем (Бу-Бу) - песня для Свина
21-й Дубль
Время. Вперёд (молодежная философия)
Завтра Меня Здесь Не Будет
Сегодня Ночью
МАЙК: голос, акустические гитары, электрические гитары (2,8,9,10,11), бас (1,3,4,10,12) ритм бокс
Илья („Зоопарк“): бас (2,5,6,7,8,11)
Саша („Зоопарк“): лидер гитара (5)
Б.Г („Аквариум“): 2-й голос (5,12), рэгге гитары и голос воина Дэа (5), электрическая гитара (3,4,12), губная гармоника (4,12)
Юлик („Винни Пух“): лидер гитара (7)
Моно Зуб: запись, приказы.
© 1982 Вилли: фото

В трагической песне «6 утра» партию гитары исполнил общий знакомый Юлий Харитонов — создатель мифической группы «Винни Пух», забредший «на огонек» и нарвавшийся на предложение записать соло. Примечательно, что сам Науменко никогда не считал себя великим музыкантом и старался гитарные проигрыши обходить стороной. Тем не менее, соло в песне «Я не знаю, зачем я живу» Майк придумал сам и искренне им гордился.

Также он сыграл несколько сольных партий и в других композициях, каждый раз подходя к процессу максимально ответственно.

Спустя две недели запись альбома была закончена. Майку оставалось продумать оформление, драматургию и наложить шумы. Для шумов в студии использовались немецкие грампластинки, которые применялись на фирме «Мелодия». В интродукции к композиции «Завтра меня здесь не будет» Науменко разместил звуки вокзала, перед которыми женский голос объявлял на немецком языке: «Фрагмент двадцать четыре. Отправление поезда». Перед «Увертюрой» Науменко захотел поставить цитату из классической музыки, причем — обязательно со скрипками.

«В процессе работы со студентами мне приходилось включать им массу классической музыки, — рассказывал мне в 1997 году Панкер. — Для начала я предложил Майку Вивальди и Моцарта, но он гордо отказался. Потом мы откопали в фонотеке пластинку с „Полетом валькирий“ Вагнера. Майк вспомнил, что он его когда-то слышал и ему понравилось. Все остальное было делом техники. Я поставил виниловый диск на проигрыватель, а Майк с первого раза угадал с ручками на пульте — одной плавно уменьшил громкость пластинки, а другой как бы издалека подвел первые гитарные аккорды „Увертюры“».

После наложения шумов можно было объединять композиции в цельное произведение. Выстраивать драматургию оказалось для Майка необычайно интересным занятием. Он садился за стол, писал тексты на отдельных листах и затем переставлял их по методике Берроуза, анализировал, как они будут смыкаться друг с другом. Сомнений не вызывали две позиции: альбом должен начинаться с «Увертюры», а заканчиваться лирической «Сегодня ночью». На оригинальной катушке первая сторона заканчивалась «Песней Гуру», после которой Панкер командует в микрофон: «Переворачивай!», а в конце записи слышен душераздирающий вопль вошедшего в образ звукорежиссера: «Ставь по новой!» Любопытно, что со временем эта реплика стала настоящим символом подпольной магнитофонной культуры.

Фотосессия на квартире у Вилли Усова
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Разобравшись с репликами, шумами и порядком песен, Науменко приступил к оформлению. По воспоминаниям Иши Петровского, в одной из версий альбом должен был называться «Студийный брак». Дома у Вилли Усова была проведена фотосессия, на которой музыкант сидит с гитарой в руках, облаченный в фату. Затем, после очередной смены настроения, возникло название «55», обозначавшее год рождения Майка.

Участники сессии вспоминают, что Миша Файнштейн предложил заменить арабские цифры на латинские. Мол, так будет стильно и красиво. С удивительной легкостью Майк согласился на этот вариант. Более того — он собственноручно выбрал шрифты и на большом листе ватмана вывел тушью: «Майк

— LV». Позже Вилли Усов заметил, что изображение Майка на стуле выглядит, словно зависшее в воздухе, и у Науменко возникла еще одна версия названия — «Левитация».

Просто. Доступно. И легко.

Слева направо: Сергей Рыженко, неизвестный студент, Майк, Игорь Простаков, Илья Смирнов. Внизу сидит Володя Литовка

Фото: Игорь Простаков

СКАЗКА СКАЗОК

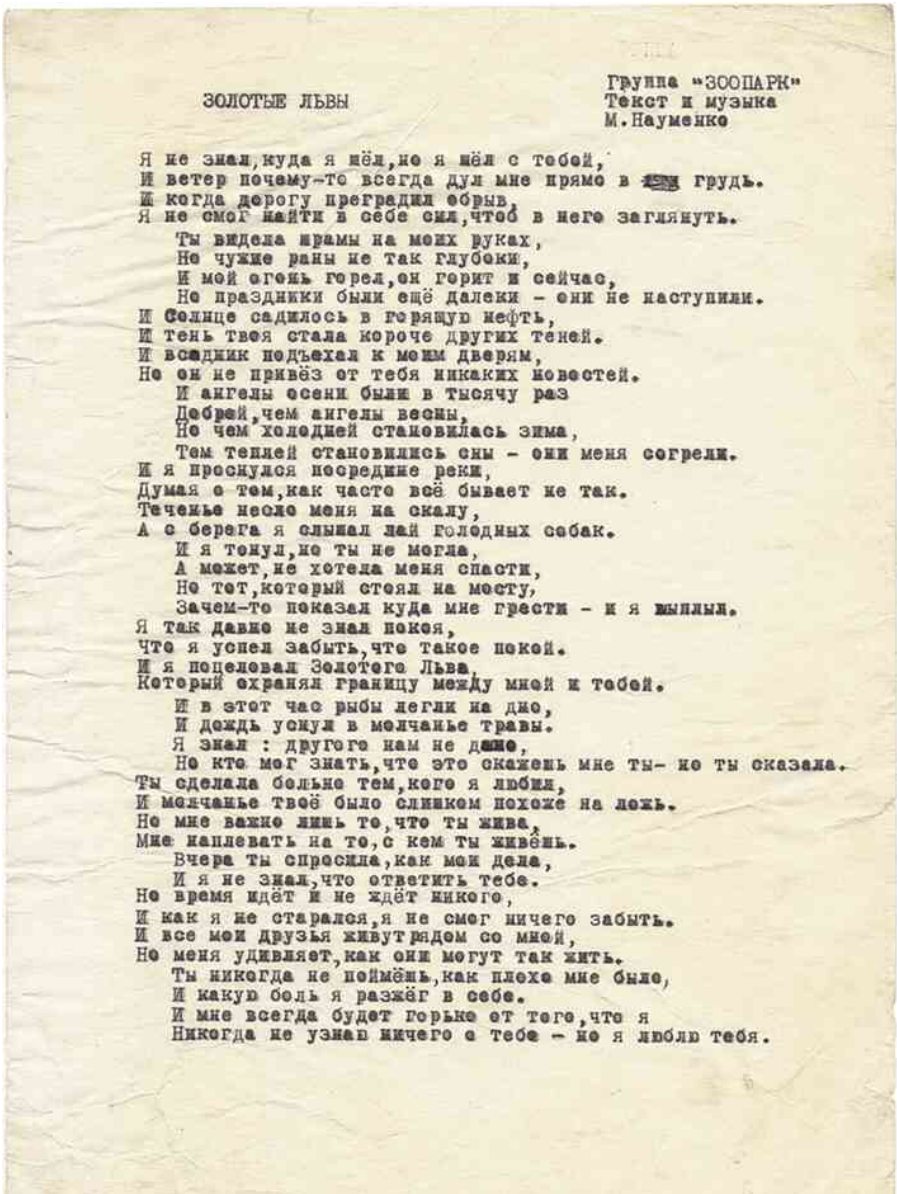
«Будда в сердце — с утра свободен»

Борис Гребенщиков

Ранней осенью 1982 года Майк прогуливался по Невскому, держа в руках фирменный диск Йоко Оно. Настроение было приподнятым — он в шестой раз посмотрел в театральной студии у Паши Крусанова видеофильм «Полет над гнездом кукушки». Кроме того, на днях Науменко узнал, что его «Пригородный блюз» вошел в хит-парад «Волгоградского комсомольца». Лидер «Зоопарка» прекрасно понимал, что это, конечно, не Rolling Stone и даже не журнал «Рокси», но сам факт попадания в молодежный «Топ-10» официальной газеты согревал ему душу.

Внезапно на противоположной стороне Полицейского моста Науменко увидел знакомую фигуру Вилли Усова. Озираясь по сторонам, тот крался за кем-то, прижимая к груди фотоаппарат «Любитель», и был похож на шпиона из довоенного фильма.

Несколькими секундами позже Майку удалось рассмотреть, кого же снимает его приятель. В разгар рабочего дня по мосту, словно парусник, дрейфовал идеолог группы «Аквариум». Одет он был вызывающе: белые туфли, черные брюки и огромный плащ, развевавшийся по ветру, как у эльфов или герцогов из старинных преданий. Испуганные граждане шарахались в стороны, а Гребенщиков шел им навстречу стелящимся шагом и мистическим голосом вещал: «Я — черная смерть, я — черная смерть…», напоминая пришельца из другой галактики.



ЗОЛОТЫЕ ЛЬВЫ

Группа "ЗООПАРК"
Текст и музыка
М.Науменко

Я не знал, куда я шёл, но я шёл с тобой,
И ветер почему-то всегда дул мне прямо в [illegible] грудь.
И когда дорогу преградил обрыв,
Я не смог найти в себе сил, чтоб в него заглянуть.
Ты видела шрамы на моих руках,
Но чужие раны не так глубоки,
И мой огонь горел, он горит и сейчас,
Но праздники были ещё далеки - они не наступили.
И Солнце садилось в горящую нефть,
И тень твоя стала короче других теней.
И всадник подъехал к моим дверям,
Но он не привёз от тебя никаких новостей.
И ангелы осени были в тысячу раз
Добрей, чем ангелы весны,
Но чем холодней становилась зима,
Тем теплей становились сны - они меня согрели.
И я проснулся посредине реки,
Думая о том, как часто всё бывает не так.
Течение несло меня на скалу,
А с берега я слышал лай голодных собак.
И я тонул, но ты не могла,
А может, не хотела меня спасти,
Но тот, который стоял на мосту,
Зачем-то показал куда мне грести - и я выплыл.
Я так давно не знал покоя,
Что я успел забыть, что такое покой.
И я поцеловал Золотого Льва,
Который охранял границу между мной и тобой.
И в этот час рыбы легли на дно,
И дождь уснул в молчанье травы.
Я знал : другого нам не дано,
Но кто мог знать, что это скажешь мне ты- но ты сказала.
Ты сделала больно тем, кого я любил,
И молчанье твоё было слишком похоже на ложь.
Но мне важно лишь то, что ты жива,
Мне наплевать на то, с кем ты живёшь.
Вчера ты спросила, как мои дела,
И я не знал, что ответить тебе.
Но время идёт и не ждёт никого,
И как я не старался, я не смог ничего забыть.
И все мои друзья живут рядом со мной,
Но меня удивляет, как они могут так жить.
Ты никогда не поймёшь, как плохо мне было,
И какую боль я разжёг в себе.
И мне всегда будет горько от того, что я
Никогда не узнаю ничего о тебе - но я любил тебя.

Текст песни «Золотые львы» из альбома «LV»

Удивленный поначалу Майк быстро догадался, что присутствует на фотосессии альбома «Табу», катушка с которым крутилась у него дома уже несколько недель. Еще летом Тропилло похвастался ему, что выцыганил у фирмы «Мелодия» два списанных магнитофона Studer. Особенной гордостью неугомонного Андрея Владимировича был бюджет этой акции, равный двум бутылкам армянского коньяка. Также до Науменко доползли слухи, что, пока Дюша и Фан занимались продажей

арбузов, Гребенщиков привел в студию профессиональных музыкантов Ляпина и Курёхина, а Тропилло сумел всю эту гремучую смесь органично запечатлеть на пленке.

Саша Агеев, Флорида. 2016
Фото из архива Александра Агеева

Майку, давно мечтавшему о записи в Доме юного техника, нравилось слушать «Табу». В этом альбоме его завораживало буквально все: качество звука, вкрадчивый вокал Гребенщикова, безумное фортепиано Курёхина и тяжелая рок-гитара Ляпина — в таких композициях, как «Пепел», «Пустые места», «Кусок жизни» и «Сыновья молчаливых дней». Науменко подолгу и с удовольствием обсуждал эту эпохальную работу с Цоем, Рыбиным и Свиньей.

Дальше — больше. Как-то раз Майку позвонили его друзья из журнала «Зеркало» и рассказали, что по коридорам МИФИ гуляет 525-метровая магнитофонная катушка, на одной из сторон которой записан его альбом LV, а на другой — «Табу». Как было сказано в кельтском эпосе, «мухи и пикнуть не успели».

А вскоре в сторожке у Майка раздался телефонный звонок. До боли родной голос Володи Литовки предложил ему сыграть несколько концертов в Москве, и это оказалось как нельзя кстати. Дело в том, что в ленинградском рок-клубе вовсю кипели очередные административные перестановки, и выступать в городе было положительно негде.

А в столице тем временем резко взлетел спрос на питерский рок-андеграунд. Ларчик открывался просто: в последние месяцы в

Москве начала активно функционировать сеть подпольных дистрибьюторов рок-музыки — так называемых «магнитофонных писателей». Одним из них был Александр Агеев, ныне проживающий в США. Сегодня его воспоминания представляют, на мой взгляд, особую ценность.

«На секретном концерте „Аквариума“ ко мне подошел Саша Самойлов, который выступал с группами „Рубины“ и „Последний шанс“, — рассказывает Агеев. — И вот Самойлов говорит: „Вчера ходил в ДК "Москворечье", там был обалденный парень, его зовут Майк. Играл с группой, как называется, не помню, но исполняют ритм-энд-блюз на русском…“ А я, дурак, не поехал, хотя слышал про это мероприятие и даже знал, что аппарат давала „Машина времени“. Я заинтересовался и запросил питерских друзей: „А найдите-ка мне Майка!“ Но запись пришла ко мне с другой стороны — Троицкий дал пленку какого-то акустического концерта, а там — „Ты — дрянь!“ Ну, я и погиб…»

Магнитофонные писатели тут же принялись тиражировать альбомы Майка и концертные записи «Зоопарка». О том, насколько дерзко и нагло действовали популяризаторы ленинградского рока в самый разгар социализма, можно было написать детективный роман. Под носом у государственных органов ушлые обладатели стационарных магнитофонов «Маяк-001» давали платные объявления в рекламное приложение к газете «Вечерняя Москва». Крохотный текст был прост и заманчив. Мол, увлекаюсь современной музыкой, обмениваюсь катушками с рок-записями, а в самом конце объявления шел номер домашнего телефона. Посвященные читатели прекрасно понимали, о каком именно «обмене» идет речь: если вы хотели купить редкие или новые записи — то, как говорится в Одессе, «их есть у меня».

Рыбалка понеслась вовсю. Вскоре у таких уважаемых людей, как Александр Агеев, Владимир Иванов и Валерий Петрович Ушаков образовалась целая армия платежеспособных «подписчиков», которые с дрожью в руках выкупали свежие копии «Треугольника» и «Табу» «Аквариума», Blues de Moscou «Зоопарка», а также «Сладкую N…» и LV Майка. Часть клиентов продолжала тиражировать их дальше, часть — просто слушала за закрытыми шторами. В зависимости от характера и темперамента.

К примеру, тот же Агеев, работая инженером в какой-то унылой конторе, перезаписывал часть пленок прямо на службе, а часть — дома. Тиражирование шло двадцать четыре часа в сутки, причем в квартире ему помогали жена и взрослая дочь, а сам Александр при каждом удобном случае вырывался в Ленинград за

новыми записями. Поездки эти часто маскировались под служебные командировки, порой — по совершенно невероятным причинам.

> «Однажды до моего начальства доползли слухи, что наши коллеги планируют вырыть огромный котлован рядом с Московским вокзалом, — смеется Агеев спустя тридцать пять лет. — И меня направили в Питер — разобраться, не провалится ли вокзал в эту яму? Яму я смотреть, разумеется, не стал, а сразу же начал звонить Панкеру. К тому моменту я знал про Майка две вещи — что ему нравится фильм „Великолепная семерка“, и что он любит клеить модели самолетиков. В „Детском мире“ самолетиков не оказалось, поэтому я заехал к знакомым и записал ему „Великолепную семерку“ на видеокассету. Затем встретился с Панкером, передал кассету, взял ленту „Майк LV“ и в тот же вечер уехал в Москву. На работе я отчитался, что Московский вокзал цел, а яму зарыли. Потом поехал домой и стал слушать альбом. Вскоре я понял, что это — тройной шедевр. Шедевр — исполнения и текстов, шедевр — записи и концепции, и шедевр оформления. И мы начали его тиражировать, причем после крика „Ставь по новой!“ я стал дописывать цикл Морозова „Харе Кришна“. Шел 1982 год, и до царствования Андропова оставалась еще пара месяцев».

С помощью таких энтузиастов, как Саша Агеев, альбомы с похмельной лирикой Майка начали активно размножаться, причем — не только в Москве и Питере, но и в отдаленных регионах. Любопытно, что такой мощной партизанской субкультуры не наблюдалось не только в эпоху авантюрной записи «Все братья — сестры», но еще и буквально пару лет назад. Тогда флагманы питерской контркультуры пытались через организаторов московских концертов реализовывать свои первые магнитоальбомы, но их ждало жестокое разочарование.

К примеру, когда Гребенщиков отдал дистрибьюторам десяток новеньких катушек «Треугольника» (1981 год), их вскоре вернули ему обратно. Одну пленку оставили «на память», а остальные копии так никто и не купил. Это была та жестокая реальность, которую Борис и Майк часто забывали принимать во внимание.

«Все это было чудовищным ударом, — грустно улыбался впоследствии лидер «Аквариума». — Во-первых, мне не на что было возвращаться в Ленинград. Во-вторых, я планировал рассчитаться с частью долгов, но ничего из этого не вышло».

Теперь же многие меломаны, читавшие статьи о Майке в потрепанных копиях «Рокси», «Зеркала» и вышедшего ему на смену журнала «Ухо», рьяно пожелали перейти от теории к практике. Возможно, они ничего не знали об авторе «Дряни» и «Пригородного блюза», зато слышали рассказы о фестивале в Северном Чертаново и нашумевших выступлениях в ДК «Москворечье» и Театре на Юго-Западе.

После целого облака мифов публика грезила желанием увидеть нечто подобное «вживую». И в тот волшебный момент, когда спрос начал опережать предложение, Михаил Васильевич Науменко расчехлил гитару в одном из корпусов общежития инженерно-физического института на Каширке. Напротив него сидели выступавшие в тот вечер музыканты подпольного коллектива «Кэндзабуро Оэ», редколлегия журнала «Ухо» и прочая разношерстная публика. Давайте предоставим микрофон очевидцу.

«Осенью 1982 года я впервые увидел Майка, альбомов которого до этого не слышал, — вспоминает рок-критик Сергей Гурьев. — Дело было в покрашенном темно-зеленой краской полувоенном подвальчике, в который набилось человек тридцать.

На самом музыканте были черный костюм и большие черные очки, которые постоянно сползали у него с носа. Иногда Науменко успевал поправлять их пальцем, иногда они падали ему на колени… Кто-то из студентов не выдержал и крикнул: „Да сними ты их нафиг!“ На что Майк раздраженно ответил: „У меня глаза болят, парень!“ Мне показалось, что между залом и артистом возникло напряжение, и его вообще здесь не сильно любят. И тут еще кто-то заорал у меня над ухом: „Ты — дрянь!“, и я подумал: „Господи, что же за люди такие злобные?“ А Майк облегченно вздохнул и начал играть песню „Дрянь“, которую я услышал первый раз в жизни».

Постепенно Науменко начал появляться в Москве все чаще — в среднем по разу в месяц. Здесь он неделю напролет праздновал свой день рождения, крепко подружившись с Сергеем Рыженко из «Последнего шанса». Ночевал Майк, как правило, у Алексея Дидурова, который под влиянием бесед со «звездой рок-н-ролла» вскоре основал собственную группу «Искусственные дети».

Дома у Саши Липницкого лидер «Зоопарка» добрался наконец до вожделенного видеомагнитофона, на одном дыхании отсмотрев с Гребенщиковым рок-оперу Tommy и документальный фильм Rock’n’Roll Heroes. Затем, обалдев от увиденного, музыканты потребовали у хозяина показать им Вудстокский рок-фестиваль 1969 года. Вдохновленные просмотром, ленинградские гости обнаружили себя утром в летнем саду «Эрмитаж», в состоянии полной прострации просочившимися сквозь запертую входную дверь. Комментировать тут было нечего, да и слова оказались не нужны.

Через несколько дней друзья презентовали Науменко дебютный номер журнала «Ухо», где, помимо написанной Майком статьи про «Зоопарк», красовался программный материал Троицкого «Песни городских вольеров», в котором, в частности, говорилось:

«Никто не снискал за последнее время столько комплиментов и, одновременно, столько ругани в свой адрес, как Майк… Он стоит голый в своей ванной комнате, куда неожиданно набежало несколько сотен народу. Он демонстративно незащищен. Он позволяет себе выглядеть в песнях жалким и нелепым. Он нарочито антипатичен, даже в самых драматических ситуациях. И, в результате, пожинает урожай глупых смешков и свиста нормальных ребят и девушек, у которых свои представления об искусстве. Они не хотят видеть себя; это зеркало плюет им в глаза».

Акустический концерт Майка, 1982
Фото: Владимир Иванов

Необходимо напомнить, что в глазах рок-журналистов Науменко стал рок-звездой далеко не сразу. До появления

альбомов «Зоопарка» большинство из них слушали песни Галича и Высоцкого, «Машины времени» и «Воскресения», в которых все было понятно и просто. Их можно было подбирать на гитаре и исполнять перед восторженными барышнями на студенческих вечеринках. Немногочисленные «эстеты столичных салонов» предпочитали фолк-стеб «Последнего шанса» и авангардные записи «Мухоморов», а диссиденты и будущие «прорабы перестройки» тащились на сыромятном панк-роке «Автоматических удовлетворителей». Иными словами, серьезный конкурент у Майка в 1982 году был только один — группа «Аквариум». Причем — в любом составе.

Спустя несколько недель после бардачного концерта Майка с группой «Кэндзабуро Оэ» редакция журнала «Ухо» пригласила выступить в Москве дуэт Гребенщиков-Курёхин. Остановившись передохнуть в одной из комнат МИФИ, клавишник «Аквариума» очаровал студентов своей музыкальной эрудицией, когда в ответ на вопрос о Лори Андерсон напел вокальную партию из ее альбома Big Science, вышедшего всего несколько месяцев назад. Такие эффектные фокусы запоминались надолго.

В свою очередь, БГ (так теперь называли Гребенщикова) усилил концертный репертуар боевиком «Немое кино», который упорно не включал в номерные альбомы. В первую очередь — из-за стремного текста: «Я видел чудеса обеих столиц, святых без рук и женщин без лиц / Все ангелы в запое, я не помню, кто где / Все рокеры — в жопе, а джазмены — в пизде». Студенты встречали знакомые слова громом аплодисментов, и Майку с его трепетной «Одой ванной комнате» тягаться с подобной поэзией было сложно.

Тем не менее, редактор журнала «Ухо» Илья Смирнов рискнул объединить выступления Науменко и Гребенщикова в единый концерт. Дело происходило в его квартире недалеко от станции «Динамо», причем звук снимался с нескольких микрофонов, привезенных опытным менеджером группы «Смещение» Артуром Гильдебрандтом.

Сейшн оказался удачным сразу по нескольким причинам. Во-первых, оба музыканта были «в ударе» и в течение трех часов исполнили большую часть своего боевого репертуара. Для архивариусов заметим, что Майк отметился концертной премьерой «Растафары», а БГ спел несколько раритетов: «Новая жизнь на новом посту», «Роскошь» и «Не надо мне мешать».

Во-вторых, шумный концерт удивительным образом не свинтили, и зрители расходились по домам, явно впечатленные услышанным. Энергично сыгранный в две гитары «Пригородный блюз», усиленный гармошкой Гребенщикова, воспринимался

аудиторией чуть ли не как призыв к вооруженному восстанию. И небезосновательно.

> В-третьих, магнитофонная запись, сделанная «с воздуха», получилась на редкость качественной, напоминая по драматургии альбом «Все братья — сестры». Как и пять лет назад, музыканты исполняли песни по очереди, вдохновенно подыгрывая друг другу на акустических гитарах. В интернете бродит фрагмент этого квартирника, где некий поклонник, очарованный высоким искусством, заворожено произносит: «Это полный пиздец!», не замечая стоящих рядом микрофонов.

Эйфория от этого мероприятия оказалась настолько сильной, что Смирнов решил провести аналогичный концерт в октябре 1982 года, отметив таким образом собственный день рождения. К сожалению, в тот вечер «недолго музыка играла». Вызванный соседями наряд милиции в ультимативной форме потребовал «прекратить безобразие».

Но все это было лишь преддверием грядущих катаклизмов. Весь следующий месяц Майка преследовала полоса неудач. В одном из писем он жаловался друзьям: «У нас сорвался очередной концерт в Москве. „Зоопарк“ должен был играть 3 ноября с какой-то местной синтезаторной группой. Но по независящим от нас причинам концерт отложен на неопределенное время».

Однако Науменко все же дал один акустический концерт в «красном уголке», расположенном неподалеку от станции Лермонтовская. На этом выступлении, состоявшемся 7 ноября, присутствовал журналист Константин Преображенский, вспоминавший, как организатор, вручая деньги Майку, не без удивления заметил: «Очень странно, что в этот всенародный праздник нас не свинтили». И в каком-то смысле он сглазил.

Следующее выступление «Зоопарка» должно было состояться 10 ноября в Доме культуры имени Свердлова на Фрунзенской. Но в этот день в стране случился траур — умер генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Концерт, на который методом «сарафанного радио» было продано несколько сотен билетов, отменили. А устроители, по воспоминаниям Олега Ковриги, «попали» на достаточно крупную сумму.

Дома у Коли Васина: Майк, Наташа и Владимир Кузьмин с девушкой, 1983

Фото из архива Елены Куликовой

Вернувшись домой, Майк узнал, что в город приехал его старинный приятель Саша Донских, с которым он в свое время вел дискотеки на Домбае и играл на танцах в ленинградских общежитиях. Поскольку жить тому было негде, сердобольный Науменко приютил его у себя дома. Как говорится, в тесноте, да не в обиде… В тот же вечер Майк и Александр Петрович Донских устроили алкогольный джем, помянув почившего генсека и сочинив массу скабрезных куплетов о вождях мирового пролетариата.

«Майк тогда был в замечательной творческой форме, — рассказывал Донских. — На мой взгляд, жизнь его в тот момент была сильно сконцентрирована, как будто за один год он проживал несколько лет».

Через неделю после смерти Брежнева у Науменко состоялся не очень удачный акустический концерт в подмосковном Долгопрудном — с участием Донских и Рыженко. Донских играл на фортепиано, а Сергей Рыженко — на скрипке. Затем 24 ноября «Зоопарк» планировал выступить в столице, но музыканты были вынуждены вернуться домой, несолоно хлебавши. Организаторы честно объяснили Майку, что мероприятие не состоится «из-за скандальной репутации группы». При этом ни певцу, ни концертным менеджерам причина этой скандальности была совершенно непонятна.

Зато к концу 1982 года стало очевидно, что под руководством нового генсека Андропова политика партии становится все более

жесткой. В том числе — и в области молодежной культуры. К примеру, в феврале 1983 года силами госбезопасности было сорвано сразу два концерта группы «Аквариум» — в институте электронного машиностроения и в физико-химическом институте имени Карпова.

«Как-то раз я решился посетить концерт „Зоопарка“, — вспоминал Александр Агеев. — Сейшн должен был проходить в клубе чулочной или носочной фабрики. И вот сидим мы с приятелем в зале, и тут сцене появляется чувак и объявляет: „Майка не будет!“ И весь зал начинает скандировать: „Майк! Майк! Майк!“ И я тоже громко ору… Но на сцене так никто и не появился. Мне сказали, что Науменко стоял за углом здания, и от обиды, что его запретили, тоскливо глушил портвейн».

Итак, брежневская идиллия закончилась. На страну надвигалась душная андроповская мгла. В этот период в Москве и Ленинграде начали практиковаться уличные облавы, в кинотеатрах проверяли документы, а студентов выгоняли из институтов за четыре часа пропусков в семестр.

Майк в зале среди зрителей…
Фото: Владимир Иванов

Похожие явления происходили и в области культуры. Майк с друзьями попали под жесткий прессинг. Морально лидер «Зоопарка» был к этому готов, но подобные идеологические перемены произошли в его жизни слишком стремительно.

«Мы все были мальчиками из обеспеченных семей, и наши занятия всегда имели надежный тыл, — замечал впоследствии Марат Айрапетян. — Все происходящее было лишь игрой, иногда опасной, почти всегда забавной, но — игрой. А потом началась „взрослая“ жизнь — работа, у кого-то семья и дети, денежные проблемы. Волшебным образом все перебрались из благоустроенных родительских квартир в какие-то сомнительные коммуналки. Общая атмосфера в стране нам не помогала, и новые реалии не избавили от проблем, а только резко сменили их набор».

После отмены концерта, Дом ученых в Троицке, 1983
Фото: Равиль Дианов

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ГОРОДА N

«Без странности не может быть
ничего в искусстве»

Владимир Татлин

Отсидевшись несколько месяцев в глухом подполье, Майк рискнул выступить в Москве лишь следующей весной. Очередной набег на столицу состоялся 27 марта 1983 года, и это было, наверное, одно из самых ярких клубных выступлений «Зоопарка» в столице.

Казалось, что в тот вечер все было против Науменко. По личным причинам не смогли приехать Храбунов и Куликов, поэтому выступать пришлось в импровизированном составе — на бас-гитаре сыграл Юрий Ерёменко из группы «Пепел», а на барабанах — Андрей Данилов.

«Володя Рацкевич из „Рубиновой атаки“ привез в ДК Часового завода свою аппаратуру, — рассказывал мне Саша Агеев. — В программе значился „Секрет“, играющий на разогреве у группы „Пепел“, а также, по слухам, планировался Майк. В зале на сто пятьдесят мест все были сильно пьяными, и мы с друзьями пронесли две „бомбы“ плодово-ягодного вина. В гримерке я увидел единственный стул, разбитое зеркало и смертельно трезвую группу „Секрет“, которая очень волновалась. Мы выпиваем „бомбы“, а „Секрет“ уже на сцене — первый раз в Москве… Когда им стало действительно плохо, у микрофона появился Майк и сделал все правильно».

«Мы вышли на сцену и обомлели, — вспоминал о концерте в ДК Часового завода шоумен „Секрета“ Николай Фоменко. — В зале сидели абсолютные хиппи, у которых по рукам передавался портвейн. И они заорали: „Пошли вон, давайте Майка!“ Затем после нас вышел Науменко, аккуратненько подошел к микрофону, и все сразу умерли…»

Фото: Анатолий Азанов

Лидер «Зоопарка» пел как Игги Поп, подыгрывая себе — то на акустической, то на электрической гитаре. Формат трио, без привычной соло-гитары, превратил выступление Майка в настоящий триумф гаражного рок-н-ролла. Сохранилась запись, выпущенная «Отделением Выход», и на ней прекрасно слышно,

как кто-то грозится прекратить мероприятие, а зрители после каждой песни орут, как недорезанные.

«То, что произошло в конце марта, послужило лишним доказательством особого положения Майка Науменко в советской рок-музыке, — писал спустя месяц журнал „Ухо“. — В районе „Белорусской“ выступали ленинградские группы, в том числе должны были пригласить и «Зоопарк“, но устроители забыли вовремя позвонить и передать приглашение. Поэтому в последний момент Майку пришлось обламываться с работы и срочно собирать группу. Тщетно… Но в итоге зал слушал Науменко наполовину стоя, их рев заглушал двухкиловаттный аппарат, и, хотя странный полу-„Зоопарк“ выступал в середине концерта, в конце их приглашали на сцену и скандировали без конца: „Майка! Майка!“ И только строгий приказ администрации разогнал фанов».

Это знаковое выступление было отмечено двумя важными событиями. Во-первых, Науменко представил свой будущий суперхит «ДК Данс» («Я посмотрел на часы…»), объявив его, как «новую песенку, сделанную в стиле рок-н-роллов 50-х годов, на которых я воспитывался». Во-вторых, в финале концерта была исполнена новая композиция, бесконечный текст которой Майк читал с огромного листа бумаги. На сцене оказалось слишком темно, и мелко написанные строчки ему были плохо видны даже с близкого расстояния. Тогда музыкант попросил у техников добавить света и начал медленно затягивать слушателей в марево несуществующего мегаполиса.

Тихие игры: Майк, Донских и Храбунов
Фото из архива Александра Донских

К тому моменту у Науменко уже было готово большинство куплетов «Уездного города N» — психоделического эпоса, создававшегося им в течение многих месяцев. В основе сюжетной канвы Майк использовал прием, который Боб Дилан применил еще в 1965 году в композиции Desolation Row. В ней охреневший от кислоты нью-йоркский поэт микширует в одной точке множество мировых смыслов и персонажей — начиная от Робин Гуда и Ноя и заканчивая Квазимодо, Жанной д'Арк и поэтом Т. С. Элиотом. Свой вариант вселенского Вавилона Майк наполнил героями из Desolation Row (Казанова, Эйнштейн, Наполеон), разбавив их классиками русской литературы (Гоголь, Пушкин, Толстой) и современными персонажами вроде Пола Маккартни, Эдиты Пьехи и Чарли Паркера. Гетто, из которого никуда не уходят поезда, идеолог «Зоопарка» перевел в мифологическую плоскость с настоящими и вымышленными героями и иллюзорной связью времен.

«Этот город N, — как-то обмолвился Майк, — несколько сюрреалистическое место, в котором каждый занимается курьезным и не своим делом. И каждый вправе домыслить, что из этого может получиться».

В скобках заметим, что первый намек на подобную одиссею прослеживался у Науменко еще на альбоме «LV», где упоминается

похожий на зоопарк город, в котором живут «свои шуты и свои святые, свои Оскары Уайльды и свои Жанны д'Арк». Позже эта идея получила развитие и начала обрастать новыми героями. К примеру, образы леди Макбет и Золушки создавались под впечатлением от картин Тани Апраксиной, а еще несколько героев были придуманы Майком вместе с будущим клавишником «Зоопарка» Александром Донских.

«Мы исписали несколько страниц, и я предложил кандидатуру таксиста Харона, — вспоминает Донских в книге „Призраки города N". — Науменко тут же подсадил к нему пассажира Эйнштейна, потом я добавил Эдиту Пьеху — и Майк аж застонал от удовольствия и закончил куплет Анной Карениной. Точно так же возникли пары „Иисус Христос и отец", „Иван Грозный и сын" и еще несколько. Всего же в этой песне были упомянуты 57 персонажей».

Вскоре Андрей Тропилло выкроил время, чтобы поработать с Майком в студии Дома юного техника. У «ленинградского Джорджа Мартина» уже давно зрело желание записать Науменко, но многочисленные обстоятельства, как правило, были против. В

долгой беседе, состоявшейся в 1996 году, Андрей Владимирович не без гордости упомянул, что участвовал в нескольких сессиях альбома «Сладкая N и другие» и слегка пожаловался мне, что этот факт нигде не отражен. Затем маэстро вспомнил, как одалживал Майку вокальные микрофоны для сессии в театральном институте (для альбома «LV»), и был искренне рад, что в 1983 году ему наконец-то удалось найти возможность для записи первого «студийника» «Зоопарка».

Новый 40-минутный альбом, записанный в Доме юного техника и названный «Уездный город N», представлял собой сборник лучших хитов «Зоопарка». При этом первая его часть состояла из классических композиций времен Blues de Moscou, сыгранных максимально близко к «живому» исполнению.

Так случилось, что одним из первых слушателей альбома оказался Борис Гребенщиков. Моим друзьям удалось отыскать магнитофонную пленку с записью редкого квартирника «Аквариума», на котором БГ рассказывал притихшей публике:

> «У Майка сейчас есть несколько новых вещей и одна очень смешная штука из шестнадцати куплетов на шестнадцать минут — „Уездный город N“. И еще записаны в электричестве „Пригородный блюз“ и „Если ты хочешь“, причем со звуком 1965 года в Англии. Запись просто гениальная, я офигел и не мог поверить, что это сделано в Ленинграде. Все дела, роскошный электрический рок-н-ролльный звук. И одновременно „Зоопарк“ пишет новые песни.… Я не знаю, как Майк их распределит, но если у него получится из этого хотя бы одна пластинка, то она будет у него самая сильная».

В итоге, по одним данным, альбом был готов еще зимой, по другим — запись происходила позже, летом 1983 года. Разобраться точнее не представляется возможным, поскольку Храбунов утверждает, что ездил в студию в рубашке с короткими рукавами. В свою очередь, на вышеупомянутом квартирнике, состоявшемся 5 марта 1983 года, Гребенщиков рассказывал про уже готовые треки. Здесь, как говорится, черт ногу сломит…

Теперь уместно напомнить, что разработкой материала в «Зоопарке» в то время занимались два музыканта — Майк и Саша Храбунов. Науменко придумывал мелодические ходы, а ответственность за аранжировки ложилась на плечи его гитариста. С первого дня знакомства у них сложился идеальный тандем поэта и музыканта. Теперь же они общались практически каждый день, поскольку Александр женился на девушке по имени Тася, которая жила в той же коммунальной квартире, что и Майк.

«Храбунов всю жизнь играл в составах без ритм-гитары и поэтому любит много „пилить“, — замечал Майк. — Сначала мне это не нравилось. Но потом я понял, что в этом есть и свои кайфы, и сейчас с трудом могу представить, как бы „Зоопарк“ звучал с другим гитаристом. Шурина гитара придает моим сравнительно легковесным песням уместную тяжесть».

«Зоопарк»: весенняя медитация
Фото из архива Натальи Науменко

Взаимопонимание и человечность являлись характерной чертой «Зоопарка», что не могло не сказаться на записи. Дело в том, что вторая часть альбома состояла из сырых номеров, которые доделывались непосредственно в студии. Надо отдать должное музыкантам — на результате это никак не отразилось.

«Перед началом сессии мы боялись показаться несостоятельными, понимая, что студийный альбом — это чистый продукт, на котором все инструменты должны быть слышны, — признавался мне Храбунов в одном из интервью. — И в то же время необходимо чувствовать нерв, даже в ущерб качеству. Но как именно перенести здоровое дыхание рок-н-ролла в тот звук, который будет литься из колонок, мы могли только догадываться».

Более точно ритм-энд-блюзовый саунд «Зоопарка» представлял себе всезнающий Тропилло, в активе которого уже были работы с «Аквариумом», «Кино», «Мифами» и группой «Пикник». У него в голове сложился четкий «пейзаж звука», и, к

примеру, композицию «ДК Данс» музыканты записали с первого дубля.

«Я играл гитарные партии исключительно для настроения, поскольку их планировали доделывать позднее, — утверждал Храбунов. — Но, как только мы закончили играть, Тропилло сказал: „Всё! Порядок. Оставляем этот вариант!“ Это решение застало нас всех врасплох: „Как оставляем? А гитарные наложения?“ Но при прослушивании выяснилось, что Андрей Владимирович оказался прав».

«Тропилло мне очень понравился как человек, — рассказывал барабанщик Андрей Данилов. — Его работа и то, как мы общались, — все было очень здорово! Он постарше и мудрее нас, поэтому альбом мы записали буквально за несколько дней. Конечно, немножко жалко, что у нас не было времени поработать побольше. Наверное, можно было что-то сделать по-другому, но зато запись получилась как концерт, и там все живое».

> Идея включить в альбом композицию «Уездный город N» возникла в голове у Тропилло спонтанно, отчасти — благодаря нехватке нового материала. В одну из студийных смен выяснилось, что «Зоопарк» сыграл все композиции и больше записывать нечего. Попробовали исполнить «Пригородный блюз № 2» и несколько старых песен, но это не стало выходом из ситуации. И тогда Тропилло предложил сделать «Уездный город N». По воспоминаниям музыкантов, последние куплеты сочинялись непосредственно в студии. Существует версия, что после прослушивания чернового варианта Коля Васин посоветовал Майку дописать в финале еще несколько строк.

«Науменко потом обвиняли в том, что песня „Уездный город N“ частично слизана у Боба Дилана, — рассуждал Андрей Владимирович. — Но это не так. Песня у Дилана более узкая, и там перечисляются современные суперзвезды, и всё! А у Майка — и сказочные герои, и реальные персонажи, и любовь, и вино, и смысл бытия. Майк очень нежно относился к Дилану, но не копировал его».

В студии Дома юного техника, 1983
Фото: Дима Конрадт

Однако основная проблема записи заключалась в том, что технический уровень музыкантов не позволял сыграть все куплеты «нон-стопом» в течение четверти часа. К тому же Майк хотел, чтобы на этой песне звучало фортепиано, а собственного клавишника у группы тогда еще не было.

«Раньше эту песню Майк нам не показывал, — ворчал

Александр Храбунов спустя четверть века. — В студии я ее быстро выучил, в последний момент разобравшись, как именно нужно играть. На первых дублях Майк пытался петь, но пустовато все получалось. В итоге Андрей Владимирович пригласил пианиста, который появился в студии в состоянии жестокого похмелья. И наиграл свои изумительные пассажи, которые, я считаю, трезвый человек не сможет исполнить никогда».

Вожделенный пианист был обнаружен в ближайшей закусочной с романтичным названием «Белоснежка». Чародея клавишных инструментов звали Владимир Захаров, он был приятелем Паши Крусанова и играл в группах «Выход», «Абзац» и «Хамелеончик За». По воспоминаниям музыкантов, Захаров был соблазнен бутылкой дешевого портвейна и возможностью записаться на одном альбоме с «Зоопарком».

Все дальнейшие события, происходившие в Доме юного техника, чем-то напоминали фильмы Хичкока. Спасителю Захарову поставили, как таперу, стакан вина, и он в состоянии крайней задумчивости начал импровизировать. Вначале все шло неплохо, но после нескольких глотков маэстро стал пьянеть и уставать, поскольку играть ему приходилось одну и ту же мелодию множество раз подряд.

> В песню о городе, который безумен сам по себе, пианист добавил психоделических наворотов, меняя акценты, скорость и варьируя степень фортепианного безумия таким образом, словно у него в организме садились батарейки. По меткому выражению Тропилло, «если обратить внимание на партию фортепиано, то отчетливо слышно, как пианист ползет умирать».

Любопытно, что композиция «Уездный город N» исполнялась на концертах нечасто: периодически Майк играл ее в акустике, причем однажды — в дуэте с Цоем. На нескольких квартирниках Науменко клал перед собой шпаргалку, на которой шариковой ручкой были написаны первые строчки каждого из куплетов. Делал он это для надежности, поскольку иногда забывал последовательность куплетов.

«Поезд N"
ЗООПАРК
©1985 АНОП
"Позавчера... и вчера:
Уездный Город N"
Странные Дни • Если Ты Хочешь • Дрянь •
Пригородный Блюз • Blues De Moscou # 2 •
Колокола • Все Те Мужчины • Уездный Город N
Макорный Рок-н-Ролл (А.К. Ланс)
Дата продажи
Подпись продавца
Цена 7 р. 05 к.
ОТК
Штамп магазина
1981 г.
ТУ 6-17-879-80
Гарантийный срок эксплуатации — 1 год со дня продажи
Гарантийный срок хранения — 2 года

Позднее, во время одной из редких видеосъемок Майк признавался, что «изначально куплетов было двадцать пять, а теперь, дай Бог, вспомнить хотя бы пятнадцать…» Доказать или опровергнуть правдивость этого утверждения сложно. В те времена казалось, что эта баллада стала перемещаться — подобно своим героям — из объективной реальности в сферу туманных призраков и нераскрытых загадок рок-н-ролльной мифологии.

Все это время московские промоутеры с нетерпением ожидали завершения звукозаписывающей сессии у Тропилло. Летом 1983 года озверевший от андроповского прессинга андеграунд перенес все свои активности в ближнее Подмосковье. Как говорится, от греха подальше. Романтично настроенный Володя Литовка и его друзья из журнала «Ухо» полагали, что вдалеке от Лубянки контроль за концертными площадками будет носить менее жесткий характер. Как же сильно они ошибались!

Группа «Зоопарк» на этот раз должна была выступать в Троицке — тихом академгородке, расположенном в получасе езды от Москвы. Но за несколько часов до мероприятия в местный Дом ученых нагрянули сотрудники ОБХСС, и концерт был отменен. Сохранилась фотография, на которой музыканты «Зоопарка» сидят в гримерке с убитыми лицами, и их легко можно понять.

Однако стойкий Майк нашел изящный выход из ситуации.

Пока организаторы несостоявшегося мероприятия подвергались перекрестному допросу, Науменко увел зрителей, рьяно желавших «хлеба и зрелищ», в ближайшую лесопосадку.

Примечательно, что дело было 9 мая, в День Победы. По дороге на природу музыкальные туристы опустошили винный магазин, и к началу языческого ритуала вся «людская каша» находилась в состоянии, приближенном к эйфории. «За твое здоровье, Майк!» — орали зрители, уничтожая портвейн и рассуждая в паузах об «Автоматических удовлетворителях» и первых советских панках.

Пронзительная акустика в лесу у деревни Пучково
Фото из архива Олега Ковриги

Этот сюрреалистический концерт, проходивший на лесной поляне невдалеке от деревни Пучково, записывался сразу на три магнитофона. Спустя годы Жене Гапееву удалось найти абсолютно все пленки и отреставрировать их. К некоторому удивлению, там не оказалось озвученных народной молвой куплетов о Сталине, Ленине и Гитлере, которые я опрометчиво упомянул в книге «100 магнитоальбомов советского рока». Более того, на записи слышно, что из «Уездного города N» Майк исполнил лишь половину куплетов. То ли забыл остальные, то ли не имел душевных сил спеть их полностью. Как честно заметил тогда Науменко, «после таких-то обломов, как сегодня, все объяснимо…»

Любопытно, что позднее с поэтическими переводами в духе альбома Highway 61 Revisited экспериментировал и Борис

Гребенщиков, исполняя на концертах психоделическую композицию «Письмо в захолустье», в тексте которой обыгрывался последний куплет из Desolation Row.

«Дилан задал нам планку еще в одном отношении: его песни представляли из себя звуковой аналог кинофильмов, — поведал мне лидер „Аквариума“ в одной из бесед. — Длинное и развернутое повествование, от странностей деталей которого плавится мозг. И у нас с Майком на эту тему много лет было заочное „соцсоревнование“ — кто напишет песню подлиннее… Когда я впервые услышал в записи „Уездный город N“, то обрадовался, насколько Майк оказался близок к совершенству. Он „убрал“ меня и доказал, что легко может работать и с крупными формами — как Боб Дилан на Desolation Row».

Саша Храбунов, Саша Старцев, БГ и Майк Науменко, 18.04.1983

Фото из архива Бориса Мазина

МАТЕМАТИКА ИНКОВ

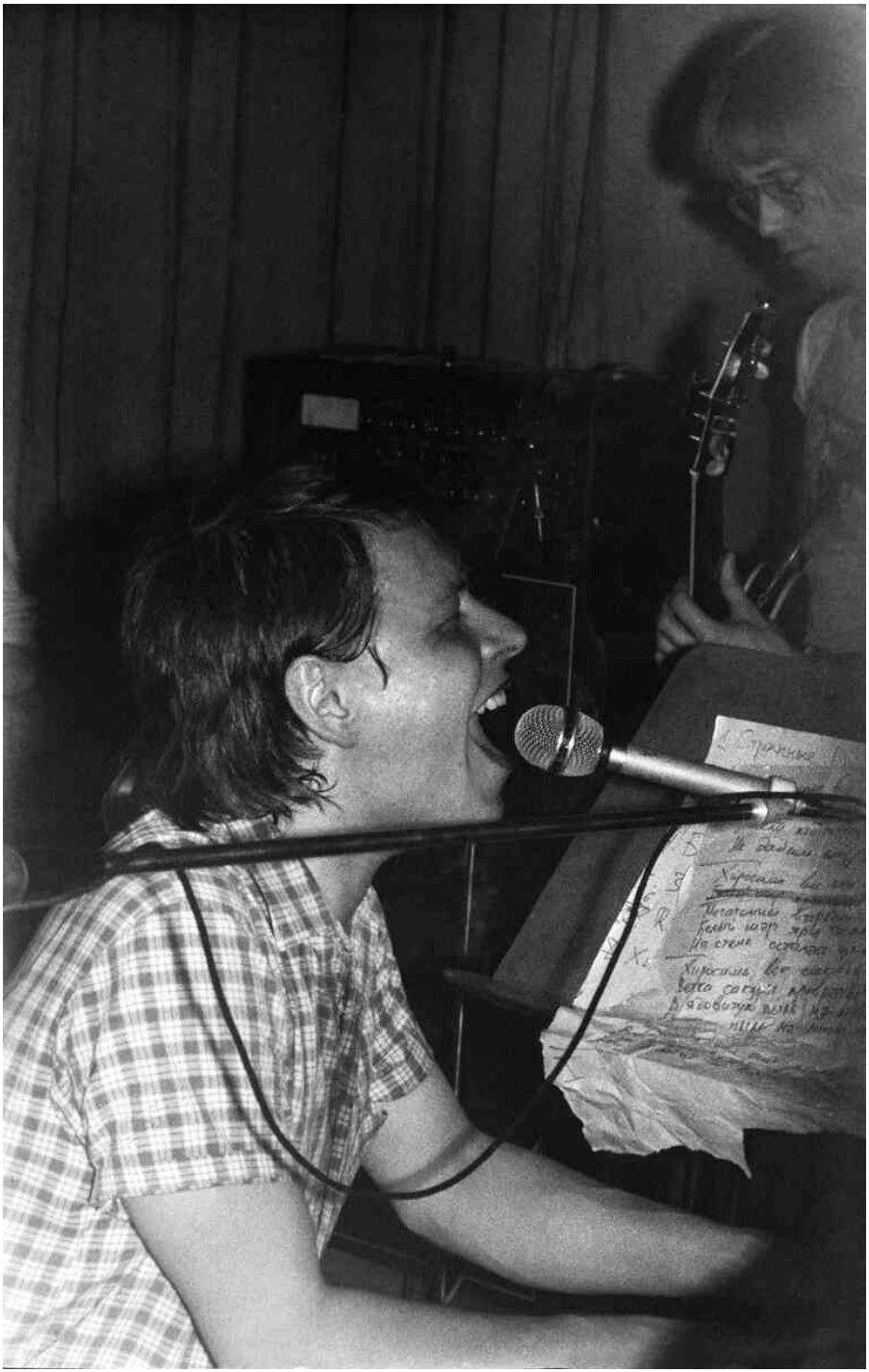
«Твист — величайший обряд после обрезания,
и ты можешь делать выбор между двумя
культурами. Лично я предпочитаю твист»

Леонард Коэн

В этот период Науменко особенно много общался с Сашей Старцевым и часто приходил в гости к редактору «Рокси». Вместе с Гребенщиковым и музыкантами «Зоопарка» Майк любил проводить целые вечера в трехкомнатной квартире на улице Орджоникидзе, попивая самогон и обсуждая фирменные диски из коллекции рок-журналиста.

«Майк рекомендовал Старцева как толкового человека, разбирающегося в музыке, — рассказывал мне спустя много лет Саша Храбунов. — Благодаря ему я расширил музыкальный горизонт и свои познания по The Rolling Stones. Также у Старцева хранилась масса различных проектов Эрика Клэптона, и, в частности, несколько альбомов The Cream. Поэтому неслучайно в кругу друзей у него был литературный псевдоним „Саша Скримами“. Он давал нам почитать машинописные выпуски „Рокси“, спрашивая наше мнение. Со временем у него в квартире образовалось что-то типа салона, и когда появился видеомагнитофон, мы часто ходили к нему смотреть разные фильмы».

Также Майк любил обсуждать поэзию, переводную прозу и экспериментировать с Сашей Донских, который периодически жил в комнате на Боровой. Можно предположить, что в тот период лидер «Зоопарка» чувствовал себя тесновато в рамках инструментального треугольника «гитара — барабаны — бас» и решил ввести в состав клавиши. Звук стал плотнее, и Майк захотел поразить друзей настоящей «стеной звука», как на альбомах Фила Спектора. И ему это удалось.



Александр Донских исполняет «Хиросиму», май 1983
Фото из архива Бориса Мазина

Синтезаторы в то время достать было практически

невозможно, поэтому Донских упоённо нарезал рок-н-роллы на обыкновенном фортепиано. В итоге после нескольких подобных репетиций «Зоопарк» в расширенном составе выступил на I ленинградском рок-фестивале.

Надо отметить, что для актива и музыкантов рок-клуба это мероприятие стало временем расстановки точек над i. К весне 1983 года «прекрасные ветераны» в лице «Россиян», «Аргонавтов» и «Зеркала» начали постепенно отходить на второй план. Погоду в здании на Рубинштейна, 13 теперь делали новые герои — «Странные игры» и молодая команда «Мануфактура», занявшая в итоге первое место. На глазах у изумленной публики квинтет двадцатилетних музыкантов за тридцать минут перевернул с ног на голову все «табели о рангах». Майк с интересом наблюдал из-за кулис, как смазливый вокалист Виктор Салтыков исполнял поп-шлягер про Невский проспект, а на «Миллионном доме» неожиданно стал подниматься по прислоненной к стене деревянной лестнице. В зале погас свет, а когда включился прожектор, будущий муж Ирины Салтыковой пропел нежнейшим фальцетом с пятиметровой высоты: «И странно пустует в суровом молчании / Мой дом из бетона и отчаяния / И я заполнен этой пустотой».

Некоторые журналисты впоследствии утверждали, что триумфальное выступление «Мануфактуры» слегка надломило Майка, вследствие чего «Зоопарк» выступил не в полную силу. И даже отчаянно наяривавший на пианино Александр Донских не смог исправить положение, хотя на «Странных днях», «Белая ночь / Белое тепло» и «Мажорном рок-н-ролле» музыканты играли драйвово и звук был предельно плотным.

По правилам фестиваля каждой группе нужно было исполнить одну антивоенную песню. Говорят, что первоначально Науменко собирался спеть «Блюз Вооруженных Сил стран Варшавского договора», написанный много лет назад, но ему было лень ее репетировать. В итоге на суд зрителей была представлена новая композиция «Хиросима», спетая Сашей Донских.

В тот вечер Майку явно не хватило гибкости Гребенщикова, который объявил свой рок-боевик «Пепел» из альбома «Табу» «антимилитаристским произведением» и никаких «Хиросим» для строгого жюри не писал. Любопытно, что впоследствии Науменко всячески открещивался от этой композиции и утверждал в интервью, что у него существует единственная песня, которой он стесняется. И, мол, написана она не от хорошей жизни. Хотя надо заметить, что в обрамлении цитаты из «Болеро» Равеля Александр Донских исполнил ее на фестивале вполне достойно.

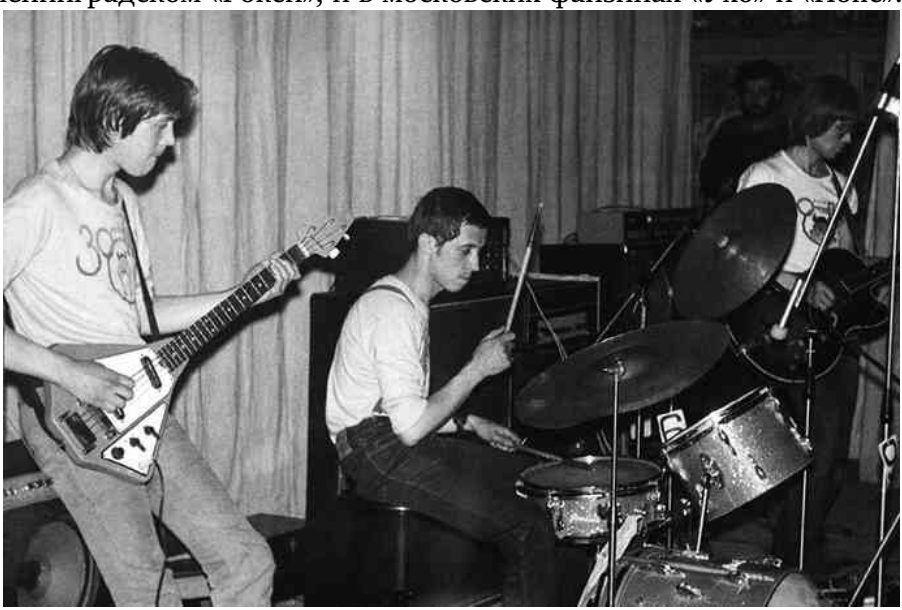
Фото: Владимир Иванов

Спустя неделю «Зоопарк» все-таки пригласили выступить на концерте лауреатов, где Майк был награжден специальном призом. Это был важный и показательный момент. К сожалению, в процессе работы над книгой мне не посчастливилось встретиться с Галиной Флорентьевной, но несложно представить ее радость от первой рок-н-ролльной награды сына.

Много лет назад мне удалось пообщаться с мамой Сергея Курёхина, который на этом фестивале получил награду «за лучшие аранжировки» (в составе «Аквариума»). Я помню, как Зинаида Леонтьевна Курёхина с гордостью сняла со стены и показала мне окаймленный деревянной рамочкой диплом 1983 года. Невооруженным глазом было видно, как много значил для нее этот документ.

Сохранилась фотография, где на сцене Дворца Молодежи девушка-организатор вручает слегка растерянному Майку диплом «за лучшие тексты». Не Борису Гребенщикову, не Виктору Цою, а — Михаилу Науменко. Это было очень нужное официальное признание, которого у сторожа склада деревообрабатывающих материалов в тот момент не было…

Что же касается андеграундной прессы, то после выхода «Уездного города N» подпольные рок-издания стали относиться к творчеству Майка с особым пиететом. Группу хвалили и в ленинградском «Рокси», и в московских фанзинах «Ухо» и «Попс».



Один из последних концертов «золотого состава» «Зоопарка»: Куликов — Данилов — Храбунов — Майк (за кадром)

Фото из архива Игоря «Иши» Петровского

«В 1983 году „Зоопарк“ записал свой лучший пленочный альбом, который стал классикой всего русского рока, — заявлял позднее Коля Васин. — Это „Уездный город N“ — жесткий рок-н-ролл, сделанный с чувством, черным юмором и, главное, с хорошей музыкой. Тогда Майк действительно был в ударе. Он не был серьезным, как „Аквариум“, и в этом здорово выигрывал».

К сожалению, внутри ансамбля в то время не все было стабильно. К примеру, барабанщик Андрей Данилов заканчивал учебу и собирался вернуться в родной Петрозаводск, чтобы в дальнейшем работать по специальности. Он выбрал стабильность и семью, а его выступление на I ленинградском рок-фестивале стало последним в составе «Зоопарка». По инерции Данилов продолжал общаться с Майком, но в Петрозаводске у Андрея уже наступила другая жизнь.

Куда хуже обстояли дела с Ильей Куликовым. Как уже упоминалось выше, басист «Зоопарка» несколько лет плотно «сидел» на траве. На записи «Уездного города N» Илья настолько увлекся психоделической медитацией, что партии бас-гитары в ряде композиций пришлось играть Храбунову. Данное обстоятельство никак не афишировалось, и долгое время Михаил Науменко мужественно терпел этот беспредел.

«У Ильи есть кое-какие черты, которые мне иногда не по душе, — признавался Майк. — Но, что делать, у кого их нет?»

Беда нагрянула внезапно — в лице куликовского дедушки Григория Георгиевича. Заслуженный вояка, просидевший четыре года в финском плену и около пятнадцати лет — в сталинских лагерях, преподавал историю в техникуме и, несмотря на годы отсидки, был, по словам родственников, «убежденным сталинофилом». Возмущенный паразитическим образом жизни внука, он обратился в отделение милиции с просьбой о воспитательной беседе. Наивно полагая, что Куликов-младший тут же встанет на правильный путь и перестанет огорчать бывшего «узника совести» недостойным поведением.

О том, что Илья пристрастился к наркотикам, простодушный Григорий Георгиевич, разумеется, не знал. И жестоко за это поплатился. Когда по наводке родственника участковый заглянул в гости к басисту «Зоопарка», то сразу учуял в квартире сильный запах травы.

Куликова взяли в оперативную разработку. Через несколько дней к нему явился наряд милиции со специально обученной собакой, моментально обнаружившей запасы волшебных растений из Чуйской долины. Илью тут же повязали, и он получил три года тюрьмы «за сбыт и хранение наркотических веществ».

«Илюха никогда не светился и этими делами с нами не делился, — вспоминает Саша Храбунов. — Если говорить про мои ощущения, то преобладало чувство досады. Все это было, конечно, очень неожиданно».

Срок Куликов отбывал в колонии общего режима — к слову, в одной компании со скрипачом Никитой Зайцевым из «Санкт-

Петербурга» и «Большого железного колокола».

Как бы там ни было, за несколько дней Майк фактически остался без группы.

Надо отдать должное, в этой критической ситуации лидер «Зоопарка» держался безупречно. Он изобрел шикарную «телегу» о том, что его басиста внезапно призвали служить в ракетные войска. Мол, такое иногда бывает. А барабанщик Данилов добровольно уехал по распределению. И многие месяцы Науменко, словно опытный разведчик, строго придерживался этой версии, правдоподобно разъясняя эту ситуацию на квартирниках, в интервью и даже в общении с друзьями. Что при этом творилось в душе у Майка, можно только догадываться.

> «Басиста „Зоопарка“ неожиданно забрали в армию, — писал Науменко организаторам будущих уральских концертов. — Трагедия ужасна, но я нашел ему временную замену в виде Вячеслава Зорина из „Капитального ремонта“».

Вокалист группы «ДК» Владимир Морозов
Фото: Владимир Иванов

В контексте новой «андроповской реальности» Майк отчетливо понимал, что в Москву под вывеской «Зоопарк» сейчас было лучше не соваться. И тогда Володя Литовка придумал гениальную комбинацию. Решили, что Науменко на несколько дней приедет в подмосковный Зеленоград, лучше с супругой — якобы по семейным делам. А там, на одной из подпольных «точек», где незадолго до этого выступали «Зебра» и «Футбол», его будут ждать музыканты группы «ДК», которые ему и подыграют.

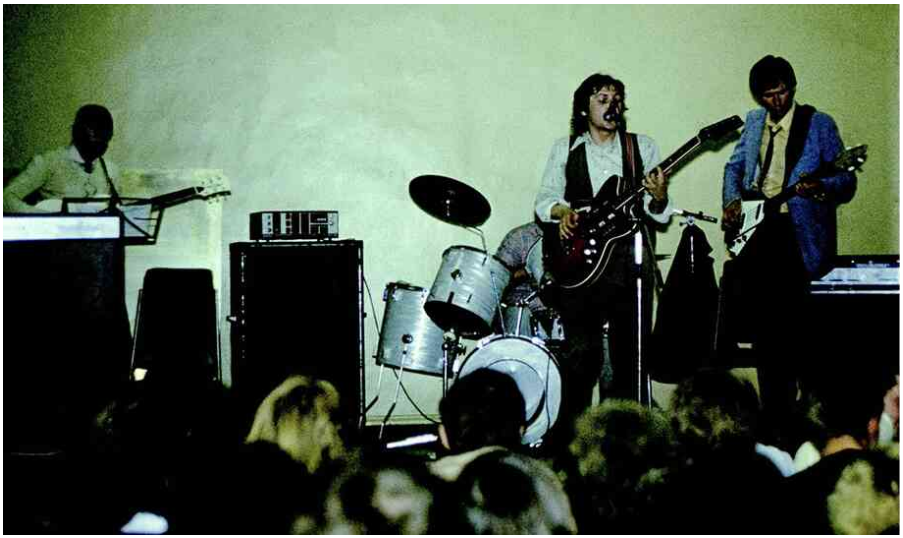
Спустя тридцать пять лет я встретился с идеологом «ДК» Сергеем Жариковым, который не мог без улыбки вспоминать события тех лет.

«Ко мне тогда обратились организаторы, мол, у Майка каких-то друзей забрали в армию, и группы фактически не стало, — рассказывает он. — И давайте, вы ему поможете… Мы совершенно не знали его песен, поэтому нам обещали подогнать альбомы „Зоопарка“. Но пленку в итоге никто не дал. Поэтому выступать пришлось практически без репетиций».

Концерт проходил в подвальном помещении одной из пятиэтажек, где находился опорный пункт местных дружинников. В небольшой «сидячий» зальчик набилось около полусотни фанатов — и примерно столько же прижалось к холодным стенам. С собой они принесли недорогой напиток «Золотая осень», который пили из трубочек для коктейлей, пряча тару в спортивных сумках.

В первом отделении выступала группа «ДК» в «золотом составе» — с Жариковым на барабанах, Полянским на басу и Яншиным на гитаре. По большому счету, это был второй концерт в истории легендарной московской группы. Цыганско-эмигрантского вида вокалист по фамилии Морозов, порыкивая, пел дифирамбы портвейну, а в конце программы зажигательно исполнил андеграундный хит про голые ноги. Весьма удивленная публика с непривычки не знала, как реагировать на такой радикализм.

Все уже были наслышаны о том, что внутри «Зоопарка» что-то произошло, и поэтому Науменко ждали с особым нетерпением.



Майк + группа «ДК»: триумф в Зеленограде, 1983
Фото: Владимир Иванов

«Прямо из зала у микрофона появился Майк, — вспоминал об этом концерте магнитофонный „писатель“ и фотограф Володя Иванов. — Сцены там как таковой не было. Науменко взял чью-то гитару, и в течение получаса они с музыкантами „ДК“ замечательно отыграли песни „Зоопарка“. Майк был на подъеме, демонстрировал отличную форму, и это прекрасно видно на фотографиях. Наверное, это было лучшее выступление из тех, которые я наблюдал в восьмидесятые годы».

Кроме традиционных хитов «Зоопарка» Майк исполнил на концерте несколько чужих композиций. Стоит заметить, что Науменко одним из первых в советском роке начал исследовать механизмы кавер-версий. Ему нравилось выдергивать песню из традиционной среды и помещать ее в непривычный контекст. К примеру, в Зеленограде лидер «Зоопарка» спел шлягер Андрея Петрова «Эй, моряк, ты слишком долго плавал» в стиле heavy metal, превратив это романтичное произведение в жесточайшее гитарное рубилово. И, что любопытно, публика подобные новшества принимала с радостью и энтузиазмом.

> «Это был тот редкий концерт, на который мы поехали вдвоем, — рассказывала Наташа Науменко. — Мы остановились дома у Саши Липницкого, а оттуда на следующий день нас забрал в Зеленоград продюсер Артур Гильдебрандт. Потом я сидела в зале, и там было тихо и хорошо. Люди пришли подготовленные, и когда Майк в какой-то момент начал забывать слова, все хором

стали подпевать. Я была сильно растрогана, буквально до слез».

Примечательно, что после этого концерта в выпускаемом Жариковым андеграундном журнале «Сморчок» группа «Зоопарк» была объявлена — наряду с авангардистами из «Мухоморов» — «флагманом „новой волны“ обеих столиц». При этом другие подпольные издания причисляли Майка не к «новой волне», а к панк-року — в одной компании с «Автоматическими удовлетворителями» и… группой «Кино».

«В Ленинграде из ряда вон выделяются группы „Зоопарк“ и „Кино“, — писал в одном из номеров «Уха» анонимный критик. — «Зоопарк» является значительным явлением рок-музыки 80-х. Модель, которую преподносит слушателям группа со своим лидером М. Науменко, свидетельствует о том, что в Союзе понимают и тонко чувствуют современную музыку. Группа играет панк-рок, разумеется, в отечественном его варианте. Автору трудно отметить какие-либо качества этой группы, ибо он глубоко симпатизирует обитателям «Зоопарка», а умение играть просто и ясно лишь подчеркивает профессионализм и великолепное чувство стиля, яркую и свежую концептуальность».

Спустя несколько месяцев после выхода этой статьи Науменко снова произвел фурор, в этот раз — на Урале, куда прилетел на несколько дней вместе с Виктором Цоем. За год до этого у Майка уже была персональная «разведка боем» в Свердловске, но тогда его выступление носило камерный характер.

Теперь на дворе стоял декабрь 1983 года. Впервые в карьере у Науменко получился настоящий мини-тур. Он был организован концептуалистами Вовой Синим и Гошей Рыжим, участниками челябинского студийного проекта «Братья по разуму».

«С Майком и Наташей мы встретились в Питере, подружились, а потом начали переписываться, — говорил Игорь „Гоша Рыжий“ Шапошников. — Я понравился Наташе, а Наташа — мне. Как всегда, она была очень мила. Открытый человек с хорошей улыбкой и с такой же окраской передачи любой информации. То есть в ее глазах даже грустные вещи становились какими-то светлыми и легкими. Это было потрясающее свойство человека — невероятное терпение и ласковое отношение… Вы представьте, ведь где рок-н-ролл, там и алкоголь, — и на что порой эта комнатка была похожа? Там люди в предбаннике, где обувь стояла, впятером спали! И это было нормально. Поэтому Майк так и написал: „Наташа отпустит меня к тебе“».

В итоге за трое суток питерские музыканты сыграли в

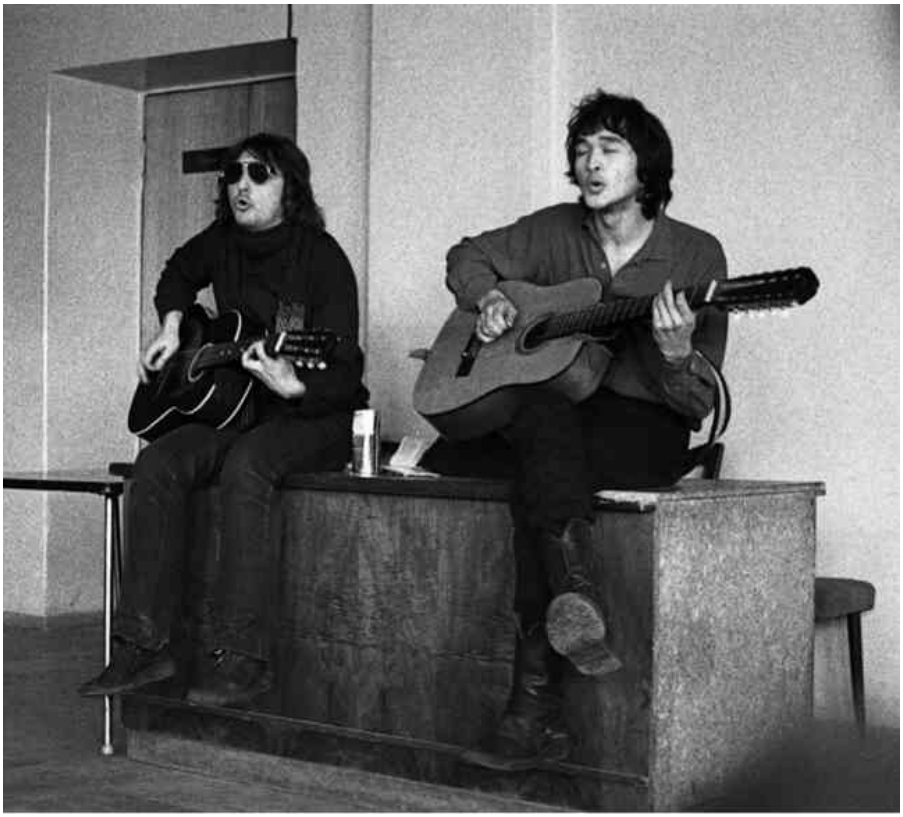
Свердловске четыре раза, причем — в самых неожиданных местах. Предстоящее событие не на шутку взбудоражило местную интеллигенцию — начиная от музыкантов «Трека», «Урфин Джюса» и «Наутилус Помпилиуса» до студентов и театральных эстетов.

«Как раз в конце 1983 года происходили значительные рок-н-рольные наезды, которые буквально встряхивали город, — утверждал позднее звукорежиссер „Наутилуса“ Андрей Макаров. — Вначале к нам приехали Майк Науменко и Виктор Цой. Кто такой Цой, мало кто знал, а Майк, естественно, котировался достаточно высоко. Тогда он был худ и строен. И чему все удивлялись, так это тому, что Майк оказался маленьким. Среднего росточка, вовсе не гигантом. В традиционных своих капельках-очках. Удивил внешностью. В лучшую сторону. И это было неожиданно».

«Все рейсы из Москвы уже прилетели — никакого Майка нет, — вспоминал гитарист „Чайфа“ Владимир Бегунов. — И тут — совершенно непонятно откуда — появились Майк, Вова Синий и какой-то урод неформального вида, явно восточной национальности… Науменко вошел в дверь и сказал: „Ребят, а портвешка нет?“»

Потом были концерты в общежитии архитектурного института, на ступеньках ДК Свердлова и общежитии педагогического института.

> «Добрый день, дамы и господа! — манерно начал выступление Майк. — Мы попробуем сыграть для вас наши вещи в акустическом варианте. К несчастью, играть мы будем без своих музыкантов, но, может быть, что-то из этого и получится».



Майк и Цой в ДК Свердлова, декабрь 1983
Фото: Всеволод Арашкевич

Еще в самолете лидеры «Зоопарка» и «Кино» дружески решили, что в Свердловске петь будут по очереди. Тем более что у Цоя появились мощные боевики «Транквилизатор» и «Генерал», а у Науменко — новый рок-н-ролл «Буги-вуги каждый день». Плюс беспроигрышные хиты из альбомов «Сладкая N и другие», «LV» и «Уездный город N».

В ДК Свердлова перфоманс «в две гитары» вскоре переместился в коридор, потому что со ступенек артистов бесцеремонно прогнали. Они сели за стол, за ними подтянулась вся студенческая аудитория, и Майк с Виктором принялись играть дальше. Запись концерта сохранилась на кассете, ее можно найти в интернете, и там отчетливо слышно, как органично музыканты аккомпанируют друг другу.

«Концерт был удивительный, — вспоминал позднее звукорежиссер и драматург Леонид Порохня. — Двое играли на акустических гитарах и пели, вот и все. Майк безостановочно жевал резинку, был благостен, видать, причастился с утра портвешком. Цой же, наоборот, ужасно стеснялся, пел и играл с

закрытыми глазами — и открывал их, только когда поворачивался к Майку. То был rock’n’roll. Абсолютный, стопроцентный, настоящий, который двое похмельных молодых людей извлекали из двух простеньких гитар и собственных глоток. То был момент откровения — вдруг стало очевидно, что рок-н-ролл делается просто и весело, прямо на глазах у завороженной публики».

Неудивительно, что, вдоволь напившись портвейна и наевшись уральских пельменей, и Цой и Науменко покидали Свердловск очень довольными. Они увидели, что их песни ловятся «с лету», что их органично воспринимает не только вышколенная тусовка обеих столиц, но и региональная публика. Ни сном, ни духом они не догадывались, что готовит им грядущий «оруэлловский» 1984 год.

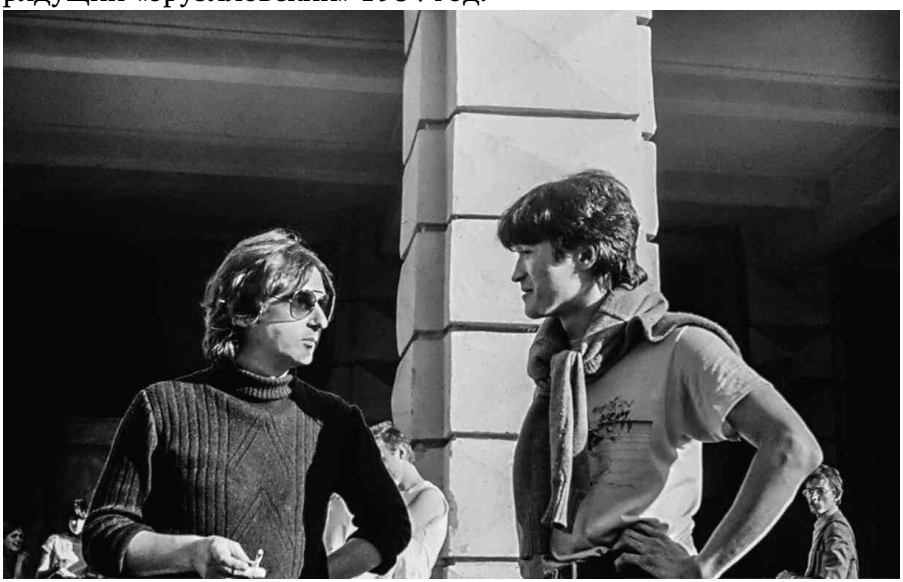


Фото из архива Натальи Науменко

ОДИНОКИЕ ГЕРОИ

«У меня есть что-то общее с Джоном Ленноном. Я тоже очень плохо помню все свои тексты»

Майк Науменко

Зима 1984 года ознаменовала начало еще более жесткого прессинга рок-движения. На смену Андропову пришел новый генсек Черненко, который вскоре заявил: «Не все удовлетворяет нас и в таком популярном искусстве, как эстрадное. Нельзя, например, не видеть, что на волне этой популярности подчас всплывают музыкальные ансамбли с программами сомнительного свойства, что наносит идейный и эстетический ущерб».

На языке партаппарата подобное заявление означало команду «фас!» — и повсеместно началась массовая атака на рок. По стране замелькали так называемые «запретительные списки», и вскоре за решеткой оказались фронтмен Алексей Романов и звукорежиссер Александр Арутюнов из «Воскресения». При попытке перехода государственной границы был задержан лидер «Трубного зова» Валерий Баринов, пропал без вести идеолог «Россиян» Жора Ордановский, судьба которого так и осталась неизвестной.

«В начале 1984 года посадили московского импрессарио „Зоопарка“ Володю Литовку, — вспоминал Илья Смирнов. — Затем прямо на сцене была арестована Жанна Агузарова, после чего концертная деятельность в Москве практически прекратилась. Пытаясь понять, насколько возможно ее возобновление с помощью «импорта» из Питера, мы с художником Юрием Непахаревым, соблюдая все меры конспирации, отправились к Майку на Боровую — в его знаменитую коммуналку в доме, не знавшем ремонта со времен Николая II. Лидер «Зоопарка» был необычайно мрачен. Он честно объяснил, что происходит: к каждой серьезной группе приставлен куратор и теперь все обращения в рок-клуб поступают на два адреса. И, наверное, самое лучшее для нас — на время забыть о существовании на северо-западе СССР города Ленинграда… Пожалуй, никогда еще мы не испытывали такого гнетущего чувства, как в тот вечер, ожидая поезд на Московском вокзале. А Майку предстояло во всем этом жить и сочинять песни».

К тому моменту Науменко уже более полугода существовал

без рок-группы, а его приятель Цой тяжело расстался со своим компаньоном Лешей Рыбиным. Последний, уйдя из «Кино», выступал либо с сольными акустическими концертами, либо в тандеме с Сергеем Рыженко и в совместных мероприятиях с Майком. В свою очередь Цой играл квартирные концерты в тандеме с Науменко или в сопровождении нового гитариста «Кино» Юрия Каспаряна.

По воспоминаниям очевидцев, одно из наиболее ярких выступлений Майка и Цоя состоялось вскоре после их поездки в Свердловск — в старом, практически расселенном доме на углу Зоологического переулка и проспекта Добролюбова. Позже этот концерт разошелся на катушках под названием «Сейшен на Петроградской» и предельно точно отразил душную атмосферу зимы 1984 года.

В качестве аккомпаниатора Цой вновь пригласил Каспаряна, а Науменко подготовил несколько свежих композиций: «Гопники», «Хождения», «Отель под названием „Брак“» и «Буги-вуги каждый день», которую Майк и Виктор исполнили дуэтом.

«В квартиру набилось полно народа, поэтому никакого саундчека не было, — утверждал спустя несколько лет звукооператор Игорь Петрученко. — Неожиданно во время исполнения „Гопников“ у меня в наушниках раздалось довольно странное ритмичное потрескивание. Пробежав взглядом по длинному проводу, я обнаружил, что во всем виноват Майк, отбивающий башмаком такт по лежащему рядом микрофонному разъему… Я понял, что Науменко будет так барабанить до конца песни. Пришлось пробираться через всю комнату, наступая на людей, и вынимать из-под майковской ноги этот чертов провод».

Редкий кадр: Леша Рыбин в Москве, и Майк в роли зрителя
Фото: Владимир Иванов

Науменко по-прежнему продолжал грезить об электрических выступлениях и участии в клубных рок-фестивалях. Для этого он активно начал искать замену арестованному Куликову. В частности, вел душевные беседы с Зориным из «Капитального ремонта» и Фаном из «Аквариума», а на акустических «игрищах» тестировал молодого музыканта Наиля Кадырова.

«Зимой состоялся замечательный сейшн Майка с Цоем, а на третьей гитаре играл Кадыров, — рассказывал организатор этого действа Павел Краев. — Табуреток в комнате катастрофически не хватало, и Наиль сидел на перевернутом ведре. Ваня Сидоров записал концерт на магнитофон „Нота“, и где-то в начале вы можете услышать аплодисменты, но при этом Майк говорит Цою: „Это не нам хлопают!“ А хлопали все человеку, вошедшему в комнату с авоськой, полной бутылок водки… После концерта квартира выглядела как после нашествия Мамая: белый линолеум приобрел противоположную окраску, всюду валялись окурки и пепел. После этого Науменко с Цоем сыграли здесь еще раз — Майк, правда, был сильно нетрезв и, кажется, ни в одной песне текст до конца так и не вспомнил».

Цой и Майк на одном из квартирников, 1985
Фото из архива Олега Ковриги

Зато в этот период лидер «Зоопарка» достиг значительных успехов в литературной сфере. Кто-то из приятелей одолжил ему пишущую машинку, и это стало настоящим подарком судьбы. Нежданно-негаданно тридцатилетний ребенок получил в свои руки вожделенную «лампу Аладдина», о которой мечтал давно и безнадежно. Теперь Науменко резко сократил количество визитов к друзьям и увлеченно взялся за переводы. Начал, в частности, с легендарной книги «Космический танцор» рок-критика Пола Синдлера, содержавшей подробную дискографию Марка Болана.

Переводить книги об идеологе T. Rex было для Майка кайфом чистой воды. До этого он читал о нем журнальные материалы, записывая их русскоязычные версии вручную. Теперь же с огромным энтузиазмом осваивал технику работы на печатной машинке, не переставая удивляться всяким деталям — к примеру, почему после запятой в тексте нужно ставить пробел. Этим «научным открытием» он делился со всеми — начиная от жены и заканчивая знакомыми из рок-клуба.

> Поскольку английских букв в клавиатуре не было, музыкант от руки вписывал в печатный текст заглавия альбомов и синглов, причем названия пластинок старательно выводил зеленым фломастером, а композиций — авторучкой с черным стержнем. Всю эту кропотливую работу идеолог «Зоопарка» проделывал в первую очередь для себя, и еще три-четыре экземпляра

дарились друзьям.

Так случилось, что спустя много лет одна из копий «Космического танцора» причудливым образом оказалась у меня в архиве. На первой странице этого фолианта рукой Науменко размашисто написано: «Марк — это Марк… Удивительный человек, удивительная музыка. Кто знает, откуда она взялась? И куда она ушла…»

Далее Майк замахнулся на перевод внушительной энциклопедии Дейва Марша и Кэвина Стейна под названием The Book of Rock Lists. Неизвестно, сколько месяцев отняла эта глобальная работа, но в законченном виде она сильно впечатляла размерами: более двухсот страниц машинописного текста — естественно, без иллюстраций.

«Книга переведена со значительными сокращениями чисто субъективного толка, — писал Майк в специальном „Предисловии переводчика“. — Предупреждаю: книга порой очень странная — американцы туго врубаются, а может, у них просто другой вруб. Как, например, они имели нахальство отнести Tommy и Blues Brothers к разряду худших фильмов о роке? И еще одно предупреждение: эта книга представляет собой чисто американские дела. Многие английские пластинки, которые мы все любим, у них не выходили вообще… Я уже не говорю о том, что топы у них крепко отличаются от тех, которые мы постоянно видим в Melody Maker и New Musical Express. Так что читайте, судите (американцев) сами и ловите свой кайф. Книга-то, несмотря ни на что, хорошая».

Жизнь тем временем продолжалась. Весной 1984 года Майк познакомился с восходящей рок-звездой Костей Кинчевым, у которого еще не было своей группы, но был впечатляющий авторский материал. Будущий лидер «Алисы» регулярно мотался из Москвы в Питер и, находясь в городе на Неве, постоянно встречался и подолгу беседовал с Науменко. В студии у Панкера они планировали записать дебютный альбом Кинчева «Нервная ночь», причем сам проект носил тогда рабочее название «Доктор Кинчев и группа „Стиль“».

Так случилось, что первоначальное общение двух поэтов носило преимущественно алкогольный характер. В итоге Майк, обещавший сыграть на альбоме басовые партии, в назначенный день не смог проснуться после очередной ночной дегустации. Его так и не удалось отодрать от подушки, поэтому вместо него в студию пригласили Славу Задерия из группы «Алиса»…

А пока Майк занимался переводами и винными медитациями, Цой погрузился в романтичные отношения с художницей

Марьяной Родованской — давней знакомой Иши со времен учебы на подготовительных курсах в Мухинском училище. Еще летом 1982 года Иша с Людой и Марьяна с Виктором отдыхали «дикарями» на южном берегу Крыма, где в паузах между купанием и поглощением сухого вина бойкая на язык Марьяна сочиняла Майку и Наташе забавные письма. Вот фрагмент одного из них:

«Море здесь большое, воды много, но вся в камнях… А сегодня мы наткнулись на подводную лодку… Здесь ходят белые пароходы, и над седой равниной моря гордо реют черноморские чайки. Они украли у нас сумку с салом. Наши палатки стоят на бугре, с которого видны белые пароходы и толстые бабы. Цой с Ишей, как бараны, лазают по горам и долам и рубят деревья. А мы с Людой ведем хозяйство. За хозяйством мы ходим в село».

К февралю 1984 года хозяйство у Марьяны с Виктором, как известно, стало общим. Они закатили шумную свадьбу для родственников и друзей, которых, по воспоминаниям очевидцев, было человек сто. В самый разгар мероприятия нетрезвая Людмила Шурыгина, известная как вторая жена Гребенщикова, лихо швырнула бутылкой в брата Саши Липницкого. Буйный брат, которому категорически запрещалось пить, к тому времени уже крепко принял и разозлился на обидчицу всерьез. Начался скандал, все вокруг притихли, и только в коммунальном коридоре было слышно мяуканье соседского кота.

Свадьба Цоя и Марьяны
Фото из архива Людмилы Петровской

«Вдруг я заметила в руках у Вовы Липницкого нож, — рассказывала мне Наташа Науменко. — Майк спокойно подошел

к Володе вплотную и стал тихо говорить что-то вроде: „Старичок, ну, успокойся, все хорошо… Дай мне нож! Что же ты так в него вцепился? Непременно надо кого-нибудь потыкать? Ну, порежь меня“. Майк расстегнул рубашку, а я руками зажала себе рот. Володя слегка оцепенел, нож скользнул по коже, немного порезав ее. В итоге, резко протрезвев, он куда-то убежал. Все гости подскочили к Майку и стали хлопать его по плечу, обнимать и благодарить. Да уж, хорошая у Цоя свадьба получилась, правильная…»

Несмотря на официальную работу, основным источником доходов у Майка с Виктором по-прежнему оставались квартирники. После летнего концерта в общежитии политехнического института музыкантов ждало несколько выступлений в Москве. Их организовали Илья Смирнов и начинающий промоутер Олег Коврига.

«Возможность провести дома концерт была подарком от мамы мне на день рождения, — признавался впоследствии Коврига. — При этом сама мама тактично ушла… К Вите Цою мы относились спокойно, но Майк в нашей компании был практически национальным героем. И я ужасно нервничал, боясь опозориться перед певцом. Опасаясь, что народу будет мало — и мы не сможем собрать пятьдесят рублей, которые обещали ребятам, — я позвал всех приятелей и знакомых приятелей. В результате ко мне на квартиру явилось около семидесяти человек».

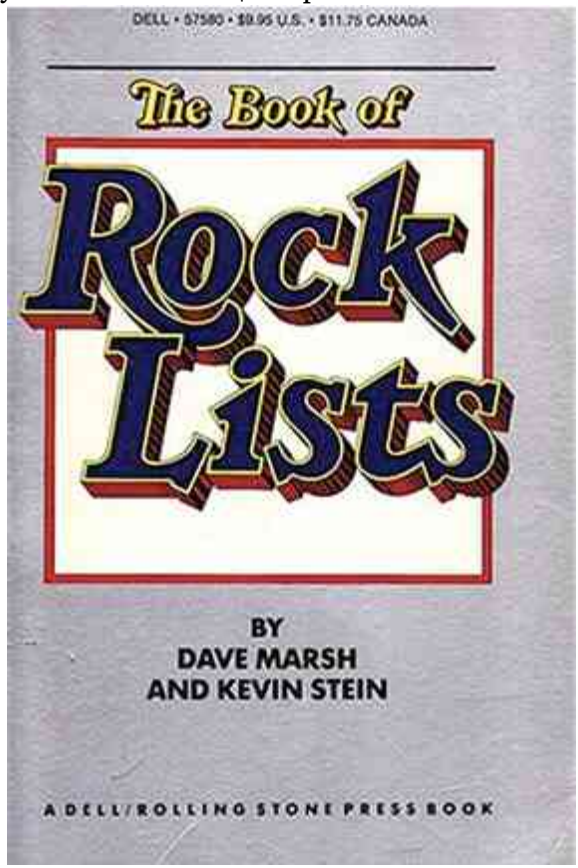
После успешного концерта счастливый Коврига заперся с музыкантами в ванной комнате — с целью выплаты гонорара в строго интимной обстановке. Успех вскружил негоциантам головы, и было решено повторить мероприятие на следующий день — дома у приятеля Ковриги Шурика Несмелова.

Олег Ковriга
Фото из архива Олега Ковриги

«Поскольку времени на рекламу не было, мы попробовали снизить ставку с пятидесяти до сорока рублей, — вспоминал Олег. — Витя сказал: „Ну, ладно…“ Но Майк насупился и твердо произнес: „Нет! Мы же все-таки артисты…“ Почему-то этот довод всем нам показался очень весомым — и мы дружно закивали: „Да, да, конечно, артисты… Давайте тогда снова по пятьдесят рублей“. У Шурки, естественно, народу уже было меньше. Выпивали тихо, без особого шума — и в этой камерной обстановке Майк выглядел более уверенно, чем у меня дома. По крайней мере, мне так показалось…»

Венцом этого акустического тура стала авантюрная поездка в

Киев, состоявшаяся вскоре после выступления в Москве. Майк нежно относился к Украине еще со времен юношеских побегов и поездок автостопом во Львов. На этот раз мероприятие устраивал брат одного из организаторов концерта в ДК «Москворечье», преподаватель философии Киевского политехнического института Андрей Кучеренко. На одном из ленинградских рок-фестивалей он познакомился с Науменко и Цоем и договорился с ними о выступлении в столице Украины.



«Мой брат в свое время женился в Киеве, а всего у него было четыре брака, — рассказывал активист Клуба имени Рокуэлла Кента Михаил Кучеренко. — Первые три свадьбы случились в столице Украины, а четвертый брак произошел в Москве. Поскольку Андрей по профессии — социолог, одна из киевских жен устроила его работать в Республиканский комитет комсомола, чтобы проводить там социологические исследования. Затем он преподавал философию, но при этом тяготел к авантюрным ситуациям и мечтал организовывать концерты».

Неизвестно, осознавал ли Андрей Кучеренко все риски этой затеи, но события приняли неожиданный оборот. В самый разгар концерта в квартиру его подруги внезапно ворвался милицейский

патруль, и молодой майор грозно зарычал на испуганных слушателей: «Всем оставаться на местах! Науменко и Цой — на выход!»

Концерт оказался сорван, и уже через полчаса музыканты писали объяснительные записки в помещении Московского РОВД города Киева. Им инкриминировались незаконное частное предпринимательство, коммерческое посредничество и нарушение сразу нескольких статей Уголовного кодекса СССР. Майк, имевший опыт общения с подпольными рок-менеджерами, выбрал единственно правильную тактику поведения и все категорически отрицал. Неискушенный Цой быстро сломался и подписал признание, что брал у организаторов деньги за проезд.

«У Майка всегда была мощная культурная защита, — комментировал позднее эту скользкую ситуацию Анатолий „Родион“ Заверняев. — Мы, как пел Гребенщиков, „выросли в поле такого напряга, где любое устройство сгорает на раз“. Так оно на самом деле и было».

В архивах ленинградского рок-клуба сохранился текст объяснительной записки Майка, и вот один из его фрагментов:

> «Я, Виктор Цой и Андрей Кучеренко подъехали где-то к 17:30 и привезли с собой гитары. Выпивку мы не брали. В квартире была только хозяйка, которая нас угостила водкой „Украинской“, собрала на стол немного закуски, и мы ждали, что к 19:00 должны были подойти его знакомые, для которых Андрей просил исполнить наши песни. Разговора о деньгах я не слышал, ни Виктор, ни Андрей мне ничего не говорили.… Хотя если бы мне предложили деньги, я бы не отказался».

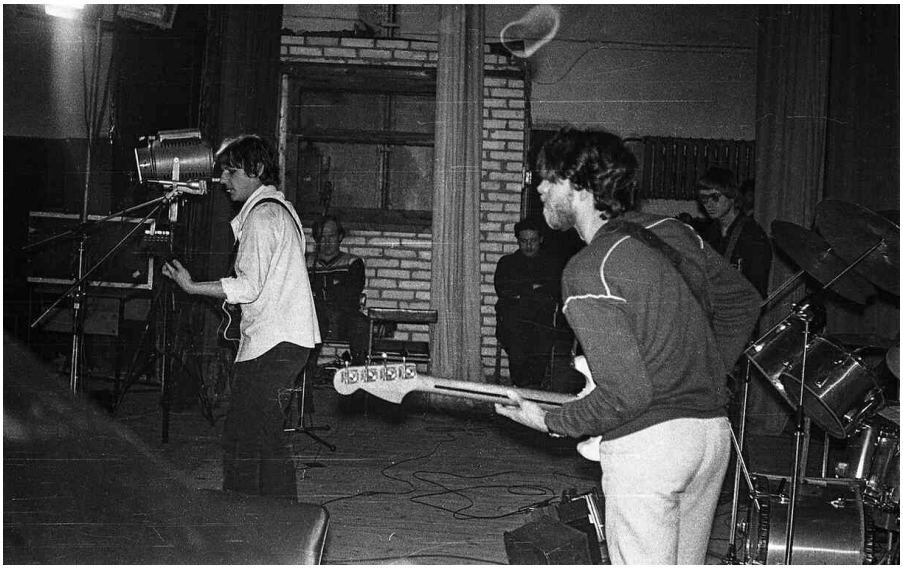
В итоге Виктора оштрафовали, а Майка сразу отпустили. Отделавшись легким испугом, незадачливые ваганты вернулись на историческую родину. Однако спустя некоторое время в рок-клуб пришел донос, в котором подробно описывалась попытка Науменко и Цоя сыграть коммерческий концерт. На это нужно было реагировать, и в результате лидеров «Кино» и «Зоопарка» на год отстранили от официальных выступлений. Это решение рок-клуба особо не афишировалось, но Майк воспринял его достаточно болезненно.

Позднее на одном из квартирников, отвечая на вопросы, Науменко с непередаваемой интонацией отшутился: «Недавно мы с Цоем отлично съездили в Киев. Было тепло, и мы хорошо погуляли. Правда, задержаться пришлось на несколько большее время, чем планировалось». Дружный смех посвященных был ему ответом.

Дом на улице А. Барбюса, где был «свинчен» концерт Майка и Цоя

Фото: Михаил Друченко

Что же касается судьбы организатора киевского квартирника Андрея Кучеренко, то инцидент с милицейским рейдом кардинально повлиял на его психику и дальнейший образ жизни. Он бросил заниматься организацией концертов, развелся с женой и подсел на марихуану. Затем забил на социологию и начал рисовать на улицах абстрактные картины. Денег это занятие приносило немного. Вероятно, достигнув некой «черты отчаяния», в начале девяностых Кучеренко-младший переехал в Прагу, а затем в Амстердам, где вскоре покончил жизнь самоубийством.



«Зоопарк» модели 1984 года: Майк, Фан, Храбунов и Губерман (за кадром)

Фото: Владимир Быстров

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

«То, что делали в студии Майк или «Кино», никак не пересекалось с тем, что делал «Аквариум». При этом технический момент отступал у всех на второй план. Допустим, приходит ко мне Майк, который только что записал новый альбом. Меня не будет волновать, как здесь записаны, скажем, барабаны или бас-гитара, а будут волновать только его песни. У Науменко была своя индивидуальность — как плохо его ни записывай, все равно будет слышно, что это — Майк»

Борис Гребенщиков

Пока Науменко с Цоем отбывали киевскую «дисквалификацию», в Москве на одном из совещаний в Министерстве культуры РСФСР был озвучен следующий план действий: «В настоящее время в Советском Союзе насчитывается около 30 000 профессиональных и любительских ансамблей. И наш долг состоит в том, чтобы снизить это число до ноля».

Вскоре после судебного процесса, состоявшегося над группой «Воскресение» (в мрачных тонах освещенного на страницах «Вечерней Москвы»), начались атаки и на региональных рок-музыкантов. В том числе — на уфимца Юрия Шевчука. После того, как копия его альбома «Периферия» попала в местное отделение КГБ, Шевчука уволили с работы и вызвали «на беседу» в правоохранительные органы, предупредив напоследок: «Еще одна запись — и решетка!» Затем последовали статьи в башкирских газетах и ночное нападение на улице, после которого лидер «ДДТ» был вынужден уехать из Уфы.

ГОЛОС с магнитофона даже не пел, выкрикивал: «И нам всем нужен кто-то, кто бы нас любил, и если хочешь — ты можешь полюбить меня»,— с необычайной легкостью решая не только проблему любви, но и вопросы посерьезней: «И нам всем нужен кто-то, кого бы мы могли помучить, покалечить или даже убить...»

РЕПЛИКА

Кто нужен «Зоопарку»?

Н-да... О поэтических и эстетических достоинствах этой песни группы рок-клуба «Зоопарк» говорить не приходилось, духовный мир героя песни, написанной Михаилом Наумленко, также вызывал недоумение. Между тем песня «Нам всем нужен кто-то» входит в магнитофонный альбом «Зоопарка», который есть на пластинках у множества меломанов и тиражируется активно. Назван он «Вчера и позавчера в уездном городе N». Название, согласитесь, тоже позиция. Так вот музыканты сами выбрали для альбома название песни про... сумасшедший дом, именуемый ими «город N». Там довольно фривольно и пошло обходятся с такими, например, именами, как... Лев Толстой и Маяковский. Где записывался этот альбом? Установить трудно, так как ни одно предприятие

От друзей Майк уже знал, что на Урале с помощью разгромных материалов в комсомольской прессе фактически были уничтожены рок-группы «Трек» и «Урфин Джюс». Последний гвоздь в крышку гроба вбило еще одно постановление Минкульта: отныне репертуар самодеятельных групп должен был на восемьдесят процентов состоять из песен членов Союза композиторов. Вдумайтесь в эти цифры, люди! По образному выражению Свиньи, «или вы теперь целуете пятки Фрадкину и Пляцковскому, или вам больше нечего делать в музыке».

В унылом настроении Науменко слушал по ночам западные радиостанции и не сильно удивился, когда Сева Новгородцев в эфире BBC произнес мрачным голосом: «Только и осталось, что залезть на фонарный столб и, вытянув руку в сторону железного горизонта, прокричать: „Мечты рассеялись, товарищи красные рокеры, мечты рассеялись!“»

> Вскоре впечатлительный Коля Васин поведал Майку о том, как закопал в лесу сверток с драгоценной пластинкой, на которой красовался автограф Джона Леннона. И этот случай был не единичным. Предчувствуя облаву в Доме юного техника, Тропилло сделал на 38-й скорости первые копии с оригиналов «Уездного города N», «Радио Африки», «Табу» и «Треугольника». Затем спрятал все пленки в таком надежном месте, что со временем и сам не мог вспомнить, где у него хранятся копии, а где — подлинные мастер-ленты.

К концу 1984 года прекратила работу студия театрального института, в которой бесстрашным Панкером были подготовлены «Нервная ночь» Кинчева и дебютный альбом группы «Секрет».

Прессинг государственной машины становился все сильнее — вскоре волны идеологических атак докатились и до семьи Науменко. Как-то раз, купив свежий номер газеты «Смена», Наталья обнаружила в нем материал с красноречивым названием «Кто нужен „Зоопарку“?» В статье подвергались критике тексты из альбома «Уездный город N» и, в частности, его титульной песни, которая трактовалась не иначе, как «ода сумасшедшему дому». Особенно корреспондента «Смены» возмутило сюрреалистическое упоминание имен Толстого и Маяковского, не говоря уже о других иконах мировой культуры.

«От фривольностей „Зоопарка“ рукой подать до того, чем занимается, например, Александр Розенбаум, специализирующийся на блатном репертуаре, или до религиозных опусов Юрия Морозова, записанных на пленках, —

рассуждал журналист, скрывавшийся под псевдонимом В. Власов. — Но почему, собственно, стала возможна такая ситуация?»

Проблема в другом: как же повлиять на поток этих самодеятельных записей? Ведь от фривольностей «Зоопарка» рукой подать до того, чем занимается, например, Александр Розенбаум, специализирующийся на «блатном» репертуаре, или религиозных опусов Юрия Морозова, записанных на пленках.

Но почему, собственно, стала возможной такая ситуация?

Наверное, в уставе рок-клуба нужно предусмотреть пункт о записях, и предварительно музыканты должны обязательно показывать материал на совете клуба. Но настоящим решением проблемы станет, конечно, создание в клубе студии звукозаписи. Естественно, это дело времени, а пока можно было бы закрепить официально эти записи за студией Дома пионеров и школьников № 2 Красногвардейского района, где работает Андрей Тропилло, интересный, знающий специалист своего дела. Он давно и интересно записывает ленинградские любительские группы, но пока все это делается лишь на энтузиазме.

В. ВЛАСОВ

Прочитав этот бред, Науменко нервно рассмеялся, а на ближайшем квартирнике весомо заявил: «Мне очень жаль, что есть журналисты, которые… Вот я бы не стал никогда писать о кибернетике, в которой ничего не понимаю. А вот о музыке, оказывается, писать можно. И мне очень жаль, что журналисты дискредитируют уважаемый печатный орган. Возможно, мы не ангелы и нас есть за что критиковать. Но я, скажем так, за разумную критику и без подтасовки фактов».

От таких ударов чуткая душа Науменко разрывалась

на части. В его волосах появилась ранняя седина, а во взгляде — затянувшаяся усталость. Кроме старых и новых композиций у Майка теперь не было вообще ничего. Не было денег, перспектив, стабильного состава и места для репетиций. Именно в те дни он написал песню «Бедность», в которой пылал, как говорили когда-то джазмены, неподдельный «тихий огонь»: «Я работаю по двадцать четыре часа, но почему меня так не любят небеса? / Где этот камень, на который нашла моя коса?»

В интервью Старцеву он все-таки не смог сдержать обиду: «Перемен в жизни у меня нет. Пишу, читаю газету „Смена“. Любимая рубрика — „Кто нужен „Зоопарку„?“. Спасибо В. Власову (читай — М. Садчикову) за бесплатную рекламу… А вообще, нужно соблюдать элементарную порядочность. К тому же, как не вспомнить классическую фразу: „А судьи кто?“»

Тропилло и Майк на II ленинградском рок-фестивале, май 1984

Фото: Игорь Петрученко

В тот период Науменко словно проживал свою жизнь в разных вселенных. В одной — переводил книги про Марка Болана и слушал альбомы Лу Рида, а в другой — общался с кураторами рок-клуба и сотрудниками госбезопасности.

Наташа Науменко вспоминала, как в один из душных вечеров

Майк рассказал ей очередную «свежую историю»: «Сегодня ко мне подошел неприметный человек, подсел и стал предлагать поработать на страну. Я говорю: „Я много пью“. — „Мы знаем“. — „А когда выпью, становлюсь очень болтливым. И потом не помню, что кому говорил…“ Человек повздыхал — и ушел».

«В то время случилось очередное приключение, когда было известно, что у „Зоопарка“ опять готовится „винт“, — делится воспоминаниями Иша Петровский. — А у Майка никогда не было особого желания непременно идти на амбразуру, и в подобных ситуациях он просто не ехал на концерт. К нему на работу в деревообрабатывающие мастерские постоянно приходил куратор из органов. Поначалу он старался исполнять должностные обязанности: вел душеспасительные беседы, пытался разведать какую-то информацию, но, в конце концов, понял, что все это бессмысленно. Постепенно общение свелось к тому, что они неторопливо выпивали бутылочку-другую и, довольные друг другом, прощались».

Тем не менее, вскоре у музыкантов «Зоопарка» слетело еще несколько концертов в Москве и выступление на крупном рок-фестивале в Латвии.

Любопытно, что в этот период Майку все-таки удалось реанимировать группу, призвав на подмогу новую ритм-секцию: виртуозного джазового барабанщика Женю Губермана и Фана из «Аквариума».

«Майк постоянно пытался уговорить меня играть в „Зоопарке“, — рассказывал Михаил „Фан“ Васильев в интервью для книги „100 магнитоальбомов советского рока“. — Потому что мы дружили семьями и часто ходили друг к другу в гости. В тот момент мне по-человечески некуда было деваться, потому что Куликов попал в тюрьму и „Зоопарк“ остался без басиста. И я поставил условие: „Барабанщиком будет Женька Губерман, мой любимый питерский ударник“. И мы в таком составе играли недолго — наверное, год: Майк, Храбунов, Губерман и я».

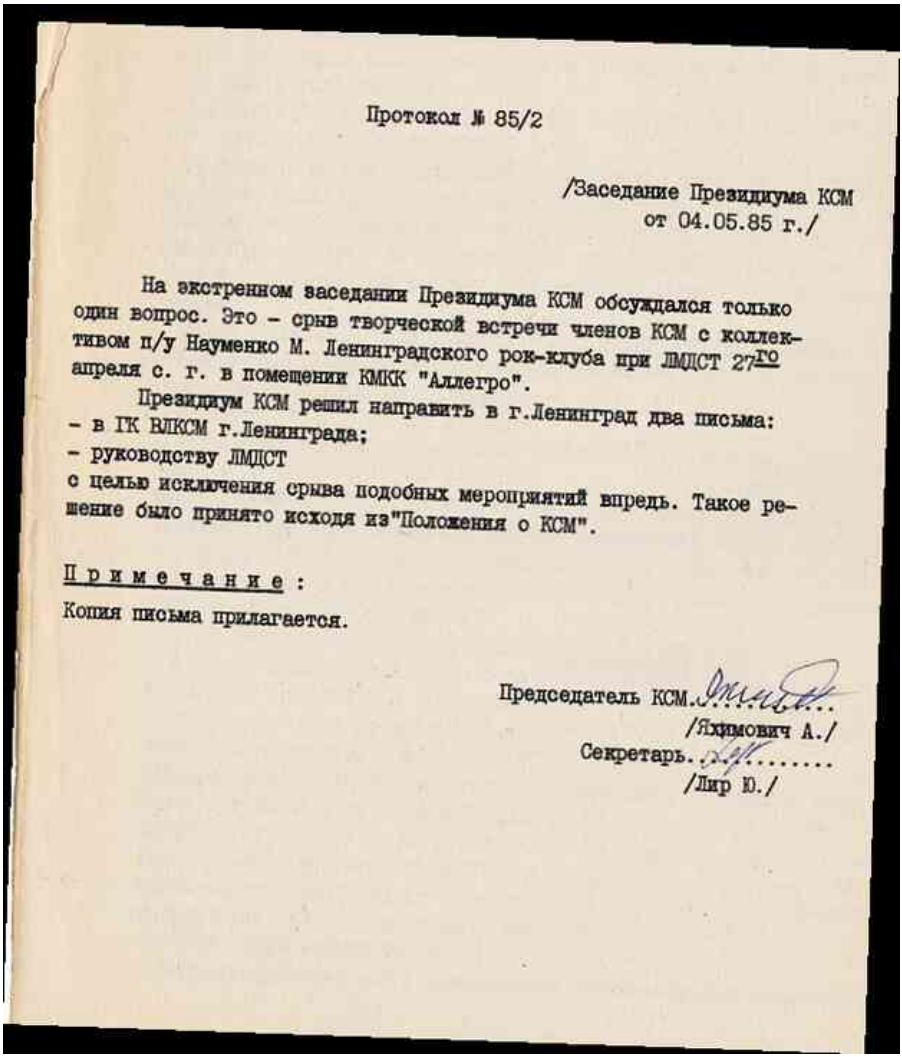
После первых же репетиций Майку стало понятно, что этот состав временный. Но, как минимум, несколько месяцев «для подвигов» у него еще было. И он постарался использовать отведенный ему «испытательный срок» по максимуму.

С новым составом реанимированный «Зоопарк» мощно выступил на II фестивале ленинградского рок-клуба в мае 1984 года. Перед началом концерта Майк долго шушукался с Тропилло, который в итоге выставил на пульте настолько идеальный звук, что казалось, будто в зале играет виниловая пластинка.

Энергичный саунд предельно точно отражал безумный настрой группы. В этот вечер Науменко сильно подкрасил глаза, но был предельно собран и зол. Драматургия концерта была построена на синтезе старых хитов и новых композиций: «Мажорный рок-н-ролл», «Буги-вуги каждый день» и «Вперед, Бодхисаттва!». «Звездная» ритм-секция добавила «Зоопарку» свежести, и в зрительный зал полетели невидимые брызги рок-н-ролла.

> «Майк, появившись на сцене, с ходу кинулся в „Белую ночь, белое тепло“, и с этого момента на фестивале и возникла та атмосфера праздника, началось то, ради чего мы, собственно, все и собрались, — писал Старцев в „Рокси“. — Начался рок. Выяснилось, что кроме „Зоопарка“, рок-музыку, как таковую, никто играть не умеет…. Это, несомненно, было лучшее выступление фестиваля. Они играли с таким драйвом и напором, какого я никогда не слышал. Майк — молодец! Вместо того, чтобы скандалить и дебоширить по поводу травли, которая ведется последнее время на страницах прессы, он взял и сыграл, и сыграл отлично, сразу поставив все на свои места».

Закономерно, что по результатам опроса публики «Аквариум» занял на фестивале лишь второе место, а «Зоопарк» выиграл «приз зрительских симпатий». Также Майк получил почетную грамоту «За последовательную разработку сатирической темы» и, только не смейтесь, — награду от комитета комсомола Ленинградского оптического института.



Протокол № 85/2

/Заседание Президиума КСМ
от 04.05.85 г./

На экстренном заседании Президиума КСМ обсуждался только один вопрос. Это – срыв творческой встречи членов КСМ с коллективом п/у Науменко М. Ленинградского рок-клуба при ЛМДСТ 27го апреля с. г. в помещении КМКК "Аллегро".

Президиум КСМ решил направить в г.Ленинград два письма:
– в ГК ВЛКСМ г.Ленинграда;
– руководству ЛМДСТ
с целью исключения срыва подобных мероприятий впредь. Такое решение было принято исходя из"Положения о КСМ".

Примечание:
Копия письма прилагается.

Председатель КСМ.....
/Яхимович А./
Секретарь.....
/Лир Ю./

Уже через неделю лучшие рок-группы города играли в ДК Крупской, где «Зоопарк» еще раз выступал с Фаном и Губерманом. В финале Майк вместе с Гребенщиковым спели Honky Tonk Woman, а джемовый состав БГ + Майк + Титов + Ляпин исполнил Blue Suede Shoes — совсем как в эпоху «Вокальной группировки имени Чака Берри». Любопытно, что в первом ряду сидели Галина Флорентьевна и Василий Георгиевич, которые внимательно слушали выступление сына. Это был рискованный эксперимент с не вполне очевидной мотивацией.

Дело в том, что когда год назад Майк дал родителям запись «Уездного города N», Галина Флорентьевна вздохнула и изрекла убийственный вердикт: «Миша, все это, конечно, очень хорошо, но ты как-то песню размазал. А надо бы все сделать покороче и покомпактнее». Мама Майка была чутким и преданным

человеком, но творчество сына ей было не очень близко. Они с отцом искренне старались его поддерживать, но вряд ли могли в полной мере оценить то место, на которое претендовал их сын. Однако после концерта родители выглядели совершенно счастливыми.

Галина Флорентьевна (справа) и ее сестра Людмила Флорентьевна

Фото из архива Натальи Науменко

> «Когда я шла на выступление в ДК Крупской, дрожала и думала: „Как он может перед такой большой аудиторией выступать?“ — рассказывала Галина Флорентьевна. — И, надо сказать, что я была поражена той степенью свободы, с которой он держался на сцене. При своих, в общем-то, скромных вокальных возможностях, он сумел достичь немалого».

Надо отметить, что в тот момент Майк находился совершенно в другой плоскости. Дело в том, что прямо за кулисами «гений звука» Андрей Тропилло назвал лидера «Зоопарка» символистом, а затем признался, что считает его музыкально-поэтический багаж лучшим в русском роке, не исключая «Аквариум». И тут же предложил поработать над новыми композициями — несмотря на тотальный прессинг и общий стрем.

«Роль Тропилло тогда сложно было переоценить, — вспоминал Фан-Васильев. — Он задурил голову администрации,

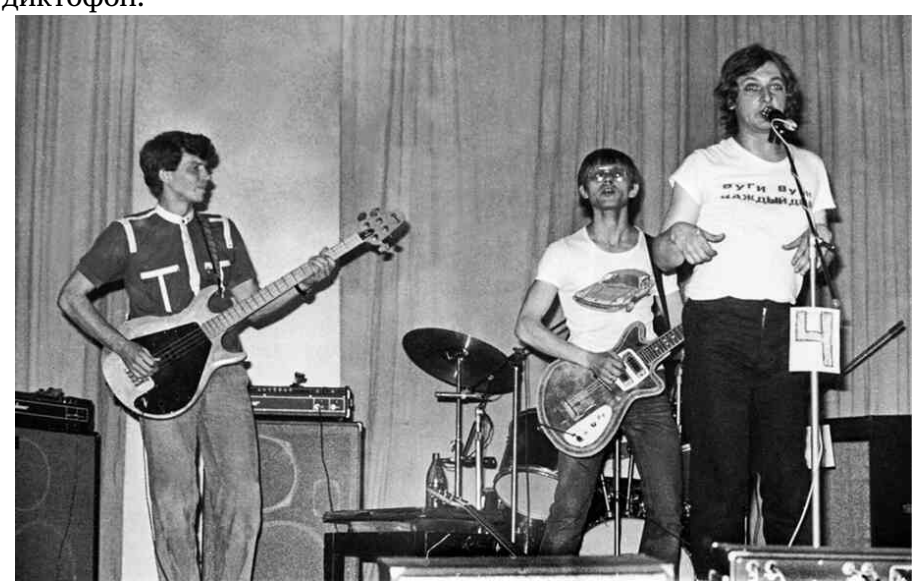
что у него записываются пионеры и старшеклассники. Андрей часто кормил и поил голодных музыкантов, чтобы только сессия состоялась».

Записывать новый альбом «Белая полоса» было решено в разгар летних каникул — в одной обойме с «Начальником Камчатки» группы «Кино» и «Днем Серебра» «Аквариума». Таким образом, музыканты трех рок-команд перемешались на записи нового опуса «Зоопарка». К примеру, в композициях «Гопники», «Хождения» и «Буги-вуги каждый день» отметился басист «Аквариума» и «Кино» Александр Титов.

> «Все делалось очень быстро, — объяснял позднее Титов. — Майк предлагал материал, я работал с ним минут пятнадцать, и мы записывали. За один вечер мы сделали пять композиций. У Майка музыка такая — целый стандарт».

Выступая в то время на квартирниках, Науменко неоднократно заявлял, что пишет у Тропилло сразу два альбома. Но потом угомонился и сконцентрировался исключительно на 14 композициях, вошедших в «Белую полосу».

На нескольких треках сыграл барабанщик «Секрета» Алексей Мурашов, на нескольких — Женя Губерман, который впоследствии называл эту запись «своей худшей работой». Я множество раз встречался потом с Губерманом, но, увы, не догадался попросить комментарий по этому высказыванию на диктофон.



«Зоопарк» на на II ленинградском рок-фестивале

Фото: Алексей Вьюров

В свою очередь, Фан искренне считал, что барабаны записались очень удачно, заявив в одном из интервью, что больше всего ему нравится играть с Губерманом, «потому, что для Жени — это жизнь… Он очень хорошо слышит музыку в целом. Не только то, что играет бас-гитара, но и всех остальных».

Примечательно, что в тот период Майк активно знакомил своих музыкантов с массой новых пластинок — от Джей Джей Кейла и Лу Рида до Ten Years After и The Rolling Stones. Теперь соратники Науменко стали больше концентрироваться на аранжировках, а к текстам относились спокойно, зная их содержание на уровне приблизительного смысла.

Студийный опыт с «Уездным городом N» раскрепостил музыкантов «Зоопарка», и они постепенно начали проявлять инициативу. К примеру, Саша Храбунов применил ряд технических новшеств — начиная от примочки собственного производства, дающей характерный «блюющий» звук и заканчивая остроумной фишкой с использованием двух «искаженных» гитар.

«Я наконец-то разобрался в тонкостях студийного саунда The Rolling Stones, в котором применялась техника сдвоенных гитарных риффов, — рассказывал мне позднее Храбунов. — В итоге на этой сессии мне удалось воспроизвести натуральный „роллинговский“ звук».

Похоже, во время «Белой полосы» сбылась мечта Майка о том, чтобы гитары в студии ревели, как идущий на посадку самолет. Что же касается его вокальных партий, то с их записью была связана одна курьезная деталь.

«У Майка существовал незначительный дефект дикции при произношении шипящих букв, — поделился секретом Андрей Тропилло. — В студии это означало переизбыток высоких свистящих звуков. Поэтому ему приходилось смазывать губы слоем бесцветной помады, которая уменьшала искажения от произношения шипящих букв. Еще надо помнить, что в тот момент группа „Зоопарк“ существовала почти виртуально. Поэтому и „Белую полосу“, и „Уездный город N“ мы делали фактически вдвоем — наполовину это было мое, а наполовину — Миши Науменко. Поэтому Майк на этих альбомах собственноручно писал: „Аранжировано и продюсировано "Зоопарком" и А. Тропилло“. Любопытно, что в расширенном варианте „Белой полосы“, переизданном значительно позднее, Науменко на одном из дублей поет: „Я не люблю "Землян" / Я люблю только то, что пишет Андрей Тропилло“».

Во время этой сессии продюсер, как и прежде, применял свои фирменные креативные ходы.

«Когда записывались „Гопники“, — вспоминал

Храбунов, — Тропилло для создания жуткой атмосферы выключил свет. И писали все в полумраке, чтобы мрачняка такого поддать».

Осенью 1984 года альбом «Белая полоса», активно тиражируемый магнитофонными писателями, резко «пошел в народ». Спустя несколько месяцев его активно слушали все регионы: от Калининграда до Владивостока. И ни один человек даже представить не мог, что это последний «прижизненный» альбом группы «Зоопарк».

1 Буги Вуги: Каждый День!
2 Бедность
3 Спля На Белой Полосе
4 Песня Простого Человека
5 Я Знал Тебя Совсем Другой
6 Отель Под Названием "Брак"
7 В Этот День
8 Близ Субботнего Вечера
9 Гопники
10 Хождения
11 Вперёд, Боддисатва!
12 Ночной Гость
13 С/Страх В Твоих Глазах
14 Прощай, Детка
Михаил Науменко: голос; гитара, соло в N8/1-е/и N14; бас в N8 и 11; ф-но в N12
Александр Храбунов: лидер гитара; бас в N5,7 и 13
Михаил Васильев: бас
Евгений Губерман: барабаны
плюс гости:
Александр Титов: бас в N1,4,6,9,10
Алексей Кураев: барабаны в N2,5,7,12,14; ф-но в N12
АНТРОП

Фото из архива Бориса Мазина

ШТУРМ КАЗАНИ

«…Были и такие, которые из ничего делали нечто очень великое, а это великое снова превращали в ничто»

Франсуа Рабле

Осенью 1984 года во всесоюзной прессе появилась очередная серия материалов, содержавших критику текстов Науменко. В частности, «Собеседник», «Комсомольская правда» и «Смена» обвиняли песни «Зоопарка» в антисоциальности, пошлости и чуть ли не в пропаганде насилия.

«Что делает толпу на дискотеках скачуще-ухающей, что заставляет компанию слушать „Пригородный блюз“? — разглагольствовал на страницах „Комсомольской правды“ некто В. Липатов. — Очевидно, мода. Мода на музыку и тексты, соответствующие среднемещанскому образу жизни… Такая музыка перегораживает дорогу развитию — душевному и нравственному».

Давление социума на Майка росло в геометрической прогрессии. Вскоре стало понятно, что записываться в Доме юного техника становится небезопасно, причем как для музыкантов, так и для звукорежиссера. Примерно через год, когда в стране уже был взят курс на перестройку, Андрея Тропилло все-таки уволили с работы. Повод для этого был найден максимально нелепый.

«Когда я вернулся из отпуска, мне неожиданно заявили: „Парень, а у тебя прогул!“ — рассказывал мне Тропилло двадцать лет спустя. — Самое смешное, что никакого прогула не могло быть, потому что летом дома пионеров не работают, и каждый преподаватель готовит лабораторию к учебному году. Тем не менее, мне говорят: „Уж если ты прогулял, то пиши заявление по собственному желанию!“ Студия закрылась и больше никогда не работала. С годами она оказалась разломана, разобрана, и там теперь сидит контора, торгующая полудрагоценными камнями».

Задумаемся еще и о том, что делает толпу на дискотеках скачуще-ухающей, что заставляет компанию слушать «Пригородный блюз». Очевидно, мода. Мода на музыку и тексты, соответствующие среднемещанскому восприятию жизни. Даже мещанин со временем облагораживается. И порождает свою музыку, свои круто замешанные тексты... Особенность мещанского искусства — выдавать то, чего нет, за то, что будто бы существует... А в итоге? Оказывается, размышлять нечего и стремиться некуда. Такая музыка уверенно перегораживает дорогу развитию — душевному и нравственному.

В. ЛИПАТОВ
«Письма о песне»,
«Комсомольская правда»,
12.09.84 г.

Итак, студии у Майка не было и никаких концертов на горизонте также не предвиделось. Чтобы не сойти с ума от безысходности, музыкант начал штудировать фолиант Теда Дикса «Памяти Марка Болана», выпущенный еще в 1978 году. И в какой-то момент принялся его переводить. Спустя много лет я держу в руках оригинал русской версии этой книги — более сотни машинописных страниц — и не перестаю удивляться крайне изящному стилю перевода. Вот, например, как вспоминал запись альбома T. Rex продюсер Тони Висконти в авторском изложении Науменко:

«Я решил, что если Марк Болан собирается так меня обосрать, то это — конец игры… Я только что женился на певице Мэри Хопкин, и мы ждали ребенка. Мне предстояли немалые расходы, и поэтому я принял эти условия: меня урезали на 1 %».

Кропотливо набивая на машинке русский текст и старательно вписывая в него ручкой английские слова, Майк автоматически переключался на иную, сказочную модель мира. В глубине души он мечтал быть похожим на Болана, но такой возможности у него не было. Лишь изредка и с огромным риском подпольные менеджеры устраивали ему эпизодические выступления в Москве — естественно, в акустике.

> «Время от времени я слушал концерты Науменко в доме, где находился магазин „Спорттовары“, — писал мне впоследствии Саша Агеев. — На квартирник собирали так… Раздается звонок: „Сегодня — Майк, проспект Мира, кольцевая, собираемся в 18:30“. Приезжаешь — и сразу видишь проводника, поэтому стоишь тихо. Потом все собрались и пошли. В этот момент мы вычисляли лишних, их было хорошо видно… Прекрасно помню, что перед подъездом всегда стояли зеленые „Жигули“. Знающие люди говорили: это — слежка, но при этом никого не винтили. В квартиру вмещалось до сорока человек, которые сдавали по три рубля. Я в то время был под прицелом, поэтому в мозгу действовало правило: никаких адресов, номеров квартир, телефонов, имен и фамилий. Это, кстати, трудно стирать из головы, но зато потом гораздо легче отвечать на вопросы».

Андрей Макаревич и Борис Мазин. Казань, 1983
Фото из архива Бориса Мазина

И удивительно, что в этот мрачный период нашелся упрямый человек, который на свой страх и риск предложил лидеру «Зоопарка» сделать несколько выступлений в Казани. Организатора этих подпольных концертов звали Борис Мазин, и о нем имеет смысл рассказать подробнее.

Еще в начале восьмидесятых Мазин слыл в столице Татарстана примечательной личностью. Он был опытным меломаном, вел несколько дискотек, добывая новые записи по всей стране, от Прибалтики до Сибири. Параллельно подрабатывал внештатным корреспондентом в газетах «Комсомолец Татарии» и «Вечерняя Казань», регулярно публикуя материалы на музыкальные темы.

Осенью 1983 года выпускнику пединститута Борису Мазину грозил призыв в армию. Но Борис откосил от него, ловко имитируя шизофрению и клаустрофобию одновременно. Находясь на лечении в психоневрологическом диспансере, он впервые услышал волшебное слово «Зоопарк». Это был голос судьбы.

Как-то после очередной серии уколов лежавший на соседней койке «товарищ по несчастью» продекламировал Борису какие-то странные стихи. Примечательно, что это были не спетые под гитару песни, а именно стихи — авторства Михаила Науменко. Впечатленный необычной стилистикой, Мазин записал себе в блокнот «Сладкую N», «Лето», «Звезду рок-н-ролла» и «Пригородный блюз».

Выйдя из клиники, он тут же переписал у знакомых хиппанов альбом Blues de Moscou, который в свое время презентовал волосатым татарским единомышленникам питерский гуру Гена Зайцев.

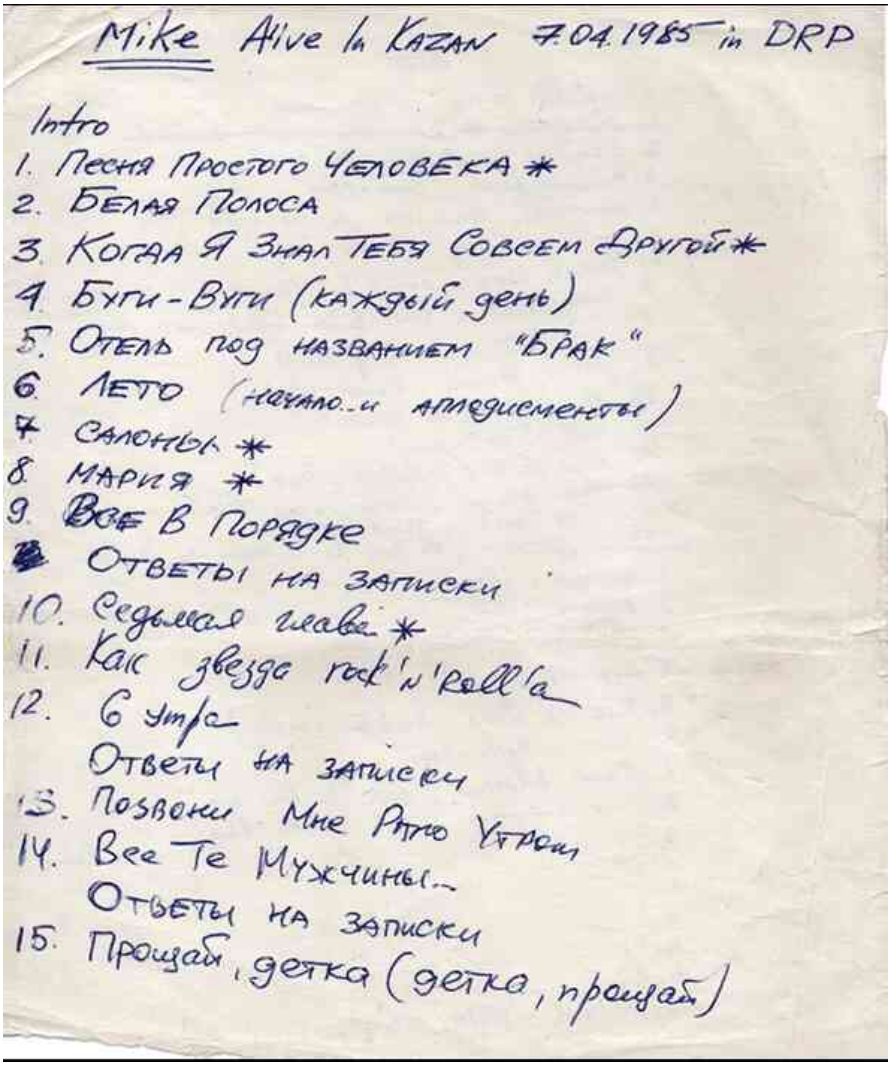
> Получив полный «джентльменский набор» песен раннего Майка, молодой журналист, по его воспоминаниям, «от восторга полез на стену». Он немедленно стал думать, как бы поскорее познакомиться с музыкантами, способными производить такой мощный драйв. Во время интервью с Андреем Макаревичем Мазин стал выпытывать у московского мэтра подробности о группе «Зоопарк». Оценив по достоинству такой неподдельный интерес, лидер «Машины времени» продиктовал телефон Коли Васина, а в качестве пароля вручил Борису свою визитку — чтобы знатный битломан указал «предъявителю сего» кратчайший «путь к храму».

Майк и Борис: в коридоре на Боровой, лето 1984
Фото из архива Бориса Мазина

Отпечатанная на плотной бумаге визитка жгла журналисту ладонь и призывала к нечеловеческим подвигам. Поэтому уже летом 1984 года Мазин катил в питерском трамвайчике на Ржевку — в направлении заповедного жилища Васина. После обсуждения всех альбомов The Beatles Борису был выдан заветный адрес, и вскоре казанский пилигрим звонил в дверь коммуналки на Боровой, прижимая к груди сумку с отборным татарским самогоном.

В комнате у своего кумира Борис не на шутку разволновался. Его занимало буквально все: залежи бесценных еженедельников Melody Maker и New Musical Express, магнитофон «Маяк-203», работавший при помощи вставленных спичек, допотопный телевизор, программы на котором переключались исключительно плоскогубцами. А со стены на него пристально смотрел Марк Болан в графическом исполнении Натальи Науменко.

Однако скованность Бориса исчезла в тот момент, когда Майк заговорил о старой рок-музыке из Англии и Америки. Даже у Наташи голова пошла кругом от незнакомых названий: The Troggs, Herman’s Hermits, The Righteous Brothers, The Kinks и множества других.


Mike Alive in Kazan 7.04.1985 in DRP

Intro
1. Песня Простого Человека *
2. Белая Полоса
3. Когда Я Знал Тебя Совсем Другой *
4. Буги-Вуги (каждый день)
5. Отель под названием "Брак"
6. Лето (начало... и аплодисменты)
7. Салоны *
8. Мария *
9. Все В Порядке
Ответы на записки
10. Седьмая глава *
11. Как звезда rock'n'roll'а
12. 6 утра
Ответы на записки
13. Позвони Мне Рано Утром
14. Все Те Мужчины...
Ответы на записки
15. Прощай, детка (детка, прощай)

«Я очень внимательно изучал рок-н-ролл 50-х и 60-х годов, — вспоминал впоследствии Мазин. — Майк всегда искал музыкальных единомышленников и крайне удивился, когда обнаружил, что обсуждает с человеком из Казани альбомы Фила Спектора и The Hollies. Мы достали пиво, „сели друг другу на уши“ и понеслось…»

На прощание очарованные друг другом рок-н-ролльные гурманы согласовали план действий. Через два месяца Борис привозит максимальное количество катушек с магнитофонной пленкой казанского завода «Тасма». А Майк, в свою очередь, заселяет его на квартиру к Саше Старцеву.

«Во время второго приезда Науменко подарил мне пленку с Вудстокским фестивалем, — рассказывал Мазин весной 2019 года. — Выяснив, что я не знаю этой записи, он сказал со

смешком: „Вообще-то по большей части это порядочное говно, но ты все-таки послушай“. А когда он узнал, что я люблю Джими Хендрикса, то заявил, что американский гимн в его исполнении звучит на Вудстоке просто омерзительно. Но знать это надо».

Тогда никто не мог себе представить, во что вскоре выльется спонтанное знакомство двух меломанов. А события тем временем развивались совсем не поступательным образом. Они опережали не только историю «Зоопарка», но и историю страны.

Как известно, настоящий энтузиазм пробивает любые стены. Когда Мазин получил по почте от Майка первые альбомы «Зоопарка», у него «от радости совершенно улетела крыша». Скупив у Саши Старцева все номера «Рокси», он стал частым гостем его квартиры-салона и вскоре подружился с музыкантами «Зоопарка» и «Аквариума».

Окунувшись в богемную жизнь Ленинграда, Борис ощутил весь драматизм ситуации, в которой жили нищие питерские рокеры. И по возвращении домой Мазин не на шутку задумался. Тогда ему искренне казалось, что сделать очередную студенческую дискотеку и концерт рок-группы «Зоопарк» — это, по сути, одно и то же. У него были и аппарат, и немало знакомых, поддержавших идею ангажировать Майка на серию концертов.

Публика в Доме работников просвещения
Фото из архива Бориса Мазина

На «тайной вечере» в квартире у Мазина было решено провести основное выступление в Доме работников просвещения, «добив» это авантюрное мероприятие несколькими

квартирниками. Временем действия определили весну 1985 года, чтобы приурочить акцию к тридцатилетию «ленинградского Марка Болана». Поскольку это была любовь в самом чистом и непорочном виде, все деньги предполагалось вручить музыканту, без вычета комиссионных и издержек на расходы. Отдадим должное мэтру, который не сильно сопротивлялся этой поездке. У него уже был опыт иногородних концертов в Свердловске, Новосибирске, Дубне и Москве, но здесь его ждала полная неизвестность.

Утром 6 апреля 1985 года в казанском аэропорту Майка встречали Мазин и его друзья, приехавшие сразу на нескольких машинах. Лидер «Зоопарка» прилетел один и удивленно озирался по сторонам. Он был одет в дешевое пальто и смешную кроличью шапку, а его принимали как рок-звезду международного уровня.

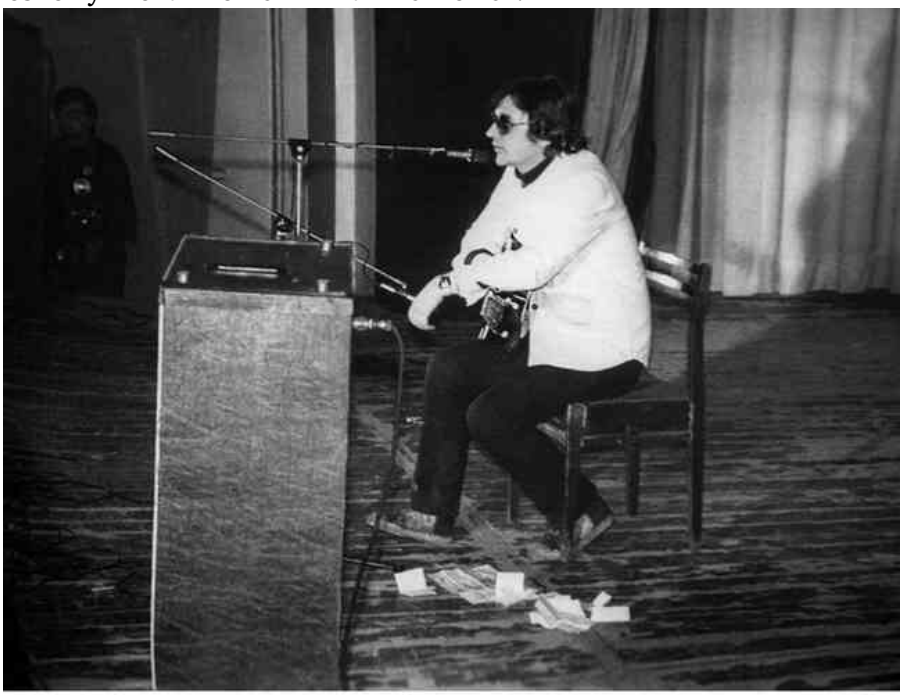
Как гласит история, первый концерт планировалось сыграть дома у Андрея Грибина, одного из приятелей Бориса. Но, приехав на конспиративную квартиру, вся делегация неожиданно уткнулась носом в запертую дверь. От безысходности один из смельчаков забрался на крышу, и, рискуя жизнью, сумел открыть форточку в туалете, а за ней — и окно. Очутившись внутри, он обнаружил мирно спавшего Грибина, который забыл о концерте. До мордобоя, впрочем, не дошло. Более того — позднее Науменко подружился с душевным Грибиным и неоднократно приглашал его к себе в гости в Ленинград.

Вечером состоялось боевое крещение в Казани — и, надо сказать, достаточно успешное. «Майк тогда не забывал слов и только иногда подглядывал в текст „Уездного города N“, — рассказывал потом Мазин. — Все прошло на одном дыхании».

> Зрители сдали деньги еще до начала выступления, после которого гастролер получил гонорар размером в восемьдесят рублей. Гораздо больше, чем на квартирниках в Москве, Ленинграде и Свердловске. Фактически это была его месячная зарплата сторожа. «Я был поклонником Майка и никогда не планировал зарабатывать на его концертах, — признавался Мазин. — Зато я сделал праздник себе и своим друзьям — привез в Казань любимого артиста».

Главный концерт состоялся на следующий день в Доме работников просвещения, на месте которого в Казани теперь снова находится синагога. В забитом поклонниками зале на триста пятьдесят мест Майк под гитару исполнил полтора десятка песен, впервые спев две новые композиции — «Салоны» и «Марию». В паузах он отвечал на записки из зала.

Прочитав одну из них, Науменко застыл с недовольной гримасой на лице. Некоторое время напряженно думал, но затем все-таки озвучил вопрос: «Михаил, скажите, а какие у вас отношения с Эдитой Пьехой? Спите ли вы с ней?» Подождав, пока утихнет смех, Майк серьезно ответил, что с певицей не знаком, поэтому и спать с ней никак не может.



… и куча записок с вопросами под ногами
Фото из архива Бориса Мазина

Концерт закончился аплодисментами и выходом на бис. За кулисами к музыканту подошел директор Дома работников просвещения — ярко выраженный партийный деятель, лысый, в темно-синем засаленном пиджаке, со значком Ленина на лацкане. Он долго тряс Науменко руку и с горящими глазами причитал: «Михаил, вы такие хорошие песни поете! Мы так хотим пригласить вас еще раз!»

Майк смущенно улыбался — и это был настоящий триумф! Его обожали буквально все — начиная от поклонников (которые пришли затем на два прощальных квартирника) и заканчивая супругой Бори Мазина, которую rockstar подкупил деликатной фразой: «Позвольте поцеловать сударыне ручку…»

В Ленинград Майк возвращался похмельным и счастливым. Во внутреннем кармане джинсовой куртки он вез царский гонорар — триста шестьдесят рублей, честно заработанных за

четыре концерта. И уже спустя неделю с воодушевлением звонил Мазину, выражая готовность приехать в Казань вместе с Цоем. Мол, и Гребенщиков тоже практически «сидит на чемоданах». К сожалению, реализоваться этим планам было не суждено. Спустя несколько недель Майка с Цоем «свинтили» в Киеве, после чего Науменко на целый год перекрыли возможность выступать — где бы то ни было.

Еще серьезнее ситуация сложилась у самого Мазина, на которого накатали анонимку в силовые структуры. Смысл обвинений носил экономический характер. Дело в том, что билеты в Дом работников просвещения продавались не по шестьдесят копеек, как было написано на них, а дороже — по девяносто. И теперь Мазину инкриминировалась спекуляция, а также грозили еще несколько статей Уголовного кодекса СССР.

Бориса начали дергать на допросы, а затем взяли подписку о невыезде, прекрасно зная, что его жена ждет ребенка и никто не собирается скрываться. В итоге сотрудники МВД доказать ничего не смогли — несмотря на фотографии переполненного зала.

«Все билеты продавались не через кассы, а сбывались с рук, — объяснял Мазин спустя много лет. — Как потом сказали умные люди, мне было достаточно „не продавать, а раздавать“ билеты, чтобы каждый мог сделать пожертвование. Поэтому когда я отмахивался от следователя, то говорил, что мы планировали подарить Майку гитару. Но, как заявил мне капитан по фамилии Козлов, совершенные мною преступления тянули на два года лишения свободы. Слава Богу, до суда дело не дошло, потому что правительство объявило амнистию по поводу сорокалетия победы над Германией. Ряд статей, попавших под нее, включал и мою. Таким образом, балансируя на краю пропасти, мне удалось выйти сухим из воды».

Примечательно, что уже через полгода в Казани выступал некогда опальный Юрий Шевчук. Еще несколько месяцев спустя в город приехал легендарный «Урфин Джюс», и безумный гитарист Егор Белкин изо всех сил вопил со сцены: Are you ready to rock-n-roll?!!

В стране назревала перестройка. К власти пришел Горбачев, провозгласивший политику ускорения и гласности. Как пел когда-то Боб Дилан, времена менялись — и на этот раз, похоже, в лучшую сторону.

Фото: Игорь Шапошников

Фото из архива Олега Ковриги

АКУСТИКА: ПРОЩАНИЕ С АНДЕГРАУНДОМ

«Скажи, куда ушли те времена?»

Майк Науменко

Период 1985–1986 годов оказался переломным для советского рок-андеграунда. Многое по-прежнему было нельзя, и запретительных списков никто не отменял. К примеру, музыканты «Наутилуса Помпилиуса» лихорадочно звонили Александру Агееву — с просьбой не распространять песню «Скованные одной цепью». Мол, у них на Урале по поводу этого кормильцевского текста поднялся «страшный стрем». Но было уже поздно. Магнитофонные писатели Москвы и Питера продавали новый альбом «Разлука» целиком, без какой-либо цензуры или идеологических купюр.

Первые ласточки горбачевской перестройки уже порхали повсюду. В том же Свердловске начал активно функционировать рок-клуб, в Москве открылась рок-лаборатория. В кабинетах Кремля готовились разрешительные документы для гастролей Карлоса Сантаны, Билли Джоэла и других американских музыкантов. В Ленинграде состоялось совместное выступление Науменко, Цоя и Гребенщикова в Доме Кино, а телевизионщики уже вовсю снимали пилотные выпуски передачи «Музыкальный ринг».

Была еще одна хорошая новость — во всесоюзный эфир прорвался молодой питерский бит-квартет «Секрет» с композициями «Буги-вуги каждый день» и «Мажорный рок-н-ролл». Опекаемые неугомонным Панкером студенты театрального института превратили легкомысленные майковские песенки в хлесткие танцевальные номера. К сожалению, фамилия автора этих хитов упоминалась не всегда, и Майк периодически объяснял на квартирниках, что эти композиции, показанные в телепрограмме «Утренняя почта», написал именно он.

Науменко терпеливо рассказывал слушателям, что ребята из «Секрета» — отличные парни, и вообще все они — большие друзья. Несколько раз лидер «Зоопарка» выходил на сцену ленинградского рок-клуба вместе с музыкантами «Секрета», чтобы исполнить одну из своих композиций.

Акустический джем Майка и Юрия Наумова в Новосибирске, 1984

Фото из архива Юрия Наумова

«Мы тогда приятельствовали с Майком и захотели на лауреатском концерте сделать его песню „Лето“, — вспоминал барабанщик „Секрета“ Алексей Мурашов. — Автор вышел, и зал закричал так, как будто гол забили».

Поскольку постоянного состава у «Зоопарка» в тот период не было, Майк переключился на многочисленные квартирники. Несколько акустических концертов ему организовывал Павел Краев — в частности, вышеупомянутый сейшн на Петроградской стороне, в одной компании с Цоем и Каспаряном.

> «Майк был человеком небогатым, — рассказывал Краев. — И квартирники для него были важным подспорьем. Но он ни разу не звонил мне и не говорил — давай, мол, квартирник сделаем, а то денег нет. В отличие, скажем, от Цоя и даже Башлачёва — те частенько просили подработать. А у Науменко был какой-то чистый интерес. Мне всегда казалось, что главным для него было — оставаться художником внутри себя. Он был хранителем традиций — и жизненных, и музыкальных. Майк старался не зависеть от окружающей среды, и весь мир был в нем, как у йогов».

Крайне важным ключом для дешифровки творчества Майка оказались воспоминания лидера новосибирской группы «Проходной двор» Юрия Наумова. Так случилось, что в конце восьмидесятых мне доводилось устраивать ему несколько квартирников. И тогда, и позднее Наумов с огромным пиететом относился к песням Майка. Даже спустя много лет во время нашего интервью достаточно было включить диктофон, чтобы зафиксировать его мощный и, к сожалению, пессимистичный монолог. Вопросы в этом случае оказались совершенно не нужны.

Пит Колупаев, 1985
Фото из архива Пита Колупаева

«Впервые приехав к Майку, и увидев, как он живет, я столкнулся с реальным приговором русскому року, — признавался Наумов. — Стало понятно, что это искусство здесь обречено, у него нет никаких шансов и на этой стране можно ставить крест. Дело в том, что на фоне других артистов Науменко транслировал обреченного гения. Будучи глубоким художником, он, к сожалению, не пестовал этого отношения в слушателях, которых призывал на свои концерты и в итоге делал ставку на какие-то другие вибрации. Поэтому на квартирниках постоянно слышались какие-то непонятные выкрики. Часть псевдодрузей провоцировали Майка на то, чтобы он проявлял некое чувство

юмора и кураж, и меня это сильно коробило. Это было не столько ощущение очарованности и упоения от причастности, сколько конкретный момент очень сильной досады».

Любопытно, что не сразу очаровался творчеством Науменко и студент МИФИ Пит Колупаев — человек, сыгравший впоследствии важную роль в продвижении Майка на всесоюзную рок-сцену. В первой половине восьмидесятых Колупаев часто мотался в Питер, закупая у Андрея Тропилло магнитофонные альбомы «Аквариума», «Кино» и «Зоопарка» в оригинальном оформлении — с целью перепродажи среди студенческой аудитории. Как правило, будущий рок-продюсер приторговывал этими желанными пленками в общежитии МИФИ — во время акустических выступлений ленинградских и московских рок-музыкантов.

«Полноценный концерт Науменко я увидел в 1983 году, в огромной квартире где-то на Рижской, — ностальгировал спустя много лет Колупаев. — Меня поразили гигантские размеры комнат и мощные железобетонные стены. Приятели рассказали, что это бывший дом энкаведешников, в котором, по слухам, в 1937 году расстреливали людей. Я помню, что встретился в дверях с каким-то волосатым чуваком. Им оказался Сергей Летов, будущий джазовый музыкант. А билетами там заведовал Илья „Паркетыч“ Маркелов, который позже работал у „Зоопарка“ на звуке… Первой новой песней, которую Майк предложил публике, был «Уездный город N». Пел он ее крайне монотонно, гнусавым голосом, причем гитара не строила уже с самого начала концерта. Я тогда, каюсь, не выдержал, дослушал до куплета с упоминанием Льва Толстого и ушел на кухню».

Примечательно, что уже тогда Майк стал напрягаться на просьбы слушателей «спеть что-нибудь новенькое». Он начинал кривиться и автоматически включать менторские интонации.

«Обо мне часто ходят совершенно гнусные сплетни, что я не пишу новых песен, — иногда говорил он на квартирниках. — Они не оправданы и не имеют под собой почвы. Новых песен до черта… К сожалению, я не могу сейчас их спеть, потому что многие из них требуют всей группы. Есть вещи, которые рассчитаны на четыре инструмента, а у меня — всего один».

И это было абсолютной правдой. Продолжая караулить деревообрабатывающие мастерские, Науменко буквально за несколько месяцев написал множество новых песен: «Мария», «Салоны», «Я продолжаю забывать», «Вот и все», «Несоответствия», «Иллюзии», «Новый пудель», «Ром и пепси-кола». Венчала эти творения ностальгическая композиция «10 лет назад»: «Ты помнишь, как все было десять лет назад? / Мы могли не спать по

двадцать суток подряд / Мы танцевали буги-вуги всю ночь напролет / И знать не знали ни тревог, ни забот / И я любил тебя, и ты любила меня / Скажи, куда ушли те времена?»

Майк на концерте в Гжели, осень 1985
Фото: Юрий Гаранин

Стоит заметить, что с началом ослабления давления на рок-

музыку у Майка участились поездки в Москву. В этот период количество квартирных концертов достигло рекордной отметки. Незаметно для окружающих Науменко перерос статус «запрещенного артиста», постепенно становясь живой легендой.

К тому времени магнитоальбомы «Зоопарка» и «Аквариума» заполонили собой практически все регионы — от Калининграда до Владивостока. Вот что писал по этому поводу один из лучших уральских рок-журналов «СЭЛФ» (Челябинск):

«Майк и БГ — реформаторы языка рок-поэзии, привнесшие новые музыкальные интонации и воссоздающие неповторимую ленинградскую атмосферу в музыке. Имея за спиной достаточно богатую как поэтическую (Бродский), так и музыкальную (например, группа „Санкт-Петербург“) традицию, они вывели ее на такой уровень, что она стала школой».

В сознании Майка начали происходить важные изменения. Он перестал ощущать себя аутсайдером и кожей чувствовал, как его песни «цепляют» все большее число людей. Количество выступлений плавно переходило в новое качество, и теперь ему удавалось держать аудиторию в течение полутора-двух часов. На смену небольшим салонным тусовкам пришли настоящие рок-сейшены, когда на выступления Майка собиралось не менее 70–80 человек. В воздухе запахло успехом…

Рыженко, Наташа, Данилов и Майк на лестнице Михайловского замка, 1983

Фото из архива Андрея Данилова

Самые удачные московские концерты Науменко были

сыграны, по мнению многих, на квартирах у Павла Шепелева в Коптево и у Вадима Суровцева-Бутова в районе метро «Кантемировская». Оба они запечатлены в издании «Часть мира, которого нет», выпущенном в 2010 году «Отделением ВЫХОД». На сейшене у Шепелева Майк вдохновенно исполнил большую часть своих новых песен, а у Суровцева-Бутова (где до этого проходили концерты Гребенщикова, Кинчева, Градского, Башлачёва, Мамонова и Цоя) все композиции записывались на двухкассетник Sharp, а также фиксировались на фото — и видеокамеры. Часть этих материалов получилось сохранить для истории.

В этот период лидеру «Зоопарка» удалось посетить с концертами несколько городов рядом с Москвой — от Дубны до Гжели. Во время одного из таких мероприятий он познакомился с художником Юрием Гараниным, который проводил на «родине подмосковного фарфора» акустические выступления Гребенщикова, Макаревича, Шевчука, Кинчева и группы «Последний шанс». Получив от лидера «Аквариума» условную записку, Гаранин приехал к Майку в Ленинград и убедил его сыграть в Гжели совместный концерт с Сергеем Рыженко.

> «В двухкомнатную квартиру набилось полным-полно народа, — вспоминал Гаранин. — В основном это были гжельские художники, и хорошо, что тогда у меня дома почти не было мебели, и всем хватило места. Пели по очереди. Майк — свои песни, а Сережа Рыженко — свои. Я не придавал этим событиям большого значения, и запись выступления впоследствии стер. Чудом остались только две песни и несколько фотографий. Помню, что Майк был прекрасным собеседником и постоянно сыпал анекдотами. Этот концерт и стал началом нашей дружбы».

Башлачёв, Майк и Кинчев у Анжелы Каменцевой, 1986
Фото: Александр С. Волков

В это же время достигли расцвета человеческие и творческие отношения Майка и Рыженко. Они сыграли несколько квартирников в Питере и даже написали совместный блюз «Играйте дома!» Сережа Рыженко, имея за плечами богатый опыт выступлений в группе «Последний шанс» и собственный проект «Футбол», в течение нескольких лет играл на скрипке в «Машине времени» и эпизодически записывался с Шевчуком — в частности, на альбоме «Время». Но особенно сильно ему нравилось выступать вместе с лидером «Зоопарка».

«Мы с Майком сильно задружились, и когда я приезжал в Питер, всегда старался либо зайти в гости, либо просто ночевал у него на раскладушке, — рассказывал мне Рыженко. — Происходило это в комнате у Майка с Наташей, либо у Саши Храбунова, или у какой-нибудь их соседки. А когда Майк приезжал в Москву, он старался остановиться у меня. Позднее я всегда говорил, что, наверное, в рок-н-ролле он был моим самым задушевным другом».

Зимой 1986 года Майк с Рыженко приняли участие в одном из самых знаменитых концертов того времени — так называемом «Дне рождения Анжелы». В однокомнатной квартире возле станции метро «Речной вокзал» собрались многочисленные друзья Сергея Каменцева и его супруги Анжелы, заслуженно считавшейся «первой красавицей московского андеграунда».

Это была яркая пара. Сергей Каменцев, будучи

программистом-интеллектуалом, организовывал концерты Юрия Шевчука, а на жизнь зарабатывал «самостроком» — шитьем джинсов, модных штанов на байковой подкладке и зимних курток, напоминавших легендарные «аляски». Он реализовывал их на стихийном рынке в Туле — к слову, с немалым коммерческим успехом.

«Все эти самодельные изделия улетали со свистом, — утверждал Сергей Рыженко. — Каменцевы были гениальными маркетологами, и их товар хапали просто мгновенно. За час-другой они — на удивление местных барыг — продавали всю партию, получая в итоге колоссальную прибыль».

Но вернемся к Майку. По воспоминаниям очевидцев, в тот январский вечер 1986 года в квартиру друзей Каменцевых на улице Краснополянской набилось более семидесяти человек. Там было настолько тесно, что очаровательной имениннице пришлось стоять в дверях, поскольку войти в комнату было невозможно. Неудивительно, что в финале концерта обои в квартире от влажности и духоты буквально отваливались от стен.

Двенадцатиструнная гитара Сережи Рыженко в тот вечер была одна на всех, и музыканты бережно передавали ее друг другу. Выступали без пауз, в порядке живой очереди, исполняя по три-четыре композиции. Игрались преимущественно хиты, большая часть которых посвящалась прекрасной Анжеле. Ее любили многие рок-звезды, считавшие за честь посещать литературный салон Каменцевых.

На этот раз компания артистов подобралась на удивление харизматичная. Костя Кинчев пел «Мое поколение», Башлачёв — «Время колокольчиков», Сергей «Силя» Селюнин — «Брата Исайю», Сергей Рыженко — «Грузинский рок-н-ролл» и «Инвалидов рока», а Майк — «Дрянь» и «Пригородный блюз». Эту феерическую акцию снимал дизайнер «Урлайта» Александр С. Волков, а несколько человек записывали концерт на магнитофоны. Но, к сожалению, ни негативов, ни кассетных записей так и не сохранилось. Все многолетние попытки героического Жени Гапеева найти «следы янтарной комнаты» в Москве и в далеком Сан-Франциско, куда переехала семья Каменцевых, успехом не увенчались.

Не все знают, что за год до этого Анжела уже проводила похожий сабантуй с участием Цоя, Майка и Рыженко в небольшом банкетном зале в районе метро «Каховская», но все фото — и аудиоархивы с этого мероприятия также пропали бесследно.

…Ночью, после концерта Майк с Рыженко долго бродили по зимним улицам Москвы. Они получили королевский гонорар, поэтому были возбуждены и громко болтали о разном. Например,

признавались друг другу в любви к культовому фильму «О, счастливчик!» с участием Алана Прайса, в котором советские зрители могли увидеть воочию жизнь настоящей английской рок-группы. Друзья с восторгом обсуждали сцену записи в профессиональной студии, поездки на микроавтобусе в небольшие туры и коллективное распитие виски — как непременный атрибут местной рок-н-ролльной жизни.

3

Вечноюный Рацкевич, бессменный лидер легендарной московской рок-группы РУБИНОВАЯ АТАКА, создал новый коллектив ВЕКТОР, играющий брэйк без слов – в надежде наняться в какую-нибудь уральскую филармонию. Вместо этого, однако, некие субъекты опечатали у старого аса аппарату-ру. Ну и кретины!

В городе Кратколужный НЕ состоялся концерт лучшей его команды – играющей ультрасовременную волну группы МИНИ-МАКС. Во время исполнения ансамблем его ведущего хита "8а" перед ним возник огромный седовласый дружинник, в добрых старых традициях принявшийся выдирать микрофон у вокалиста из рук. Вот какие славные обычаи в Кастилии!

День рождения прекрасной и вдохновенной покровительницы москов-ско-ленинградских рок-связей А. был отмечен грандиозным акустическим концертом с участием Кинчева, Майка, Башлачева, Силя и известного московского музыканта, выступающего под псевдонимом Змиевский. Собрав-шихся потряс хит Змиевского "Грузинский рок-н-ролл", внезапно устано-вивший связь времен в истории нашего Отечества.

Вскоре состоялся акустический же тройник Змиевский – Силя – клавиш-ник ДДТ Вова С. Последний исполнил ряд своих собственных подгитарных творений, а также аккомпонировал первым двум на инструменте "Фазми". Собравшихся потрясли хиты Змиевского "Грузинский рок-н-ролл" и "Ин-валиды рока".

Фрагмент одного из выпусков журнала «Урлайт», 1986

«В одном из фрагментов фильма один из героев похлопывает другого по плечу и говорит: „Смотри, не сдохни, как собака под забором“, — вспоминал Рыженко. — И эта фраза настолько въелась в сердце мне и Майку, что потом мы с ним часто прощались именно этими словами. И для Миши Науменко они в какой-то степени оказались пророческими».

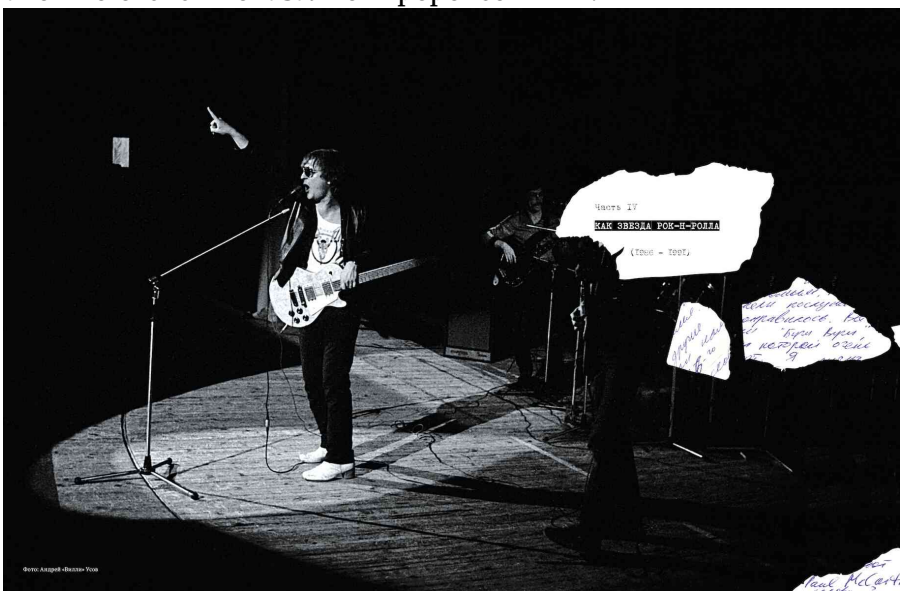


Фото: Андрей «Вилли» Усов

Часть IV
Как звезда рок-н-ролла (1986–1991)

«Зоопарк» на IV рок-фестивале: Донских, Шишкина, Скигина, 1986

Фото из архива Игоря «Иши» Петровского

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО: ТАНЦЫ НА ГРАНИ ВЕСНЫ

После киевского инцидента пауза в выступлениях «Зоопарка» затянулась на целый год. Незадолго до этого Науменко отыграл небольшой концерт с басистом Славой Задерием и барабанщиком Мишей Нефедовым из «Алисы». Но этот альянс оказался одноразовым, и группа-мутант сразу исчезла с горизонта. Лишь осенью 1985 года на сцену ленинградского рок-клуба вышел кардинально модернизированный «Зоопарк». Теперь на бас-гитаре играл Сергей Тессюль, а за барабанами появился Валерий Кирилов, ранее игравший в «Джунглях», ансамблях «Ленконцерта» и записавший несколько треков с группой «Кино».

Новый состав был собран Майком в последний момент — весной 1986 года, за несколько дней до совместного выступления с «Аквариумом» и «Кино». Решение о новой ритм-секции принималось лидером «Зоопарка» вместе с гитаристом Сашей Храбуновым, на котором лежала ответственность за шлифовку материала.

> «Майк решил взять Сергея Тессюля, на точке у которого я сидел тогда со своей командой под странным названием „Дукштас“, — вспоминает Валера Кирилов. — Репетировали мы на Боровой — в пустой комнате, где шел ремонт. Барабанов там не было, и я отбивал темп линейкой по подоконнику, записывая в тетрадку формы песен, обозначая стоп-таймы и брейки. Вся программа была сделана нами за четыре с половиной часа, причем последние песни отрабатывались уже утром, прямо в день концерта».

Вечером, после выступления в рок-клубе, лидер «Зоопарка» вышел на улицу Рубинштейна абсолютно счастливым человеком. Несмотря на несыгранность, условные аранжировки и сырой звук, у Майка вновь появилась собственная рок-группа. Теперь он мог исполнять свои песни в электрических версиях, и это было крайне важно. Пребывая в приподнятом настроении, он даже похвастался Гоше Шапошникову: «Не помню, писал ли я тебе о том, что у нас новая ритм-секция, которая — ничего себе».

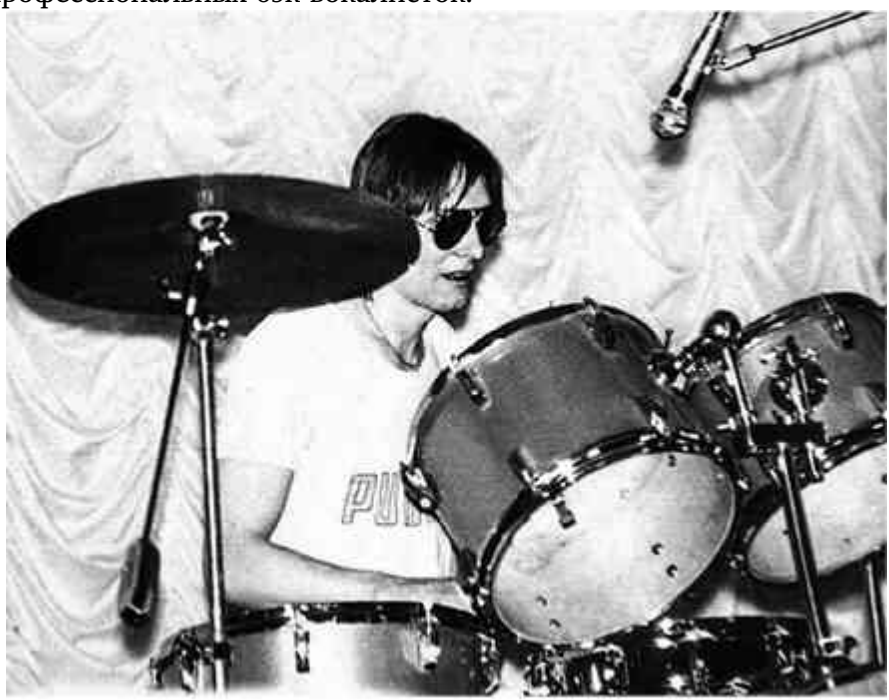
Для Науменко это было время иллюзий, безудержного оптимизма и надежд. После андроповско-черненковского прессинга он наконец-то увидел свет в конце тоннеля. Майку казалось, что сейчас он запишет несколько новых альбомов и тут

же начнутся регулярные концерты — по крайней мере, в Ленинграде и Москве.

Обстановка внутри его команды этому способствовала. Никаких правил и «табелей о рангах» у «Зоопарка» не существовало. Тогда это была скорее не рок-группа, а целая банда, в которую, кроме музыкантов, также входили Панкер, Саша Старцев, Боря Мазин, Иша Петровский и еще несколько приятелей Майка.

«Первый человек, который занимался нашими концертами, был Панкер, — рассказывал мне Сергей Тессюль. — О нем как о директоре у меня остались самые добрые воспоминания. Осенью 1985 года в Ленинград приехала из Америки Валерина кузина по имени Шелли, и мы отмечали Новый год дома у Кирилова. Это было что-то очень семейное и замечательное — музыканты „Зоопарка“, Панкер и Шелли».

Весной 1986 года неожиданно активизировался Александр Донских, который ушел из «Землян» и возобновил сотрудничество с Майком. Наслушавшись альбомов Дилана, он предложил лидеру «Зоопарка» смелый эксперимент — ввести в состав группы профессиональных бэк-вокалисток.



Валерий Кирилов
Фото из архива Игоря «Иши» Петровского

«Нам надо было готовиться к IV рок-фестивалю, и я

пригласил посотрудничать своих подружек, которые пели в гостинице „Прибалтийская“ и в знаменитом кавказском ресторане на Невском, — сообщил мне Александр Донских. — К этому времени у „Зоопарка“ уже была готова новая версия песни „Мария“, где я делал наложение хоров. Поэтому мне очень хотелось на концертах исполнить „Да святится имя Твое“ — тоже с хором, плюс — рок-н-ролльные подпевочки. Эта идея была одобрена Майком, и я стал заниматься с вокальной группой. Отдельно мы репетировали с инструменталистами и только потом провели пару „прогонов“ на точке у Сергея Тессюля, на улице Марата. Все было очень зрелищно — девочки оказались яркими, ну и я тоже очень старался».

«Зоопарк» модели 1986: Кирилов, Майк, Тессюль и Храбунов (лежит)

Фото: Андрей «Вилли» Усов

«Как главный бабник в группе, я просто сгорал от нетерпения, — признавался Валера Кирилов. — Когда на репетицию пришли Галя Скигина с Наташей Шишкиной и запели, я затащился так, что слова сказать не мог. После первой же сыгранной вещи мне так все понравилось, что оставалось только вздыхать и хлопать глазами. Профессионалы: все пели четко, слаженно, чуть подсвинговывая — и ни одной левой ноты. Я был просто

в восторге».

Однако не все музыканты «Зоопарка» выглядели в тот момент счастливыми. Спустя много лет Саша Храбунов, воспитанный на «тяжелом роке», поведал мне в порыве откровенности:

«Мое отношение к этим переменам было крайне отрицательным… Такая стилистика, когда поют бэк-вокалистки, оказалась мне не очень близка. Ну и технологии, по которым все это делалось… Нам было сказано, что приходить на репетиции вокальная группа не будет, а все песни они выучат сами. И я был очень удивлен».

Выступление «Зоопарка» на IV ленинградском рок-фестивале состоялось в последний день весны 1986 года. Майк продемонстрировал не только новый состав, но и новую программу, исполненную с ярко выраженной «бродвейской» подачей: «Салоны», «Свет», «Новый пудель», «Ах, любовь», «Иллюзии», «Несоответствия» и «Я продолжаю забывать».

Из старого репертуара исполнялись «Женщина» и боевик «Буги-вуги каждый день», с которого «Зоопарк» и начал свое шоу. Очевидно, Майк решил пойти ва-банк, поскольку перед фанатами «Пригородного блюза» в тот вечер играла практически незнакомая группа. Но из них била такая энергия, что настороженный зал быстро «сломался», устроив шальные танцы прямо в креслах. А на сцене творился мюзик-холл, поскольку вокальное трио Александра Петровича Донских не только вдохновенно пело, но и синхронно танцевало. И такое искрометное зрелище на местных рок-фестивалях происходило впервые…

Несмотря на то, что Науменко иногда путал слова, по итогам мероприятия группа «Зоопарк» получила диплом лауреата, а песня «Иллюзии» вошла в фестивальный «Топ-3» — вместе с композициями «Аквариума» («Любовь — это все, что мы есть») и «Кино» («Перемен»).

«Выступление „Зоопарка“ я считаю самым ярким событием ленинградского фестиваля, — писал рок-критик Александр Калужский в машинописном журнале „Свердловское рок-обозрение“. — Все было хорошо: и звук, и взаимодействие музыкантов, и стилистическая выдержанность, и, наконец, эмоциональная манера исполнения Майка… Когда Науменко начал программу бодрым буги и ему ответили сочные аккорды бэк-вокала, я с какой-то мальчишеской радостью подумал: „Прекрасно, что существуют на свете такие вещи, как суббота, улыбки и солнечное утро“. Как нам не хватает хорошей и умной развлекательной музыки! Слышал, что подобные песни называют коммерческими. Я уверен, что это не так».

Любопытно, что часть рок-клубовских музыкантов отнеслась к этому триумфу (запечатленному впоследствии «Отделением ВЫХОД» на альбоме «Дубль Вэ»), довольно настороженно. «Старая гвардия» предпочитала традиционный ритм-энд-блюзовый подход

и подобные «вольности» были приняты ею в штыки. В частности, Слава Задерий из «Алисы» высказался так: «Майк странно выступил, нетипично для себя. Для него это достаточно смелый шаг… вбок». Бывший барабанщик «Зоопарка» Андрей Данилов позднее также заявил, что «прослушал этот концерт не без труда: плосковато там все было немножко…»

Мнения по новой программе «Зоопарка» разошлись, но равнодушных точно не было. И это — исторический факт.

«Майк делился со мной планами относительно вокального трио, — говорил позднее Иша Петровский. — Я не то, чтобы его отговаривал, но очень скептически отнесся к этой затее. На что Майк мне ответил: „Иша, мне кажется, что попробовать стоит. Я думаю, что это будет — экспириенс“. И когда „Зоопарк“ сыграл эту программу, я понял, что был дико неправ. Однако нашлись люди, которые Майку этого так и не простили».

16 июня в Доме Культуры «Невский» состоялся концерт лауреатов, на котором «Зоопарк» вместе с бэк-вокалистками сыграли «Отель под названием „Брак“», «Я знал» и «Марию». Спустя некоторое время группа съездила в Таллин — правда, в усеченном составе. Выступали с ностальгической программой старых хитов («Дрянь», «Пригородный блюз», «Гопники», Blues de Moscou), и, надо сказать, получилось жарко и эффектно. Вот что писал впоследствии один из свидетелей эстонской вакханалии: «Первый раз я попал на концерт „Зоопарка“ в Таллине. На сцену вышли четыре чувака в кожаных куртках и темных очках и дали такой рок-н-ролл, что я смотрел, слушал и не верил своим глазам, ушам и мозгу, что такое может вообще быть в Советском Союзе. Это был чистый западный рок-н-ролл — только на русском. Это был ПИПЕЦ!»

Теперь, по рекомендации Михаила «Фана» Васильева, функции директора в группе начал исполнять его старинный приятель Сева Грач. До этого он работал экскурсоводом, но ярко проявил себя, реализуя в недрах рок-тусовки дефицитные контрамарки на концерты.

«Я уволился из Эрмитажа и уехал на полгода в археологическую экспедицию в Молдавию, — вспоминал Грач. — Вернулся в конце ноября 86-го года и с канистрой самодельного вина поехал на работу к Майку — общаться. Мы поговорили, и я приступил к организации концертов».

В гримерке «Зоопарка». Слева Сева Грач, 1986
Фото: Борис Переверзев

Итак, первое, что сделал отчаянный Сева Грач — это разом покончил со сторожевыми обязанностями Науменко и положил трудовые книжки всех музыкантов в один из концертных кооперативов. Фактически это означало, что теперь Майк может зарабатывать себе на жизнь любимым делом, выступая с концертами «в городах и весях». В неописуемом восторге он позвонил школьному приятелю Саше Самородницкому, радостно сообщив, что с мутным трудовым прошлым у него наконец-то покончено. Раз и навсегда. И, мол, теперь он — рок-музыкант.

> «Для Науменко все это было мощно, ново, интересно и производило сильное впечатление, — рассказывал мне Самородницкий. — У него было ощущение прорыва. Я не помню точных дат, но тогда Майк выдал мне буквально следующее: „Александр, поздравь меня, я стал профессиональным музыкантом!“ Ему это действительно было очень важно».

Далее, в феврале 1987 года, в здании Ленинградского Дворца Молодежи стартовала серия концертных программ «Диалог», где на одной сцене сошлись московская «Бригада С» и новая ленинградская сенсация — группа «Телевизор» Михаила Борзыкина, дерзко исполнившая незалитованный хит «Выйти из-под контроля». По степени смелости и социальной критики это было на порядок круче, чем «Гопники», но никто из аксакалов тогда не почувствовал «ветров перемен». А зря…

«Зоопарк», лето 1987
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Так случилось, что через несколько дней в рамках «Диалога» у Майка состоялось выступление со «Звуками Му», причем «Зоопарк» был заявлен как хедлайнер мероприятия. Параллельно этот концерт внимательнейшим образом отсматривала так называемая «тарификационная комиссия», которая решала дальнейшую коммерческую судьбу группы. Возможно, именно поэтому выступление у Науменко получилось неудачным.

Команда Пети Мамонова выступала первой, и для support band это было слишком мощно.

«Город на Неве, где московский рок традиционно

недолюбливали, реагировал на „Звуки Му“ поначалу осторожно, — вспоминал позднее Сергей Гурьев. — Но ситуацию сломали беспроигрышно-беспросветный „Бойлер“ и „текстовой“ мамоновский хит „Цветы на огороде“. Зал был обескуражен, но вышедший следом Майк выступил достаточно формально и вяло».

История неудавшегося противостояния «Зоопарка» и «Звуков Му» вскоре повторилась во время совместного концерта «Аквариума» и нескольких групп свердловского рок-клуба. Пылающий здоровой уральской энергией «Наутилус Помпилиус» буквально порвал зал ЛДМ — особенно на фоне вальяжного выступления команды Гребенщикова.

В итоге, с одной стороны, консервативный журнал «Рокси» забывает своих фаворитов и впервые пишет не про Майка, Гребенщикова и Цоя, а публикует крупные материалы о периферийном роке. С другой стороны, великий Андрей Тропилло, с 1984 года не находивший времени на запись «Зоопарка», также остается в стороне, всерьез увлекшись архангельским «Облачным краем» и вчерашними школьниками из группы «Ноль».

Такой вот в конце 1986 — начале 1987 года имел место в Питере пресловутый «дух времени». И, наверное, было бы неправильно сказать, что Майк ничего не понимал. Насколько ему позволяла внутренняя философия, он худо-бедно пытался использовать новые возможности. К примеру, на базе знаменитой дискотеки «Невские звезды» он с помощью Александра Петровича Донских снялся в нескольких видеоклипах «Зоопарка» (впоследствии утерянных), а также сыграл самого себя в дипломном фильме режиссера Рашида Нугманова «Йя-Хха».

Постепенно Науменко понял, что уже наигрался в «мюзик-холл», и его группа снова стала выступать в усеченном составе. Затем, довольно неожиданно, Сашу Донских сменил Андрей «Мурзик» Муратов, и эта ротация послужила началом больших перемен.

«У нас появился штатный клавишник, с которым мы вместе учились в консерваторской школе, — рассказывал Валера Кирилов. — Получилось все случайно: в Доме Радио на записи песни „Иллюзии“ Петрович долго мучился с наложением клавиш. Потом психанул и со студии сбежал. А рядом ошивался Мурзик — он взял и наложил все как надо, причем — со второго дубля. И на рок-фестивале в Шушарах мы уже выступали вместе».

Это крупное и в меру пьяное мероприятие, организованное Андреем Тропилло, запомнилось заменой еще одного музыканта. Дело в том, что Майка внезапно начал раздражать его бас-

гитарист, который, как ему казалось, выглядел на сцене статичным и при этом «слишком академично» играл. К тому же до лидера «Зоопарка» стали доходить слухи о скором освобождении из ссылки его старого друга — басиста «золотого состава» Ильи Куликова. И Науменко надо было принимать волевое решение, причем делать это по возможности оперативно.

> «Майк был воспитанным человеком, но при этом достаточно жестким, — вспоминает Тессюль. — Перед одним из концертов он мне говорит: „А ты не хочешь хорошему человеку недорого продать свою бас-гитару?“ Я совершенно не понял, о чем идет разговор…. Сказать, что это было неожиданно — не сказать ничего… А там еще присутствовал Саша Старцев из „Рокси“, который отвел меня в сторону и сказал, что Майк хочет пригласить в „Зоопарк“ другого басиста. Я подошел к Науменко и спросил, так ли это. Майк ответил, что еще ничего не решил. Все это происходило словно в вакууме, а рядом в гримерке уже сидели Илья Куликов с женой Леной. Через две недели у нас был концерт в Дубне, а потом все прекратилось. Может, это было и к лучшему».

Рассказ о приключениях Ильи Куликова в местах не столь отдаленных тянет на отдельную повесть. Скажу только, что его освободили по УДО (условно-досрочное освобождение), о чем сильно похлопотал его тесть, в то время — полковник МВД.

«Когда Илья освободился, Майк взял его сразу, — рассказывал позднее Кирилов. — Правда, с одним условием: „Если я хоть раз заподозрю, что ты под кайфом, — выгоню!“ Мне же, как профоргу, дал задание: „Боюсь, как бы он не сорвался, ты за ним присмотри“. Я ответил: „Ты что, он же сопьется!“ И Майк сказал: „Ничего страшного, лишь бы не торчал“».

Куликов быстро нашел инструмент и разучил новые песни: «Я не верю в прогресс», «Алые паруса», «Видеожизнь», «Право на рок», «Она была» и «Выстрелы». Все эти композиции вошли в программу, которую «Зоопарк» исполнил летом 1987 года на V фестивале ленинградского рок-клуба. Кроме Храбунова, Кирилова и Куликова с Майком выступали Андрей Муратов и опытный джазовый саксофонист Михаил Чернов. На одну из песен Науменко пригласил красотку Наташу Шишкину, и ее звонкий голос отчетливо слышен на ироничной композиции «Трезвость — норма жизни».

«Зоопарк» на левом флэту в Москве, осень 1987

Фото: Игорь М. Микряков

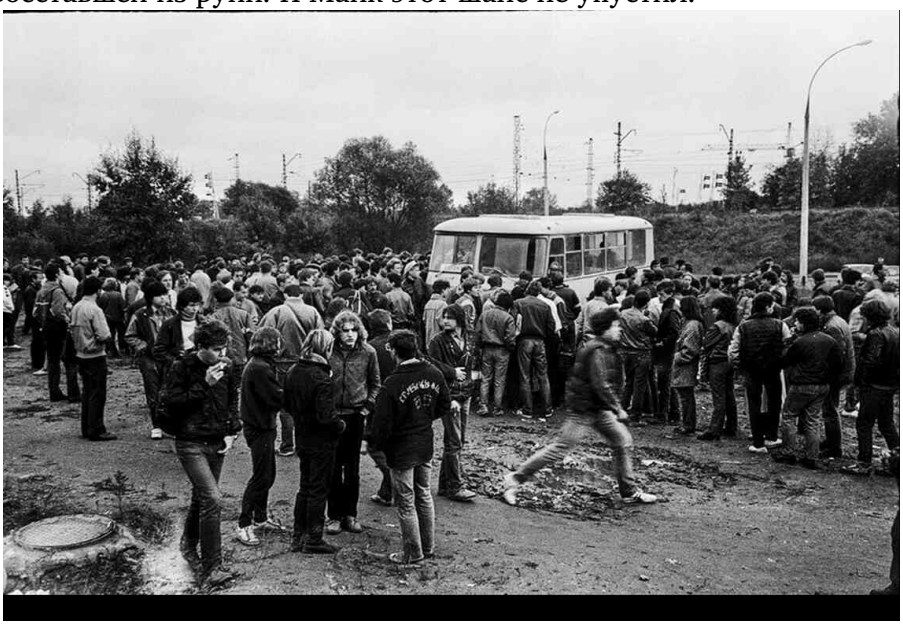
По итогам фестиваля «Зоопарк» второй год подряд стал лауреатом, и Майк за кулисами говорил с нескрываемой гордостью: «Сбылась мечта идиота!» Тут надо честно признаться, что это была «хорошая мина при плохой игре». Поскольку отрепетировать новые песни группа не успела, и прозвучали они весьма сыро. Положение спас мощный финал, в котором «Зоопарк» сокрушительно выдал беспроигрышные хиты из своего «золотого фонда»: «Дрянь», «Гопники» и «Пригородный блюз».

Спустя несколько месяцев группа дважды выступила в Спортивно-концертном комплексе и начала настраиваться на важную поездку в подмосковный Подольск. Там в сентябре 1987 года планировался крупнейший всесоюзный рок-фестиваль, который готовился силами двух самиздатовских журналов — «Урлайта» и «Зомби». Тусовка намечалась серьезная, но в списках участников фестиваля группы «Зоопарк» не было. И произошло это не случайно.

«Майк в моем представлении был накачанным портвейном парнем, который неприятным голосом пел под гитару свои заунывные песни, — вспоминал мне на диктофон организатор этой акции Пит Колупаев. — И фишка с Подольским фестивалем состояла в том, что Науменко там никто особенно и не ждал. За несколько месяцев до мероприятия я конкретно договаривался с „Алисой“: „Вы будете хедлайнерами и должны всех зажечь и прокачать зал!“ Но, как выяснилось, жена Кинчева была в положении, и он наотрез отказался выступать. Последняя надежда была на менеджера Свету Скрипниченко, которая

находилась с питерцами в хороших отношениях. Но спустя некоторое время она сообщила, что с ними не договорилась… Правда, с ее слов, в этом был и плюс — вместо „Алисы“ будет выступать „Зоопарк“. Мол, они тоже в топе, и Майк сейчас находится в отличной форме. Поэтому в Подольск в итоге приехал Науменко, и я потом ни разу не пожалел об этом решении».

Любопытно, что в коллекциях у архивариусов сохранились обветшалые фестивальные афиши, на которых гордо красуется группа «Алиса» и нет никакого «Зоопарка». Другими словами, замена Кинчева на Науменко состоялась в самый последний момент. Это был тот редкий случай, когда «великому неудачнику» Майку невероятно повезло. Он понимал, что сыграть на настоящем крупном рок-фестивале перед несколькими тысячами зрителей — это реальная возможность заявить на всю страну о «Зоопарке», как о культовой рок-группе, в очередной раз восставшей из руин. И Майк этот шанс не упустил.



Продажа билетов на рок-фестиваль в Подольске, 1987
Фото из архива Сергея Гурьева

КРАСОТА В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ

«Рок-н-ролл — это неинтеллигентная музыка, которую порой играют интеллигентные люди»

Майк Науменко

Впервые я увидел «Зоопарк» осенью 1987 года именно в Подольске. Прогуливаясь утром по Преображенке, я наткнулся на стенд объявлений, где под стеклом красовалась дефицитная в ту пору газета «Московский комсомолец». На предпоследней странице был напечатан анонс рок-фестиваля — с указанием места, где можно приобрести билеты. Это был знак, проигнорировать который я не имел морального права.

Воскресенье началось для меня с огромной людской очереди. Жирным червяком она выныривала из подземелья станции метро «Ленино» (ныне — «Царицыно») и вела к стоявшему неподалеку автобусу. Рядом возвышался самопальный щит с именами двадцати групп-участниц, который оперативно подогнали к импровизированной кассе подольские организаторы.

Нечеловеческий ажиотаж, обилие хиппи и джинсовых бездельников объяснялись просто: это была одна из первых крупномасштабных рок-акций, не запрещенная властями. Нельзя сказать, что мероприятие с участием «ДДТ», «Наутилуса Помпилиуса», «Телевизора», «Зоопарка» и «Калинова моста» было официально разрешено. Скорее всего, просто не было прямого запрета — по крайней мере, в сорока двух километрах от Москвы. И этим шансом нужно было воспользоваться.

Как выяснилось, билеты на фестиваль продавались через крохотное окошко в автобусе. За час очередь не продвинулась ни на сантиметр, и волей-неволей пришлось прибегнуть к хитрости. Невинное знакомство с миловидной девушкой, стоявшей невдалеке от волшебного места, ускорило процесс, и минут через сорок мы уже находились у приоткрытого окна. Никаких кассовых аппаратов в автобусе, естественно, не было, и все выглядело на удивление просто. Это была эпоха первых кооперативов: протяни мятые рубли — получи вожделенные билеты. Ни о какой сдаче никто даже не заикался — люди с билетами тут же растворялись в пространстве с абсолютно счастливым выражением на лицах.

До фестиваля оставалось несколько дней, и время текло невыносимо долго. Наконец-то вечером 12 сентября 1987 года

заветная электричка тронулась в сторону Подольска. Рядом в вагоне пилили такие же безбашенные зрители, терявшиеся в догадках, какой именно рок-н-ролл сегодня нас ждет. Мы разговорились. Кто-то рассказывал о полчищах гопников, кто-то — об усиленных нарядах ментов. Но общее настроение было боевым: «ввяжемся в драку, а там видно будет». Типа — прорвемся!

Площадка, на которой проходил фестиваль, представляла собой что-то вроде строгого летнего кинотеатра — в лучших традициях советского конструктивизма. Место, как принято говорить, было намоленное. История гласит, что еще в 1983 году, под носом у местной милиции, именно здесь, в «Зеленом театре», отыграла сольный концерт «Машина времени». С тех пор прошло несколько лет, и многое в городе Подольске изменилось.

И вот настал долгожданный миг — в качестве хедлайнера субботнего вечера перед несколькими тысячами зрителей появился «Зоопарк». Тогда я даже не догадывался, что самые яркие события происходили не только на сцене, где вовсю рубились «Наутилус Помпилиус», Настя Полева и одесский «Бастион», но также и за кулисами.

> «Во время фестиваля музыканты и их поклонники расслаблялись по полной, — рассказывал Пит Колупаев. — Круче всех отдыхал „Зоопарк“, который в пух и прах разнес пансионат для ветеранов, опрометчиво предложенный подольским начальством для проживания гостей из города-героя Ленинграда. Науменко, долгое время не выступавший в Москве, был настолько тепло встречен старыми друзьями, что когда мы зашли за кулисы за пять минут до начала, то обнаружили Майка крепко спящим на полу. Чуть более трезвый Сева Грач уверял, что музыкант вот-вот проснется и пойдет выступать».

Вдобавок ко всему, чуть раньше в лапы ментов попал Илья Куликов. Когда его удалось выдернуть из объятий советской власти, музыканты с изумлением обнаружили на кистях его рук… шерстяные носки. Басист «Зоопарка» не сомневался в удачном исходе своего «плена» и спокойно грел пальцы, готовясь к предстоящему концерту. «Чтобы руки не замерзли», — добродушно объяснил он свой поступок лейтенанту, неохотно выпускавшему его на свободу.

Многочисленные байки о том, как всем миром будили и поднимали со скамейки сильно нетрезвого Майка, бродят по Москве до сих пор. Лично я слышал, как минимум, три версии, в

каждой из которых был счастливый финал. Как бы там ни было, Севе Грачу, Питу Колупаеву и Сергею Гурьеву удалось невозможное — в назначенное время «Зоопарк» вышел на сцену. Тогда я впервые увидел группу с расстояния десяти метров, поэтому превратился в перископ и радиолокатор одновременно.

За кулисами «Зеленого театра»
Фото: Наташа Васильева-Халл

Концерт стартовал с «Мажорного рок-н-ролла». Примечательно, что за пару минут до этого, находившийся в состоянии невесомости, Майк попросил организаторов группу не анонсировать. Он блестяще сделал это сам, в духе журнала «Рокси» представив Храбунова, как «лучшего гитариста Ленинграда», а барабанщика Кирилова — как «литовского сынка и маньяка».

Этот стебный настрой Науменко был мгновенно подхвачен зрителями, и стало казаться, что эпоха меняется прямо на глазах. Мог ли я мечтать, что увижу Майка не в подвальном клубе, а перед пятью тысячами фанатов? Естественно, мне было любопытно послушать, как будут звучать «живьем» «зоопарковские» хиты и станет ли группа исполнять в электричестве, к примеру, пятнадцатиминутный «Уездный город N»?

Для истории сохранилась отреставрированная лейблом «Геометрия» видеозапись этого концерта, проходившего «под вой сирен и лай собак». Там несложно увидеть, что обстановка в Подольске была действительно стремной: по бокам выстроились шеренги ментов с овчарками, а за забором кучковалась гопота из

Набережных Челнов. У микшерного пульта, рядом со звукорежиссерами, нес службу сотрудник КГБ, который после первой песни неожиданно рявкнул в микрофон: «Все сели!»

Надо признаться, что Науменко на такие мелочи внимания не обращал. Как и на отсутствующий в мониторах звук. Майк собрался, более или менее попадал в ноты и почти не забывал слов. Можно предположить, что он чувствовал эпохальность момента, в отличие, скажем, от своих музыкантов. Любопытно, что в одной из наших бесед Саша Храбунов о концерте в «Зеленом театре» отзывался без особого энтузиазма. Мол, прожектора светили в глаза, зал был не виден, поэтому рассказывать нечего. Согласиться с этим сложно, поскольку в зале царила полная эйфория, фрагментарно переходившая в «революционную дискотеку».

Черт меня дернул притащить в Подольск с десяток старшеклассников, которым я преподавал математику в сельской школе, где заодно косил от армии. Деревенские подростки сперва разглядывали Майка в военные бинокли, но под «Буги-вуги каждый день» резво пустились в пляс вместе с беснующейся публикой.

«Наверное, погрузневший Майк никогда еще не видел такого огромного скопления людей, так любящих его и так жаждущих его хитов, — отмечал один из организаторов „Подольска-87“ Сергей Гурьев. — Как давно „Зоопарк“ не был в Москве, где его всегда любили больше и нежнее, чем в Питере, трудно подсчитать. И поэтому, хотя три четверти подольской программы Майк гонял в столице еще в 1981 году, хотя во рту у него еле ворочался опухший язык, а саунд постепенно превращался в ритмичное буханье, в „Зеленом театре“ царил праздник. Тысячи человек стояли навытяжку на деревянных скамейках, рыдали от счастья и кричали: „Майк! Майк!“ Майк же — в неизменных черных очках, с очень мощной шеей, одутловатый, стал походить на крайне опустившегося Градского. В самой команде всех очаровывал новый клавишник Андрей Муратов, который носился по сцене с собственной „Ямахой“ наперевес, не переставая на ней зажигательно наяривать».

Поздно ночью тысячи зрителей возвращались с концерта «Зоопарка» совершенно другими людьми. Тот воздух свободы, которым дышал подольский фестиваль, заставил меня задуматься о кардинальной смене профессии. Но времени для рефлексии в ту осень не было совершенно.

Через пару месяцев я попал на «закрытый» киносеанс, состоявший из нескольких фильмов о рок-андеграунде. Атмосфера в забытом Богом и милицией кинотеатре «Патриот»

была незабываемой. И если «Шесть писем о бите» все смотрели со сдержанным уважением, то на первых строчках песни «Я инженер на сотню рублей, и больше я не получу» (фильм «Иванов») зрители засвистели и захлопали, подняв такой шум, словно начался штурм Кремля. Но настоящий рев повис над залом во время просмотра фильма «Йя-Хха», когда Цой бросал уголь в кочегарке, а Майк разбивал собственное отражение в зеркале.

Куликов и Майк в Подольске
Фото из архива Сергея Гурьева

Время было сказочное. Вскоре в арбатской подворотне, рядом с магазином «Мелодия», я приобрел виниловый диск «Белая полоса». На дворе стоял март 1988 года — в массовую продажу альбом «Зоопарка» еще не поступил. Как, впрочем, не было на прилавках и двух миньонов с композициями из этой пластинки. Еще сильнее я удивился, не обнаружив на диске двух песен — «Бедность» и «Вперед, Бодхисаттва!» Их там, в отличие от магнитоальбома, попросту не было. А затем в журнале «Сельская молодежь» я увидел интервью с лидером «Зоопарка», который по поводу издания «Белой полосы» заявил:

что именно из программы «Музыкальный Олимп» житель далекого Веллингтона Эндрю Грамс с удивлением узнал, что в Советском Союзе существует поп- и рок-музыка и даже хэви-метал! А почему бы и нет? — в свою очередь удивились мы. Ведь если поклонники и исполнители этих жанров есть в Новой Зеландии, которая по своим размерам сопоставима с нашей Рязанской областью, то почему их не может быть в стране, занимающей шестую часть земной суши и третье место в мире по числу жителей?

В том, что все направления представлены в нашей эстрадной палитре, что в композиционном и исполнительском отношении советская легкая музыка занимает не последнее место в мире, в том, что она имеет свой национальный колорит, представители зарубежных средств массовой информации имели возможность убедиться во время состоявшегося недавно во Дворце спорта в Лужниках большого благотворительного концерта, приуроченного к московской встрече в верхах. В этой программе выступали: Валерий Леонтьев и «Наутилус Помпилиус», Владимир Кузьмин и группа «Браво», Игорь Николаев и «ДДТ», «Бригада С» и «Электроклуб», «Машина времени», «Секрет» и другие «звезды», представляющие широкий жанровый спектр отечественной эстрады.

— Интересно то,— сказал генеральный представитель итальянской фирмы «Оливетти» в Москве Франко Сальтори,— что состав участников благотворительного шоу подбирался демократическим путем: на основе опроса популярности. По-моему, это отражает процессы, происходящие сейчас в вашей стране. Нам приятно, что для подведения итогов первого в СССР общенационального хит-парада ТАСС выбрал быстродействующие компьютеры «Оливетти». И потому мы с готовностью откликнулись на предложение стать одним из спонсоров концерта.

Другим спонсором была специализирующаяся по связям с общественностью американская фирма «Кавулик интернэшнл». Ее президент Джон Кавулик отметил, что царившая в этот вечер во

регионы: Сибирь, Средняя Азия, Закавказье. По данным фирмы «Мелодия», например, на все Поволжье приходится не более 200 экземпляров любой популярной пластинки серьезного жанра. Вопрос этот столь важен, что откладывать его решение дальше нельзя — ведь речь идет о духовной культуре людей.

В мае в разделе классики среди пользовавшихся наибольшим спросом было названо 115 дисков. На первом месте — пластинка с записью комической оперы Моцарта «Так поступают все женщины» в исполнении хора и оркестра Большого театра СССР (дирижер М. Эрмлер).

В жанре легкой музыки упоминаются 89 долгоиграющих пластинок. Обращает на себя внимание успех ленинградских исполнителей: в первой десятке — пять их дисков. **А на вершине Олимпа — впервые вошедшая в хит-парад группа «Зоопарк».**

Среди «миньонов», возглавляющих список на протяжении последних шести месяцев, к сожалению, повторяются одни и те же названия: группы «Алиса», «Черный кофе», «Чарли Чаплин» (исполняет Л. Вайкуле), «Надо же!» (А. Пугачева), «Букет» А. Барыкина и «Луна, луна» (С. Ротару). В связи с тем, что фирма «Мелодия» обновляет репертуар малоформатных пластинок недостаточно активно, из многих городов корреспонденты ТАСС присылают сводки с пометкой: «Миньоны» спросом не пользуются...»

Самыми популярными песнями мая, определяемыми по почте «Музыкального Олимпа», стали «Реактивный самолет» в исполнении дуэта из ФРГ «Модерн токинг» и новая песня В. Кузьмина «Птица певчая» в исполнении Аллы Пугачевой.

Среди исполнителей лидером месяца назван Валерий Леонтьев. Впервые в «двадцатку» вошли ленинградцы Марина Капуро, а также группы «Кино» и «ДДТ».

Те, кто хочет отдать свой голос за любимую песню, могут написать по адресу: 103860, Москва, Тверской бульвар, 10, ТАСС, хит-парад.

А. АНДРЕЕВ.

(Корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»).

«Мы с фирмой „Мелодия“ знаем друг друга понаслышке. Пора соответствовать международным стандартам, которые не придуманы кем-то, а выработаны тысячами примеров. Новая программа должна быть сначала записана на пластинке, а в случае успеха группа может начинать гастрольные турне, не гонясь за числом концертов. Больше того, нужно перестроить и систему оплаты. Исполнитель, чья пластинка расходится огромными тиражами, должен получать с этого приличный авторский гонорар. Мы все равно придем к этому, сама логика жизни приведет».

> Тем временем «Белая полоса» несколько неожиданно вышла на первое место всесоюзного хит-парада ТАСС. После многочисленных допечаток тираж диска приблизился к нескольким сотням тысяч копий. Парадоксально, что не самый яркий альбом «Зоопарка» продавался гораздо веселей пластинок «Машины времени», «Секрета» и «Аквариума», не говоря уже о разнообразных поп-исполнителях. Знакомые барыги утверждали, что особенно лихо диск улетал в регионах: Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Несмотря на то, что Науменко получил символический гонорар и был вынужден покупать собственные пластинки в магазине на Невском, он выглядел счастливым человеком. Радостно обсуждал с Борей Мазиным и Сашей Старцевым феноменальный прорыв «Белой полосы», периодически вставляя в разговор крылатую фразу из песни Back In Black группы AC/DC: «Number one with a bullet». В тот момент Майк даже не догадывался, какую цену ему придется заплатить за этот успех.

Весной 1988 года нам казалось, что русский рок переживает второе рождение. По стране гремели беспрерывные фестивали, музыканты плотно обосновались в телевизоре, а глянцевые обложки светились ликами Гребенщикова, Кинчева и Макаревича.

На полях горбачевской перестройки рок-концерты наконец-то стали легальными. Так, в апреле в ДК МЭЛЗ состоялась премьера кинофильма «Асса», сопровождаемая выступлениями лучших рок-групп. В один из вечеров там играли «Зоопарк» и «Аквариум». На этот концерт мне попасть не удалось. Вокруг акции царил нездоровый ажиотаж, концерт снимала телепрограмма «Взгляд», а лишние билетики «стреляли» уже на выходе из метро.

К сожалению, я не смог тогда раздобыть контрамарку, а также отыскать впоследствии эту телесъемку, которая в эфир так и не вышла. Зато мне посчастливилось купить у коллекционеров

магнитофонную запись выступления «Зоопарка». И это звучало очень мощно.

При поддержке скрипки Сергея Рыженко Майк стартовал с «Блюза простого человека». Затем на пульте вывели «вправо до предела» клавиши Мурзика, и на зал обрушилась измененная до неузнаваемости ритм-н-блюзовая версия «Белая ночь / Белое тепло». Анонсируя «Белую полосу», Науменко не смог отказать себе в удовольствии рассказать о появившейся в продаже пластинке, а заодно обстебал «нашу любимую фирму „Мелодия“».

Выступление «Зоопарка» длилось почти час, завершившись несколькими бисами и кавером на Route 66. Затем последовал скандальный джем с «Аквариумом», который не попал на пленку. По рассказам очевидцев, после совместного исполнения «Пригородного блюза» Гребенщиков шепнул на ухо Майку: «Отойди, я сейчас им устрою!» И грифом гитары с размаху снес микрофонную стойку. Удар получился настолько мощным, что стойка улетела в дальний угол сцены, по пути едва не раскроив череп Науменко.

Фото: Владимир Быстров

Удачная презентация завершилась грандиозной алкогольной

сессией в гримерке, которая своей эпичностью произвела впечатление на московских приятелей «Зоопарка».

> «Я застал Майка в темных очках, кожаных штанах и жилетке, пробитой металлическими клепками, — делился воспоминаниями Гоша Шапошников. — Науменко сидел ко мне спиной, склонившись над каким-то ведром. По-видимому, он был в процессе очищения организма от токсинов, употребленных с утра. Я спросил у Грача: „Это все время так происходит?“. На что Сева мне честно ответил: „Ну, врать не будем — все время так!“ — и протянул нам мандаринки. После чего мы с Майком обнялись».

Через пару месяцев за кулисами ДК Горбунова, перед очередным сольным концертом «Зоопарка», я встретил Майка с двумя большими белыми значками на куртке. На одном было написано: «На какие дела сейчас понт, бэйби?», а на другом: «Бэйби, сейчас понт на наши дела!» Смотрелось это весело, хотя и несколько преувеличенно.

«Зоопарк» за кулисами: Куликов, Храбунов, Майк, Мурзик, Кирилов, 1988

Фото: Борис Нерода

Дело в том, что «перестроечная» судьба «Зоопарка» оказалась значительно скромнее достижений коллег. Группа сильно отставала от модных и актуальных тенденций — явно сказывалось отсутствие продюсера. Неудивительно, что Майк с

треском пролетел мимо многочисленных вспышек новейшего отечественного кинематографа. Судите сами. Его приятель Цой за считанные месяцы стал суперзвездой, попав в самые громкие премьеры сезона — «Ассу» и «Иглу», а Костя Кинчев сыграл главную роль во «Взломщике». Лидер «ДДТ» Юрий Шевчук, Антон Адасинский из «АВИА» и Борис Гребенщиков снялись в фильме «Рок» будущего киноклассика Алексея Учителя. Сергей Курёхин сыграл в «Два капитана-2» и, чуть позднее, в «Лох — победитель воды», записывая при этом бесконечные саундтреки — от мистической драмы «Господин оформитель» до конъюнктурной «Трагедии в стиле рок».

Джоанна Стингрей в Ленинграде
Фото из архива Александра Липницкого

Все мало-мальски значимые ленинградские группы прошли через эфиры «Музыкального ринга», но только не «Зоопарк». И пока, к примеру, Курёхин перед телекамерами «толкал телеги» о том, что он — «певец умирающей культуры», Майк давал крайне сдержанные интервью Саше Старцеву, которые читало от силы двадцать человек.

Еще одним крупным проколом Науменко стало принципиальное нежелание сотрудничать с приехавшей в Ленинград из Калифорнии певицей и промоутером Джоанной Стингрей. В итоге спродюсированная ею в США двойная пластинка Red Wave вышла без участия «Зоопарка». О диске с «Аквариумом», «Кино», «Алисой» и «Странными играми» много писали в прессе: Newsweek и USA Today, «Комсомольская правда» и журнал «Огонек». Кто-то хвалил, кто-то ругал, но главным было другое — появление Red Wave открывало для ленинградских музыкантов перспективы в Европе и Америке.

Казалось, что Майка вся эта история совершенно не волнует. Напротив, в этот период лидер «Зоопарка» неожиданно стал подозрительным, и особенно остро это ощущалось в его общении с иностранцами. Совершенно внезапно он занял в этом вопросе крайне агрессивную позицию. Друзья вспоминают: долгое время Науменко был уверен, что романтичная Джоанна Стингрей — агент КГБ или даже ЦРУ. С подобным умонастроением Майк никак не вписывался в историю с выпуском Red Wave — особенно после того, как демонстративно не явился на свадьбу Джоанны и гитариста «Кино» Юры Каспаряна.

«Многие годы в Советском Союзе любое общение с иностранцем считалось если не изменой родине, то явно чем-то нехорошим, — рассказывал Панкер. — Любой поход студентов в университетскую общагу, где живут американцы, пытались контролировать спецслужбы. Майк всего этого сторонился. У него была явная шпиономания, и порой он прямо обвинял кого-то из приятелей в том, что тот стучит. Он считал, например, что Коля Михайлов стучит, и журналиста Мишу Шишкова обвинял, и звукорежиссера Птеро Д'Актиля — тоже. У Майка тогда была такая легкая параноя».

Позже Науменко осознал, как много сделала Стингрей для русского рока, и все-таки решился дать интервью американской журналистке. Сохранилась видеозапись 1987 года, где, отвечая на вопросы Джоанны, лидер «Зоопарка» рассуждает по-английски о своей роли в истории ленинградского рока. Увы, «пить боржоми» было уже слишком поздно. В итоге предложение записать альбом в США с музыкантами Eurythmics получил Гребенщиков, а Майк вместе с «Зоопарком» поехал в Усть- Абакан — давать концерт в колонии для малолетних преступников.

Фото: Дима Конрадт

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

«Если рассуждать честно и объективно, то Майк и «Зоопарк» выпали из актуальной повестки еще в году 1988…»

Артемий Троицкий

Попытки ускориться и переключиться на новую жизнь давались Майку с невероятным трудом. Да по большому счету он и сам не очень-то пытался изменить что-либо в своих привычках. При этом удивлялся успехам других рок-групп, искренне не врубаясь в механизм их стремительного взлета.

«Я не понимаю, откуда же они берут деньги на все это? — в порыве откровения вопрошал Науменко в беседах с Борисом Мазиным. — Откуда у них новые гитары? Откуда у них деньги на студии и заграничные поездки?»

По всей стране бушевала перестройка, но Науменко не вписывался в этот непривычный ритм. «Все вокруг несутся в Америку, но только не Майк, — писал в своей книге „Рок на русских костях“ Коля Васин. — Его никто не приглашает туда. Он никому не нужен. Он сидит на белой полосе и размышляет: „Где бы достать двадцатник, чтобы купить у приятеля Greatest Hits Чака Берри?“»

Это мнение не было единичным.

Сева Гаккель спустя много лет вспоминает: «Неожиданно для всех Майк оказался домоседом и совершенно не светским человеком. К примеру, мы в „Аквариуме“ вели открытый образ жизни и были вместе везде — на премьерах, концертах, каких-то спектаклях. А Майк почему-то начал держатся особняком».

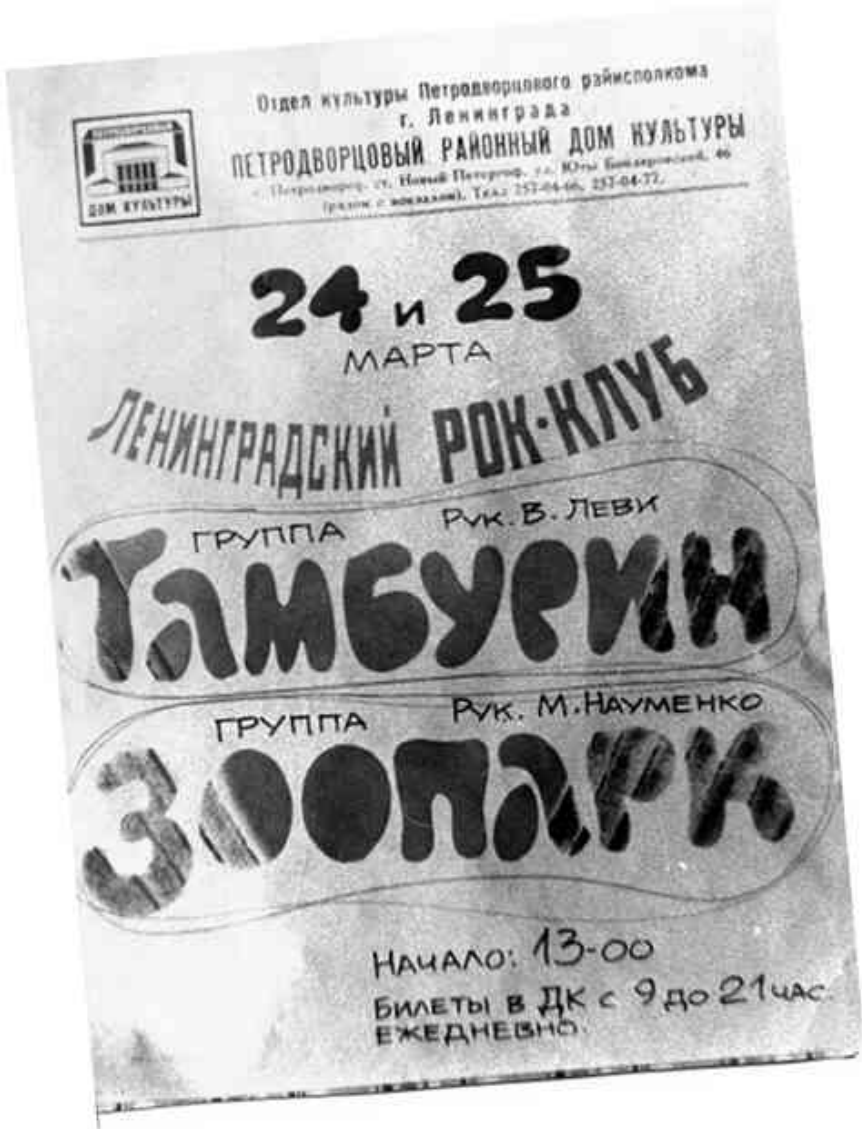
Позже даже Галина Флорентьевна признавалась, что, достигнув возраста Христа, ее сын стал напоминать Илью Обломова. Другими словами, начал лениться. Сутками лежал на диване, читал детективы и смотрел по телевизору фильмы про войну.

«Как-то мы с Мишей Кучеренко заехали домой к Майку, — вспоминал Пит Колупаев. — В коридоре, естественно, срач и бегают какие-то люди в маечках. Мы, москвичи, к такому не привыкли. А у Майка комнатка меньше, чем туалет, он на диванчике лежит, смотрит «Они сражались за Родину» и кайфует от этого. У нас с собой была бутылка портвейна, но Майк сказал:

«Не, ребята, пить еще рано». У себя в берлоге он был очень скромный и застенчивый человек, с кучей комплексов. Перечитал много раз всего Тургенева, а Тургенева читают только стилисты. Он был поклонником метафор и аутентичного русского языка. При этом у него вся стена была завешана плакатами Марка Болана».

> Прожигая жизнь дома, Науменко включил внутренний тормоз, игнорируя множество акций, проходивших в Ленинграде. При внешней суете вокруг Майк оказался чуть ли не единственным музыкантом в рок-клубе, который принципиально не принимал участие в безумно-веселых выступлениях импровизированного оркестра Сергея Курёхина.
>
> «Как-то в разговоре со мной Майк обронил по поводу „Поп-механики“: „Не понимаю, чем там занимаются мои коллеги из рок-клуба?“, — рассказывал в книге „Беспокойники города Питера“ Павел Крусанов. — „Я понимаю, что Сережа Курёхин — большой музыкант.… Но нам-то что делать с ним на одной сцене? Играть трень-брень на гитаре?“»

«Майк начал тяжелеть, — исповедовался мне Родион в интервью 2018 года. — И, мне кажется, что виноват в этом отчасти был я. Потому что подарил им с Наташей на свадьбу телевизор, в качестве шутки. И мне в голову не приходило, что они станут его смотреть. И еще, крайне неожиданно для меня, Науменко начал читать журнал „Корея“. В какой-то момент он пошел по пути наименьшего сопротивления».



О таких переменах в жизни Майка никто из его иногородних поклонников даже не догадывался. Личную «эволюцию» лидера «Зоопарка» мне довелось наблюдать воочию и, безусловно, это были яркие впечатления. В ноябре 1988 года я столкнутся с Науменко в артистической гримерке Лужников. Это случилось во время эпохального концерта памяти Саши Башлачёва, который за полгода до этого выбросился из окна съемной ленинградской квартиры. Почтить его память собрались многие ведущие рок-группы страны: «ДДТ», «Алиса», «Кино», «Калинов мост», Андрей Макаревич, Юрий Наумов, «Чайф» и «Зоопарк» с Сергеем Рыженко.

«ДДТ» в Лужниках, 1988
Фото: Владимир Иванов

> Приехав с Шевчуком в Москву на «пьяном поезде» из Ленинграда, Науменко целый день маялся, вспоминая первый куплет «Старых ран», с которых «Зоопарк» планировал начать программу. Но, видимо, такая на улице стояла погода, что реанимировать текст собственной песни Майк так и не смог. Мне кажется, что эта неудача надломила что-то у него внутри.

В это время я брал интервью у Наумова, у которого была общая гримерка с «Зоопарком». За пару минут до выступления открылась дверь, и в артистическое помещение с шумом ввалился Майк. Хмуро посмотрев на «чужаков», он, обращаясь к притихшим музыкантам, со значением толкнул пространную речь, а затем пригласил в гримерку Сережу Рыженко и нетвердой походкой повел свою рок-группу по длинному коридору Лужников.

На сцене Науменко появился с опозданием, слегка покачиваясь. В итоге академичное выступление «Зоопарка» перед восемью тысячами зрителей — в контексте яростной «Алисы», романтичного Цоя, пронзительного «Калинова Моста» и неустрашимого Шевчука — сенсацией не стало. На фоне старого грязного саунда выделялась лишь песня «Выстрелы»: «Каждый день — это меткий выстрел, это выстрел в спину, выстрел в упор / За все эти годы можно привыкнуть, но ты не привык до сих пор».

Примечательно, что незадолго до выступления «Зоопарка»

произошла небольшая стычка между организаторами — на важную тему видеосъемки концерта. Изначально предполагалось, что мероприятие будет снимать команда Джоанны Стингрей, но тут в дело вмешался Шевчук. Он настойчиво предложил отдать все права его партнерам.

«Нехер всяким непонятным людям давать камеры, — категорично заявил вождь „ДДТ“. — У нас есть клевые американские кореша, и они всё надежно снимут!»

В результате у съемочной бригады получился мутный фильм «Рок на красном коне», а исходники были благополучно утеряны. Одним из пострадавших артистов оказался Майк. Из получасового выступления «Зоопарка» в Лужниках сохранилась лишь видеозапись «Московского блюза» (Blues de Moscou 1), фрагменты которой затем неоднократно использовались в документальных фильмах о группе.

Так случилось, что незадолго до мемориала Башлачёва группу покинул ее наиболее артистичный музыкант — Андрей «Мурзик» Муратов. Причин было несколько, но главная из них состояла в том, что клавишник «Зоопарка» параллельно выступал в составе «ДДТ». На Майка такое «раздвоение личности» влияло крайне негативно. В итоге квинтет превратился в квартет, и, как казалось, немного от этого потерял. Все в группе дружно забыли, сколько раз Мурзик спасал концерты, дублируя на клавишах басовые партии, когда нетрезвый Куликов не мог попасть штекером в усилитель.

Надо признаться, что времени на размышления было немного. К середине 1988 года «Зоопарк» стал считаться «самой гастролирующей группой» ленинградского рок-клуба. Песни Майка, известные в регионах еще с начала восьмидесятых, и сумасшедший тираж пластинки «Белая полоса» сделали Майка максимально востребованным исполнителем. «Сидевший» на домашнем телефоне Сева Грач едва успевал отмечать в блокноте даты новых концертов.

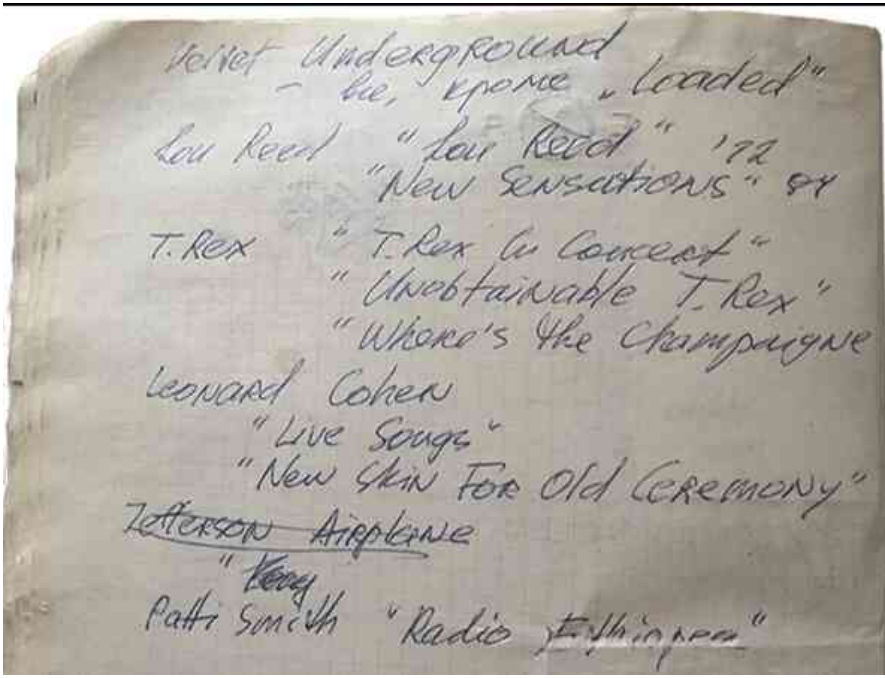
Особенно интенсивным выдалось лето 1988 года. Конец мая — фестиваль в Минске, в июне — несколько концертов в Воронеже, затем — выступление в Колпашево на 50-летии города, ознаменовавшее собой начало сибирско-дальневосточного тура.

По мнению музыкантов, одно из самых удачных выступлений случилось во Владивостоке, куда группа полетела вместе с Ишей Петровским. На страницах прекрасного дамского фанзина «Штучка» был опубликован искрометный репортаж из «Матросского клуба», где, судя по статье, царил «сплошной драйв и угар».

«Живой „Зоопарк“ — что ожидали, то и увидели, — комментировала журналистка Лина Курятникова дальневосточный дебют Майка. — Песня „Дрянь“ лично на меня со сцены произвела такое впечатление, которое никогда не производила в записи… Публика пришла исключительно врубающаяся, и вела себя, как положено, вызывая недовольство комсомольских работников. Все время ломалась аппаратура, а народ постоянно скандировал: „Уездный город N!“»

Гримерка «Зоопарка» во Владивостоке: Иша и Куликов
Фото: Лина Курятникова (журнал «Штучка»)

Затем у «Зоопарка» был концерт в Хабаровске, но этот город оказался интересен совсем другими событиями. Во-первых, ребята из редакции журнала Underground взяли развернутое интервью у Майка, которое впоследствии очень пригодилось мне в работе над книгой. Во-вторых, во время саундчека к музыкантам подошел неприметного вида сержант Советской армии. То был Леонид Бурлаков — молодой поэт и, в недалеком будущем, продюсер группы «Мумий Тролль». К 1988 году Леня уже написал будущий хит «Новая луна апреля», и теперь проходил воинскую службу в Хабаровске.



Автограф Майка сержанту Бурлакову, 1988

> «Я по-наглому попросил Майка о личной встрече, — вспоминал Бурлаков. — На следующий день по его приглашению приехал в гостиницу к десяти утра. Последовавшие два часа я запомнил на всю свою жизнь. Примерно так я себе и представлял типичного питерского интеллигента, терпеливого и прекрасно меня понимающего. Помню каждое слово, каждый его ответ. Например, мой первый вопрос был: „А как Борис Гребенщиков пишет свои песни?" Любопытно, что в самом конце беседы Майк набросал мне список музыки, обязательной к прослушиванию. Там были практически все альбомы Velvet Underground, концертные диски Леонарда Коэна и Марка Болана, а также одна из пластинок Патти Смит.…»

После Сибири и Дальнего Востока у группы состоялись концерты в Киеве. «Аншлага не было», — сквозь зубы цедит продюсер Роман Альтер, который не очень любит вспоминать об этих выступлениях в политехническом институте. И в чем-то понять его можно.

Яркостью шоу «Зоопарк» никогда не отличался, а уход неутомимого Мурзика ослабил не только плотность звука, но и

визуальную составляющую шоу. К тому же за несколько месяцев резко снизился внутренний темп концертов — у Майка появилась дурацкая привычка настраивать в разгар выступления свою гитару. Он мастерски создавал иллюзию, что знает о музыке значительно больше, чем зрители могли услышать из самопальных динамиков местных Домов культуры. И если в провинции такие трюки периодически прокатывали, то в Ленинграде натренированная публика кричала Майку из зала: «Кончай лабуду! Все равно на гитаре играть не умеешь!»

Но это было еще полбеды. Как чуткий художник, Науменко понимал, что уже несколько лет у группы нет нового альбома, и осознание этого факта вызывало у Майка бесконечную грусть. Одна из причин была технической — записываться «Зоопарку» было положительно негде. Студии Тропилло и Панкера перестали функционировать, а сотрудничество с государственными структурами, такими, как «Мелодия» или Дом Радио, выглядело печальным.

В клубе филофонистов Владивостока
Фото: Лина Курятникова (журнал «Штучка»)

«Приходит в студию группа „Зоопарк“, старые, грязные, рок-н-ролльные мужики, — жаловался Майк в одном из интервью. — Нам дают девушку. Лет пятидесяти. Может быть, ей даже сорок пять — мы не спрашивали. Короче, она, возможно, хорошо запишет симфонический оркестр. Но, как записать барабаны, она не знает. Нам приходилось самим крутить ручки, которые она должна была крутить в студии, которую мы видели впервые».

Кроме типичной советской бесхозяйственности, налицо были явные энергетические нестыковки между патриархальными законами «Мелодии» и «стилем жизни» группы «Зоопарк».

«На „Мелодии“ мы больше записываться не будем, — заявил после очередной звукозаписывающей сессии Сева Грач. — Обстановка там нерабочая: ни покурить, ни матом ругнуться».

В этот период Науменко, безусловно, чувствовал, что «Зоопарк» уверенно топчется на месте — без нового звука и свежих аранжировок. Порой музыканты предлагали своему лидеру какие-то робкие идеи, но Майк от них всегда отмахивался. То ли идеи не нравились, то ли настроение отсутствовало, то ли репетировать было лень. Непонятно…

«Мы творческие темы в группе не очень часто обсуждали», — говорил мне впоследствии Валера Кирилов. Вдумайтесь, люди, какая печаль стоит за этими словами…

«Репетиционного процесса в „Зоопарке“ почти не было, — признавался Саша Храбунов. — У меня практически все соло и риффы были сочинены в студии».

«Я не раз говорил Майку, что делая ставку на Шуру Храбунова, он ставит только „на одну монету“, — вспоминал Борис Мазин. — Далеко не все композиции получались у него хорошо. Эти разговоры мы вели все время. Последняя беседа состоялась по поводу песни „Женщина“, которая в электрической версии превратилась в жесткий кабак… Я очень любил ее текст, но со сцены слов не было слышно вообще. По этому поводу нам стало крайне сложно общаться друг с другом. И один раз я здорово получил по шапке, когда Майк выслушал мои мысли, а потом спросил: „Ты хотя бы один хит в жизни написал, чтобы давать мне советы?“ И всё».

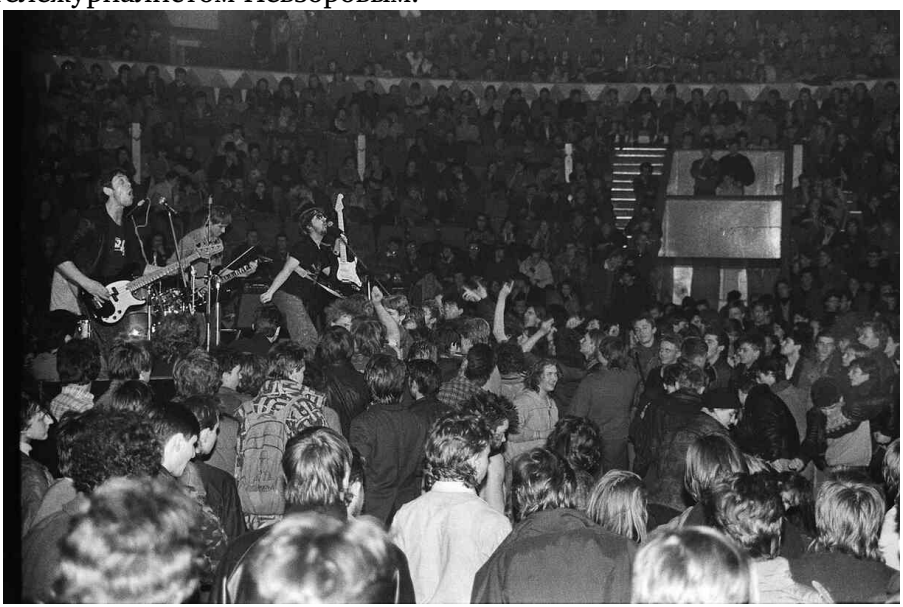
Кроме появившейся обидчивости, во внутренней химии Майка начали происходить и другие метаморфозы. К примеру, в сценическом поведении куда-то исчезли легкость, ирония и артистизм. Науменко внимательно наблюдал, как ярко выступали на концертах гуттаперчевый Костя Кинчев, стильный Миша Борзыкин из «Телевизора» и отец «русских народных галлюцинаций» Петя Мамонов. Также он часто пересматривал международный рок-фестиваль Live Aid, записанный Панкером с финского телевидения. Казалось, как вести себя на сцене, Науменко прекрасно знал и понимал. Но в жизни все получалось по-другому.

В хаотично подобранном сценическом прикиде Майк порой напоминал кособокого филина. И если в начале выступления он еще пытался пританцовывать в стиле Чака Берри, то ближе к финалу уставал, обретая непринужденность провинциального

лектора. Нечто похожее происходило и с командной игрой «Зоопарка». Иногда, правда, старая формула по-прежнему срабатывала, и тогда у группы случались прорывы. Один из них произошел на совместном концерте с группой «Ноль», лидер которой — Федя Чистяков — остроумно положил текст «Буги-вуги каждый день» на патриотическую мелодию «Варшавянки».

«В один из моментов я рискнул показать Майку свое „изуверство“ над его песней, — вспоминал Чистяков. — К счастью, Науменко оказался человеком без ненужных комплексов, по крайней мере, по части собственной гениальности. Ему все понравилось, и мы сымпровизировали под „Варшавянку“ на концерте в Ленинградском цирке. Это было ее первое исполнение».

Со временем это мероприятие приобрело статус легендарного — не в последнюю очередь из-за стычки Майка с тележурналистом Невзоровым.



Концерт «Зоопарка» в Ленинградском цирке, 1989
Фото: Дима Конрадт

Рассказывает Леша Рыбин: «Майк был первым и последним, кто послал нахуй Невзорова. Когда только появилась программа „600 секунд“, тот начал снимать сюжет о том, как рок победил коммунизм, разложив при этом христианскую молодежь, — Невзоров любил такой подход. И вот Майк стоит на сцене, у него саундчек, а Невзоров начинает ставить свет и орать на всех командным голосом. На что Майк громко говорит в микрофон: „Слушай, иди отсюда нахуй!“ Невзоров начинает вопить, что он

тут работает и не надо ему мешать. Тогда Майк повторяет: „Иди нахуй, это я здесь работаю, а ты мне мешаешь!“ И Невзоров ретировался».

Выступление в цирке было одним из нечастых концертов «Зоопарка» в Ленинграде. Из-за бесконечных гастролей Майк почти перестал бывать в родном городе и общаться со старыми приятелями. Скорее всего, из-за нехватки времени. И энергии.

«Мы с Майком стали значительно меньше разговаривать, — рассказывал мне барабанщик „золотого состава“ Андрей Данилов. — Миша все время был в какой-то суете… Так, чтобы вместе сесть и посидеть, уже не получалось».

В этот кочевой год Науменко оказался в искусственной изоляции — в окружении музыкантов «Зоопарка», директора Севы Грача и звукорежиссера Ильи Маркелова. Без коллаборации с Гребенщиковым, Фаном, Донских и несколькими старыми друзьями лидер «Зоопарка» словно застыл в собственном развитии.

«Майк всегда хотел иметь свою группу, — считает Родион. — И когда он ее получил, ему пришлось заплатить за это немалую цену. Уровень личностного развития у Науменко оказался несколько выше… Его музыканты — симпатичные ребята, но просто у людей был разный культурный уровень. Науменко больше читал, больше думал, он больше общался с культурными людьми. Английская школа в центре — не фунт изюму. Это все в итоге было по уровню намного выше его музыкантов».

Майк, естественно, чувствовал, как рутина и стагнация заедают его. Со стороны это напоминало творческий вакуум и не могло укрыться от внимания его близких.

> «После выхода „Уездного города N“ прошло всего несколько лет, и Майк внезапно посерьезнел, — замечал Коля Васин. — Он начал разъезжать по стране с бесконечными концертами, с программой из своих веселых песен. Но вскоре веселье постарело. Потому что песни были старыми, а новых песен Майк не писал. И это было грустно».

К 1989 году «Зоопарк» пошел на новый виток гастролей, и зрители с удивлением обнаружили, что репертуар группы практически не изменился. Программа концертов отличалась от романтического первого приезда на две-три композиции. Этот факт вызывал волны негатива — как у зрителей, так и у серьезных критиков. К примеру, во время научного семинара, проходившего в рамках III фестиваля свердловского рок-клуба, социолог и журналист Николай Мейнерт, активно продвигавший

«Зоопарк» на эстонском радио, публично заявил:

«Многие музыканты, такие как Майк, сейчас не знают, что им делать… Какую теперь им найти интонацию, чтобы сохранить актуальность? Поэтому самой интересной его песней на прошлом фестивале была „Я забываю, я продолжаю забывать“. Она соответствует реальному положению вещей, когда Майк элементарно забывал слова собственного текста с очередного перепоя».

Со стороны казалось, что это тупик, и дальше отступать некуда. Всем, но только не Майку. В тот момент он еще иллюзорно на что-то надеялся.

На съемках фильма «Буги-вуги каждый день»
Фото: Андрей «Вилли» Усов

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЖИЗНИ С ПОРАЖЕНИЕМ

«Люди Майком совершенно не фильтровались.… При этом я не могу сказать, что он — неудачник. Или крест на себе поставил. Возможно, что все, что он мог обозреть перед собой, его просто не интересовало»

Михаил «Фан» Васильев

В частных беседах многие приятели Майка рассказывали мне, что к концу восьмидесятых лидер «Зоопарка» начал сильно меняться. И, в первую очередь, это касалось его творческого энтузиазма. Друзья и музыкальные критики стали замечать, что в эти смутные времена внутренний огонек Науменко стал потихоньку гаснуть.

«Если у Майка не писались песни, он не вымучивал их из себя, — рассказывал Сева Грач. — Я считаю, что последний сильный номер, который он написал, — это композиция „Выстрелы“. Это был такой реквием по самому себе, уже в 1987 году. Я говорил ему: „Миша, нужна новая программа!“, а он отвечал: „Все будет!“ Но я видел, что новой программы не будет».

«У него просто не хватало времени и энергии на создание новых композиций, — утверждал впоследствии Борис Мазин. — Если раньше Науменко покупал с утра несколько бутылок „Жигулевского“ и в спокойной обстановке занимался переводами или сочинительством, то теперь его будили наглыми звонками в дверь, и сутки напролет он тусовался с поклонниками и друзьями».

Примерно в 1988–1989 годах в коммунальной квартире на Боровой наконец-то установили телефон. Он стоял в коридоре и в течение целого дня трезвонил, не умолкая. Кроме того, во много раз выросло количество непрошеных гостей. В одном из архивных интервью Гребенщиков откровенно поведал об этой тенденции:

«Когда стало возможно концертировать, не нарушая закона, слава Майка немедленно зашкалила. И — на беду — заманчиво приземленный лад его песен располагал к простоте общения. Адрес его не был засекречен, и каждый слушатель „Зоопарка“ знал — на улице Боровой в Ленинграде живет человек, который его понимает. Вот тут и начались проблемы. Чуть не каждое утро

в дверь звонили похмельные незнакомцы, которые с порога заявляли: „Я приехал из Владивостока (Тамбова, Братска, Миасса) поклониться в ноги любимому автору. Не выгоните же вы меня на улицу?“ А какое же общение без портвейна? И доставали бутылку. И Майк, вскоре реально взвывший волком от такой напасти (как он мне не раз говорил), из врожденной тактичности никому не мог отказать. Несколько лет такой жизни могут подорвать здоровье и рассудок самого крепкого человека. А „крепким“ Михаил не был никогда: мечтателем — да, знатоком музыки — да, интеллигентным — да. Но — не крепким…»

Здесь необходимо заметить, что чем больше у группы становилось выступлений, тем меньше внимания Майк стал уделять «качеству продукта». Казалось, что теперь он гастролирует по инерции, через «не могу». Из band on the run «Зоопарк» медленно превращался в банду пьяных анархистов.

Науменко стремительно терял интерес к концертной деятельности и начал «динамить» целые туры, не желая покидать свою мрачную берлогу. В паузах между гастролями у него начинались сильнейшие скачки настроений, и периодически он впадал в локальную депрессию. В подобном контексте ему было совершенно не до креативных прорывов и поэтических озарений. Все чаще и чаще Майк переставал выезжать в города, нарушая все договоренности.

Обозревая в одном из журналов гастроли ленинградского рок-клуба, я в 1989 году писал, как в Твери после триумфальных выступлений «Ноля», «Нате!», «АВИА» и «Игр» практически все заборы были разукрашены афишами «Зоопарка». Но Майк в город не приехал. О причине отмены концерта организаторы говорили крайне неохотно, либо ругались самыми грязными словами.

Фото из архива Игоря «Иши» Петровского

К сожалению, лидер «Зоопарка» здорово подвел и Борю Мазина, не прилетев в Казань на совместные выступления с группой «Объект насмешек». Договор между приятелями носил устный характер, но уже в аэропорту выяснилось, что до столицы Татарии долетела только команда Рикошета. Они прибыли вместе с Панкером, который сообщил обалдевшему Мазину, что Майк, кажется, заболел. При этом звукорежиссер альбома «LV» краснел и смотрел куда-то в сторону.

Доверчивый казанский организатор попытался дозвониться в Питер, но сделать это ему не удалось. По-видимому, болезнь была настолько тяжелой, что долгие телефонные трели не слышали ни сам Науменко, ни его родственники, ни соседи.

Однако, «повезло» или «не повезло» Мазину в тот злополучный день — вопрос риторический. В каком виде Науменко мог появиться в Казани, можно только догадываться. Больше концертов «Зоопарка» Борис не организовывал — негативных эмоций от такого «сотрудничества» он получил предостаточно. Как говорится: «Спасибо! Больше не надо!»

> «Мне было искренне жаль Майка, — говорил Андрей „Вилли“ Усов. — Казалось, что он не достоин такого местечкового рока. Он был выше этого. Не то, чтобы аккомпанемент, а окружение… Друзья, спаивающие

„безумный бриллиант“.… Ведь без бутылки не приходили! Да я и сам бухал.… Все вокруг пили, все время!»

«У Майка уже не хватало душевных сил, — вспоминал Родион. — К тому времени многие из его старых друзей уже умерли, и психологический груз на нем лежал тяжелейший. И он, видимо, избрал саморазрушительную форму поведения, как способ внешней защиты».

Как-то раз, после очередного московского концерта «Зоопарка», в странной компании с «Форумом», Ириной Аллегровой и «Мифами» — Пит Колупаев неожиданно столкнулся с Майком за кулисами. Науменко жестко ругал своего директора, бесконечно повторяя: «Как это нам гонорар не полностью заплатили?! Мы же — профессионалы!»

«Он уже тогда выглядел, как Элвис Пресли перед смертью — осунувшийся и заметно постаревший», — заявил мне Колупаев во время интервью. От неожиданности я растерялся, забыл следующий вопрос, и беседа на этой невеселой ноте завершилась.

Незадолго до своей смерти в 2019 году Борис Мазин вспоминал, как накануне приезда «Зоопарка» в Казань Саша Старцев предупредил его, что больше бутылки сухого вина Майку перед концертом давать нельзя. Иначе — быть беде.

«В 1988 году группу привозил уже другой организатор, который выкатил музыкантам целый ящик бухла, — рассказывал Борис. — Зал — битком, а „Зоопарк“ сидит за сценой и жрет водяру. Под ногами катаются пустые бутылки, вокруг бродят какие-то бабы… Майк сидит на табуретке, играет на гитаре Route 66 и говорит: „А на хрена мне на сцену идти? Мне здесь больше нравится“. Их тогда чуть ли не под локти из гримерки вытаскивали».

Вскоре подобная картина стала повторяться почти в каждом городе. Вдобавок ко всему, Науменко начал путать тексты, и со стороны это зрелище напоминало передачу «Вокруг смеха». В беседах с журналистами музыкант пытался подгонять под этот процесс весьма сомнительную идеологию, при этом всячески избегая темы качества концертов.

«Мне часто говорят, что я должен ощущать ответственность за то, что я делаю, — раздраженно заявлял Майк. — Никакой ответственности! Я не должен и не буду сочинять по десять песен в месяц. Я просто развлекаю людей… И никакой ответственности за то, как они развлекаются дальше, и что будут делать после концерта, я не несу».

По воспоминаниям Олега Ковриги, «на позднем этапе Науменко стал хронически забывать слова. Песня „Я забываю, я начинаю забывать“ — как раз об этом. В тот момент, когда Майк не мог вспомнить нужную строчку, он делал вид, будто что-то случилось с аппаратом. Стоит, губами шевелит, руками разводит и показывает на звукооператора Илюху Маркелова, которого это дико раздражало. Он долго ждал момента, и однажды, когда Науменко снова начал клоунаду со „сломавшимся аппаратом“, Илья врубил голосовой канал на полную мощность. И всем стало слышно, как Майк в микрофон шепелявит что-то непонятное. В общем, история больше не повторялась».

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Затем музыканты «Зоопарка» заметили, что Науменко постепенно перестает радоваться жизни и интересоваться окружающим миром. Он начал замыкаться в себе и все больше времени проводить не с группой, а в одиночестве.

«Даже на гастролях Майк никуда особенно не выходил, — удивлялся Сева Грач. — Я, как бывший музейщик и экскурсовод, старался успеть что-то посмотреть, погулять — а Майкуша… Выезды на природу ему вообще были по барабану, он совершенно

урбанистический человек. У нас были длинные гастроли — Дальний Восток, Сибирь. И я так выстроил график, чтобы нас отвезли на остров Попова, в океан. Но Майк с нами не поехал. „Ну чего там — остров, зачем мне эта рыбалка?“ И они с Илюшей Маркеловым остались в гостинице, запаслись алкоголем… У них это называлось „автономное плавание“. Они сидели каждый в своем номере: шампанское, водочка, всякая корейская еда. Ходить из номера в номер им уже было в лом, они только периодически созванивались по телефону».

Беда одна не ходит, и потихоньку все стало разваливаться. Группа постоянно бухала, капля за каплей теряя здоровье, внешность и уважительное отношение участников друг к другу. Следом за Сергеем Тессюлем, Александром Донских и Андреем Муратовым «Зоопарк» покинул директор группы Сева Грач.

Очевидно, что причины случившегося копились довольно долго.

Поначалу Майк терпимо относился к скотским условиям региональных гостиниц и невыполнению организаторами телефонных договоренностей. Иногда концертный аппарат приходилось арендовать в ближайших кабаках. В Бийске, например, у группы сорвался саундчек из-за того, что за час до выступления на сцене вообще не было аппаратуры. Остальные концерты на Алтае в последний момент были отменены. До дружественного Новосибирска музыканты добирались на рейсовых автобусах, сдавая по дороге пустые бутылки. В итоге незадачливых гастролеров отправил домой директор «Калинова моста», заплатив за билеты из собственного кармана.

Директор «Зоопарка» Сева Грач, 1988
Фото: Лина Курятникова (журнал «Штучка»)

Также группа неоднократно сталкивалась с ситуацией, когда организаторы отказывались оплачивать обратный проезд до Ленинграда. Все это было по-человечески неприятно, но единственное, чего Майк не собирался прощать своему директору — это участившихся «пропаж» гонораров.

«Как-то раз группа должна была лететь на гастроли в Хакасию, — рассказывал Вилли Усов. — И тут внезапно исчезает Сева Грач, вместе с паспортами и деньгами на билеты. Как оказалось позже, он ушел в недельный запой, пропил все деньги и потерял документы. Когда его нашли, он лил пьяные слезы и бормотал: „Только не в морду! Только не в морду!“»

Майк многое прощал директору «Зоопарка». Отчасти — из-за отсутствия подходящей замены, отчасти — из-за креативности своего администратора. Грач впервые в истории ленинградского рок-клуба придумал формат «концерта в двух отделениях» и при этом талантливо представлял группу в роли конферансье. Но, с другой стороны, у него так и не получилось организовать ни

одного зарубежного выступления, хотя по частным каналам таких предложений было немало: в Аргентину, Америку, Польшу, Италию и ГДР. Майк, говорят, даже выучил несколько фраз на немецком — но они ему, увы, не пригодились.

«На каком-то этапе Сева Грач резко расслабился и стал отвратительно выполнять свою работу, — говорил спустя тридцать лет Валерий Кирилов. — В результате мы потеряли несколько выгодных контрактов и много денег… Он начал прятаться и перестал отвечать на телефонные звонки. Нашли Грача где-то на Невском проспекте, поехали к нему домой и забрали все финансы и пластинки. И он написал расписку, что должен группе десять тысяч рублей. И после этого директором „Зоопарка“ стала его помощница Люся Волкова».

Майк официально расстался с Грачом после концертов в Грозном, где «Зоопарк» выступал на одной площадке вместе с металлистами из московской группы «Э.С.Т.». Неурядицы внутри коллектива, похоже, стали для Науменко привычным делом, и вскоре он начал воспринимать их как неизбежный фон.

«Довольно долго Майк пытался уговорить меня стать их менеджером, — вспоминал в 1996 году в беседе со мной Михаил „Фан“ Васильев. — Но „Аквариум“ и „Зоопарк“ мне, как директору, потянуть одновременно было сложно. И поэтому я подсунул в роли менеджера Грача, который уволился из Эрмитажа и удачно завалил все — по своему полному раздолбайству. Он умудрился даже потерять оригинал катушки с записями. Последнее его действие — он ехал в такси с „мастером“ альбома в сумке. На него напали, отобрали сумку, и катушка исчезла навсегда. Все случилось точно так, как в английском фильме про Пола Маккартни, где он взял в менеджеры какого-то ненадежного человека».

В те времена Науменко несколько раз жаловался Александру Липницкому, что ему не везет с директорами и менеджментом. Но, по правде говоря, ему в тот период не сильно везло и по жизни в целом.

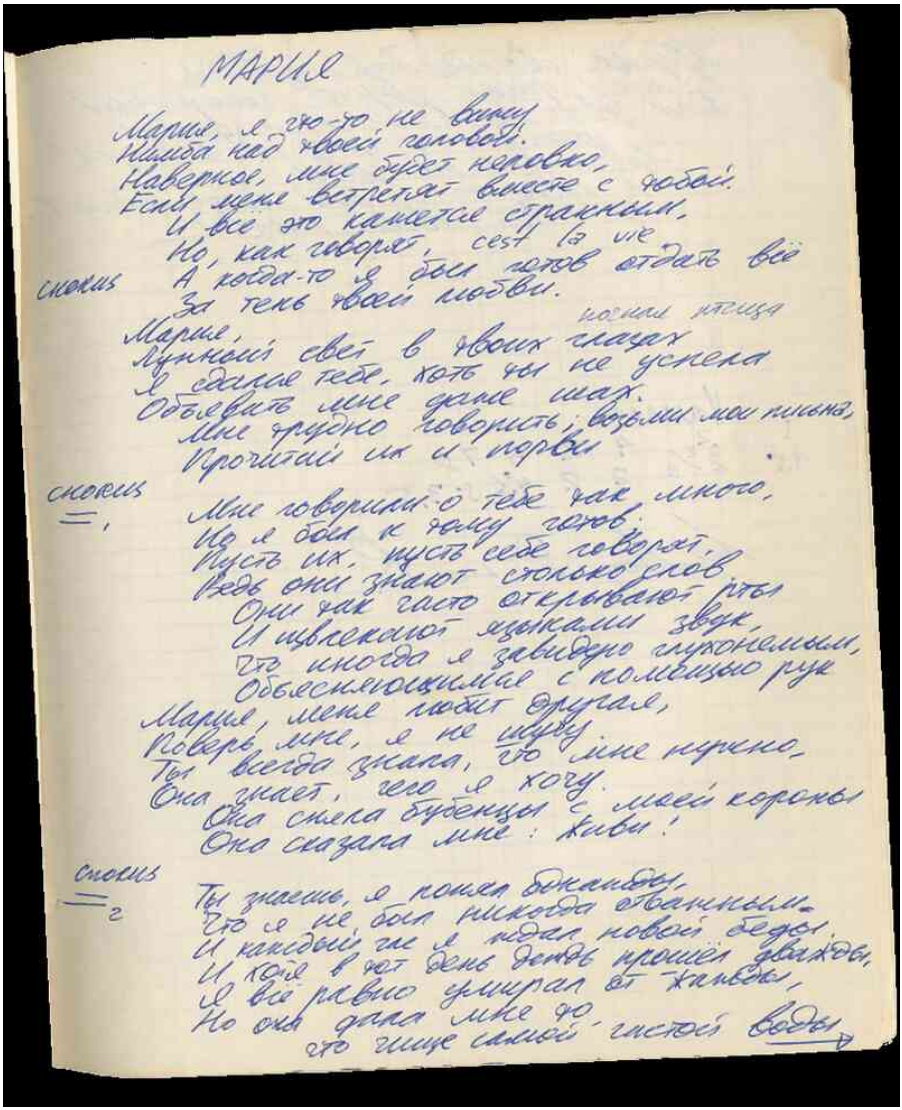
Фото: Анатолий Азанов

Во-первых, Майк снялся (в роли самого себя) в не очень удачном фильме под названием «Буги-вуги каждый день». Несмотря на теплые слова, сказанные Борисом Гребенщиковым на презентации, получасовая картина, снятая Ленинградской студией документальных фильмов, в широкий прокат не попала. Майк этого факта, как оказалось, даже не заметил. Позднее в одном из интервью лидер «Зоопарка» заявил: «Это фильм про нас, мы там и песни поем, но с сюрреалистическими отступлениями. Бельгия, Голландия, ФРГ его уже закупили на корню». Нужно ли говорить, что ни в одной из европейских стран фильм показан не был? Просто Майк, как неисправимый романтик, часто верил в то, во что ему хотелось верить.

Правда, в другом интервью Науменко деликатно назвал «Буги-вуги каждый день» «странным и несколько безумным», но барабанщик Валера Кирилов высказался куда менее политкорректно: «Сюжет этого фильма был понятен только нам четверым. Ну, еще, может быть, режиссеру. Больше в него не врубался никто: ни операторы, ни съемочная группа, ни зрители».

Другими словами, на фоне остальных громких фильмов о ленинградском рок-н-ролле это была явная неудача.

Во-вторых, весной 1989 года «Зоопарк» весьма спорно отыграл в Лужниках на 20-летии группы «Машина времени». Ни в фильм про «Машину», ни на концертную пластинку это выступление так и не попало.


МАРИЯ
Мария, я что-то не вижу
Нимба над твоей головой.
Наверное, мне будет неловко,
Если меня встретят вместе с тобой.
И все это кажется странным,
Но, как говорят, c'est la vie
А когда-то я был готов отдать все
За тень твоей любви.
Марие,
Лунный свет в твоих глазах
Я сделал тебе, хоть ты не успела
Обозвать меня кучей шах.
Мне трудно говорить, возьми мои письма,
Прочитай их и порви
Мне говорили о тебе так много,
Но я был к этому готов.
Пусть их, пусть себе говорят,
Ведь они знают столько слов
Они так часто открывают рты
И шевелят губами звук,
Что иногда я завидую глухонемым,
Обвешенным с ног до рук
Мария, меня любит другая,
Поверь мне, я не шучу
Ты всегда знала, что мне нужна
Она знает, чего я хочу.
Она стала бубновой с моей короны
Она сказала мне: живи!
Ты знаешь, я понял однажды,
Что я не был никогда отважным.
И каждый раз я ждал новой беды,
И хотя в тот день день прошел дважды,
Я все равно умирал от жажды,
Но ты дала мне то
что лучше самой чистой воды

«Ровно в тот момент, когда „Зоопарк“ вышел на сцену, мистическим образом произошел разрыв кабеля, — вспоминал в интервью для этой книги Андрей Макаревич. — Его починка заняла ровно столько времени, сколько Майк с музыкантами находились на сцене. Это трудно объяснить, но дела обстояли именно так».

По правде говоря, существует и другая версия этих событий. Объявлявший «Зоопарк» Александр Градский очень удивился, обернувшись к артистам и обнаружив совершенно пустую сцену. По воспоминаниям очевидцев, музыканты, встретившие за кулисами Лужников многочисленных старых друзей, в тот момент спали в гримерке, как убитые. И демонстрировать на видео их последующее «космическое» выступление организаторы

сочли нецелесообразным — исключительно из соображений гуманности и настоящего милосердия.

Науменко этой ситуации с юбилейным концертом не особенно удивился, и в каком-то смысле воспринял произошедшее, как должное.

> «Майк все время ждал от жизни какого-то подвоха, — замечал впоследствии Александр Донских. — И получая его, он как бы утверждался в собственной правоте».

Здесь уместным мне представляется воспоминание Бори Мазина об одном из ночных разговоров, происшедших у него с Мишей Науменко на питерской квартире Старцева.

«Майк признался, что очень устал от музыки и от своей группы, — говорил мне Мазин. — Красочная рок-н-ролльная жизнь, которую он рисовал себе раньше — „роллс-ройсы“, шампанское — превратилась в дешевые автобусы, вермут и пьяные морды братающихся гопников. Он теперь очень редко исполнял свою тонкую акустику, а пел темповые и веселые песни. Я так понимаю, что, когда три года пропоешь одну и ту же композицию много раз, то сильно устаешь. А новые песни не идут, и самому себе сложно в этом признаться. С 1987-го года Майку постоянно задавали вопрос: „Когда будет новый альбом?“ После этого он начинал рассказывать сказки, что они договорились с Тропилло, что его „кидают“, что они договорились с другой студией… Потом записали „Марию“, „Десять лет назад“ и „Иллюзии“, и этим фактом Науменко страшно гордился. Мол, вот он — фрагмент нового альбома! Но затем все вернулось на круги своя… И если те же Цой и Гребенщиков постоянно развивались и писали какие-то вещи, то у Майка по-прежнему не было ничего нового».

Фото: Наташа Васильева-Халл

В одной из бесед с Пашей Крусановым мы коснулись темы человеческого выгорания «позднего» Науменко. Крусанов, долгие годы плотно общавшийся с лидером «Зоопарка», выдал на этот счет целую теорию:

«Разочарование, постигшее Майка, отчасти было связано с тем, что долгое время он действительно хотел „просиять“. Науменко был не чужд рефлексии, и с какого-то момента начал задумываться — а насколько он действительно „звезда“? Майк сам себя сравнивал с тем, что появилось и пришло. Все-таки он был нежным и мягким человеком, а вся эта сценическая маска была явлением временным… И теперь его настигли внутренние сомнения. С одной стороны, время идет, а его мечта остается нереализованной… А с другой, когда он увидел, как вокруг все рушится, у него возникли сомнения в собственной безупречности».

Но тогда Майк еще крепился, стараясь не терять чувства юмора. Под Новый год, после возвращения Гребенщикова из тура по США, две рок-звезды выпивали в квартире по улице Софьи Перовской. Идеолог «Аквариума» степенно рассказывал о встречах с Дэвидом Боуи, Джорджем Харрисоном, о творческом союзе с Дэйвом Стюартом и Энни Леннокс из Eurythmics. В самый разгар монолога Майк неожиданно спросил: «Боб! Тебе, наверное, это все уже надоело?» И тут же предложил: «Если будет совсем худо, я всегда возьму тебя ритм-гитаристом в свою группу!»

Вскоре после этого заманчивого предложения американский альбом Гребенщикова Radio Silence попал в топ-200 журнала

Billboard. А «Зоопарк» отправился на гастроли в Казань, где его музыкантов только чудом не отметелили местные гопники.

Майк: провал на фестивале в Череповце, 1990
Фото: Александр Пигарев

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

«Майк целиком пал жертвой глубочайшего советского распиздяйства»

Борис Гребенщиков

В январе 1990 года мои друзья из журнала «КонтрКультУр'а» решили провести в Череповце всесоюзный фестиваль рок-акустики. Цель акции была простой — «собрать на родине Башлачёва в акустическом варианте всех рокеров, у которых осталось, появилось или „было-и-есть" что-либо за душой».

В занесенный коричневым снегом депрессивный Череповец со всей страны потянулись рок-барды, музыкальные группы и журналисты. В шесть утра к перрону железнодорожного вокзала подкатили два увешанных сосульками поезда: один из Ленинграда, другой — из Москвы. В них находились практически все участники фестиваля: от Ника Рок-н-Ролла, Сережи Рыженко и Юрия Наумова до Янки Дягилевой, «Чайфа» и Майка Науменко.

На улице стоял холод собачий — «минус тридцать, если диктор не врет». Оглашая окрестности отборным сленгом, «гости города» ввалились в стоявший на привокзальной площади «Икарус», забив его, как селедки — консервную банку.

Последним в автобус втиснулся Майк. Судя по внешнему виду, в поезде он явно не спал, и никакие солнцезащитные очки не могли скрыть следов ночной активности. Стоя рядом с водителем, лидер «Зоопарка» с классовой ненавистью бойца рок-н-ролльного фронта громко проворчал: «Ух, сколько халявы понаехало!»

Фестиваль длился три дня и все это время Майк беспробудно пил. Однажды под вечер, когда сознание ненадолго вернулось к нему, из-за стены вдруг послышались звуки гитары и знакомые слова: «С кем и где ты провела эту ночь, моя сладкая N?» Науменко приоткрыл дверь соседнего номера, и, не здороваясь, «вставил» притихшим музыкантам: «Художника опошлить может каждый!» После чего подтянул на животе семейные трусы и отправился спать дальше.

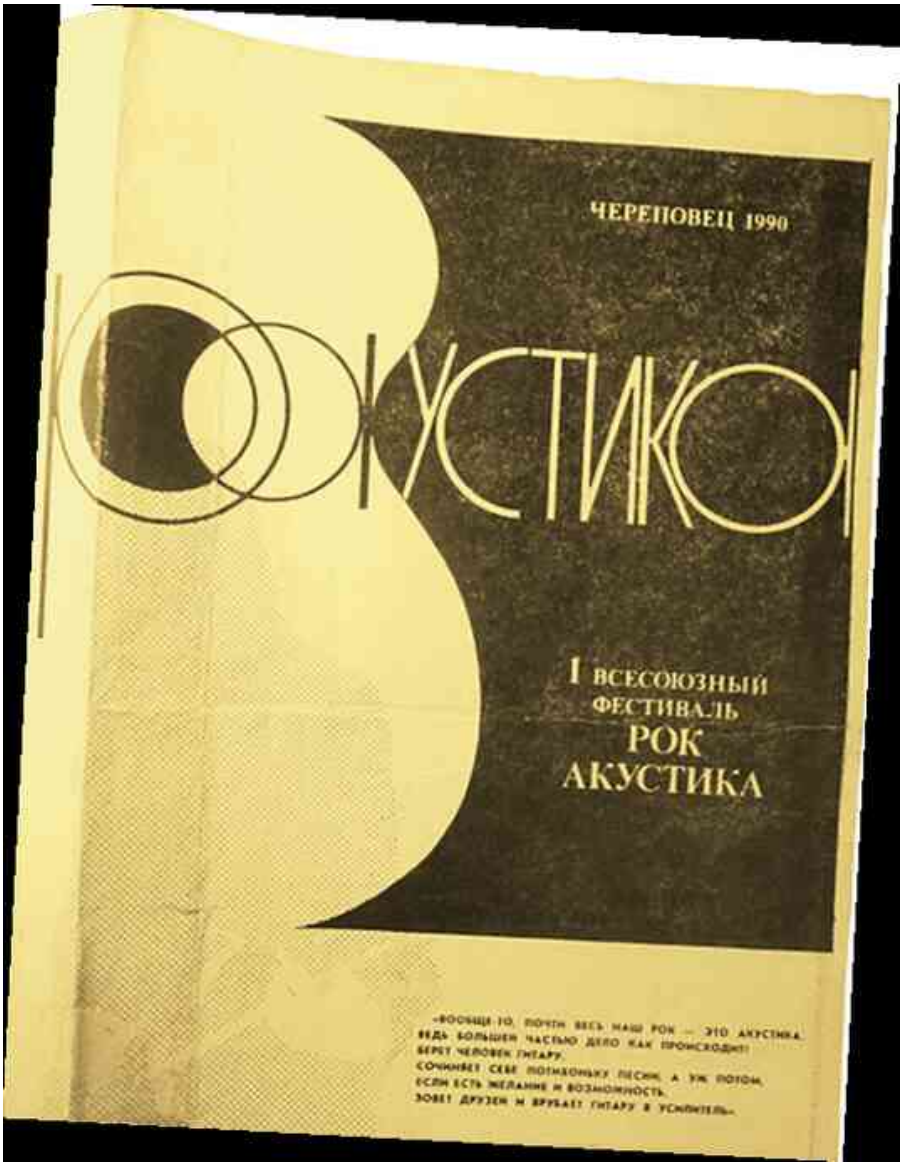
По мнению Александра Липницкого, подобное поведение было, скажем так, не совсем случайным. В жизни Майка началась черная полоса, и, похоже, таким образом он убивал внутренние страхи.

«Однажды я подарил Майку пластинку „Звуков Му“, которую мы записали в Англии вместе с Брайаном Ино, — рассказывал Липницкий. — Там была именная дарственная надпись, но Майк с похмелья в каком-то городке этот диск продал. Похожая история была и с новой гитарой, купленной Науменко под конец жизни. Выпив однажды со мной, он заявил: „А ты не знаешь, кому ее можно выгодно продать? Я ее купил так дешево…“ Был тогда у Майка такой синдром нищего, он даже песню „Бедность“ на эту тему написал, и там все сказано».

В Череповце Майк должен был выступать последним, как заслуженный хедлайнер мероприятия. Но ничего путного из этой затеи не вышло. Я видел, как полуживой от алкогольных возлияний певец вышел на сцену с бутылкой водки в руке. Он упорно пытался вспомнить тексты, но ему это удавалось с трудом. Дружеская помощь клавишника Вовы Сигачева из «ДДТ» и Юры Спиридонова из «Бахыт-Компота» кардинально изменить ситуацию не смогла.

После фестиваля многие журналисты, выросшие на песнях «Зоопарка», пытались подать эту грустную историю максимально деликатно.

«Майку сильно наподлили, — писал на страницах „КонтрКультУр’ы“ Костя Уваров. — Во-первых, гитару дали только на мониторы, и он рубился, мягко говоря, без музыки. Во-вторых, с ним на сцену вышли музыканты, которые ему скорее мешали… И в-третьих, он выступал последним, когда все уже были пьяными».


ЧЕРЕПОВЕЦ 1990
АКУСТИКО
I ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
РОК АКУСТИКА
«ВООБЩЕ-ТО, ПОЧТИ ВЕСЬ НАШ РОК — ЭТО АКУСТИКА.
ВЕДЬ БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ ДЕЛО КАК ПРОИСХОДИТ:
БЕРЕТ ЧЕЛОВЕК ГИТАРУ,
СОЧИНЯЕТ СЕБЕ ПОТИХОНЬКУ ПЕСНЮ, А УЖ ПОТОМ,
ЕСЛИ ЕСТЬ ЖЕЛАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТЬ,
ЗОВЕТ ДРУЗЕЙ И ВРУБАЕТ ГИТАРУ В УСИЛИТЕЛЬ»

Ну, пусть будет так. Тем более что на следующий день Науменко устроил роскошный акустический концерт в полупустой гостинице, исполнив в комнате у зеленоградского промоутера Леши Коблова целую россыпь песен, которых никто из присутствующих не слышал. Это выступление произошло стихийно, и на пленку, к сожалению, записано не было.

Еще хочу поклониться в пояс культуртрегеру Наташе Шарымовой, которая организовала Майку в Питере видеозапись его акустических хитов в формате квартирника и сумела сохранить ее для истории. В этот импровизированный концерт вошли, в частности, «классическая» версия «Уездного города N» и

неожиданно спетая в финале песня Алёши Димитриевича «Я милого узнаю по походке».

Александр Старцев (в очках) и Майк Науменко: в центре циклона

Фото из архива Натальи Науменко

Любопытно, что за несколько месяцев до череповецкого

фестиваля друзьям Майка стало казаться, что внутренний кризис у артиста наконец-то миновал. Зимой 1989-90 годов Науменко со Старцевым совершили небольшой вояж «на юга» — в Ростов и Таганрог. Вот как вспоминал впоследствии эти «солнечные дни» редактор журнала «Рокси»:

> «Так вышло, что мы вместе с Майком оказались в Ростове-на-Дону: я с лекциями, а он — с концертами. Это 1989 год, и гастрольный опыт у Майка был уже колоссальный. Когда за ним заехали за пятнадцать минут до начала концерта, притом, что он не видел ни зала, ни аппарата, он просто отказался играть. И не играл. А на следующий день сыграл два концерта вместо одного и посадил голос. Но приехали за ним вовремя».

После выступления у Майка случилось несколько интервью — в частности, самиздатовскому журналу «Ура! Бум-Бум!». Спустя тридцать лет, по моей просьбе редактор Галина Пилипенко откопала у себя в архивах старенькую кассету с этой беседой. Интересно, что при прослушивании, кроме опубликованных фрагментов, нашлось еще одно забавное откровение от Майка, не вошедшее в печатную версию.

Галя зацепила расслабленного Науменко простым вопросом: а почему в Ростове пластинки «Белая полоса» продаются в отделе «Уцененные товары»? Не ожидавший такого подвоха Майк смущенно пробормотал: «В фирме „Мелодия“ работают сплошные дураки… Дурак на дураке и дураком погоняет».

Через несколько месяцев Науменко сделал важное дело, на собственном примере показав, как должна работать идеальная фирма грамзаписи. Даже если она состоит всего из одной группы и одного артиста.

Итак, после «триумфа» в Череповце Майку удалось затащить в Ленинград своего приятеля и единомышленника, владивостокского рок-барда Сашу «Дёму» Дёмина. Они подружились еще во время первых гастролей «Зоопарка» на Дальнем Востоке. Тогда, в заброшенном военном бункере, они целую ночь исполняли песни из репертуара Боба Дилана. Вокруг сидели музыканты, журналисты, друзья и просто тусовщики, но никто не догадался нажать на диктофоне кнопку REC. Сложно даже представить, какой кайфовый бутлег мог бы тогда получиться. Но, как говорится, не сложилось…

Парк культуры

"ЗАТКНИСЬ И ТАНЦУЙ" АЛЕКСАНДРА ДЕМИНА

Альбом владивостокского рок-пилигрима и питерской группы "Зоопарк" вышел в свет только через 12 лет со дня его записи в Питере

Сергей СИМ

Александр Демин редко жалует публику своими сольными выступлениями. Его никак нельзя назвать продуктивным музыкантом, его опусы - аутсайдеры в плей-листах большинства местных радиостанций. Последний полноценный альбом Демина вышел аж в 1989 году. Поэтому появления компакт-кассеты с альбомом "Заткнись и танцуй" ожидали многие. К тому же записан он был при участии легендарной питерской группы "Зоопарк".

Шесть номеров альбома (материал 1986-1989 годов) писались в Ленинграде, в ночь на 26 января 1990 года. Майк Науменко, который на тот момент должен был быть саунд-продюсером альбома, из-за травмы ноги так и не появился в студии, о чем, по воспоминаниям Александра Демина, очень жалел. Активную поддержку проекту оказал покойный Дэйв - Игорь Давыдов: именно он организовал и предоставил музыкантам студию звукозаписи. При всех доработках и последующих коррективах "Заткнись и танцуй" получился слишком питерским, с типичным сырым, почти гаражным звучанием "Зоопарка". Но авторский стиль и колорит остались неизменными.

Все композиции легки для восприятия и изобилуют традиционными для лирики Демина рефренами "подключайся к моей розетке" или "сыграй это погорячее". Запись отнюдь не смердит нафталином: в простейших аккордах лирика и отсутствие пафоса, сексуальность блюза и честная энергетика рок-н-ролла.

Можно с уверенностью говорить о том, что этот альбом - последний из могикан советского рока. Настоятельно рекомендуется для прослушивания в теплой дружеской обстановке. Не возбраняется употребление пива и нелых алкогольных напитков.

Александр Демин: будет вам и новый альбом!

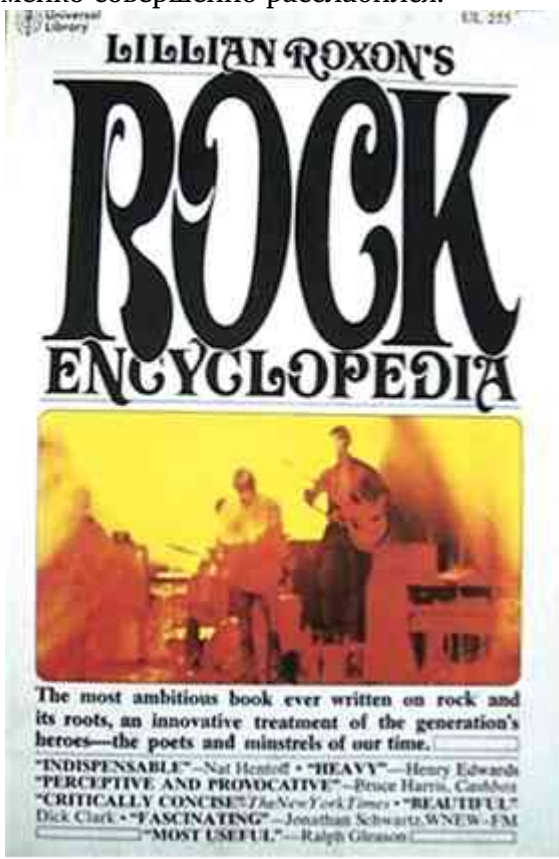
Спустя полтора года Миша Науменко, проникшись песней Дёмина с красноречивым названием «Майк, подари мне свой блюз», проявил чудеса менеджмента. Он самостоятельно организовал Дёме поездку в Питер, и «пробил» свободное время в студии «ДДТ». Затем договорился с музыкантами «Зоопарка», чтобы те подыграли Саше на этой сессии.

«Действие происходило так, — описывал процесс Валера Кирилов. — Дёма, напевая текст, наигрывал на акустике один квадрат — мы тут же подхватывали и играли до конца. По ходу запоминая темп и гармонию; затем обсуждали форму, количество квадратов, вступление и коду. Иногда предполагаемую к записи вещь проигрывали один-два раза „насквозь“, а потом с первого-второго дубля записывали и приступали к следующей».

Так фактически за одну ночь возник шикарный ритм-н-блюзовый альбом «Заткнись и танцуй», к сожалению, малоизвестный и недооцененный.

Жизнь тем временем шла своим чередом. К 1990 году на волне возникшего в Дании движения Next Stop Rock'n'Roll резко умножились международные контакты музыкантов. Группы из разных стран колесили с концертами по Европе, в том числе и по России. В результате новых знакомств Валера Кирилов неожиданно получил ангажемент от музыкантов из Копенгагена. Для барабанщика, всю жизнь исполнявшего рок-н-ролл за «железным занавесом», это был бесценный опыт. Поэтому он, не колеблясь, согласился и уехал играть в Данию.

Майк отнесся к ситуации с пониманием, сказав с усмешкой напоследок: «Смотри, не продавай Родину слишком дешево». Он старался в любой ситуации найти для себя позитив — например, без Кирилова ему больше не надо было корячиться и колесить с концертами по стране. Теперь Сева Грач не стоял у него над душой и Науменко совершенно расслабился.



Один из любимых рок-справочников Майка,1971

«Когда Грач был директором группы, они гастролировали довольно плотно, — замечает Олег Коврига. — Но нельзя сказать, что Майку это было по душе. Он совершенно не бился за свою

биографию».

> Все происходящее означало лишь одно: около полугода — с марта по август — такой группы, как «Зоопарк», в природе не существовало. Искать нового барабанщика Майку было лень, а ездить с концертами по далеким городам — тем более. Он незаметно сменил род деятельности и начал подрабатывать переводами, которые ему регулярно подбрасывала Таня Науменко. Словно искал запасной аэродром для отступления. С наименьшими моральными потерями, естественно.

«Помимо рок-музыки, существуют и другие вещи в моей жизни, — рассуждал тогда Майк в одном из интервью. — У меня есть жена, которую я люблю. Есть, о чем подумать, есть, чем заниматься, помимо группы „Зоопарк“, которую я тоже нежно люблю. Но моя жизнь не кончается на этом. Остается много другого, помимо рок-н-ролла. Есть еще многие вещи, которыми можно заняться в жизни».

Одной из таких вещей был, разумеется, алкоголь.

С каждым днем все больше и больше времени лидер «Зоопарка» стал уделять спиртному. С утра Майк шел, как правило, в один из пивных ларьков на Литейном «смачивать горло». Если предыдущий вечер был бурным, Науменко подтягивался туда к восьми утра, но «живительной влаги» брал немного — у него были стилистические претензии к качеству продукта. Зато в девять часов открывались «правильные» точки, где можно было затариться холодным и свежим пивом — теперь уже в «промышленных масштабах».

«Майк очень любил ходить в мебельный магазин на улице Марата, где был кондитерский отдел, — вспоминает Сергей Рыженко. — После Москвы меня в нем особенно поражали демократичные цены. К примеру, пиво продавалось там на разлив — но по минимальным расценкам, из которых еще и вычитались 12 копеек — стоимость посуды. Видимо, эта точка общественного питания предназначалась в основном для страждущих пролетариев, у которых утром, по дороге на работу, непременно „горели трубы“. Обязательным условием в этом святом месте являлось правило „покупки конфеток“ — как говорится, вместо закуски. И оттуда мы выходили уже совершенно белыми людьми, свежими и окрыленными».

Ближе к вечеру у Майка наступало время напитков покрепче — от «чпока» (водки с пепси-колой) до самогона, который Науменко приобретал у знакомых музыкантов по месту их проживания. Проблема приема пищи при таком плотном графике

уходила на второй план и принципиального значения не имела.

Показательным эпизодом того периода можно считать спонтанную поездку Майка вместе с Панкером и Наташей Науменко за город, к одному из дальних знакомых.

Слева направо: Александр Житинский, Майк, Владимир Рекшан

Фото из архива Владимира Рекшана

«Как-то летом мы взяли билеты и поехали в Великие Луки, — рассказывал мне Игорь „Панкер“ Гудков. — Вот там я на Майка страшно разозлился, поскольку понял, что он уже не справляется со своими желаниями. Когда мы с Наташей отправились на рыбалку, он вытащил из моей сумки и выпил всю водку, которую мы привезли. Потом стал рассказывать, что пойдет к цыганам, и купит новую. Стало понятно, что алкоголь у него встал в жизни на первое место. И я поехал к Фану советоваться — надо, мол, с Майком что-то делать. А Файнштейн жарит котлеты, поворачивается ко мне и говорит: „Панкер, ну вот вылечим мы его… А что дальше-то будет?“ И тут я сник и понял, что это — пиздец».

Однако пиздец, вопреки всякой логике, случился совершенно в другом месте. Ранним утром 15 августа на трассе под Ригой «Москвич» с ленинградскими номерами на полной скорости вылетел на встречную полосу и врезался в рейсовый автобус. За рулем автомобиля сидел Виктор Цой. Смерть наступила мгновенно.

Здесь необходимо заметить, что отношения между Науменко и Цоем в конце восьмидесятых не отличались особой теплотой. Последние совместные концерты они сыграли еще в 1986 году, а затем их пути-дороги разошлись.

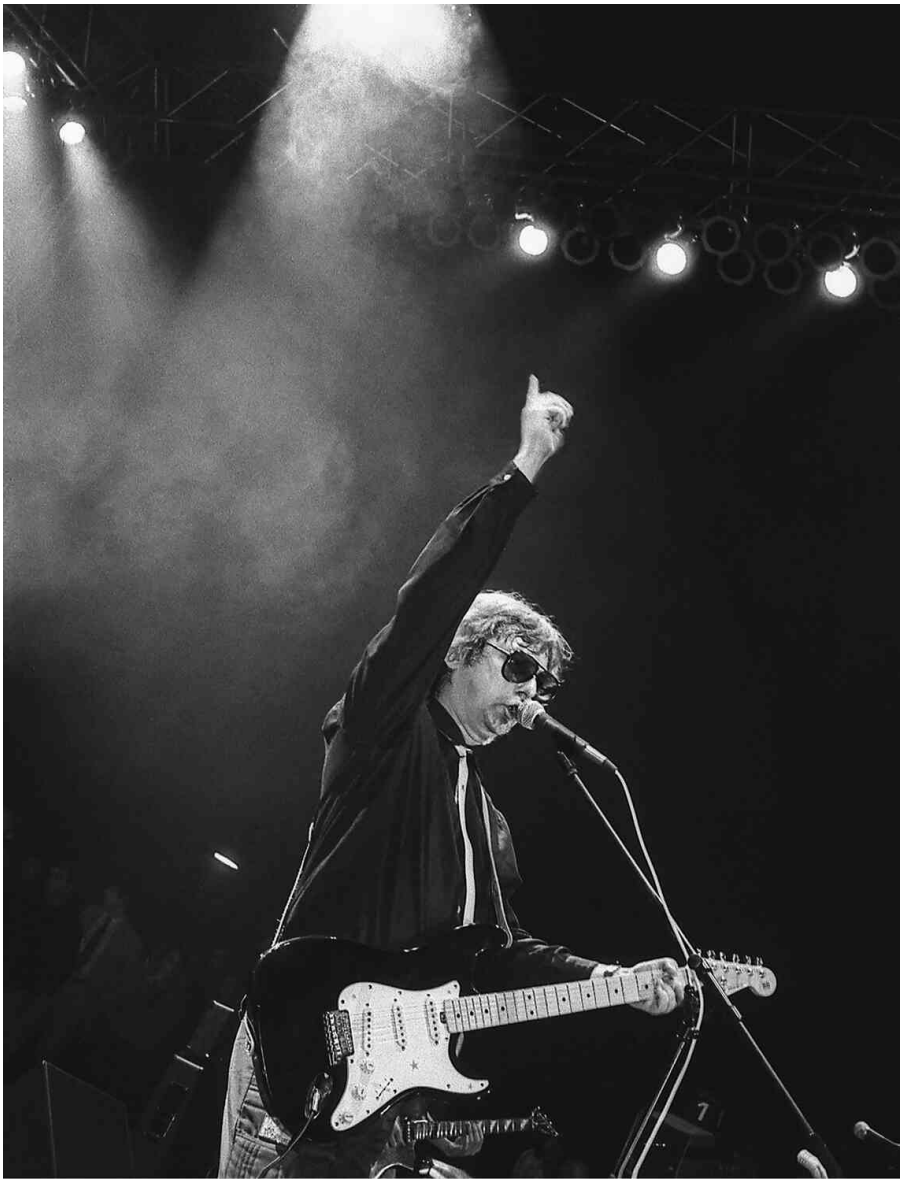
Музыканты «Кино» после выхода альбома «Группа крови» круто ушли в отрыв, выпуская пластинки в Америке и Франции. Как упоминалось выше, Цой стал настоящей кинозвездой, а новый директор «Кино» Юрий Айзеншпис быстро поднял группу на стадионный уровень. Не выдержав искушения славой, бывший купчинский резчик по дереву резко изменился. Он переехал жить в Москву, завел новых друзей, а к бывшим коллегам по ленинградскому рок-клубу стал относиться с плохо скрываемым сарказмом. Однажды Виктор Робертович выдал «гениальное» двустишие: «Травка зеленеет, солнышко блестит, около „Сайгона“ пьяный Майк лежит».

Возможно, шутка была не совсем удачной, но она разлетелась по Ленинграду со скоростью звука. Поэтому неудивительно, что, узнав о гибели Цоя, Науменко с нескрываемой злостью заявил: «Доигрался хуй на скрипке!» Эту фразу позднее мне несколько раз повторил Борис Мазин, и у меня нет оснований ему не верить.

Вскоре после этих печальных событий лидеру «Зоопарка» позвонил музыкальный журналист Александр Житинский. Они приятельствовали много лет, и Науменко не смог отказать в просьбе маститому литератору — написать несколько слов о Цое.

В итоге Майк написал правду — все то, что он думал и чувствовал по данному поводу.

> «Цой очень умело использовал людей. Он всегда знал, как заводить нужные знакомства, и был весьма холоден и расчетлив в отношениях. Мне не нравилось то, как он изменился в последние годы. Вероятно, это болезнь, которой переболели многие рок-музыканты. Деньги, девочки, стадионы — и ты начинаешь забывать старых приятелей, держишь нос вверх и мнишь себя суперкрутым. Что же, не он первый и не он последний».



Майк на концерте памяти Цоя в СКК, 1990
Фото: Андрей «Вилли» Усов

Естественно, после таких слов Майк долго размышлял, стоит ли ему принимать участие в большом сборном концерте памяти Цоя. К этому времени из датской командировки вернулся Кирилов, и «Зоопарк» в очередной раз воскрес из пепла. Музыканты провели всего две репетиции в домашних условиях, но выступили в СКК им. Ленина очень сильно. В интернете сохранилась запись концерта, на котором Майк неожиданно исполнил две новые композиции: «120 минут» и «Час Быка».

«Час Быка» — одна из самых страшных песен Майка, наравне с такими шедеврами, как «Выстрелы» и «Седьмое небо». Не покидает ощущение, что поэт словно предчувствовал свою смерть. Новую песню он представил такими словами: «Если вы следите за японским гороскопом, то весь наш 24-часовой цикл времени укладывается во время разных животных, как и по годам. И вот, есть такое очень неприятное время, где-то с четырех до шести утра. Эта песня — именно про это время».

….Сдуру приходят
липкие мысли…
Один мой друг умер
именно в это время.
Небо похоже
на блевотину Бога…
Я хотел бы знать,
о чем он думал.

Иногда так нужно
с кем-то поговорить,
Но кто станет с тобой
говорить в пять утра?
Иногда так важно
с кем-то поговорить,
Но кто будет говорить
с тобой в Час Быка?!

Сегодня над городом
подняли флаг.
Почему?.. Я написал
новую песню.
Сегодня вечером
в городе будет салют.
Почему сегодня я выжил
в Час Быка?!

Через несколько дней «Зоопарк» отправился на гастроли в Мурманск. В интернете есть видеозапись: полупустой зал, опять старые композиции и никаких «120 минут» и «Часа Быка». Как будто совсем недавно эти песни исполняли не они, а другая группа. Неудивительно, что особого энтузиазма ни на сцене, ни в зале не наблюдалось.

После концерта местное телевидение решило взять у гостей небольшое интервью. Майк тогда часто любил говорить о том, что

«музыканты дохнут, как мухи». Возможно, поэтому Валера Кирилов, грустно глядя в камеру, произнес: «Башлачёв… Цой… Кто следующий?» Но даже в самом страшном сне барабанщику «Зоопарка» не могло привидеться, что жить Майку оставалось меньше года.

Фото: Игорь Шапошников

СЛАБЫЙ ТИГР

«Очень давно Майк вместе с Цоем хором завидовали Марку Болану: „Какая прекрасная рок-н-роллльная смерть! Музыкант должен погибнуть молодым. И лучше всего — на сцене“. Глупые мальчишки! Они забыли, что люди, связавшие свою жизнь со Словом, должны с этим словом обращаться очень осторожно. Слишком часто поэты пророчат себе беду. Или знают судьбу…»

Наташа Науменко

В конце 1990 года Илью Куликова снова арестовали, причем на этот раз он попался на краже мяса с комбината. Басист «Зоопарка» вписался в эту авантюру от полной безысходности: у него рос маленький сын Родион, а полки продуктовых магазинов в тот год были угрожающе пусты. В итоге неловкого воришку взяли «с поличным» прямо на месте преступления — при переброске сумки с мясом через заводской забор. По сей день никто так и не понял, что это было: классическая «подстава» или неудачное стечение обстоятельств.

Майк отреагировал на произошедшее с мрачной иронией — мол, «в моей группе никогда не будут играть расхитители социалистической собственности». В итоге «Зоопарк», едва успевший дать осенью несколько концертов, в очередной раз развалился.

«В последнее время популярность „Зоопарка“ падает, — писал Саша Старцев в энциклопедии „Рок-музыка в СССР“. — Вызвано это, в первую очередь, отсутствием новых записей (последний альбом — 1984), а также тем, что новый материал уступает песням начала восьмидесятых годов».

И были в этом наблюдении редактора «Рокси» некая сермяжная правда и мистическая закономерность. Целых десять лет Михаил Науменко склеивал из осколков разбитую чашку, искренне пытаясь выдать ее за новую. А в итоге основательно растратил здоровье, подхватил вирус лени и потерял интерес к занятиям музыкой. Возможно, в немалой степени на него подействовал пресловутый дух времени — начиная от атаки поп-

музыки на Дворцы спорта («Мираж», «Ласковый май», Женя Белоусов) и заканчивая общей нестабильностью в стране.

«Когда мы работали полуподпольно, были полные стадионы, — заявил Майк в одном из интервью. — А теперь наступило некоторое пресыщение. Вроде все можно и дышать стало легче, но интерес несколько упал».

И эту пессимистическую тенденцию не заметить было невозможно. Про изменение настроения у Майка и ухудшение его самочувствия существуют различные мнения. Кто-то из друзей видел причину в том, что немногим ранее Науменко крайне неудачно упал с велосипеда. Не без последствий, разумеется. Гоша Шапошников вспоминает, как его приятель Вова Синий («Братья по разуму») сдуру угостил Майка папироской «с наполнителем». В тот момент Науменко безмятежно раскачивался, сидя в кресле, но после затяжки его «повело». Он упал на спину, сильно ударившись затылком об пол — по одной из версий, именно с этого случая и начались все проблемы со здоровьем.

Панкер трактует ход событий тех лет по-своему:

«Майк был немножко похуистом. Помню, как он со смехом рассказывал, что с утра пошел чистить зубы и вдруг раз — лежит на полу. Падая, ударился лицом о раковину и разбил себе губы. А потом у него начала отниматься рука. И я понимаю, что это был микроинсульт, что он тогда с бодуна встал и пошел зубы чистить…»

Майк и Илья Куликов, 1990
Фото: Лина Курятникова (журнал «Штучка»)

Как бы там ни было, правая рука у Науменко функционировала теперь весьма условно. Он еще мог не без усилий держать сигарету, но брать аккорды на гитаре ему уже было сложно. В беседах со мной Сергей Рыженко вспоминал, что на фестивале в Череповце он обратил внимание на странные пятна на руках у Майка, похожие на синяки. На встревоженный вопрос боевого друга Науменко внезапно огрызнулся: «Да так, фигня какая-то… Что-то там с сосудами». И тактичный Рыженко моментально прекратил задавать вопросы, сохранив внутри тяжелое «ощущение грядущей беды».

Вот что рассказывает об этом периоде Андрей «Вилли» Усов:

> «Майк не особенно переживал по поводу своего здоровья. Он принимал все, как есть, и поэтому шел строго по наклонной. У меня есть его фотографии с перерывом в год: фестивальные снимки 87-го и 88-го годов. За это время он сильно располнел, и дальше процесс только развивался. Более или менее прилично он выглядел в 90-м, во время концерта памяти Цоя. Тогда Майк был при деле, даже в киносъемках участвовал. А в 91-м снова опух».

Вдобавок ко всему у Науменко стремительно начали портиться отношения в семье. Первым на это обратил внимание проницательный Андрей Тропилло:

«Дело было зимой 91-го на дне рождения у Севы Гаккеля. Он тогда подрабатывал сторожем и охранял большую квартиру-офис. По ночам она пустовала. Сева позвал много гостей, всюду на газетках лежали бутерброды с докторской колбасой, стояли портвейн и водка. Люди буйно веселились. Майк же быстро засобирался домой, но Наташка вдруг заупрямилась. Мне запомнилась такая сцена — на полу сидят гости, кто-то играет на гитаре… Майк говорит Наташе: „Пойдем!“, а она ему кричит: „Я не хочу! Давай останемся, у меня в бокале еще…“ Науменко ее подводит к двери, а она вцепилась в косяк пальцами и чуть не плачет. Он отрывал ее пальцы от косяка по одному, а она хваталась обратно, и Майк ее выволакивал. В этот момент мне стало понятно, что между ними что-то разладилось».

Несложно догадаться, что за десять лет Майк дал Наташе достаточно поводов, чтобы озвереть от такого «рок-н-ролльного» образа жизни. Долгое время она проявляла поистине ангельское терпение — и во времена безденежья и ментовского прессинга, и позже, в период «звездных» гастролей и затянувшегося алкогольного кризиса. От одних только бесчисленных гостей можно было сотню раз сойти с ума.

Наташа Науменко с сыном Женей
Фото из архива Наташи Науменко

«Однажды друзья предложили Майку улучшить жилищные условия, — рассказывал Александр Липницкий. — Тогда бы он и семью сохранил… Потому что, как может женщина, мать его ребенка, уважать мужа, которому дают возможность вырваться из протухшей коммуналки, а он — отказывается? Люди предлагали деньги, предлагали рассчитаться, когда сможет, но Майк и слышать ничего не хотел. И Наташа поняла, что это все „без мазы“. Что она всю жизнь на коммуналку убьет, наблюдая за

деградацией спивающегося и некогда любимого человека. Но сама при этом была как шелковая и замечательно к Майку относилась. Так же, как и к его друзьям — а мало кто из женщин мог вытерпеть всю эту „пьянь рок-н-ролльную“».

Фото: Дима Конрадт

В конце концов, Наташа не выдержала и поставила мужа перед свершившимся фактом. Она все решила. Точка. Она вместе с Женькой уезжает в Москву. Там ее ждет другая жизнь. Точка.

«Конечно, Майк — не ангел, и наша семейная жизнь — не красивая идиллия, — признавалась Наташа впоследствии. — Но плохого в ней было гораздо меньше, и забывается оно, к счастью, быстрее».

Майк не сразу и не до конца осознал, что в его семье

произошло. Представить свою, в меру безалаберную жизнь, без такого надежного тыла, как Наташа, он, естественно, не мог. Даже в самых безумных мыслях.

В начале 1991 года Михаил и Наталья решили пойти в гости к Галине Флорентьевне. Придя в квартиру на Варшавской, Майк сразу отправился в душ. А Наташа осталась со свекровью «один на один» и все ей откровенно рассказала. В это время 36-летний сын эпизодически орал из ванной в открытую форточку: «Мама, ты не думай, она хорошая! У нас все по-честному!»

Галина Флорентьевна все больше молчала. В глазах у нее застыли слезы. Домой бывшие супруги возвращались молча.

«Честно скажу, что я абсолютно не готов оценивать их поведение, — сказал Гребенщиков в интервью для книги. — Ну, конечно, Наташе с Майком было очень тяжело. Ему и в голову не приходило, что она требует какой-то там заботы и внимания».

В середине марта 1991 года в городе торжественно отмечали десятилетие ленинградского рок-клуба. Юбилейное действо продолжалось без малого неделю. В рамках праздника выступили практически все группы Ленинграда. Кроме «Зоопарка».

«По фестивальному сценарию „Зоопарк“ должен был подвести черту под серией концертов в Доме самодеятельного творчества на улице Рубинштейна, — писал критик Владимир Александров в газете Rock FUZZ. — Увы, элементарное рок-н-ролльное раздолбайство помешало этому… В „Юбилейном“ я подошел к Майку и посетовал, что „Зоопарк“ так и не выступил на фестивале. „Мы были готовы играть 14 марта, то есть сегодня, — ответил мне Науменко. — Но на нас наехали, мол, вы играете 13 марта, и наехали прямо утром, так что я не смог собрать свою группу, у каждого были свои дела…“ — „Что-то я не видел этого», — попытался возмутиться кто-то из „зоопарковцев“, стоявших рядом с нами. И тут Майка взорвало: „А ты вообще помалкивай! Дурак ты и ничего умного не скажешь!“»

Майк и Гребенщиков в «Юбилейном», март 1991
Фото: Дима Конрадт

«Что касается отмены выступления „Зоопарка“ на фестивале, то его не то, чтобы запретили, — поясняет Липницкий. — Просто группу списали со счетов из-за деградации и пьянства. Их забыли. И когда кто-то из музыкантов „Аквариума“ заметил Майка на этом фестивале, все тут же опомнились: „А как же без Майка?“ Сразу же договорились исполнить „Пригородный блюз“ вместе».

«Не волнуйся, все получится», — постарался приободрить Майка Гребенщиков за несколько секунд до выхода на сцену «Юбилейного». И оказался прав.

Никто не догадывался, что это было последнее выступление Майка перед зрителями родного города. Он предельно сконцентрировался, позабыл про инсульт, и даже не ронял гитару. Им двигали отчаяние и скрытая безысходность. Объявляя «Пригородный блюз», Науменко непривычно серьезным голосом посвятил эту песню «потерянному поколению восьмидесятых годов». «Потерянному? Как же…», — передразнил его БГ и начал играть.

> «Бесспорно, время триумфа для Майка было уже позади, — писала впоследствии местная пресса про это историческое действо. — И, тем не менее, в нем чувствовалась былая сила, он все еще был способен поднять в одном порыве многотысячный зал. Что он, собственно, и сделал своим яростно сыгранным „Пригородным блюзом“. Это была настоящая кульминация фестиваля».

Совместное выступление Майка и Бориса сохранилось на видео, которое, скажем так, обязательно к просмотру. Исполнение «Пригородного блюза» произошло 14 марта 1991 года, через полтора десятка лет после первых концертов «Вокально-инструментальной группировки имени Чака Берри». Время завершило полный цикл и, похоже, остановилось.

Прошел месяц, и 18 апреля старые друзья собрались в квартире на Боровой, чтобы отметить тридцать шестой день рождения Науменко. Гости обратили внимание, что в волосах у Майка появилась седина, правая рука так и не отошла от паралича, и вообще, «состояние его здоровья было проблематичным».

Позднее в одной из наших бесед Панкер заметил, что для Майка «уход Наташи был серьезнейшим ударом, это его и подорвало».

Спустя много лет я обсуждал это мероприятие с Гребенщиковым. В тот день Борис Борисович принес Майку душевный подарок — уютные домашние тапочки, чтобы ноги у рок-звезды были в тепле и комфорте. В ответ лидер «Зоопарка» увел приятеля на кухню и стал читать ему новые стихи.

«Это было очень тяжело, — с горечью вспоминал лидер „Аквариума“. — Майк был совсем больной, с трудом говорил и двигался. И у него были явные проблемы с восприятием мира. Когда он начал читать стихи, они оказались ну совсем никакими. Неуклюже романтические, после чтения которых он очень по-детски ждал похвалы».

«Я был на дне рождения Майка, — рассказывал Владимир Рекшан. — Мы по квартире шатаемся, заходим на кухню — а там Гребенщиков с Науменко беседуют, и Миша плачет. То ли жена бросила, то ли жизнь не удалась. Потом Майк говорит: „Ребята, давайте вам стихи почитаю, я сочинил!“, а ребята кричат: „Нет, Чака Берри давай!“ Вот это я и запомнил».

Через несколько дней Науменко неожиданно появился на рок-фестивале в городе Челябинске. Предполагалось, что он исполнит несколько песен в акустике, а в остальных композициях ему подыграет новая группа «Турецкий чай» — во главе с Ляпиным, Гаккелем и Титовым. Но ничего путного из этой затеи не вышло.

«Майк в те дни находился в сильнейшей депрессии, — вспоминал лидер челябинской группы „Резиновый дедушка“ Юрий Богатенков. — Он недавно расстался с женой и постоянно был под градусом. Все время говорил, что кушать не хочет, а хочет „просто умереть“».

В качестве гонорара лидер «Зоопарка» убедил организаторов

привезти ему из Владивостока Сашу Дёмина. Вместе с Сашей в Челябинск прилетел рок-поэт Кот Соломенный из группы «Третья стража», автор хита «Город туман (я пьян… от любви к тебе)». В их гостиничном номере Науменко провел трое суток, о которых впоследствии не смог вспомнить ровным счетом ничего.

Значительно позднее Кот не без гордости рассказывал, что по ночам Майк часто пел «Оду ванной комнате», а в последний день фестиваля уборщицы вынесли из их номера шестьдесят пустых бутылок. До белой горячки у вагантов дело тогда не дошло, но инопланетяне в окно пару-тройку раз заглядывали.

«В Челябинске Майк был главной приглашенной звездой, — поведал мне Кот Соломенный во время беседы в одном из клубов Владивостока. — И Науменко настоял на том, чтобы мы с Дёмой прилетели туда в качестве „специальных гостей“. Майк, приехав, поднялся к нам в номер, поставил на пол сумки с чекушками и больше оттуда не выходил. Правда, на третий день он уже почти не бухал. Лишь наливал в стакан на мизинец водки и доверху разбавлял водой. А челябинская вода из-под крана — это вообще отдельная история… Дёма с Майком ухохатывались — после местной ванной я был весь в красных пятнах. И пиво было таким же, когда его разбавляли этой ужасной водой».

По свидетельству очевидцев, в день своего выступления Науменко лежал в гримерке совершенно без сознания. В какой-то момент вбежал запыхавшийся организатор и заорал: «Быстро выходите на сцену, кто еще стоять может!» Общими усилиями Майк был поднят с пола, после чего проглотил стакан «Агдама», блеванул и пошел играть на неподключенной к усилителю электрогитаре. Сил у него хватило на какой-то англоязычный рок-стандарт и на композицию «Майк, подари мне свой блюз», исполненную в дуэте с Дёминым.

К этому времени интенсивность алкогольного угара в жизни лидера «Зоопарка» достигла совершенно печального уровня. Он крайне неуютно чувствовал себя «сухим» и всеми силами пытался свести количество «трезвых» часов к минимуму.

«В юности Майк перепробовал все наркотические средства, не требующие шприца и не обещающие слишком радикальных эффектов (этих он суеверно боялся): „банку“, „колеса“, „дурь“, — рассказывала в интервью для книги Таня Апраксина. — Позволял себе мечтать, вполне абстрактно, об амфетаминах. Но главным для него всегда был алкоголь. Он отдавал предпочтение рому, как он его называл — „твердому топливу“, но первое время у него было мало возможностей себя им обеспечивать. А уж когда все вокруг стали в этом помогать, тормозов просто не осталось. Казалось, что каждый раз он спешил как можно скорей уйти из

сознания. Удалиться».

Через несколько дней Науменко не без приключений вернулся в Ленинград и встретился с издателями виниловой пластинки «LV». Потом ненадолго зашел домой — спрятать гонорар в размере пяти тысяч рублей в одну из книг на полке. Говорят, что большая часть денег так и осталась лежать между страницами, и лишь спустя много лет была случайно обнаружена родственниками.

> «Миша был удивительно непрактичным и легкомысленным человеком, — с болью говорила Галина Флорентьевна. — Он не умел и не хотел экономить деньги.… Он жил сегодняшним днем и совершенно не заботился о будущем».

В один из вечеров в коммунальном коридоре на Боровой раздался телефонный звонок. На другом конце провода был Гоша Шапошников, приехавший в Питер погостить к родне. Услыхав непривычно хриплый голос Майка, он растерялся и обеспокоенно спросил: «Миша, ты в порядке? Как дела, как настроение?» Михаил Васильевич выдержал длинную паузу и каким-то чужим голосом произнес: «Да неважно, нормально все… Я сам во всем виноват».

И медленно повесил трубку.

Фото из архива Игоря «Иши» Петровского

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

«У меня нет ощущения того, что я высказался до конца. И желание, и потребность еще есть. Какой-то порох в пороховницах еще остался. Сейчас такое время, что петь можно о чем угодно. И многих это выбило из колеи… В последнее время песен пишется меньше. Я связываю это с переменами, которые вроде происходят, а вроде и не до конца. Смутное время, что и говорить»

Майк Науменко в интервью «Рокси», 1991

После отъезда жены с сыном в Москву Майк безуспешно пытался наладить быт в опустевшей комнате на Боровой. Друзья настойчиво убеждали его обратиться к врачам и пройти стационарное обследование, но все было тщетно — в тот период Науменко категорически отказывался от любых конструктивных инициатив. Затем Галине Флорентьевне удалось сделать невозможное, и она привезла сына в клинику имени Мечникова. Доктора осмотрели Майка, изучили результаты анализов и неожиданно заявили: «В данном случае мы бессильны. Мы этого не лечим». Что именно они имели в виду, можно было только догадываться.

«Летом 1991 года я долго уговаривала Майка переехать к нам жить, — вспоминала позднее Люда Петровская. — Но при этом было ясно: у человека есть свобода выбора. Я возила на Боровую готовую еду и его любимые болгарские баночки с фасолью. Вообще, в принципе, Майк был не гурман. Наверное, самый яркий не гурман в моей жизни. Поэтому домашние котлетки я отвозила обратно или раздавала соседям. А баночки с фасолью он ел с удовольствием. В это время я убирала ему квартиру, потому что он ждал Наташку. И хотел показать ей, что у него все хорошо».

Из последних стихотворений Майка становится понятно, что особенно трудно ему было пережить ночные часы, время тяжких мыслей и свинцовой бессонницы. Днем он бодрился и даже пытался «делать дела». Как-то раз Саша Старцев напомнил ему, что осенью 1981 года состоялся первый официальный концерт

«Зоопарка», и уже сейчас можно начинать подготовку к десятилетнему юбилею группы.

В тот период в Ленинграде стали появляться первые независимые радиостанции. На одной из них сооснователь «Аквариума» Джордж Гуницкий вел авторскую передачу и пригласил Майка на интервью для «Рокси-Аудио». Лидер «Зоопарка» был полон энтузиазма и бойко делился творческими планами.

Фото: Андрей «Вилли» Усов

«Мы хотели бы сделать один, два, четыре больших концерта и пригласить туда наши любимые группы, — не без чувства гордости сообщал Науменко. — От „Машины времени“ до „ДДТ“ — и все, что посередине. Я пока не знаю, кто сможет участвовать… Мы играли в подобных концертах у других команд. И я считаю, что, может быть, им было бы уместно поучаствовать и в нашем концерте, если это случится».

Подводя итоги десятилетия, Старцев взял у Науменко обстоятельное интервью для очередного номера «Рокси», который впоследствии не распространялся. Предполагаю, что это было одно из последних интервью Майка:

> «Мой вклад в рок 80-х? Себя хвалить неловко, но…. может быть, я одним из первых стал писать очень конкретные песни тем языком, которым мы общаемся друг с другом…. В песнях люди надеялись на узнавание и сопереживание. А может, находили там то, что они

знали, но не удосуживались выразить словами. Если говорить высоким стилем, то, вероятно, в этих песнях было отражено настроение времени».

Примерно в эти же дни после долгой паузы Майку позвонил Сева Грач. Странно, но Науменко обрадовался звонку и пригласил бывшего директора «Зоопарка» в гости.

«Мы поссорились перед этим, но я позвонил и затем заехал к нему, — рассказывал Грач. — А Майк тогда получил приличные деньги за альбом „LV“, который был издан на виниле, и бухал. Говорит: „От меня Наташка ушла“. Я отвечаю: „Ну, который раз уже“. А он говорит: „Нет, тут все серьезно. И с рукой вот беда“. А я ему: „Так надо не бухать, а идти в больницу“. А он был такой человек — ненавидел что-нибудь просить».

Без Грача концертов у Майка стало совсем немного. В начале лета 1991 года у «Зоопарка» состоялся выезд в Белоруссию, в небольшой городок под названием Светлогорск. Организацией мероприятия занимались случайные люди, поэтому неудивительно, что выступление получилось за гранью добра и зла. Да и группы на тот момент толком не было.

В итоге вместо Куликова Майк пригласил сыграть на басу старинного приятеля Наиля Кадырова из группы «Почта». И даже не поленился написать ему от руки ноты, которые музыкант так и не успел посмотреть. Понадеялся сыграть все партии импровизационным методом, поскольку многие песни знал еще со времен квартирников Майка с Цоем.

«Творчество Майка я долго не воспринимал, — утверждал Наиль спустя несколько лет. — Один раз меня сводили на концерт „Зоопарка“ — там был ужасный звук, никто не умел играть, в общем, бардак. А вскоре Майк начал приглашать меня играть в „Зоопарк“. Я несколько лет отказывался, но потом все-таки согласился».

Как выяснилось спустя несколько месяцев, выступление в Светлогорске оказалось последним концертом в истории «Зоопарка». Я планировал услышать рассказ об этом вояже от директора группы Люси Волковой, но разыскать ее не удалось. Зато нашел многочисленные упоминания об этом волшебном мероприятии в интернете.

«Я никогда не мог представить, что в наш маленький городок приедет Майк, — писал один из зрителей. — Концерт проходил на летней танцплощадке в парке. Народу было немного, человек сто — сто пятьдесят. Майк исполнил несколько забойных хитов, после чего начал играть классические рок-н-роллы. На все уговоры спеть „Уездный город N“ не поддался. В целом выглядел

он неважно, уставший и измученный».

И вот еще одно свидетельство: «Помню их концерт в Светлогорске. Жаль, не сохранилась запись. Наверное, это был их единственный англоязычный концерт».

Показательно, что старая гвардия «Зоопарка» ворошить подробности этой поездки не любит и от «английского репертуара» со страшной силой открещивается. Но с тем, что тур в Белоруссию представлял собой «полный треш», боевые приятели Майка охотно соглашаются.

Наиль Кадыров и Майк Науменко, 1984
Фото: Наташа Васильева-Халл

В документальном фильме «Майк Науменко: все остальное — иллюзии» музыканты признаются, что концертная площадка напоминала загон для скота — покосившийся странный забор, пыль и так далее.

> «Как-то грустно все было, — будто извиняясь, вспоминал это „белорусское приключение“ Валера Кирилов. — Усталость была, стали сдавать мы сильно. Играть осточертело, надоело играть.… Весь вечер после концерта Майк оставался в гостинице один, с водкой и двумя банками американской тушенки. Все проглотил в одиночестве и быстро вырубился».

Говорят, что музыканты возвращались из этого круиза в гробовой тишине. Вместе с ними в плацкартном вагоне находилась не именитая рок-звезда, а, как пел когда-то Гребенщиков, «еще один упавший вниз». Сейчас это звучит жестоко, но положение дел было именно таким.

Спустя много лет я пытался выведать впечатления у Наиля Кадырова, с которым был неплохо знаком по его работе в «Трилистнике», Vermicelli Orchestra, «Дочь Монро и Кеннеди». Доверительные и многолетние отношения предполагали откровенное интервью, но Наиль Ахметович отказался говорить на диктофон. Судя по всему, веские основания для этого у него были. В конце концов, он сжалился и выдал «под запись» емкое признание: «Я до конца тебе правды не скажу… Но то, что большого оптимизма не ощущалось, это точно».

Тревожные ощущения тех дней подтвердил мне в телефонной беседе и гитарист Саша Храбунов:

«Нам уже тяжело было, что-то такое фиговое в воздухе витало… В Белоруссии была открытая площадка, но народу там собралось крайне мало. Короче, кое-как мы отыграли».

Вернувшись из Светлогорска в Питер, Майк начал метаться, испытывая потребность в элементарной человеческой поддержке. И нашел ее в несколько неожиданном месте. Не у старых друзей, не у соседа Саши Храбунова с его очаровательной женой Тасей, а дома у Валеры Кирилова. К которому вскоре и переехал жить — вместе с архивами и двумя гитарами.

Фото из архива Лены Иваницкой

Именно в этой трехкомнатной квартире на 9-й Советской улице — с антикварным диваном, старинным письменным столом и огромным камином — Майка обнаружил в июле 91-го года его казанский приятель Борис Мазин. Он специально приехал в

Ленинград и никак не мог разыскать своего любимого музыканта. Наташа уже жила в Москве, а знакомые отвечали уклончиво или просто пожимали плечами. И только от Старцева Борис получил «секретную» информацию, что у Науменко «начались новые времена и он залег на дно».

Не без труда дозвонившись до Кирилова, Мазин договорился с Майком о «тайной вечере». Затарившись несколькими «сабонисами», он нагрянул в конспиративную квартиру, находившуюся неподалеку от Московского вокзала. Дверь долго не открывали, хотя за стеной явно слышалось непонятное шуршание. Наконец «ворота в рай» отворились. Музыканты «Зоопарка» стояли перед Борисом навытяжку, с пионерскими салютами над головой и радостно улыбались. Смотрелись при этом они весьма потешно — рослый Кирилов и невысокий Майк…

Причина праздника стала ясна буквально через минуту. Оказывается, от Кирилова тоже ушла жена — по сути, в те же дни, что и от Науменко.

«Надо сказать, что Майк держался бодро, — отмечал Мазин. — Мы весь вечер пили водку и болтали обо всем на свете. Помню, как Науменко лениво поругивал пластинку The Doors, которая играла ненавязчивым фоном. Заодно поинтересовался, нет ли у меня кандидата на покупку альбома Моррисона. За разговорами ночь пролетела незаметно, а утром мы направились в ближайший гастроном, сдавать пустые бутылки».

Проводив Мазина в Казань, Майк немного воспрянул духом. Пытался заниматься переводом фантастического романа «Ближайший родственник» Эрика Рассела, который Тане Науменко заказало книжное издательство «Северо-Запад». Валера Кирилов вспоминал, как по ночам Майк писал стихи, а под утро сжигал их. Но кое-что удалось сохранить. Где-то завалялись черновики, а какие-то бумаги поэт забыл сжечь по рассеянности.

Параллельно у Науменко появилась мысль наконец-то выпустить сольный альбом. Это была «идея фикс», о реализации которой лидер «Зоопарка» настойчиво мечтал уже несколько лет. Вот, к примеру, фрагмент его раритетного интервью, датированного 1989 годом:

> «Мы собираемся записывать новую пластику, возможно, даже двойную. Это будет прямо ударный материал. Я бы сказал, жесткий ударный материал. Уже есть договоренность с музыкантами с мировым именем, но по известным причинам мы эти вещи пока не играем».

Со временем фантазии Майка на эту тему приобрели совсем уж космические масштабы. К примеру, за кулисами

«Юбилейного» на вопрос журналиста про новые песни лидер «Зоопарка» задиристо ответил: «Дайте мне студию, и я запишу три альбома!» И искренне в это верил.

До конца не понятно, какие именно композиции Майк планировал включить в новый диск, но, по воспоминаниям музыкантов, Науменко собирался записывать «Час Быка» и «120 минут», а также неотрепетированную песню «Меня никто не любит», которая исполнялась, в частности, на концертах в Светлогорске и Челябинске:

Вчера весь день смотрел
по телевизору дебаты
Меня не любят президенты,
меня не любят депутаты

Все повышают цены,
никто не понижает
Никто меня не любит,
все только обижают

Меня военкоматы
в солдаты забирают
Никто меня не любит,
все только обижают

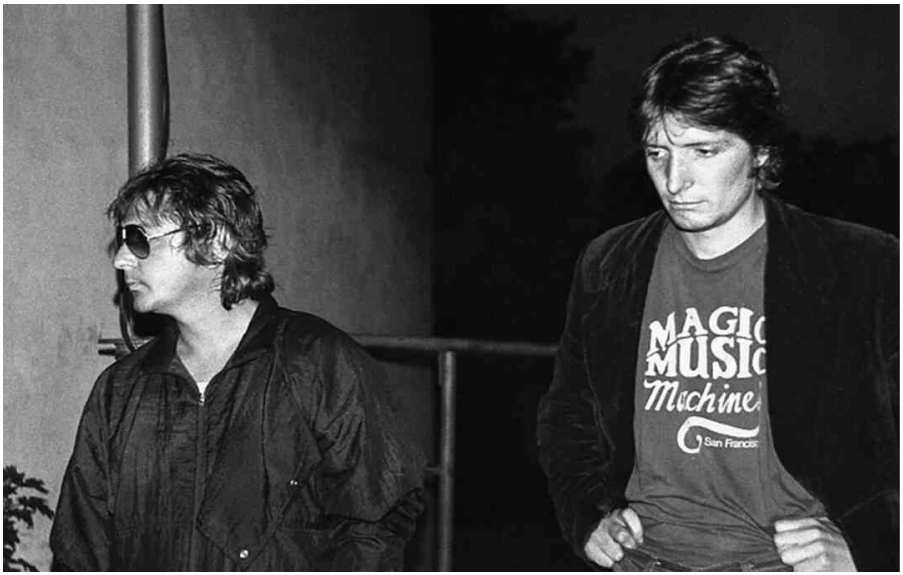
Каждый день у Майка начинался с разговоров о новом альбоме. Как-то раз он позвонил по телефону и торжественно пригласил поучаствовать в сессии Сашу Титова, с которым записывал «Белую полосу» и множество раз выступал на одной сцене. Но у басиста «Аквариума» случилось несчастье в семье, и он был вынужден отказаться. Зато верный Кирилов с радостью согласился продюсировать процесс — по настойчивой просьбе Майка. Правда, в беседе со мной Валера рассказывал, что даже не знал, кто на этом альбоме будет играть на барабанах. И это оказался весьма показательный момент.

Фото из архива ленинградского рок-клуба

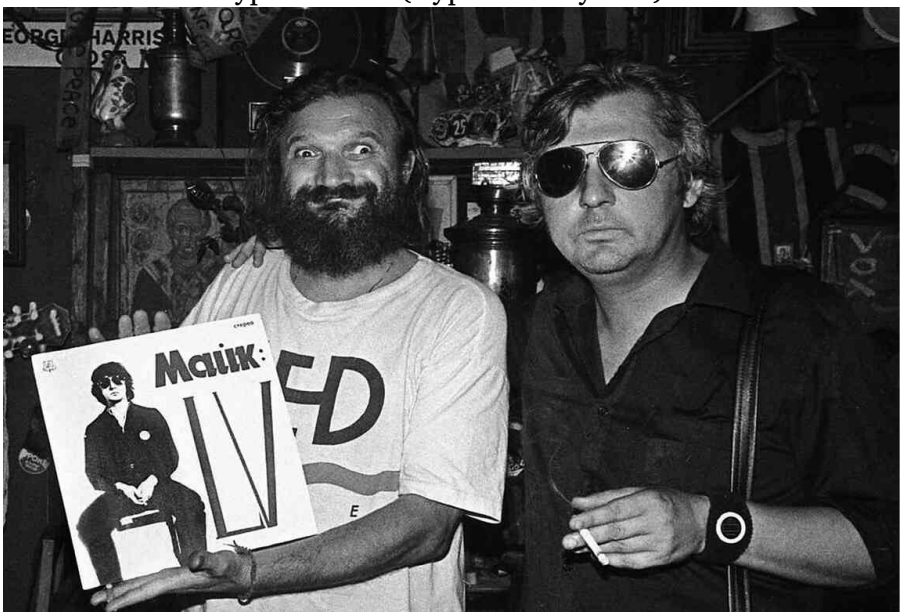
> «Майк был настоящий кремлевский музыкальный мечтатель, — утверждал впоследствии Храбунов. — Мол, хорошо бы что-нибудь сделать, но непонятно, как. Он был уже „очень не очень“, но мысли про альбом у него действительно существовали. Но лично я считаю, что они не имели под собой никакого основания. Дело в том, что Майк совершенно не представлял, как подобные вещи делать. Поэтому все это были только разговоры, создание видимости активной деятельности».

В действительности вокруг предстоящей сессии царили хаос и полная неопределенность. Однажды в гости к Кирилову заглянул Наиль Кадыров, и Майк сыграл ему новый рок-н-ролл под названием «Лимузин». Там были, в частности, такие слова: «И я положу бомбу под твой свадебный лимузин». Когда свежеиспеченный басист «Зоопарка» поинтересовался, кому именно посвящается песня, Науменко замялся и ответил, что это всего лишь шутка.

И грустно посмотрел в окно.



Майк и Кирилов
Фото: Лина Курятникова (журнал «Штучка»)



Коля Васин и Майк, лето 1991
Фото: Сергей Подгорков

ЧАСТЬ МИРА, КОТОРОГО НЕТ

«Как-то раз я сказал Борьке гениальную, на мой взгляд, фразу Фрэнка Заппы: „Тот человек, у которого есть что-то в голове, в Боге не нуждается“.

И я разделяю эту мысль»

Майк Науменко

В конце июля в Ленинград по личным делам приехал гжельский приятель Майка Юрий Гаранин. Общение с лидером «Зоопарка» произвело на него крайне тягостное впечатление.

«Я пришел к нему домой на Боровую, открываю дверь, а там незнакомая женщина, — вспоминал Гаранин. — Натальи уже не было, а Майк стоял в очереди за разливным пивом, недалеко от дома, в ларьке. Я туда пошел, мы взяли пиво. Руки у него дрожали. Сели на детской площадке, пили из банки. Я смотрю — у него правая рука не работает, сказал, что где-то простудился. Но я-то знаю эти вещи и намекнул, что у него в организме что-то не так. Почки, наверное. И если дальше так пойдут дела, то он умрет. А Майк вспылил, типа не мое дело. Говорит: „Да, умру, я знаю. Ну и хер с ним“. Он очень спокойно к этому относился. Вероятно, какой-то свой Рубикон человек перешел, и не было уже у него больше стимула жить».

«Для меня загадка, почему Майку расхотелось жить, — размышляла впоследствии Наташа Науменко. — Ему все стало скучно, он с трудом заставлял себя ездить на гастроли и играть. Вместо песен начали появляться какие-то странные стихи… Не думаю, что это был резкий перелом. Жизнь протекала плавно, ничего особенного не случалось… Знаете, проще написать психологический роман, чем коротко ответить».

Последний концерт на Боровой, 15.08.1991
Фото: Александр Липницкий

Про музыку в августе 1991 года Майк вспоминал все реже и реже. Мысли о сольном альбоме постепенно растаяли в воздухе. «Зоопарк» целиком и полностью прекратил свое существование. Произошло это как-то незаметно. Куликов уже полгода сидел в тюрьме, Кирилов подрабатывал экскурсоводом, Храбунов занимался установкой чугунных котлов, а Наиль Кадыров гнал по ночам самогон.

«Всем уже было очевидно, что наступили другие времена, — рассказывал мне Кирилов в 1996 году. — Они не то, чтобы пугали, они просто были другими. Сам воздух в стране поменялся, и было неизвестно, чем все закончится. Мне это очень не нравилось, я по натуре консерватор, и Майк тоже был консерватор. Мы чувствовали, что это не те перемены, которых мы хотели и ждали».

Теперь Науменко целыми днями сидел на кухне, безучастно глядя в окно. Ни о каких юбилейных концертах «Зоопарка» речь уже не шла — настроение у маэстро было гробовым.

> «Майка погубило то, что он жил, как живется, — полагал Коля Васин. — Это было его проповедью, его музыкой, его философией. И он пил, как пьется, ел, как ется и ничего не делал для того, чтобы спасти жизнь и поверить в Бога… Он не искал Бога, и это его погубило, на мой взгляд».

Говорят, что последний раз Майк взял в руки гитару 15 августа — в годовщину смерти Виктора Цоя. На кладбище не поехал, поскольку не любил подобных церемоний. Помянуть лидера группы «Кино» было решено в квартире на Боровой, куда прямо с Богословского кладбища прибыли Саша Старцев, Леша Рыбин и Александр Липницкий.

Вначале пили водку и слушали запись эфира на новом «Радио SNC». Там звучала архивная передача, где совсем еще юные Цой и Рыбин пели на квартире у Липницкого «Пригородный блюз». Майку эта версия очень понравилась. Затем по просьбе друзей Михаил Васильевич исполнил под гитару несколько песен, в том числе и «Сладкую N».

На съемках фильма «Буги-вуги каждый день»

Фото: Андрей «Вилли» Усов

«Я тогда попросил Майка спеть „Прощай, детка“, — вспоминал Храбунов. — Он хлебнул шампанского, слегка оживился и продолжил свое грустное выступление».

Я спел тебе все песни,
которые я знал,
И вот, пою последнюю,
про то, что кончен бал,
Про то, что одному быть
плохо,
Что лучше быть вдвоем,
Но я разбит и слаб, и я
мечтаю об одном.
О чем? Попробуй, угадай…

Фотографии с этого импровизированного концерта сохранились в архиве у Саши Липницкого, а вот аудиозапись — нет. Чувствуя, что из жизни уходит что-то важное, басист «Звуков Му» собирался снять эти поминки на видео, но не смог. Вернее — не посмел.

Примечательно, что на могилу Цоя не явился не только Майк, но и Гребенщиков. Надо прямо сказать, что в эти месяцы их отношения с Науменко стали до крайности сдержанными. Отчасти потому, что в последних интервью Майк начал уходить от прямых ответов на вопросы про «Аквариум». Однажды он не утерпел и зло пошутил на тему «всего лишь восьми тысяч» проданных пластинок Radio Silence. В сравнении с космическими тиражами «Белой полосы» эта цифра, видимо, казалась Майку очень смешной.

В свою очередь, Борис Борисович чувствовал себя в явном тупике, совершенно не представляя, чем можно помочь старому другу.

«Как-то раз ко мне пришли ребята, наверное, Шура Храбунов, еще кто-то, — рассказывал лидер „Аквариума“. — Сказали, что у них большие проблемы с Майком и попросили совета, что им делать дальше. В данном случае ответить мне было нечего. Поскольку единственный вариант, который здесь действует — это сдать человека в больницу. А значит — разорвать с ним связи на всю жизнь».

В середине августа Майк неожиданно вспомнил о существовании прелестной Оли Липовской, которую не видел более десяти лет. Своим звонком он застал бывшую супругу звукорежиссера Марата Айрапетяна врасплох. В тот момент Оля собиралась на конференцию по гендерным вопросам и опаздывала на самолет до Копенгагена.

Разговор получился скомканным и достаточно странным. «В нашей стране желательно погибнуть, чтобы стать окончательно популярным, — сопел в телефонную трубку Майк. — А пока ты жив, тебя почему-то не особенно ценят…»

На отчаянье в голосе Науменко Ольга не обратила внимания — наспех решили созвониться после возвращения в Питер. А когда через две недели Липовская вернулась домой, сын встретил ее в дверях с вопросом: «Мама, а ты в курсе, что Майк умер?»

И чемоданы выпали у нее из рук…

Пока Липовская тусила в Дании, в России грянул путч. На фоне всеобщего уныния и танков в телевизоре, «Аквариум», колесивший тогда по сибирской глубинке, устроил в городе Усть-Илимске настоящую «антигэкачепистскую» манифестацию.

«Мы предполагали снова уйти в подполье и искать другие формы жизни, — уверял Гребенщиков. — Собирались вести партизанскую войну всеми доступными нам методами».

Что делал в эти дни Майк Науменко, доподлинно неизвестно. На поверхность он вынырнул чуть позже, появившись на дне рождения у Коли Васина с пластинкой «LV» в руках.

«Утром 25 августа мы с ребятами, которые остались у меня ночевать, пошли в бар „Жигули“, — рассказывал впоследствии Васин. — И Майк пришел туда же. Выглядел он совсем неважно… Был отечен, руки тряслись. Попил пива умеренно и говорит: „Я выйду покурить“. И не вернулся. Мой дружок, который с ним выходил, сказал мне: „Майк просил передать, что ему худо, и он пойдет домой“. Больше я его и не видел».

Фото: Игорь Шапошников

У Леши Рыбина существует своя версия событий:

«В ночь перед смертью у Васина сильно пили. Майк был очень плох, с черным лицом… В таком состоянии упасть затылком на асфальт — легче легкого. Насколько я помню, у Науменко диагностировали перелом основания черепа — типичная алкогольная смерть, когда человек в глубоком опьянении падает на спину. Вряд ли его кто-то „повстречал“ во дворе. В последний год жизни он покупал выпивку у местных дилеров, его все знали и любили, он был свой человек. Майк сумел подняться, дошел до дома, грохнулся еще раз в коридоре и умер».

> «После того, как Майк и Наташа расстались, я предложила Мише переехать к нам, — вспоминала Галина Флорентьевна. — Он собирался это сделать, как только я вернусь из отпуска. Поэтому я и позвонила на Боровую 27 августа. К телефону подошел кто-то из соседей. „Майк спит“, — сообщили из телефонной трубки. А через какое-то время мне перезвонили со словами: „Вы знаете, Миша все еще спит и как-то странно храпит. Может быть, вам лучше приехать?“»

Фото из архива Сергея Чубраева

Когда мама вместе с Таней Науменко появились в квартире на Боровой, Майк уже не дышал. Потом откуда-то возникли санитары, долго искали простыню, и тело, завернутое в несвежее постельное белье, наконец увезли. После чего Храбунов с Кириловым прочно засели на кухне и начали методично уничтожать ящик вина, привезенный Тасей из Молдавии. Они

выпивали бутылку за бутылкой, но вино их не брало. Под утро разошлись трезвыми и охуевшими.

А в последний день лета в опустевшую комнату заглянула сестра Майка. Долго искала какие-то документы и случайно обнаружила на подоконнике несколько страниц машинописного текста из «Ближайшего родственника». Перевернув все вверх дном, она поняла, что вопреки клятвам и обещаниям, книгу Рассела ее брат так и не перевел до конца. В суете Татьяна не сразу заметила, что постер Марка Болана разорвался пополам и бесшумно упал со стены на пол.

СТРАННЫЕ ДНИ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

Прошло много лет. Как-то раз, в разгар работы над книгой, я разместил в соцсетях эмоциональный пост про Боба Дилана, мифологией которого сильно увлекался. В ответ посыпалось множество комментов, а один человек даже написал, что особенно любит альбом Дилана Desire. Выбор показался мне несколько странным, и я имел неосторожность втянуться в дискуссию. Выяснилось, что новый знакомый предпочитает этот альбом отчасти потому, что его подарил ему в 1988 году…. Майк Науменко. На катушке, естественно. Каков подарочек, а?

От неожиданности я подпрыгнул на стуле, предчувствуя крупную удачу. Мы продолжили активное общение в фейсбуке. Человека звали Борис Мазин, он работал директором крупного медиахолдинга и был родом из Казани. Смешно, но в столицу Татарстана я собирался ехать буквально через несколько дней. Мы созвонились, и началась жаркая переписка.

Вначале Борис прислал совместное фото с Майком — в квартире на Боровой. Это выглядело словно мираж. Потом выяснилось, что они дружили с 1984 по 1991 год, а последний раз виделись буквально за две недели до смерти Науменко.

Мазин рассказал, как он был меломаном, журналистом и диджеем, а также успел организовать Майку несколько концертов в Казани. Они много общались на почве музыки: постоянно обменивались магнитофонными записями и рок-прессой. Борис часто приезжал в Ленинград, и музыкант дарил ему свои волшебные переводы книг о Марке Болане.

На нашей встрече в Казани Мазин дал мне невероятное двухчасовое интервью — про «Зоопарк», ленинградский рок-клуб и самого Науменко. Мы сидели в лобби уютной гостиницы TatarInn и беспрерывно говорили, говорили, говорили. Вопросы Мазину задавали я и Сергей Гурьев, мой боевой друг, редактор и ангел-хранитель.

Это интервью было не похоже на сотни других. Борис рассказывал быстро и доверительно — что называется, без тормозов. Чувствовалось, что ему хочется сообщить о Майке нечто важное, о чем ленивое человечество по сей день так и не знает. И конкретно у меня после этой беседы восприятие лидера «Зоопарка» начало меняться. Было много ярких откровений, типа: «Науменко был лентяй и мечтатель, талантливый фантазер с низким КПД…. Обязательно отрази в своей книге, что Майк-1985

и Майк модели 1990 года — это два разных человека. И тут дело даже не в выпивке, а в его окружении».

В финале беседы Мазин подарил мне бесценный архив: редкие фото, несколько номеров «Рокси», машинописные переводы Майка и потрепанные выпуски Melody Maker из коллекции Науменко.

Майк и Борис после одного из квартирников. Казань, апрель 1985

Фото из архива Бориса Мазина

Сразу после окончания интервью я пригласил Бориса посидеть в жюри фестиваля «Индюшата» в Казани. Он вначале согласился, но потом отказался. Сказал, что «здоровье паршивое». Тогда-то и выяснилось, что Мазин тяжело болеет — онкология. Просил об этом никому не говорить — мол, официально у него старая травма позвоночника. И мотивы его действий мне стали понятны.

Вернувшись в Москву, я, затаив дыхание, начал рыться в его необыкновенных архивах. Сенсационные находки не заставили себя долго ждать. В одном из номеров «Рокси» мною было найдено объявление Майка про набор в рок-группу, которое я безуспешно и долго искал. Оно датировалось 1979 годом и было

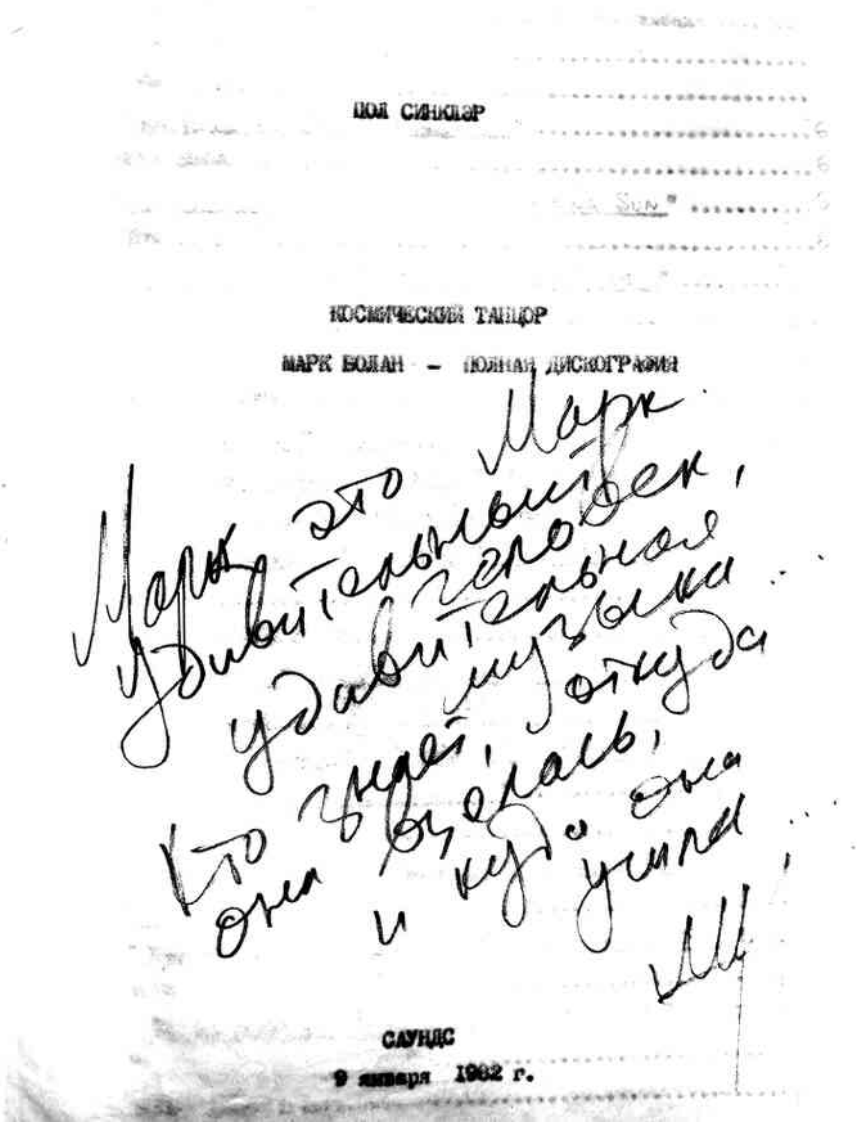
совершенно бесценным.

Также в подаренных трофеях присутствовало множество фотографий — выступление Майка в Казани и часть фотоархива «Рокси», уже давно считавшегося утерянным. Но особенно меня потрясла атмосферная фотка Майка с Гаккелем, Дюшей и Ливерпульцем, сделанная где-то на Лиговском проспекте.

Еще я привез из Казани подаренную Майком Боре виниловую пластинку «LV» 1991 года и первопресс Kick Out The Jams американской протопанк-группы MC5. Почему я про это упоминаю? Потому что уже тогда Мазин раздавал свою коллекцию, причем — вполне целенаправленно.

Потом мне начали приходить посылки — с кучей всевозможных синглов (от «Зоопарка» и «Аквариума» до сорокапяток Sweet и Pet Shop Boys), слегка порванные еженедельники и журналы 1972–1983 годов, подаренные ему Майком. Затем Борис прислал две переведенные Науменко книги: биографию Болана «Космический танцор» (с автографом лидера «Зоопарка»), а также толстенную энциклопедию «Рок-списки». За некоторыми из этих артефактов Борис ездил куда-то за город, в квартиру родителей.

Не поленился.


ПОЛ СИНКЛЭР

SUN

КОСМИЧЕСКИЙ ТАНЦОР

МАРК БОЛАН – ПОЛНАЯ ДИСКОГРАФИЯ

Марк это
удивительный человек,
удивительная
музыка.
Кто ещё, откуда
они взялись,
и куда они
уйдут...

САУНДС
9 января 1982 г.

Перевод книги про Марка Болана с автографом Майка, 1985

Таким причудливым образом у меня дома поселился архив Майка Науменко. В него входили редчайшие машинописные книги, диски, множество номеров Melody Maker, New Musical Express, Record Mirror, Cream Magazine и др. Передать сейчас собственные ощущения от этих сказочных приобретений крайне сложно.

«В ответку» я начал высылать Борису главы из книги. Мазин текст хвалил и, как мне казалось, искренне говорил, что «все

написано очень плотненько». Заодно признался, что у него имеются почти все мои книги — от «100 магнитоальбомов» и «Золотого подполья» до биографий Курёхина и Кормильцева.

Пользуясь случаем, я слезно попросил Бориса найти дома подаренные Майком магнитофонные катушки — от Вудстока до Эдди Кокрена. Но, как выяснилось, все эти богатства, увы, канули в Лету. В середине 90-х их — вместе с письмами Майка — выкинул на помойку отец Мазина, бывший военный летчик и конструктор. Как сказал Боря, «папочка» сделал это с целью расширения жизненного пространства. «Четырех комнат ему, по-видимому, было мало», — с грустью заметил он по телефону.

Затем мне пришла еще одна посылка — очередной толстенный перевод Майка про Болана, плейлист концерта в Казани 1985 года и письмо Саши Старцева — о ситуации в ленинградском рок-клубе. Когда я поблагодарил Бориса, он внезапно вспомнил последнюю встречу с Майком, когда, сидя на кухне у Кирилова, лидер «Зоопарка» на прощание сказал: «Ты меня здесь видишь в последний раз…. В следующем месяце я перееду жить к родителям».

Вообще получалось, что Мазин оказался чуть ли не главным архивариусом по Науменко. Я знаю, что несколько приятелей Майка на меня обидятся, но по моим тогдашним ощущениям это все выглядело именно так. Меня потрясло, как Мазин долго и горячо говорил на диктофон про «патент на правду» о Майке. Мол, раньше этим грешил Саша Старцев, а потом — друзья Майка и музыканты «Зоопарка». Что все они дружно делают из Науменко святого, и процесс стерилизации идет сейчас в полный рост. Слишком много мифологии и слишком мало «живого человека».

Короче, почти два месяца мы с Борисом чуть ли не ежедневно переписывались и делали интервью по телефону. Анализы в тот момент у него были очень плохие, и Мазин прекрасно понимал, что счет пошел на часы. Поэтому в один из вечеров тихим голосом попросил прислать книгу про Майка его родным. Он угасал прямо на глазах.

Последний наш разговор состоялся перед моей поездкой на дурной фестиваль в Витебск. Мазин был совсем плох и уже не помнил, как назывался альбом, записанный Майком перед «Уездным городом N». У него ехала крыша, но он продолжал переписываться с Наташей Науменко, и как-то сказал ей по телефону: «Жалко, что мы не познакомились с Кушниром на год раньше».

Через неделю, в понедельник 15 июля 2019 года, Наташа звонила мне несколько раз подряд. Как назло, телефон был занят какой-то рабочей херней, и она прислала мне краткое смс-

сообщение: «Мазин умер».

Идиотская мистика — это произошло в тот момент, когда я закончил писать главу «Штурм Казани» — про историю знакомства Майка и Бориса. Прочитать этот текст Мазину я так и не успел. Его памяти и посвящается эта книга.

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Стоя на перроне, я смотрю на вас.
Зеленый свет зажегся, красный свет погас.
Вот идет мой поезд, рельсами звеня.
Спасибо всем, кто выбрал время проводить меня.

Смотри, вот идет мой поезд,
Вот идет мой медленный поезд.
Смотри, вот идет мой поезд,
Ведь завтра меня здесь уже не будет.

Мне не нужны вопросы, вам не нужны ответы.
Мне не нужны признанья, вам не нужны мои советы.
Последний час настал, теперь уже все равно.
Спасибо вам за ласку, спасибо за вино.

Смотри, вот идет мой поезд,
Вот идет мой медленный поезд.
Смотри, вот идет мой поезд,
Ведь завтра меня здесь уже не будет.

Я сказал все, что хотел сказать, что я могу сказать еще?
Все, что я хочу, это чтобы всем было хорошо.
И кто-то плюнет мне в спину, и кто-то помашет рукой,
И кто-то назовет меня негодяем, но кто-то назовет «звездой».
Зовите меня, как вам угодно, я все равно останусь собой:
По знаку Зодиака Овном, по году рожденья Козой.

Но вот, вот идет мой поезд,
Вот идет мой медленный поезд.
Смотри, вот идет мой поезд,
Ведь завтра меня здесь уже не будет.

МАЙК НАУМЕНКО

Автор благодарит за помощь всех людей, причастных к изданию книги. Отдельное спасибо Михаилу Друченко, Сергею Гурьеву, Евгению Гапееву, Алексею Кокину, Алине Крочевой, Борису Мазину, Людмиле и Игорю Петровским за верность идее и надежный тыл.

Эксклюзивные интервью для книги дали:
Александр Агеев, Марат Айрапетян, Александр Александров, Татьяна Апраксина, Наташа Баранова, Андрей Барановский, Владислав Бачуров, Александр Бицкий, Юрий Богатенков, Надежда Брайтигам, Андрей Будберг, Леонид Бурлаков, Михаил Васильев, Николай Васин, Александр С. Волков, Сергей Волченко, Стас Воронин, Всеволод Гаккель, Евгений Гапеев, Юрий Гаранин, Всеволод Грач, Борис Гребенщиков, Игорь Гудков, Анатолий Гуницкий, Сергей Гурьев, Андрей Данилов, Татьяна Дёмина, Александр Донских, Аркадий Драгомощенко, Татьяна Ежова, Сергей Жариков, Анатолий «Родион» Заверняев, Евгений «Сдвиг» Звиденный, Елена Иваницкая, Владимир Иванов, Юрий Ильченко, Наиль Кадыров, Дмитрий Калашник, Кирилл Кальян, Анжела Каменцева, Петр Каменченко, Дмитрий Карасюк, Валерий Кирилов, Алексей Коблов, Олег Коврига, Владимир Козлов, Алексей Кокин, Пит Колупаев, Павел Краев, Павел Крусанов, Наталья Крусанова, Кирилл Кувырдин, Алексей Кузнецов, Лина Курятникова, Михаил Кучеренко, Владимир Леви, Александр Липницкий, Ольга Липовская, Борис Мазин, Андрей Макаревич, Андрей Макаров, Ольга Мартисова, Андрей Матвеев, Евгений Матусов, Николай Мейнерт, Игорь М. Микряков, Николай Михайлов, Константин Моисеев, Наташа Науменко, Юрий Наумов, Сергей Новопашин, Ирина Осадчая, Михаил Павин,

Алексей Певчев, Ольга Першина, Людмила Петровская, Игорь Петровский, Галина Пилипенко, Леонид Порохня, Константин Преображенский, Игорь Простаков, Владимир Рацкевич, Владимир Рекшан, Андрей Романов, Алексей Рыбин, Сергей Рыженко, Александр Самородницкий, Сергей Свешников, Кот Соломенный, Александр Теребенин, Сергей Тессюль, Александр Титов, Андрей Тропилло, Андрей «Вилли» Усов, Владимир Фейертаг, Алексей Филин, Александр Храбунов, Антон Чернин, Михаил Чернов, Сергей Чубраев, Игорь Шапошников, Ян Шенкман, Иосиф Штительман

Фотографии и архивные материалы:

Александр Агеев, Анатолий Азанов, Татьяна Апраксина, Всеволод Арашкевич, Александр Бицкий, Владимир Быстров, Наташа Васильева-Халл, Александр С. Волков, Стас Воронин, Алексей Вьюров, Евгений Гапеев, Юрий Гаранин, Борис Гребенщиков, Игорь «Панкер» Гудков, Сергей Гурьев, Андрей Данилов, Равиль Дианов, Александр Донских, Михаил Друченко, Александр Забрин, Владимир Иванов, Олег Коврига, Владимир Козлов, Пит Колупаев, Дима Конрадт, Алексей Кропоткин, Алексей Кузнецов, Елена Куликова, Лина Курятникова, Александр Кушнир, ленинградский рок-клуб, Александр Липницкий, Борис Мазин, Игорь М. Микряков, Константин Моисеев, Михаил Науменко, Наталья Науменко, Борис Нерода, Борис Переверзев, Людмила Петровская, Игорь «Иша» Петровский, Игорь Петрученко, Александр Пигарев, Сергей Подгорков, Игорь Простаков, Владимир Рекшан, журнал «Рокси», Сергей Рыженко, Александр Самородницкий, Вадим Суровцев, Александр Теребенин, Андрей Тропилло, Андрей «Вилли» Усов, журнал «Ухо», Леонид Фельдман, Олеся Фирулева, Лиля Чернова, Сергей Чубраев, Игорь Шапошников

Неоценимая помощь:

Дмитрий Абрамов, Амария, Юлия Балабанова, Андрей Балашов, Сергей Бобза, Денис Бояринов, Алес Валединский, Денис Веселов, Александр С. Волков, Евгений Гапеев, Юлия Гладкова, Денис Давыдов, пансионат «Конча-Заспа», Рома Либеров, Александр Петелин, Ирина Попович, Светлана Примакова, Серафима Сатонкина, Вячеслав Суриков, Игорь Турканов, Андрей «Вилли» Усов, Олеся Фирулева, Ян Шенкман

Выпускающие редакторы:
Сергей Гурьев, Лев Наумов
Литературный редактор:

Михаил Друченко

Дизайн и верстка:

Бэлла Боева

Ретушь фотографий:

Валерия Первушина, Кристина Скорьева

Координация процесса, эмоции, подмога, линейный менеджмент:

Александр Буров, Никита Василенко, Андрей Васянин, Александр Галин, Алекс Дубас, Я. Г. Дубенко, Яна Еркович, Даша Жукова, Ольга Калашникова, Дмитрий Карасюк, Михаил Козырев, Маша Кушнир, Екатерина Лагода, Михаил Лузин, Надя Масалыкина, Владимир Миклошич, Александр Мищенко, Инна Моисеева, Вадим Назаров, Екатерина Нечаева, Екатерина Писарева, арт-пространство «Рихтер», Елизавета Романюк, Валентин Савин, Сдвиг, Наташа Суханова-Йоч, Даша Тарасова, Александр Тихонов, Андрей Тищенко, Марина Томилина, Григорий и Инна Файнбург, Виталий Фролов, Игорь Цалер, Арина Чеканова, Мария Черепахина, Владимир Шевченко, Александр Юрасов, Вика Яковлева и все-все-все, кого забыл упомянуть

Расшифровки, шифровки и стенограммы:

Татьяна Буракова, Анна Брусенкова, Екатерина Пойменова, Мария Черепахина

Фото: Дима Конрадт

Днем у тебя есть всё –
Всё, ради чего стоит жить:
Дело, друзья, иногда даже деньги

И вино, и с кем его пить,

Ведь ты — звезда рок-н-ролла
(По крайней мере, так говорят)
И мальчики в грязном и душном кафе
Счастливы встретить твой взгляд
И пожать твою руку.

Но ночью…
Ночью ты опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
Что сможешь ты отдать за то, чтоб заснуть?
Что сможешь ты отдать, чтоб себя обмануть?
Эй, звезда рок-н-ролла!

Но новый день принесет покой
И вечером будет игра.
Новый день, все те же старые лица –
Как вся эта игра стара!

Но ты — звезда рок-н-ролла,
И вот ты включил аппарат…
И ты снова поешь все тот же старый блюз –
Ты играешь, ты счастлив, ты рад.

Но ночью… Ночью ты опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
И ты не помнишь, как звать ту, что спит рядом.
Не помнишь — и ладно, да и помнить не надо –
Ты — звезда рок-н-ролла!

Но кто тебя слышит? Десяток людей.
Кто тебя знает? Никто.
Им плевать на то, что ты им отдаешь –
Им важней успеть забрать пальто
Когда ты кончишь петь.

И ночью ты будешь опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
Попробуй заснуть, но никак не спится.
Эй, звезда рок-н-ролла!
И если завтра проснешься — попробуй влюбиться,
Как звезда рок-н-ролла!